

Крым в истории, культуре
и экономике России

Неизвестные страницы
археологии Крыма:
от неандертальцев
до генуэзцев

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 902
ББК 63.4
Н45

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований по проекту №15-31-10162,
не подлежит продаже

Рецензенты:

д. и. н. С. А. Васильев (ИИМК РАН)
д. и. н. И. Л. Тихонов (СПбГУ)

Н45 **Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев** : коллективная монография / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. — СПб.: Нестор-История, 2017. — 312 с.

ISBN 978-5-4469-1268-1

В коллективной монографии освещаются малоизвестные страницы истории археологического изучения Крыма. Книга состоит из 10 глав, посвященных памятникам разных эпох: от раннего палеолита до позднего средневековья. Авторы опирались прежде всего на архивы научных организаций и музеев, на рукописные и фотоматериалы, остававшиеся не востребованными и не учтенными в должной мере. Ряд архивных источников впервые вводится в научный оборот. Издание предназначено для археологов, историков и специалистов в смежных областях науки.

*В оформлении обложки использована картина Карло Боссоли
«Остатки большой генуэзской крепости в Судак» (1856 г.)*

ISBN 978-5-4469-1268-1

9 785446 912681

УДК 902
ББК 63.4

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание / Contents

Предисловие (Л. Б. Вишняцкий, В. Ю. Юрочкин) 4

Каменный век и эпоха раннего металла

Глава 1. Открытие палеолита в Крыму.
Разведки Мережковского (Л. Б. Вишняцкий) 6

Глава 2. Неопубликованная статья Г. А. Бонч-Осмоловского 1928 года:
«По поводу датировки грота Киик-Коба» (Н. И. Платонова) 19

Глава 3. Некоторые дополнения к характеристике индустрии
нижнего слоя Киик-Кобы (Л. Б. Вишняцкий) 34

Глава 4. Полтора века изучения бронзового века Крыма:
ответы и вопросы (Г. Н. Тощев, М. Т. Кашуба) 40

Античность

Глава 5. Курганный некрополь Пантикапея (Ю. А. Виноградов) 67

Глава 6. Дело о Львином кургане (В. А. Горончаровский) 111

Средневековье

Глава 7. Погребение «Марфовский клад»: история открытия
и исследований комплекса (Е. Г. Застрожнова, О. В. Шаров) 130

Глава 8. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской
археологии послевоенной эпохи (В. Ю. Юрочкин, В. В. Майко) 157

Глава 9. Неизвестные страницы археологического изучения
средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. (В. В. Майко) 232

Археологическая карта Крыма

Глава 10. Глава об археологических памятниках долины реки Качи
из неопубликованной работы Н. И. Репникова
«Материалы к археологической карте юго-западного
нагорья Крыма» (Н. А. Абрамова, А. В. Севастьянов) 272

Список сокращений 308

Сведения об авторах 310

Предисловие

Мало найдется на Земле мест, столь же богатых археологическими памятниками разных эпох, как Крым. Здесь есть всё: от пещерных стоянок раннего палеолита до крепостей и церквей позднего средневековья. Подернутые дымкой облаков горные перевалы с руинами храмов и укреплений, испещренные локулами искусственных пещер скальные обрывы, возвышающиеся над плодородными долинами, крепостные стены на фоне моря и курганы в бескрайней степи, скрывающие следы бытия народов прошлого,— всё это неотъемлемая часть крымского исторического пейзажа.

Античные географы считали, что здесь проходит незримая грань между Европой и Азией. Окруженный со всех сторон морскими просторами, крымский полуостров не раз становился объектом территориальных споров и политических распрей. Этот небольшой участок суши вобрал в себя весь колорит цивилизаций Востока и Запада. Здесь жили горцы-тавры, растили виноград эллины, кочевали победоносные скифы, обороняли рубежи Византии ее союзники — готы, торговали заморскими товарами генуэзцы, а крымские ханы наводили ужас на окрестные народы.

Для истории России, ее культуры и науки этот край особенно важен. Крещение князя Владимира в Херсонесе, блистательные победы над Османской империей, героизм защитников Севастополя — обо всем этом мы помним со школьной скамьи. Тесно связана с Крымом и история отечественной науки о древностях. Почти двести лет тому назад в окрестностях Севастополя и Керчи были обнаружены руины древних эллинских городов, богатые захоронения скифов, готские средневековые крепости. С тех пор полуостров стал местом постоянного паломничества археологов. Сегодня в музейных собраниях представлен богатейший археологический материал, накопленный за долгие годы исследований. За это время неоднократно менялись представления ученых об истории и материальной культуре народов, населявших Крым, рождались и отмирали гипотезы об их происхождении и роли в формировании сменявших их этнических и политических сообществ.

Чтобы понять логику развития археологической мысли, оценить объективные и субъективные факторы, оказывавшие на нее влияние, зачастую приходится обращаться к малоизвестным рукописным материалам, письмам, протоколам, дневникам. Археолог волей-неволей становится архивистом. И тогда перед исследователем открывается некий новый мир, отражающий процесс поиска, подчас драматический, характеризующий, зачастую с неожиданной стороны, личности ученых и причины формирования «хрестоматийных» концепций. Работая над книгой, мы опирались на архивы научных организаций и музеев, на рукописные и фотоматериалы, остававшиеся не востребованными и не учтенными в должной мере. Хочется надеяться, что в итоге нам удалось несколько приподнять завесу над некоторыми малоизвестными страницами истории археологического изучения Крыма.

Крым стал одним из первых регионов России, где были обнаружены памятники каменного века и в том числе палеолита. История этих открытий, связанных с именем К. С. Мережковского, рассматривается в открывающем книгу разделе, написанном Л. Б. Вишняцким. Уже после Гражданской войны, в 1920-е годы, изучение палеолита на полуострове продолжил Г. А. Бонч-Осмоловский. Главным результатом его работ явилось открытие и исследование стоянки неандертальцев в гроте Киик-Коба. Этому выдающемуся памятнику и его материалам посвящены разделы Н. И. Платоновой и Л. Б. Вишняцкого. Итоги полуторавекового исследования бронзового века в Крыму подводят Г. Н. Тощев и М. Т. Кашуба. Малоизвестным страницам изучения античных древностей Керченского полуострова посвящены разделы Ю. А. Виноградова и В. А. Горнчаровского. По-новому представлена история открытия и исследования так называемого «Марфовского клада» (близ Керчи) в исследовании Е. Г. Застрожной и О. В. Шарова. Начальному этапу раскопок средневековой Сугдеи, слабо освещенному в литературе, посвящен раздел, написанный В. В. Майко. Он раскрывает глубокие связи ленинградских ученых 1920-х гг. с Крымом, драматические судьбы участников экспедиции. В этой связи нельзя не вспомнить имя одного из подвижников археологии Н. И. Репникова, внесшего неоценимый вклад в крымскую археологию, в частности, благодаря составленной им археологической карте региона. К сожалению, она не была издана при жизни автора. Одну из глав его рукописи Н. А. Абрамова и А. В. Севастьянов публикуют в этой книге. Сложным вопросам этнической интерпретации материалов и связанным с этим сюжетам истории археологической науки в Крыму после Великой Отечественной войны посвящен раздел В. Ю. Юрочкина и В. В. Майко. Эпоху, когда историки помимо своей воли стали «бойцами идеологического фронта», характеризуют дискуссии, подчас далекие от сугубо научных. И хотя поиски славян на полуострове, начавшиеся на волне патриотического подъема, успехом не увенчались, благодаря им была создана первая в Крыму академическая организация археологического профиля.

Сейчас на полуострове начинается новый этап развития археологии. В структуре Российской академии наук создан Институт археологии Крыма, работает и еще ряд организаций, участвующих в сохранении археологического наследия региона. Благодаря реализации масштабных хозяйственных проектов, вызванных необходимостью обновления инфраструктуры, активно развивается ново-строечная археология. За последние годы в зонах строительства Крымского моста, газопроводов и автомобильных дорог открыты сотни новых памятников. Вероятно, придет время, и эта эпоха тоже станет объектом изучения историков археологической мысли.

КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА

Глава 1

Открытие палеолита в Крыму. Разведки Мережковского

Резюме. Раздел посвящен истории открытия в Крыму памятников каменного века, и, прежде всего, палеолита. Эта история целиком связана с именем К. С. Мережковского. Рассматривается вопрос о причинах, побудивших его взяться за поиски, характеризуются основ-

ные результаты предпринятых им разведок и раскопок, приводятся некоторые малоизвестные факты, проливающие свет на их подготовку, общий ход и итоги.

Ключевые слова: каменный век, палеолит, Крым, К. С. Мережковский, история археологии.

Преамбула

История изучения палеолита в Крыму ведет начало с осени 1879 г., когда 24-летний студент естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Константин Сергеевич Мережковский, только что вернувшийся на родину из Италии, предпринял целенаправленные разведки памятников каменного века в горной части полуострова. Эти разведки оказались весьма результативными: было открыто четыре пещерных стоянки, а в трех пунктах собран подъемный материал. Ободренный успехом, Мережковский продолжил свои поиски и раскопки летом следующего года, распространив их теперь и на степной Крым. В итоге к числу ранее открытых пещерных памятников каменного века добавилось пять новых, а количество местонахождений на поверхности пополнилось еще двумя. На этом, однако, исследования были прекращены, и первый этап истории изучения крымского каменного века завершился. Второй же начался очень нескоро, почти полвека спустя, в 20-е годы следующего столетия.

Предыстория

Вопрос о том, почему столь успешно начавшиеся исследования не получили дальнейшего развития, уже не раз обсуждался в археологической литературе (Формозов 1983: 57–70; 2011; Клейн 2014), тогда как вопрос о том, почему они вообще состоялись, даже не ставился. Что могло побудить молодого биолога, всецело, казалось бы, поглощенного изучением морских беспозвоночных и диатомовых водорослей (еще будучи студентом, он опубликовал несколько серьезных работ по этим темам), отвлечься от любимого занятия и приняться за поиски следов

каменного века? Вряд ли это произошло «ни с того ни с сего» (Клейн 2014: 677) или только потому, что «каменный век привлек его своим наглядным противоречием библейской истории» (Там же). К разведкам своим, начатым, как уже сказано, осенью 1879 г., Мережковский явно готовился загодя: следил за литературой по первобытной археологии, вступил (в феврале 1879 г.) в Географическое общество, собирал информацию о находках каменных орудий в Крыму и даже позаботился о том, чтобы оправдать длительный прогул занятий в университете.

Точно известно, что с 28 июня до 15 сентября 1879 г. он находился на Неаполитанской зоологической станции (Фокин 2006: 329), а значит, вряд ли мог прибыть в Крым раньше 20 сентября. Между тем, уже 21 сентября управляющий именем «Ливадия» (где, кстати, находился в это время, сопровождая императрицу, один из его начальников по Придворной конторе, тайный советник С. И. Мережковский — отец К. С. Мережковского) Н. П. Горбунов подписывает письмо на имя инспектора студентов Петербургского университета Н. В. Озерского, в котором сообщает, что студент 4-го курса К. С. Мережковский прибыл в Ливадию «для пользования южным климатом» (это из Неаполя-то!), но, «не получив надлежащего его болезни обеспечения для возвращения к исполнению своих занятий в университете, отозвался мне, что он просрочил в отпуску по болезни» (см. Золотоносов 2003: 61, прим. 15, там же ссылки на архивные источники). Прилагается и медицинская справка (а как же!) от состоявшего при имени «Ливадия» доктора, удостоверяющая, что пациент с конца августа страдал простудной лихорадкой и ревматизмом ног и еще не оправился от болезни, почему и не может вернуться в Петербург (Там же). К счастью, ни злой недуг, привезенный из холодного сырого Неаполя, ни совсем не жаркая в октябре (а по новому стилю это был уже октябрь) в горах Крыма погода не помешала начинающему археологу совершить то, что он задумал.

Но как возник сам замысел? Библейская история для убежденного атеиста, каким, несмотря на непродолжительное увлечение спиритуализмом, был всю свою сознательную жизнь К. Мережковский, вряд ли являлась сколько-нибудь серьезным интеллектуальным вызовом. Во всяком случае, ни в одной из своих археологических публикаций он о ней и не вспоминает. Скорее, интерес к первобытности, к эволюции человека и культуры был порожден самим духом времени, общей умственной атмосферой, распространившейся к концу XIX в. среди значительной части образованного общества. Студент-естественник столичного университета, наверняка следивший и за прессой, и за новейшей научной литературой на основных европейских языках, не мог не восхищаться открытиями Шлимана, о которых писали газеты, и не мог не слышать о первых находках следов каменного века в России — на севере, на юге (Гонцы), в Сибири (Иркутский госпиталь). Не мог он не знать, конечно, и об антропологической выставке, открывшейся в Москве, в манеже на Моховой, 3 апреля 1879 г. Среди развернутых там экспозиций был отдел каменного века с несколькими витринами палеолитических и неолитических орудий, а в геолого-палеонтологическом отделе среди прочих экспонатов демонстрировались «остатки диллювиальных животных», в том числе «модель» мамонта в натуральную величину. Выставка пользовалась успехом — за шесть месяцев работы ее посетило почти 90 000 человек — и, хотя доказать это невозможно, Мережковский до отъезда в Неаполь вполне мог там тоже побывать: осмотреть стенды с французскими и российскими находками каменных орудий, освоить с помощью этих наглядных пособий терминологию, использовавшуюся для их описания, пополнить свои познания в области геологии

и зоологии «диллювиальной» (т. е. ледниковой) эпохи. Все это очень пригодится ему буквально через полгода, когда в «шахте» (шурфе), выкопанной в первой же из обследованных им крымских пещер (Сюрень 1), будут найдены и каменные орудия, и залегающие вместе с ними кости животных.

Выбор именно Крыма в качестве площадки для археологических изысканий загадки не представляет. Во-первых, здесь имелаась надежная база. В течение десяти с лишним лет (с 1869 по 1880 г.) отец К. С. Мережковского по долгу службы едва ли не каждый год по несколько месяцев проводил в Ливадии, неподалеку от которой — по дороге к водопаду Учан-Су — приобрел довольно обширное имение. Во-вторых, в Крыму были пещеры, и еще какие! К концу 1870-х годов они стали модной темой. В записках путешественников (Марков 1872), заметках натуралистов (Марковников 1876) и в первых туристических путеводителях (Соколов 1869) некоторым из них уделялись многие страницы. Особой популярностью пользовались пещеры Чатырдага, прежде всего Бинбаш-Коба (Тысячеголовая) и Суук-Коба (Холодная), скрывавшие, по рассказам чуть ли не всех упоминавших их авторов, в своих недрах ужасные тайны. Бинбаш-коба прославилась тем, что полы ее были якобы просто усеяны человеческими черепами. Обычно фантазия рассказчиков (неизменно ссылающихся на услышанное от местных проводников) не идет дальше предположений, что черепа принадлежат либо татарам, убитым русскими, либо генуэзцам, убитым татарами, но есть одно крайне любопытное исключение. Во втором издании пользовавшегося большой популярностью путеводителя М. Сосногоровой о пещере Бинбаш-Коба говорится буквально следующее: «...здесь находили и иногда еще и теперь попадают¹ очень интересные черепа, напоминающие „неандертальский“ череп» (курсив мой. — Л. В.). И далее: «Есть черепа кавказской расы, монгольские и черепа с широким низким лбом, похожие на те, которые находят в курганах южной России и приписывают скифам» (Сосногорова 1874: 50). Разъяснять читающей публике тех лет, что такое неандертальский череп, уже, видимо, не требовалось. Если Мережковский просматривал сосногоровский путеводитель, что при его интересе к Крыму, с одной стороны, и очень еще скудном выборе краеведческой литературы, с другой, более чем вероятно, то выделенный мной курсивом пассаж не мог его не заинтриговать.

Скелетных остатков неандертальцев он в итоге не нашел (их открыл в Крыму в 1924 г., т. е. ровно полвека спустя после первого печатного намека на такую возможность, Г. А. Бонч-Осмоловский), но зато нашел несомненные следы их былого присутствия на полуострове. Правда, это случилось только в следующем, 1880 г., а в первый сезон находки были несколько моложе, хотя тоже очень древние.

¹ Интересно, что в четвертом издании этого путеводителя, вышедшем девять лет спустя, слова «и теперь еще попадают» отсутствуют (Караулов, Сосногорова 1883: 63–64). Не знакомство ли с напечатанным в 1880 г. в «Известиях ИРГО» первым отчетом Мережковского, побывавшего в Бинбаш-Кобе, но не упоминающего ни о каких черепках, тому причиной? А вот В. Г. Короленко отчетов Мережковского явно не читал, и потому ему ничто не мешало, вспоминая о времени, проведенном в Крыму в начале 1890-х годов, живописать груды лежавших на каменном полу Бинбаш-Кобы «человеческих черепов, в которых зияли черные впадины глаз» (рассказ «В Крыму»). Похоже, что писатель в данном случае просто пересказывает прочитанное в «Очерках Крыма» Е. Л. Маркова.

Разведки 1879 г.

Хотя точные сроки разведок, предпринятых осенью 1879 г., Мережковский не указывает, ясно, что они были не очень продолжительными. Проводил он их, видимо, за свой, весьма в ту пору скромный, счет, а точнее, за счет либо отцовских денег, либо денег, сэкономленных из 800 р., полученных еще весной от Министерства народного просвещения на поездку в Неаполь². Средства требовались, главным образом, для найма рабочих. О них Мережковский упоминает в отчете за 1879 г. дважды: первый раз, описывая свой выход из Кербека³ на Чатырдаг («рано утром, захвативши с собою 5 рабочих»), а второй — говоря о сборах подъемного материала у Кизил-Кобы («в какие-нибудь 4 дня с 3-мя рабочими я нашел около 1000 орудий»). Обойтись без наемных помощников он никак не мог. Общий объем земли, выбранной из заложенных в 10 пещерных полостях шурфов и зондов, составил, по самой скромной оценке, возможной на основании содержащихся в отчете отрывочных сведений о площади и глубине «шахт», не менее 60 куб. м, причем это наверняка был трудный грунт, насыщенный большим количеством обломочного материала. Так что расходы точно требовались, и немалые. Кроме тающих финансов беспокоили, наверно, и мысли о возможных неприятностях в университете, где давно полным ходом шли занятия. Наконец, если учесть еще, что во второй половине осени погода в горах Крыма бывает совсем не ласковой, то можно предположить, что начатые в начале октября поиски были прерваны не позже начала ноября, т. е. вряд ли продолжались дольше месяца.

За этот месяц было осмотрено в двух горных районах (рис. 1) не менее 11 пещер, гротов и навесов. В некоторых из них, например в Сюрени, Мережковский, как явствует из отчета, бывал и раньше («...отправился вниз по течению реки Бельбек и, руководимый отчасти воспоминаниями из прежнего моего пребывания в Крыму, вскоре наткнулся на две большие пещеры на правом берегу Бельбека» — Мережковский 1880 [1881]а: 109), о некоторых наверняка знал по литературе (Бинбаш-Коба), на какие-то наткнулся случайно, а о каких-то узнал от местных жителей и/или своих рабочих. Во всех осмотренных пещерах (кроме Кизил-Кобы с ее каменным дном) были поставлены шурфы или, по крайней мере, зонды, в четырех в результате обнаружены культурные слои каменного века (Сюрень 1 и 2, Качинский навес и непоименованная пещера «неподалеку от Бинбаш-Коба»⁴), а еще в трех сделаны находки, позволяющие предполагать (но не доказать) наличие таких слоев (Бинбаш-Коба, Сулу-Коба и непоименованная пещера «на некотором расстоянии от Сулу-Коба»).

Из памятников каменного века, открытых в 1879 г., по крайней мере два — Сюрень 1 и Качинский навес — дали палеолитические материалы. Однако выяснилось это лишь полвека спустя, после возобновления раскопок Сюрени 1 Г. А. Бонч-Осмоловским. Ни сам Мережковский, ни другие русские археологи от Уварова до Спицына об этом, похоже, не догадывались. Уваров, которому Мережковский отправил часть своих находок для ознакомления и показа на заседании

² Сведения об этом есть в его формулярном списке 1910 г., опубликованном М. Н. Золотоносовым (Золотоносов 2003: 82).

³ Ныне Изобильное.

⁴ Скорее всего, именно она в более поздней статье Мережковского фигурирует как Овечья (Мережковский 1881 [1887]б: 295). Это название есть и в описях тех его коллекций, которые попали в Кунсткамеру.

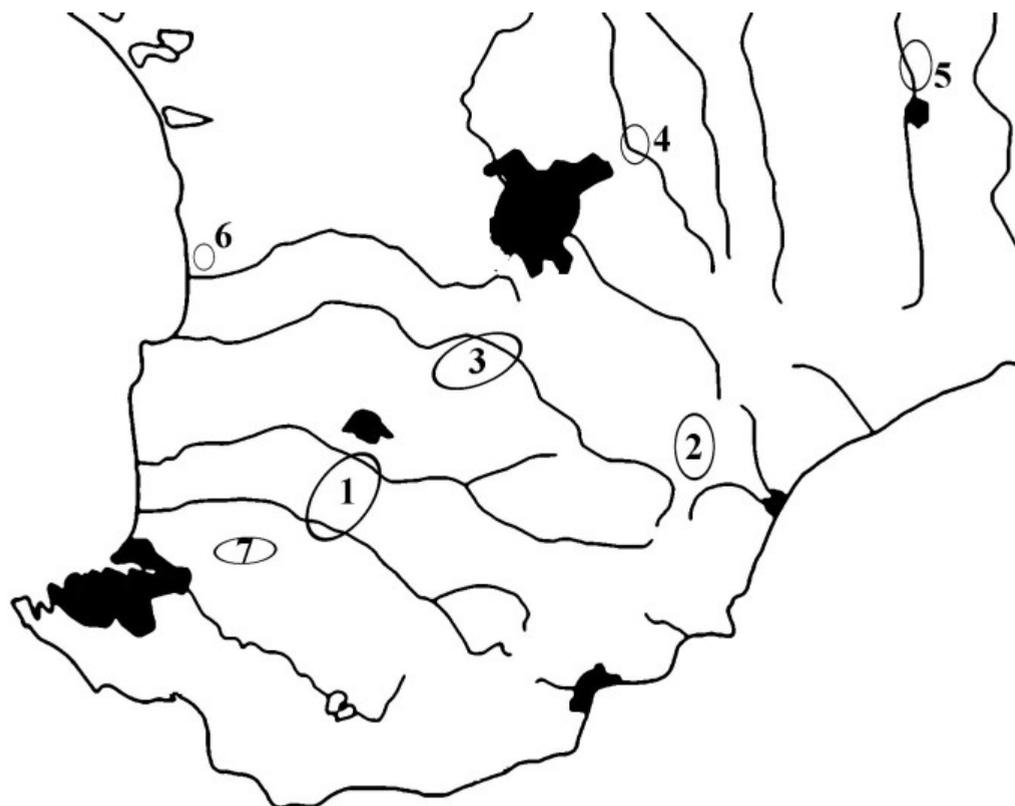

Рис. 1. Основные районы разведок и раскопок Мережковского в Крыму (в скобках указаны названия обнаруженных им памятников каменного века): 1 — среднее течение Бельбека и Качи (грот Сюрень 1, грот Сюрень 2, Качинский навес); 2 — Чатырдаг (пещера Бинбаш-Коба, непоименованная пещера недалеко от Бинбаш-Кобы) и Долгоруковская яйла (местонахождение Кизил-Коба); 3 — среднее течение Альмы и Бакла (пещера Храма, местонахождение Кабази); 4 — среднее течение Бештерека (Волчий грот); 5 — район Ак-Кай; 6 — устье Булганак (местонахождение Замрук); 7 — Эски-Кермен и Инкерман (две непоименованные пещеры в районе Черкес-Кермена)

Московского археологического общества, не сомневался, что все пещеры, исследованные в Крыму в 1879 г., «были обитаемы после палеолитической эпохи» (Уваров 1881: 218), и Спицын в свой обзор русского палеолита, написанный через 35 лет после уваровского (Спицын 1915), тоже ни одну из них не включил. Правда, Д. Н. Анучин в рецензии на книгу А. С. Уварова обмолвился, будто «следы палеолитической эпохи», по словам Мережковского, были найдены им в 9 из 43 обследованных за два сезона пещер (Анучин 1882: 396), но это, скорее всего, именно обмолвка, и на самом деле речь шла о следах каменного века в целом. Чуть выше в том же абзаце Анучин пишет о раскапывавшейся в 1880 г. пещере «между Карасубазаром⁵ и Симферополем» (т. е. о Волчьем гроте) как о единственном памятнике «палеолитической эпохи». К этим словам относится подстрочное примечание 1, где говорится: «Слышано лично от автора (т. е. Мережковского. — Л. В.), во время его бытности в Москве в прошлом году» (Там же).

⁵ Ныне Белогорск.

О том, что сам Мережковский относил все свои находки первого сезона к послепалеолитическому времени, ясно свидетельствует заключительный абзац первой части его отчета. «Как видно из фауны, которой питался человек каменного века в Крыму, — пишет он, — он жил здесь в аллювиальный период, когда уже более не существовало таких вымерших животных, каковы мамонт, носорог, пещерный медведь и другие» (Мережковский 1880 [1881]а: 121–122). Аллювиальный период на языке того времени — это послеледниковый период, голоцен. Что же касается человека диллювиального периода, «современника вымершей фауны», то его «следует, вероятно, искать в сталактитовых пещерах под толстой корой сталагмита. Найденные же мною остатки человека принадлежат уже к сравнительно более близкой к нам эпохе, хотя несомненно относятся к каменному веку, так как нигде не встречалось даже следов какого-нибудь металла». Что подразумевается под этой «более близкой к нам» эпохой? Понятно, что не палеолит, но также и не неолит, в существовании которого в Крыму Мережковский сомневался, поскольку главным признаком неолита считались шлифованные орудия, а он их не нашел⁶. Вероятно, речь о промежуточном между палеолитом и неолитом периоде, который сегодня обычно именуют мезолитом и выделяют, прежде всего, по геометрическим микролитам, столь характерным для Кизил-Кобы и многих других из исследованных в Крыму памятников.

Термин «палеолит» ни в цитированной выше работе, ни в отчете о разведках и раскопках следующего, 1880 г. (Мережковский 1881 [1887]а) не употребляется, что неудивительно, поскольку во время их написания он еще только начинал входить в обиход в русской научной литературе⁷. Его нет ни в вышедшей в 1872 г. заметке Черского о находках в Иркутске, ни в сделанных в 1874-м и опубликованных в 1878 г. докладах Каминского и Феофилактова о Гонцах. Правда, Каминский уже пишет о типах мустье и солютре, но, касаясь периодизации, все еще пользуется такими понятиями, как «эпоха мамонта» и «эпоха северного оленя». Из российских первооткрывателей палеолита раньше всех «освоили» этот термин, кажется, И. С. Поляков (Поляков 1880: 32 сл.) и А. С. Уваров (Уваров 1881: 23 сл.), а из тех ученых, кто внимательно наблюдал за открытиями коллег дома и за рубежом, — Д. Н. Анучин (Анучин 1879–1880: 1). Мережковский же впервые использует слово «палеолит» в статье о каменном веке Египта и Сирии (Мережковский 1881 [1887]б: 288 сл.), вышедшей, как и второй крымский отчет, в Известиях ИРГО за 1881 г., но не во втором, а в пятом выпуске.

Разведки и раскопки 1880 г.

Статью про каменный век Египта и Сирии Мережковский писал, судя по всему, в первой половине 1881 г., находясь в Париже. Там он стал членом местного Антропологического общества (*Société d'Anthropologie de Paris*) и мог общаться с французскими археологами, в том числе и с Г. де Мортилье. До Парижа он

⁶ «...мне нигде не удалось найти ни одного полированного орудия <...> Не указывает ли этот факт, спрашиваешь себя поневоле, на то, что в Крыму вовсе не существовало неолитического периода?» (Мережковский 1881 [1887]а: 115; см. также Мережковский 1881 [1887]б: 304, 311).

⁷ Книга Лёббока «Доисторические времена», где термины «палеолит» и «неолит» появились на свет и откуда могли быть позаимствованы, вышла на английском языке в 1865 г., а в русском переводе в 1876-м.

успел побывать в Берлине, где, помимо занятий антропологией у Р. Вирхова, ознакомился с музейными собраниями каменных изделий (Мережковский 1881 [1887]б: 294). Однако, прежде чем отправиться в свою вторую заграничную командировку, Мережковский, как и обещал в отчете за 1879 г., продолжил изыскания в Крыму. Приступил он к ним на этот раз намного раньше (видимо, в начале лета), длились они намного дольше (не менее трех месяцев), а число привлекаемых к раскопкам рабочих доходило до полутора десятков. Все это стало возможно благодаря финансовой поддержке Географического общества.

На заседании Совета ИРГО от 12 мая 1880 г. шестым пунктом повестки дня рассматривалось «письмо действительного члена К. С. Мережковского на имя секретаря Общества, от 10-го текущего мая, с изложением проекта предлагаемой им экспедиции для исследования каменного века в Крыму, а также для производства некоторых естественно-исторических наблюдений» (Журнал... 1881 [1887]б: 41). Был представлен подробный маршрут поездки и план работ. «Ходатайство действительного члена К. С. Мережковского поддержано постановлением Отделения Этнографии⁸, согласно указанию которого постановлено: ассигновать в распоряжение К. С. Мережковского на выполнение проектированной им экспедиции 600 рублей» (Там же). Изначально Мережковский запрашивал 1350 рублей, планируя работать три месяца (Журнал... 1881 [1887]а: 4), но и полученная сумма для того времени была немалой. Для сравнения: на том же заседании В. М. Малахову для поездки со сходными целями (исследование каменного века и зоогеографические наблюдения) на Урал постановили выделить 350 р., а сам Мережковский в конце 1880 г. получил от Министерства просвещения на годичную командировку в Западную Европу 2000 р. (см. Золотоносов 2003: 58).

Едва прибыв летом 1880 г. в Крым, Мережковский имел случай убедиться, что «здесь существуют настоящие диллювиальные образования» (Мережковский 1881 [1887]а: 105). К такому выводу он пришел, ознакомившись в Симферополе с коллекцией ископаемых костей, принадлежавшей доктору Н. А. Арендту⁹, и обнаружив в ней два зуба мамонта. Зубы были найдены при производстве земляных работ в центре города, в отложениях р. Салгир. С долины Салгира и начался новый сезон разведок, но шурф, заложенный в непоименованной пещере на берегу этой реки близ Симферополя, находок не дал. Совершив затем поездку в степную часть Крыма, «вплоть до станции Айбар¹⁰», и не обнаружив там «несмотря на многочисленные расспросы в деревнях... и на собственные поиски на вспаханных полях» никаких следов каменного века, Мережковский пришел к заключению (как мы теперь знаем, ошибочному), «что в степи человек каменной эпохи не жил» (Там же: 106–107).

Далее он, следуя совету Арендта, отправляется на р. Альму в район деревни Саблы¹¹, «где, по словам доктора, местность изобилует и пещерами, и кремнем». Ожидания частично оправдываются, пещер в бортах речной долины действительно оказалось много, но следы, причем довольно скудные, каменного

⁸ Л. Н. Майков.

⁹ Помимо медицины и палеонтологии, Арендт увлекался конструированием летательных безмоторных аппаратов и считается одним из пионеров отечественного воздухоплавания.

¹⁰ Ныне Войково.

¹¹ Ныне Партизанское.

века нашлись только в одной из трех обследованных¹². Мережковский предложил назвать ее «пещерой храма, потому что потолок ее образует род купола» (Там же: 107). Кроме того, в двух пунктах ниже по склону был собран подъемный материал. Один из этих пунктов, давший «с десяток орудий», находился прямо под пещерами Кабази (Там же: 110), откуда, как полагал А. Н. Формозов, и происходили собранные каменные изделия (Формозов 1952: 91; 1959: 144), однако точно установить это теперь вряд ли возможно. Гроты Кабази сегодня по праву занимают место в числе важнейших среднепалеолитических памятников Восточной Европы, но первые достоверные материалы этой эпохи в регионе все же были открыты не здесь, а в пещере на реке Бештирек в нескольких километрах восточнее Симферополя, куда Мережковский направился из Саблы.

Сегодня этот памятник широко известен как Волчий грот, но в своих работах на русском языке Мережковский его так не называет. В отчете он пишет просто о пещере «на берегу Бештирецкой речки, невдалеке от деревни Мазанки» (для Спицына эта пещера и в 1915 г. оставалась Мазанкой), а в статье о каменном веке Египта и Сирии вспоминает о своих находках в «пещере мамонта в Крыму», относящихся к «паледиллювиальной» эпохе (Мережковский 1881 [1887 б: 301]). Название Волчий грот (*Grotte des loups*) он употребляет лишь в своей последней археологической публикации — трехстраничной заметке на французском языке (Merejkowsky 1884). В ней же помещены изображения двух изделий (мустьерского остроконечника и крупного треугольного бифаса неясного типа), ставшие, по словам С. А. Васильева, первыми в отечественной археологии безупречными с современной точки зрения рисунками изделий из камня (Васильев 2008: 16). Правда, кто делал рисунки, неизвестно (зато известно, что иллюстрации каменных орудий, подготовленные «искусной и достаточно опытной художницей» для его первого крымского отчета, Мережковский несколько подправил, и подправил не в пользу реальности — см. Майков 1880 [1881]), но это в данном случае не так уж важно.

В отчете на русском языке значение открытия в Волчьем гроте объясняется еще в старых терминах: «Доказано мною существование в Крыму диллювиального человека, современника мамонта, по некоторым каменным орудиям, найденным вместе с зубом мамонта» (Мережковский 1881 [1887]а: 110). Из орудий упоминается только «типичное *pointe de Moustier*» (Там же: 111). Во французской же заметке речь идет уже о мустьерской стоянке и об эпохе мустье.

Важнейшее открытие сделано, работы в Волчьем гроте закончены, но сезон в разгаре, и Мережковский продолжает обследовать одну местность за другой (см. рис. 1). Попутно с поисками памятников каменного века он повсюду, где представляется такая возможность, пытается раскапывать курганы и татарские кладбища, пополняя таким образом коллекцию черепов, которую через несколько лет передаст в Кунсткамеру. С Бештирека он отправляется на Зую, отсюда в Ак-Каю¹³, но ничего в тамошних пещерах не находит. Затем следует поездка на западное побережье Крыма, в Тамрук (Замрук)¹⁴, где удается добыть у местных жителей два зуба мастодонта, залежавших, по словам обнаруживших

¹² Кроме того, шурфы были поставлены еще в шести пещерах на Бакле, включая несколько (не все ли шесть?) искусственных. Находок каменного века они, естественно, не дали.

¹³ Ныне Белая Скала.

¹⁴ Ныне Береговое.

их крестьян, в том самом слое, в котором Мережковский «нашел кремни, обработанные рукою человеческой» (Там же: 113). Эти кремни (см. Векилова 1971: 143, рис. 3, 9, 10, 12) впоследствии относили иногда к среднему палеолиту (Формозов 1959: 156), что нуждается в дополнительном обосновании.

Конец лета Мережковский проводит в Сюрени¹⁵, где возобновляет исследование самой первой из найденных им пещерных стоянок. Раскопки Сюрени 1 продолжаются две недели. Затем он предпринимает поездку в район Эски-Кермена, обследует там восемь естественных и неназванное количество искусственных пещер, и в двух естественных находит каменные и костяные орудия. На этом поиски новых памятников заканчиваются, и оставшееся время он посвящает доисследованию ранее открытых объектов. Сначала пытается (не особенно успешно — мешают завалы) копать Качинский навес, потом, в середине сентября, едет на Чатырдаг и восемь дней ведет раскопки одновременно в Бинбаш-Кобе и Сулу-Кобе, и, наконец, завершает сезон сбором новой огромной (несколько тысяч предметов) коллекции подъемных материалов в Кизил-Кобе.

Кроме четырех памятников, раскапывавшихся в 1880 г. повторно (Сюрень 1, Качинский навес, Бинбаш-Коба, Сулу-Коба), за этот сезон исследовано еще не менее 24 новых пещер, в четырех из которых обнаружены материалы каменного века (Волчий грот, «пещера Храма» и две непоименованные пещеры в районе Эски-Кермена), а в одной из этих четырех — палеолита (Волчий грот). Кроме того, подтвердилось наличие слоя каменного века в Бинбаш-Кобе, где ранее (т. е. в 1879 г.) были сделаны неопределимые в плане эпохальной принадлежности находки. Еще в двух пунктах собран подъемный материал (Кабази), а в одном кремни извлечены из обнажения (Замрук).

Итоги

Если руководствоваться информацией, имеющейся в отчетах, то получается, что за два полевых сезона Мережковский исследовал зондами, шурфами или раскопами не менее 34 пещер, гротов и скальных навесов¹⁶. В девяти из них им были найдены следы человеческого обитания, относящиеся к каменному веку. Местонахождение шести из этих девяти известно (Сюрень 1 и 2, Качинский навес, Бинбаш-Коба, пещера Храма, Волчий грот), и почти все они исследовались и после Мережковского, уже в XX столетии, а вот три непоименованных в отчетах пещеры и по сей день остаются, насколько мне известно, неидентифицированными.

Археологические коллекции Мережковского (во всяком случае, значительная их часть) долгое время находились в собрании кафедры исторической геологии Ленинградского университета, а затем были переданы в отдел археологии МАЭ, где должны находиться и поныне. К сожалению, из-за ремонта в музейных хранилищах они временно недоступны, и установить, что именно сохранилось, а что утрачено, пока не представляется возможным. Впрочем,

¹⁵ Ныне Танковое.

¹⁶ В прошении на имя министра народного просвещения относительно субсидии на издание книги он пишет, что исследованных им пещер было «более 40» (Золотоносов 2003: 57), а в беседе с Д. Н. Анучиным говорит о 43 (Анучин 1882: 396). Вероятно, в эти подсчеты включены искусственные пещеры Эски-Кермена, число которых в отчете не указано, а также полости, лишенные рыхлых отложений.

и в годы, когда коллекции были доступны, к ним обращались нечасто, и вообще большинство археологов имело о находках Мережковского довольно туманное представление. Ему то приписывали открытия, которых он не совершал¹⁷, то, наоборот, сделанные им находки приписывали другим¹⁸.

Результатам своих полевых исследований Мережковский посвятил три уже не раз упоминавшихся здесь публикации: два отчета на русском языке и небольшую заметку на французском. Кроме того, он часто ссылается на свои крымские материалы в статье о каменном веке Египта и Сирии. В этих работах, помимо сведений о маршрутах, раскопках и находках, можно найти также интересные рассуждения по некоторым общим и частным вопросам археологии, например, о роли и значении типологии, о функциях разных орудий, о способах крепления изделий с притупленным краем (с графической реконструкцией) и т. д. Гораздо менее интересны его рефераты о каменном веке Японии и о «третичном человеке» (Мережковский 1880 [1881]б). Других печатных работ по археологии он не оставил, хотя одно время был очень увлечен идеей издать книгу об итогах крымских разведок и раскопок.

Уже в первом отчете он сообщает в подстрочном примечании: «Я снял планы всех исследованных мною пещер, которые, также как и вертикальные их разрезы, будут опубликованы в будущей моей большой работе» (Мережковский 1880 [1881]а: 111). По словам А. А. Формозова, С. Н. Замятнин в 1920-х годах нашел в архивах (каких?) несколько уже отпечатанных таблиц к этой книге (Формозов 1983: 61), но, если они и существовали, больше их никто не видел. Точно известно, что Мережковский пытался выбить из Министерства просвещения деньги на издание «научной монографии каменного века в Крыму», но потерпел неудачу. Запрашивал 4000 рублей, не получил ничего (см. Золотоносов 2003: 56, 57, 59). Вскоре после этого он уехал — за счет все того же Министерства просвещения — за границу, где занимался преимущественно — и весьма успешно — физической антропологией (напр.: Meregjowsky 1882; см. также Алексеев, Дебец 1964: 9), а по возвращении в Петербург в 1883 г. постепенно отошел и от антропологии, вновь обратившись к изучению простейших и водорослей. С 1886 по 1898 г. Мережковский почти постоянно жил в Крыму. Не исключено, что в эти годы он мог иногда вспоминать о былом увлечении каменным веком и даже совершать археологические экскурсии, но сведений о чем-либо подобном не сохранилось.

Заключение

Открытие каменного века в Крыму и первого среднепалеолитического памятника в Восточной Европе — лишь малая часть научных заслуг Мережковского. Основные его достижения связаны не с археологией и не с физической антропологией, а с биологией, и главное из них — разработка основ теории

¹⁷ Например, в справочнике «Палеолитические местонахождения СССР» фигурирует мезолитическая стоянка Зуя, якобы открытая Мережковским в 1879 г. (Береговая 1960: 149). На самом деле Мережковский в 1879 г. в долине Зуи даже не был, а в 1880 г. был, но ничего там не нашел. Стоянку же, о которой идет речь, открыли уже после его смерти, в 1920-е годы.

¹⁸ Так, П. П. Ефименко, воспроизводя в сильно искаженном и почему-то зеркально перевернутом виде изображения двух опубликованных Мережковским орудий из Волчьего грота, приписывает авторство находки этих вещей О. Н. Бадеру (Ефименко 1953: 203).

симбиогенеза (Sapp et al. 2002; Захаров 2009). Здесь он опередил свое время на полстолетия. Сегодня его выдающаяся роль в истории науки общепризнанна. В Европе и Америке ему и его идеям посвящают статьи и главы в учебниках, а в Африке выпускают марки с его портретом (рис. 2), в том числе и в серии «Мировые знаменитости». Велик и интерес к его личности, на редкость многогранной и во многом, несмотря на обстоятельнейшее монографическое исследование этой темы (Золотоносов 2003), остающейся загадочной. Гениальный ученый, он был также самобытным философом, писателем-фантастом и поэтом (поэтом, правда, бездарным). А еще он был — по крайней мере, в зрелые годы — завзятым интриганом, убежденным антисемитом, черносотенцем и героем грандиозного скандала, связанного с обвинениями в растлении малолетних. Из-за этого скандала, разразившегося перед Первой мировой войной, Мережковский вынужден был покинуть Россию, куда уже больше не вернулся. В январе 1921 г. он покончил с собой в номере женеvского отеля, в котором провел последние годы жизни.

Рис. 2. Марки республики Чад с портретом Мережковского. Блок, помещенный справа, вышел в серии «Мировые знаменитости»

Где похоронен Мережковский, неизвестно. Наверно, в аккуратной Швейцарии где-то должны храниться документы о погребении русского профессора-самоубийцы, но не похоже, чтобы кто-то этим интересовался. Так получилось, что у человека, имевшего пять братьев, трех сестер, жену и сына¹⁹, многие из которых оказались после революции за границей, по-настоящему близких людей не нашлось. Это, конечно, тоже кое-что говорит о его личности, но каков бы ни был Мережковский-человек, Мережковский-ученый прославил русскую науку и заслужил хотя бы скромную памятную плиту с его именем на ней (если сохранилась могила, то в Женеве, если нет, то в Петербурге). Приближающееся столетие со дня его смерти могло бы стать лишним поводом к поискам места для установки таковой.

¹⁹ Семейю Мережковский оставил довольно рано и отношений с сыном, насколько это известно, впоследствии не поддерживал. Его сын, Борис Константинович Мережковский (1890–1942), тоже был в своем роде замечательной личностью: талантливым ученым-химиком, успешным бизнесменом, хорошим яхтсменом и в какой-то степени авантюристом. Авантюристом, видимо, не столько по натуре, сколько поневоле, но, тем не менее, довольно удачливым. Одна только история его бегства из Советской России сама по себе уже готовый детективный роман. Это, однако, отдельная тема.

Литература

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука.
- Анучин Д. Н. 1879–1880. Отдел доисторических древностей // Богданов А. П. (ред.). Антропологическая выставка 1879 г. Т. 3. Ч. 2. Описание предметов выставки. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1–30.
- Анучин Д. Н. 1882. Рецензия: А. С. Уваров. Археология России. I. Каменный период. М., 1881 // ЖМНП 219, 359–408.
- Васильев С. А. 2008. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН.
- Векилова Е. А. 1971. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы // МИА 173, 117–161.
- Журнал заседания Совета Императорского Русского Географического Общества — 11 марта 1880 г. 1881 [1887]а // Известия ИРГО XVII (5), 1–5.
- Журнал заседания Совета Императорского Русского Географического Общества — 12 мая 1880 г. 1881 [1887]б // Известия ИРГО XVII (5), 40–45.
- Захаров И. А. 2009. 100 лет теории симбиогенеза // Вестник Всероссийского общества генетиков и селекционеров 13(2), 355–361.
- Золотоносов М. Н. 2003. Братья Мережковские. Кн. 1: Отщепенis Серебряного века. М.: Ладомир.
- Караулов Г., Сосногорова М. 1883. Путеводитель по Крыму. 4-е изд. Одесса: б. и.
- Клейн Л. С. 2014. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия.
- Майков Л. Н. 1880 [1881]. Заметка по поводу отчета К. С. Мережковского. Письмо к секретарю Общества // Известия ИРГО XVI (2), 147–148.
- Марков Е. 1872. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. СПб.: Тип. К. Н. Плотникова.
- Марковников В. В. 1876. Сведения о черепах из сталактитовой пещеры Бин-Баш-Коба на Чатырдаге // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, кн. 2, в. 1, 43–44.
- Мережковский К. С. 1880 [1881]а. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия ИРГО XVI (2), 106–146.
- Мережковский К. С. 1880 [1881]б. Из текущей литературы по каменному веку // Известия ИРГО XVI (2), 207–218.
- Мережковский К. С. 1881 [1887]а. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 году // Известия ИРГО XVII (2), 104–130.
- Мережковский К. С. 1881 [1887]б. Каменный век в Египте и Сирии (из текущей литературы по каменному веку) // Известия ИРГО XVII (5), 287–312.
- Соколов Д. 1869. Прогулка по Крыму с целью ознакомиться с ним. Одесса: Тип. Л. Нитче.
- Сосногорова М. 1874. Путеводитель по Крыму для путешественников. 2-е изд. Одесса: б. и.
- Спицын А. А. 1915. Русский палеолит // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества XI, 133–172.
- Уваров А. С. 1881. Археология России. I. Каменный период. М.: Синодальная типография.
- Фокин С. И. 2006. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя.
- Формозов А. А. 1952. Возобновление полевых исследований по каменному веку Крыма // БКИЧП 18, 89–94.
- Формозов А. А. 1959. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму (первый опыт изучения погребенных пещер в СССР) // СА 29–30, 143–158.
- Формозов А. А. 1983. Начало изучения каменного века в России. М.: Наука.
- Формозов А. А. 2011. Рассказы об ученых. М.: Флинта.

Merejkowsky C. de. 1882. *Sur un nouveau caractère anthropologique* // *Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris*. T. V, troisième série, 293–304.

Merejkowsky C. de. 1884. Station Moustérienne en Crimée // *L'Homme* 1 (10), 300–302.

Sapp J., Carrapiço F., Zolotonosov M. 2002. Symbiogenesis: The hidden face of Constantin Merezhkowsky // *History and Philosophy of the Life Sciences* 24, 413–440.

Глава 2

Неопубликованная статья Г. А. Бонч-Осмоловского 1928 года: «По поводу датировки грота Киик-Коба»

Резюме. В главе впервые публикуется текст статьи, написанной Г. А. Бонч-Осмоловским в конце 1928 года и посвященной спорным вопросам интерпретации и датирования материалов грота Киик-Коба. В контексте истории отечественного палеолитоведения (и даже в контексте современной науки о палеолите) эта небольшая, но в ряде отношений провидческая

работа представляется чрезвычайно важной. В комментарии публикатора дается анализ исторического контекста и рассказывается о биографических обстоятельствах, в которых создавалась статья.

Ключевые слова: Г. А. Бонч-Осмоловский, Крым, грот Киик-Коба, палеолит, хронология, периодизация.

Введение

Настоящая работа продолжает собой серию публикаций документов из личного архива Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского, с комментариями и анализом исторического контекста. Речь идет исключительно о документах, которые остались в семье ученого, не будучи переданы в государственные хранилища. Такая работа была начата мною еще в начале 2000-х гг., но до сих пор в центре внимания оставались мемуарные, дневниковые и эпистолярные материалы к биографии Г. А. Бонч-Осмоловского (Платонова 2002; 2005; 2016; Бонч-Осмоловская 2010). Сейчас мы обращаемся к его научному наследию — неопубликованной статье, написанной в конце 1928 года на основе материалов грота Киик-Коба. В контексте истории отечественного палеолитоведения (и даже в контексте современной науки о палеолите) эта небольшая работа представляется важной.

Детальная характеристика современной ситуации с материалами личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского в архивах ИИМК РАН и РЭМ была дана мною в последней публикации (Платонова 2016: 95–97). Их обработка затянулась на неопределенное время, и сейчас, в силу действующих норм российского законодательства, они оказываются недоступными не только для исследовательской работы, но и для ссылок. Единственным собранием, открытым ныне для изучения и публикации, является семейный архив¹, в котором, помимо разнообразных материалов к биографии ученого, имеются отдельные черновики и машинописные копии его неопубликованных научных работ. Эти копии были сделаны в 1940–1960-х гг. вдовой Глеба Анатольевича Надеждой Викторовной

¹ Распорядителями этой части наследия ученого являются Ольга Андреевна Бонч-Осмоловская (внучка Глеба Анатольевича) и автор этих строк. При упоминании документов, хранящихся в семье, в тексте дается ссылка: (Арх. авт.).

Тагеевой, готовившей указанные материалы к передаче в архивы. Многие совершенно «нечитаемые» черновики своего мужа способна была разобрать только она².

Исходный текст публикуемой статьи «По поводу датировки грота Киик-Коба», хранящийся в семейном собрании, представляет собой машинопись (12 страниц) с мелкими карандашными и чернильными поправками Н. В. Тагеевой. Перепечатка производилась ею с рукописи, вчерне законченной, но явно не до конца отредактированной автором и в одном случае сохранившей два возможных варианта текста. По-видимому, в рукописи имелась дата — декабрь 1928 г. Сама рукопись, с приложением перепечатки, находится сейчас в архиве ИИМК РАН. Машинописный вариант имеет следующую шапку:

*По поводу датировки грота Киик-Коба
(и дополнения к этой статье)
Г. А. Бонч-Осмоловский
(XII — 1928 г.)*

Как можно предположить, «дополнения» подразумевают выявленный Н. В. Тагеевой в черновиках второй вариант одного из фрагментов статьи, вставленный ею в машинописный текст с соответствующей пометкой, а также вписанные ею ссылки на предыдущую работу «К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий» (Бонч-Осмоловский 1928).

Текст публикуется нами полностью, без изменений. Редакторская правка выразилась исключительно в расстановке пунктуации. Мелкие вставки, обусловленные неясностью отдельных мест в тексте, даны в квадратных скобках.

По поводу датировки грота Киик-Коба

Грот Киик-Коба в Крыму с открытыми в нем двумя древнепалеолитическими культурами и неандертальским погребением, имеющими большое значение в вопросе происхождения и эволюции восточно-европейского палеолита, привлек к себе вполне заслуженное внимание.

В течение последнего года напечатано три статьи, касающиеся определения древности его культур. Две из них принадлежат перу П. П. Ефименко (1; 2) (Ефименко 1927; 1928)³, третья — В. А. Городцову (3) (Городцов 1928). Выводы обоих авторов значительно расходятся между собой и не согласуются с предлагаемыми мною датировками этих культур (4) (Бонч-Осмоловский 1928). В первой из своих статей П. П. Ефименко относит индустрии нижнего очага к одной из стадий ашельской эпохи, верхний же очаг — к началу мустьерской. Во второй статье он более определенно высказывается и относительно нижнего очага, отводя ему место в конце ашеля. В. А. Городцов обе индустрии не разделяет между собой, считая их однотипными, и датирует их концом мустье.

Прежде чем проанализировать приведенные им доводы, необходимо установить, что понимаем мы под датировкой палеоэтнологической культуры?

² Сделанный Н. В. Тагеевой список статей Г. А. Бонч-Осмоловского, «готовившихся к печати, но не напечатанных», включает четыре названия: 1) По поводу датировки грота Киик-Коба (1928); 2) Об эволюции человека (1929); 3) Ископаемый человек в Крыму (1931); 4) О необходимости организации Четвертичного Института (1932) (Арх. авт.).

³ Ссылки на литературу вставлены в ходе подготовки статьи к печати.

В статье, напечатанной в этой же книге⁴, я указываю на опасность смешения датировки культур, обозначающих палеоэтнологические стадии, с геологическими подразделениями (Бонч-Осмоловский 1928: 148–149). Если подобное смешение до некоторой степени допустимо по отношению к одному району, хотя и в этом случае оно далеко опережает современное состояние научного знания, то по отношению к отдаленным и мало исследованным районам оно ничем не может быть оправдано.

Ведь до сих пор точно не установлено, к какому из межледниковых периодов относятся шелльская и ашельская эпохи. И, соответственно с этим, неопределенно положение мустьерской и позднепалеолитической стадий.

Еще дальше мы отстоим от разрешения вопроса о синхроничности сходных культур, находящихся в различных географических районах. Здесь мы можем только высказывать предположения, имеющие весьма отвлеченный характер.

Исходя из этих соображений, я считаю необходимым строго разграничить культурно-хронологическую и геологическую датировку, причем палеоэтнологические термины должны употребляться только в первом, основном своем значении.

По-видимому, различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и послужило основной причиной наших разногласий с Ефименко, т. к. с палеоэтнологической точки зрения наши взгляды на киик-кобинские культуры очень близки. Так, индустрию нижнего слоя он характеризует, как «чрезвычайно примитивную», удержавшую «почти эолитические приемы обработки кремня» (Ефименко 1928: 49–50), что вполне согласуется с моим отнесением ее к «аморфной культуре», аналогичной в техническом отношении дошелльской и являющейся начальной стадией восточного палеолита. Отсутствие же данных о последовательных сменах четвертичной фауны в Крыму заставляет меня отказаться от хронологической увязки этой культуры с геологическими факторами и с соответствующими западноевропейскими стадиями.

Ефименко же пытается на основании отрывочных фаунистических сведений разрешить и этот весьма важный вопрос, причем палеоэтнологическая терминология принимает у него явно геологический оттенок. Так, нижний слой грота Киик-Коба он, «судя по остаткам животных», относит к «довольно поздней поре» ашельской эпохи. Фауна этого горизонта имеет, по его словам, «в общем облик фауны средне ледниковой поры», под которой автор, по-видимому, понимает один из ледниковых периодов (Там же: 49).

Но почему в таком случае пять перечисленных им видов (гигантский и благородный олени, дикая лошадь, бизон и антилопа-сайга), довольно безразличных с климатической точки зрения, могут послужить для столь точного определения времени, как «поздняя пора ашельской эпохи»?

Эти виды встречаются почти во всех ледниковых и межледниковых отложениях четвертичного периода и не являются характерными для какого-либо из них. Еще в Западной Европе антилопа-сайга, появляющаяся в большом количестве вместе с солютрейской индустрией, может служить указанием на одно из последних отступлений ледника, но в Крыму, где элементы степного ландшафта могли существовать и в более поздние эпохи, и этот представитель степи не является характерным для какого-либо климатического периода.

⁴ Как видно из контекста, «этой книгой» или «тем же журналом» Г. А. Бонч-Осмоловский называет журнал «Человек». Публикуемый текст явно тоже предназначался для этого издания.

Ефименко, по-видимому, и сам чувствует недостаточность этого довода, несколько позже он пишет: «Поздне-ашельский возраст нижнего горизонта пещеры Киик-Коба по целому ряду соображений устанавливается довольно твердо характером находок верхнего горизонта...» (Там же). К сожалению, он не указывает в дальнейшем, в чем состоит этот ряд соображений. Но мне представляется, что характер находок более поздней культуры может выявлять только верхний предел датировки, несколько не влияя на ее уточнение.

Относительно верхней индустрии Ефименко говорит следующим образом: «Вместе с польским ученым Козловским, помещающим стоянки Окенник и Пекари к концу ашельской эпохи, мы склоняемся отнести верхний горизонт Киик-Кобы к эпохе, которая, исходя из типологии орудий, находится между ашелем и мустье» (Ефименко 1927: 299). Отсюда как будто следует, что автор считает киик-кобинскую культуру несколько более поздней, чем аналогичные польские находки. Это определение вполне соответствует моему, согласно которому верхний очаг находится в конце стадии орудий с двухсторонней обработкой или, иначе говоря, в самом конце ашеля.

Но здесь у Ефименко опять выплывают соображения геолого-хронологического порядка: было бы «преждевременным и не целесообразным», говорит он, «давать для крымской находки, как и для польских, точную синхронизацию с западноевропейской, вернее, французской группой находок позднеашельской эпохи». И на этом основании он ее синхронизирует с ранним мустье: «Присутствие здесь ручного рубила несколько не говорит против того, что эта культура по своему времени (щодо своего часу) будет принадлежать к среднему палеолиту в его ранней фазе» (Там же: 299–300). Остается непонятным: почему синхронизация с поздним ашелем «преждевременна и нецелесообразна», а с ранним мустье вполне допустима? Тем более что эти два момента с геологической точки зрения сливаются воедино, и ни палеозоология, ни стратиграфия не дают указаний на их разграничение.

С моей точки зрения, значительно целесообразнее вообще отказаться в настоящей момент, впрямь до накопления новых данных, от попыток синхронизации и ограничиться только индустриальным сравнением крымских находок. Тогда присутствие довольно значительного количества обработанных с двух сторон остроконечников (ручных рубил) сыграет решающую роль в датировке верхнего очага.

Совершенно другой характер имеет датировка, предлагаемая В. А. Городцовым. Прежде всего, он совершил недопустимую ошибку, излагая мои соображения; он пишет о нижнем очаге сравнительно с верхним. [Стоянку] Микок, отнесенную Обермайером к концу ашеля, я сравниваю с нижним ашелем в индустриальном отношении, не синхронизируя Обермайера⁵.

Затем он стремится доказать, что обе индустрии принадлежат к одной культуре. При этом он основывается на следующих положениях:

- 1) Кремень в обоих очагах не отличается ни по цвету, ни по патине; добыт он «вероятнее всего из одного местонахождения».
- 2) Судя по перечню типа орудий, «ясно, что предметы, как нижнего, так промежуточного и верхнего слоя относятся к одной породе одной и той же эпохи».

⁵ Данный абзац недостаточно отредактирован автором по смыслу. Суть его заключается в том, что Г.А. Бонч-Осмоловский сопоставлял с Микокком материалы верхнего слоя Киик-Коба, а не нижнего, как писал В. А. Городцов. При этом сопоставление производилось им лишь в культурном отношении, а не в хронологическом.

- 3) «Заключение исследователя (т. е. мое. — Г. Б-О.), что кремневые орудия нижнего очажного слоя, будто бы отличаются большей примитивностью форм... также не выдержало проверки... среди представленных образцов оказались и менее тщательно и более тщательно обработанные, независимо от горизонта их залегания...»
- 4) «Сколотая техника всех кремневых орудий указывает на их принадлежность ко времени мустьерской эпохи классификации Мортилье» (Городцов 1928: 36–37).

Автор прав, утверждая, что во всех слоях встречается кремень различных оттенков. Но при изучении всей коллекции (около 1000 орудий) совершенно ясно, что в нижнем слое употреблялся почти исключительно темный кремень, а в верхнем — бурый, полупрозрачный. Происхождение его из одного местонахождения почти невероятно, так как пришлось бы допустить в те времена какой-то отбор материала по цветности. Разумеется, различия в кремне не доказывают принадлежности слоев к различным культурам, но выявляют отсутствие непосредственной связи между обитателями обоих очагов. Значительные же культурные различия вытекают из индустриальных особенностей обоих комплексов.

Перечисление типов орудий, даваемое Городцовым, весьма неясно и носит вполне предварительный характер. В таком виде эти списки могут произвести, на первый взгляд, впечатление большого сходства. Мне остается только сослаться на более полное перечисление, приводимое мною в т. 1 этого же номера журнала⁶ (Бонч-Осмоловский 1928: 175–177).

Примитивность орудий нижнего слоя, проявляющаяся в их бесформенности, грубости ретуши, массивности сколов и даже осколков, настолько очевидна, что остается удивляться, как Городцов может ее отрицать. Ни у одного из специалистов, видевших киик-кобинские находки, она не вызвала ни малейшего сомнения.

По-видимому, все эти пункты возражений Городцова являются простым недоразумением, основанным на недостаточном знакомстве с материалом, который он видел, за исключением небольшой серии в 1924 г., только в процессе раскопок — плохо отмытым и не отделенным от осколков.

Наконец, в четвертом пункте говорится о сколотой технике, которую Городцов приписывает в своей классификации исключительно мустьерской эпохе и которая, по-видимому, служит главным обстоятельством, заставляющим его объединять обе киик-кобинских индустрии. Но не сколотой ли техникой приготовлены также орудия дошелльской и аморфной культур и односторонние формы шелльской и ашельской эпох? В таком случае, сколотые техники существовали в различных степенях своего совершенства в течение чрезвычайно долгого времени и не характеризуют собой какой-либо одной стадии.

Интересно, что автор считает все «представленные для осмотра орудия», в том числе, следовательно, и обработанные с обеих сторон, «сделанными при помощи сколотой техники» (Городцов 1928: 37). Что тогда подразумевает он под «тесанной техникой», остается непонятным. Мне кажется, что до сих пор этот термин применялся им к ручным рубилам, т. е. к орудиям, обработанным с обеих сторон.

⁶ Ссылка на «т. 1» явно ошибочна. Рукой Н. В. Тагеевой он исправлен на «вып. 2–4». Объяснением может служить то, что выпуск 2–4 журнала «Человек», содержащий статью Г. А. Бонч-Осмоловского «К вопросу об эволюции...», вышел из печати не в 1928, а в 1929 г. В декабре 1928 г. автор его еще не видел и не знал ни точных выходных данных своей публикации, ни того, что выпуски 2, 3 и 4 будут объединены под одной обложкой.

Оба объединенные таким образом горизонта грота Киик-Коба Городцов относит к конечной стадии мустьерской эпохи, сравнивая их с французскими стоянками Ля Кина и Абри Оди. Основанием для этого служит, по его мнению, «перенос ретуши на нижнюю плоскость», который совершился только в позднюю пору мезолитической эпохи⁷ (Там же: 36).

В гроте Киик-Коба в самом деле имеются, в весьма небольшом числе, орудия с так называемой противолежащей ретушью или с подправкой брюшка, но подобные же формы попадаются во всех без исключения культурах древнего палеолита, и утверждение Городцова, что именно они характерны для конца мустье, является совершенно голословным. Особенно странно, что это положение лежит в основе его классификационной системы. Не выдерживает также критики сравнение грота Киик-Коба с Ля Кина и Абри Оди. Все эти стоянки резко отличаются как по типам орудий, так и по заготовкам. В то время как в первой (Киик-Коба) (в верхнем слое) много остроконечников и скребел, во второй — почти исключительно скребла, и, наконец, в третьей — большое количество остроконечников принимает особую асимметричную форму, так называемого типа Абри Оди.

По заготовкам эти различия еще выпуклее. В гроте Киик-Коба главным материалом для изготовления орудий служили сколы, к которым в довольно значительной пропорции присоединялись двухсторонние формы и пластины. В Ля Кина орудия сделаны почти поровну из сколов и пластин, в Абри Оди — из примитивных пластинок. Эти различия никоим образом нельзя игнорировать при оценке относительного возраста указанных стоянок.

Относительно аргументации Ефименко и Городцова, основанной на находках костяных орудий в верхнем очаге грота Киик-Коба, я не считаю возможным говорить, т. к. сведения эти почерпнуты авторами не из напечатанных мною работ и к тому же не вполне соответствуют действительности.

Конец статьи Городцов посвящает доказательствам, что киик-кобинские погребения относятся к верхнему очажному слою, а не к нижнему, как это предполагалось мною. Он аргументирует следующими данными:

- 1) Погребение ребенка не могло быть произведено с поверхности нижнего очага, т. к. мощность последнего в этом месте не превышает 2–3 вершков.
- 2) Разрозненные (мелкие. — Г. Б-О.) кости взрослого были найдены в верхнем слое.
- 3) В западном конце могильной ямы остатки невынутой засыпки «шли как раз с горизонта верхнего очажного слоя».
- 4) На северном боку ямы «кусочек неудаленной засыпки маскировал часть стенки ямы, несомненно, вырытой с горизонта, лежащего выше нижнего очажного слоя т. к. неудаленная засыпка отчасти маскировала нижний очажный слой» (Городцов 1928: 37–38).

Первое замечание было бы вполне правильным, если бы мы могли допустить, что очажный слой в момент его отложения был такой же мощности, как и в настоящее время. Гораздо вероятнее, что тогда он в несколько раз был толще и только в результате продолжавшегося многие тысячелетия выветривания и выдувания уменьшился до современных размеров. Следовательно, вполне допустимо, что вскоре по образованию слоя, в его толще могла быть вырыта яма, достаточная для погребения ребенка.

⁷ «Мезолитической» — по классификации В.А. Городцова, т. е. мустьерской.

Второй его довод ничего не доказывает, т. к. восточная часть погребения была разрушена при рытье ямы, вырытой современником верхнего очага, и естественно, что мелкие кости покойника оказались при этом именно в этом слое. Подобная же яма оказалась и на другом участке грота. Засыпка в западном конце могильной ямы не могла не соединиться с верхним очажным слоем, т. к. здесь благодаря поднятию скалистого дна грота нижний и промежуточный слои отсутствовали, и верхний налегал непосредственно на дно. Наконец, относительно маскировки нижнего очага засыпкой на северном боку ямы могу указать, что в моем распоряжении имеются четыре фотографии, изображающие «засыпку» ямы с этого края в различных стадиях раскопок, которые с неопровержимостью доказывают простираение именно в этой части погребения на большом протяжении обеих темных очажных прослоек, разделенных светлым промежуточным слоем.

Вопрос о принадлежности погребения современнику верхнего или нижнего очага, не имеющий, по мнению автора, значения для определения его относительной древности, с моей точки зрения является чрезвычайно существенным и прорабатывается мною в настоящее время с особой тщательностью. Но аргументы, приводимые В. А. Городцовым, не являются убедительными и нисколько не противоречат предположению о принадлежности погребения к нижнему очагу⁸.

Подобное разногласие объясняется, с одной стороны, некоторой преждевременностью в опубликовании разбираемых статей, совершенном до издания основного матерьяла о гроте Киик-Коба, с другой — современным состоянием палеоэтнологии. Эта наука, ввиду исключительного развития изучения типологии орудий и неправильного толкования связи с геологией, переживает известный кризис, [который] требует пересмотра ее методологии.

В заключение следует остановиться на причинах подобного разногласия в датировке крымского палеолита. Согласно моим предположениям, более древняя индустрия грота Киик-Коба относится к аморфной культуре — начальной стадии восточноевропейского палеолита, более поздняя — к культуре Ля Микок, или, иначе говоря, к концу ашеля.

Подобное противоречие в определении древности крымских находок не может быть объяснено только характером самих индустрий, не вполне укладываемых в рамки современной классификационной системы. Оно указывает, по-видимому, на серьезные (так в оригинале. — Н. П.) методологические расхождения и даже на различное содержание, вкладываемое авторами в само понятие датировки. Принципиальная важность этого вопроса для русской палеоэтнологии заставляет меня подробно остановиться на характере и объеме датировки палеоэтнологической культуры.

В основу моей датировки палеоэтнологических находок положены следующие соображения о характере и объеме датировки палеоэтнологической культуры. В настоящее время мы часто встречаемся с фактом смешения датировок — палеоэтнологической и геологической.

⁸ В монографии 1940 г. Г. А. Бонч-Осмоловский все же признал правоту В. А. Городцова в данном вопросе. В ходе изучения коллекции выяснилось: на уровне стопы погребенного находился, по-видимому, *in situ*, остроконечник, типичный для верхнего слоя, первоначально покрытый известковым натеком и не опознанный (Бонч-Осмоловский 1940: 142). Тем не менее, стратиграфические доводы в пользу отнесения погребения к нижнему слою тоже весьма серьезны, и у специалистов до сих пор нет на этот счет единого мнения.

Под первой я понимаю определение культурно-хронологического возраста данной стоянки; под второй — выяснение ее хронологического соотношения с геологическими факторами (и установление этим путем ее одновременности с соответствующими культурами других районов). Подобное смешение приводит к приданию терминам, обозначающим палеоэтнологические стадии, значения геологических подразделений.

В последнее время мы встречаемся даже с чисто геологическим, не связанным с палеоэтнологическими данными, толкованием этих подразделений. Причины этого лежат в путях развития палеоэтнологии. Ее возникновение теснейшим образом связано с палеонтологическими данными, и одна из первых классификаций была основана на ископаемых животных. Дальнейшее развитие этой науки протекало вплоть до последнего времени почти исключительно на французском материале, представлявшем сравнительно небольшую и единообразную географическую область.

Естественным следствием было предположение об одновременности сходных ископаемых комплексов, проявившееся в практическом неразделении методов датировок. Но по мере распространения палеоэтнологических исследований на удаленные области, новые данные нарушают стройность этой, несколько упрощенной, системы.

Распространение выработанных на французском материале методов на другие районы приводит к таким явлениям, как отнесение Крапины то к шеллю (на основании фауны), то к мустье (на основании индустрий). Тот же характер имеет датировка Р. Шмидтом стоянки Эрингсдорфа; индустрия здесь носит явно мустьерский характер, но на основании фаунистических остатков эту стоянку относят к ашелю.

Открытие холодного шелля, теплого мустье и даже теплого ориньяка (Кастильо), в связи с появлением некоторых, не укладывающихся в классификационные схемы, индустрий и усложнением вопроса о числе и характере четвертичных оледенений, заставляет более осторожно относиться к предположениям о связанности палеоэтнологических комплексов с определенными биологическими или геологическими факторами.

Единственным выходом из этих противоречий является строгое разграничение определения культурно-хронологического и геологического возраста стоянки. Исходным пунктом для первого служит индустрия и антропологические остатки, последовательные смены которых дают в настоящее время критерии, достаточные для выяснения ее относительного возраста. Матерьялом для суждения о геологическом возрасте являются данные палеозоологии, палеоботаники и стратиграфии, освещающие в своей совокупности экологические условия данной стоянки.

Логическим выводом отсюда явится признание за терминами, обозначающими палеоэтнологические эпохи, исключительно культурно-хронологического значения — они должны обозначать только стадии культуры, без всякого элемента геологической хронологии. Явления четвертичного времени имеют свою, геологически выработанную терминологию, и присоединение к ним палеоэтнологических терминов только излишне затемняет общую картину.

Два рода этих явлений, к которым в будущем, при уточнении знаний, прибавится третий, с показаниями абсолютной хронологии, могут совпадать во всех или в отдельных своих элементах, но это нисколько не отразится на методологической правильности подхода. В отдельных случаях, нарушая искусственную строй-

ность существующих схем, он, этот подход, фиксируя внимание на нерешенных моментах, поможет поставить во всей широте проблему смен палеоэтнологических и геологических факторов и выяснит их действительные взаимоотношения.

С этой точки зрения я и подошел к определению возраста киик-кобинских находок. Отсутствие геологических показаний в пещерных отложениях и полная невыясненность в то время последовательных смен четвертичной фауны, в связи с вполне допустимым своеобразием сочетаний ее компонентов, заставили меня совершенно отказаться от каких-либо хронологических сопоставлений.

Это привело к необходимости обосновывать датировку крымских стоянок исключительно палеоэтнологическими данными. Но накопление матерьяла и здесь повело к усложнению вопроса. Все в большем числе выявлявшиеся, по мере вовлечения в круг исследования новых областей, комплексы, лишенные типичных форм индустрий, с трудом укладывались в классификационные схемы, которые строились на отдельных типах орудий.

В то же время основные этапы развития индустрий не подвергались сомнениям. Смена древнего палеолита новым с промежуточной мустьерской стадией находила почти повсеместное подтверждение. В связи с этим возник вопрос о разделении индустриальных серий на элементы общеэволюционного значения (если такие окажутся) и элементы фациального (районного), племенного или, быть может, даже индивидуального порядка⁹.

Оперирование с отдельными типами орудий или с редко употреблявшимися приемами может приводить к субъективным, не исключающим элемента случайности, заключениям. При изучении древних культур вопрос осложняется отсутствием достоверных показаний об употреблении и назначении отдельных типов орудий, заставившим рассматривать их с узкой, формально-морфологической точки зрения.

К вопросу о подобном разграничении индустриальных признаков мне пришлось подойти при обработке иностранных коллекций, предпринятой в связи с датировкой грота Киик-Коба. В статье, посвященной этой работе, я отмечаю, что, на основании исследования, основанного на статистическом методе

⁹ Этот абзац и два предыдущих обозначены Н. В. Тагеевой как «вариант 1». В машинописном тексте за ним следовал «вариант 2», из чего следует, что Г. А. Бонч-Осмоловский сохранял в черновиках оба. Второй вариант звучит так: «Датировка грота Киик-Коба могла быть основана исключительно на палеоэтнологических данных. Это ограничение, вполне оправдывающиеся, как мы видели, и с общеметодологической точки зрения, заставляло особое внимание обратить на уточнение индустриальных признаков. Накопление палеоэтнологического матерьяла за последние десятилетия повело к усложнению и этого вопроса. Во многих стоянках оказались большие различия в соотношении типичных орудий, служивших до сих пор основой классификационных построений. Довольно часто количество этих руководящих форм уменьшается до единичных находок, в других – совсем исчезают. В то же время основные этапы развития индустрий остаются вне всяких сомнений. Смена древнего палеолита новым, с промежуточной мустьерской стадией, находит почти повсеместное подтверждение. В связи с этим, в палеоэтнологии назревает необходимость более четкого разделения индустриальных признаков на общеэволюционные, которые должны служить основанием при классификационных построениях, и на фациальные, имеющие ограниченное территориальное распространение и являющиеся следствием географических и племенных культурных особенностей и навыков. В области палеолита, с его широким и несколько отвлеченным охватом культурных этапов, подобное выделение признаков возможно только с учетом их количественного соотношения».

(Бонч-Осмоловский 1928), можно заключить, что, по-видимому, основным путем эволюции индустрии являлись приемы раскалывания кремня, изменения которых отражались на форме заготовок. При этом, в противоположность Городцову, я совершенно не оперировал с неизвестными для нас приемами раскалывания, а опирался исключительно на морфологические отличия наиболее распространенных типов заготовок и их последовательные смены. Приемы же ретуширования орудий и их форма не выявляют, согласно моим данным, с достаточной определенностью отдельных этапов этого развития.

С этой точки зрения, высказанные мною предположения о культурно-хронологическом возрасте киик-кобинских индустрий получают объективные, статистически подкрепленные обоснования. Таким образом, мои соображения об объеме и характере датировки палеоэтнологических культур сводятся к следующим положениям:

- 1) Необходимо строго разграничить определение культурно-хронологического и геологического возраста, смешение которых приводит к методологически ошибочным построениям.
- 2) В пределах одного ограниченного района, в котором достаточно выяснены последовательные смены физико-географических явлений, допустимо подтверждение данных палеоэтнологии факторами геологического порядка.
- 3) Термины, обозначающие общекультурные стадии (шелль, ашель и т. д.), должны быть лишены того геолого-хронологического значения, которое им часто придается в настоящее время. Так как понятие «культура» применяется преимущественно к комплексам фациального характера, за ними может сохраниться обозначение «эпоха», но только в культурно-хронологическом, вернее, индустриальном, смысле этого слова. Быть может, более правильным было бы применение в этом случае термина «стадия».
- 4) При определении культурно-хронологического возраста данной стоянки следует базироваться на индустриальных признаках, эволюционное значение которых объективно установлено. Отдельные технические детали и варьирующие в коллотивном отношении типы орудий не могут служить достаточным основанием для палеоэтнологических параллелей. Различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и явилось основной причиной разногласий в определении древности грота Киик-Коба.

Обсуждение

Статья была написана Г. А. Бонч-Осмоловским в конце 1928 г. — последнего сравнительно благополучного года его жизни, когда он еще мог рассчитывать как на стабильное продолжение своих работ, так и на возможность беспрепятственно излагать свои идеи, без оглядки на цензуру и самоцензуру.

По содержанию статья представляет собой весьма оперативную реакцию на публикации П. П. Ефименко и В. А. Городцова, затронувшие проблему хронологии и соотношения между собой двух палеолитических слоев грота Киик-Коба. Явно задетый критикой своих положений, автор, видимо, рассчитывал опубликовать ответ оппонентам в последнем номере журнала «Человек» за 1928 год. Разумеется, ему было известно, что выход журнала задерживался, но он не мог знать, что в 1929 г. номера 2–4 будут наскоро объединены в один, который и станет, увы, последним.

Таким образом, в литературе тех лет назревала интересная дискуссия по такой важной проблеме палеолитоведения, как вопрос о соотношении геологического и культурно-исторического возраста (говоря современным языком — культурной периодизации и хронологии, построенной на естественнонаучных данных). Вопрос о соотношении того и другого с абсолютной хронологией также затрагивается Г. А. Бонч-Осмоловским в статье, однако его разработку он считал делом будущего.

Указанные ключевые проблемы уже были обозначены им в предыдущей публикации (Бонч-Осмоловский 1928: 148–149). Автор четко разделил там понятия «стадия культуры» и «геологическая эпоха» и специально оговорил, что его выводы касаются только *культурной хронологии* памятника. Но статья еще не успела выйти в свет, как появились целых три печатных работы, авторы которых рассуждают о Киик-Кобе без учета указанной оговорки. Это и имеет в виду автор, говоря о «некоторой преждевременности в опубликовании разбираемых статей». В своем ответе оппонентам он переводит обсуждение на новый уровень осмысления проблемы соотношения геологической и культурной периодизации. Пожалуй, эта важная проблема на тот момент еще никогда не формулировалась в мировой науке так отчетливо, как в публикуемом нами тексте. Причины создавшегося положения были ясны автору уже тогда:

«...развитие... [палеоэтнологии] протекало вплоть до последнего времени почти исключительно на французском материале, представлявшем сравнительно небольшую и единообразную географическую область. Естественным следствием было предположение об одновременности сходных ископаемых комплексов, проявившееся в практическом неразделении методов датировок. Но по мере распространения палеоэтнологических исследований на удаленные области, новые данные нарушают стройность этой, несколько упрощенной, системы...»

Четкая формулировка Г. А. Бонч-Осмоловским своей позиции помогает нам уяснить природу предлагавшихся им «древних» датировок Киик-Кобы. Разумеется, глубочайшая древность даже «верхнего очага», который он связывал с микокской традицией, казалась ему вполне вероятной. Микок трактовался тогда, как восточная фация ашеля (Там же). Однако исследователь подчеркивал: приведенные им культурно-хронологические выкладки отнюдь не равнозначны ни геологической, ни, тем более, абсолютной датировке памятника. Разумеется, он не мог предвидеть, что последующие исследования установят факт «сверхпозднего» переживания среднего палеолита на территории Крыма. Но, в отличие от своих оппонентов, он уже в 1920-х гг. понимал различие между археологической периодизацией и хронологией как таковой:

«По-видимому, различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и послужило основной причиной наших разногласий с Ефименко... Отсутствие... данных о последовательных сменах четвертичной фауны в Крыму заставляет меня отказаться от хронологической увязки этой культуры [нижнего слоя Киик-Коба. — Н. П.] с геологическими факторами и с соответствующими западноевропейскими стадиями. Ефименко же пытается, на основании отрывочных фаунистических сведений, разрешить и этот весьма важный вопрос, причем палеоэтнологическая терминология принимает у него явный геологический оттенок...»

В настоящий момент даже трудно представить, что все это говорилось и писалось 90 лет назад. Настолько актуальной выглядит описанная постановка проблемы и в наши дни. Синхронизация хронологических шкал отдаленных регионов, соотношение культурной периодизации и, собственно, хронологии

относятся сейчас к числу наиболее обсуждаемых аспектов исследования в современной науке о палеолите (см.: Аникович и др. 2007: 11–16).

Увы, на рубеже 1920–1930-х гг. подобная дискуссия не могла развернуться. Статья Г. А. Бонч-Осмоловского так и осталась лежать в столе. Требования во всем следовать одной, «единственно верной» теории резко активизировались в эпоху «Великого перелома» (то есть со второй половины 1929 г.) и приняли директивный характер. Их отражением в науке стало недопущение различных подходов к оценке одних и тех же явлений. В 1930-х гг. вырабатывается универсальная, единая стадильная схема палеолита. В ней не находится места ни «фациальным признакам», отражающим «географические и племенные культурные особенности», ни четкому различению хронологии и периодизации. Этот последний вопрос оказался безнадежно запутан в советском палеолитоведении лет на 30 — вплоть до предложений датировать литологические пласты по характеру археологических находок. Положение стало выправляться только в 1950–1960-х гг.

Из трех публикаций, выход которых едва не инициировал пионерное обсуждение указанной проблемы в археологической литературе СССР, «на слуху» у сегодняшних специалистов осталась только одна — в силу своего обобщающего характера (Ефименко 1928). Две других статьи ныне прочно забыты (Ефименко 1927; Городцов 1928). По крайней мере, мне не удалось найти на них никаких ссылок — кроме, разумеется, ссылки в итоговой публикации киик-кобинских материалов (Бонч-Осмоловский 1940). Только уникальная археологическая библиотека ИИМК РАН с ее библиографическими указателями и каталогами позволила быстро разыскать работы, с которыми спорил в 1928 г. Г. А. Бонч-Осмоловский.

Исторический контекст

Публикуемая нами статья стала одним из результатов творческого подъема, пережитого Г. А. Бонч-Осмоловским, в связи с возможностью в 1926 г. объехать (хотя и в очень быстром темпе) многие европейские музеи, изучить европейские коллекции, продемонстрировать свой материал и обменяться мнениями с ведущими исследователями палеолита. В 1927 г. ученый подготавливает по результатам этой поездки большую статью («К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий»). Ее французский перевод он тут же посылает в Париж — Анри Брейлю, который очень доброжелательно общался с ним за год до того.

Ответ был вскоре получен:

«...Вы очень хорошо использовали Ваше слишком короткое пребывание у нас... Основной наш метод довольно хорош, но в нем есть серьезные недостатки, из-за которых некоторые важные моменты не могли получить объяснения... Например, мне кажется, он не дал возможности понять леваллуа-мустьерскую технику раскалывания... Вопрос о технике раскалывания, который претерпевает революцию, является первоочередным.

...Если бы Вы захотели дать в L'Anthropologie заметку о Киик-Коба и др. в размере листа, она там была бы очень хорошо принята...» (Архив автора).

Звучало очень мило, но о дальнейшей судьбе французского варианта уже отосланной рукописи не говорилось ни слова. Между тем можно предположить: организуя ее пересылку, Г. А. Бонч-Осмоловский все-таки рассчитывал на другое. Но смысл был ясен: ему вежливо предлагали присылать описания конкретных памятников, а более высокими материями — методами и обобщениями —

французы займутся сами. Инновационный характер статьи, о которой впоследствии было сказано: автор опередил свое время лет на 20 (см: Васильев 1994: 206), в действительности, не был оценен современниками и за границей. Судьба манускрипта неизвестна. Возможно, пропал или осел во Франции — в архиве...

Однако будущее все равно казалось обнадеживающим. Полевые исследования в Крыму продолжались полным ходом. Русский вариант текста был принят к публикации в журнале «Человек». И вот в декабре 1928 г. из-под пера Г. А. Бонч-Осмоловского выходит новая статья — и опять не «конкретная», а теоретическая, намечающая принципиально новые пути в исследовании палеолита.

Вся система понятий, пронизывающая этот текст, вся его проблематика и идейная подоснова принадлежали безвозвратно уходящему периоду 1920-х годов — «палеоэтнология», «палеоэтнологическая культура», «культурно-хронологический и геологический возраст», «географические и племенные культурные особенности», «общеэволюционные и фациальные признаки» и т. д. Уже со второй половины 1929 г. вопрос об ее публикации просто не мог быть поднят. В апреле этого года на Совещании этнографов Ленинграда и Москвы этнология была объявлена «буржуазным суррогатом обществоведения, поставленным на голову» (Совещание этнографов... 1929: 116). В октябре 1929 г. уже палеоэтнологию окрестили «суррогатом в квадрате» буржуазной социологии (Арциховский 1929).

На географическом факультете ЛГУ, где преподавал тогда Г. А. Бонч-Осмоловский, после постановлений Совещания этнографов начался откровенный разброд — судорожный пересмотр учебных предметов и программ. Одновременно разгоралась война «классово ориентированного» студенчества с «чуждыми элементами» в своей и преподавательской среде. Внутри самой научной корпорации тоже пошла подковерная борьба. Как положено на «переломах» — первой ломалась совесть... В середине 1929 г. Г. А. Бонч-Осмоловского увольняют из университета: он «не был пропущен университетскими органами... по линии общественной...» (показания Б. Н. Вишневого комиссии Локального бюро СНР 18.03.1930) (РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 12).

Тогда же закрутилось клеветническое, инспирированное недоброжелателями «дело Бонч-Осмоловского», ставшее реакцией на попытки ученого защитить коллег (см.: Севастьянов 2013). В конце 1929 г. именно это «дело» стало главным препятствием для официального поступления Г. А. на службу в Четвертичную комиссию Академии наук (где он фактически работал уже больше двух лет без оклада). Психологический контекст создавшейся ситуации лучше всего передают выразительные (хотя неимоверно пристрастные!) записи в дневнике Ольги Георгиевны Бонч-Осмоловской:

«9 февраля 1930 года.

...С тех пор, как вышибли Глеба из Университета (с весны), он получает только 80 рублей, а проживаем мы 350. Выручают книги отца, но жить этой милой тенью таяжко... Вот уже сколько лет Глеб не может стать на ноги на своей научной дороге...

Долгие годы Глеба затирали Руденко и другие в академической среде за левизну его взглядов, за откровенные высказывания, за самостоятельность научной мысли. Пришло другое время. Вместе с чистой академических зубров полетел и он. Негодились и здесь ему левые взгляды, не поддержали студенты.

На командные посты вылезли просто мерзавцы, карьеристы, „липовые марксисты“. В чистке, шпионстве, сборе сплетен — во всей новой системе перестройкигодились именно те, у кого нет убеждений и кто ничем не брезгует...

Было задушено много людей — никто не попробовал защищаться. Глеб ринулся и за себя, и за других, и в начале зимы еще был пафос, вера в успех честной войны, вера в добрых коммунистов, до коих он, наконец, дошел и все рассказал. Теперь же настала прострация...

18 марта 1930 года.

...Одна из 1001 сказок, творимых ежечасно легенд о человеческой низости и глупости. Такова история Глеба. Из-за подлости одного карьериста, паршивой комсомолки, из-за дурашливой студенческой заметки, двух-трех глупейших сплетен (1-я — в Университете на занятиях лежал на диване, 2-я — в экспедиции была сотрудница, имевшая икону...), из-за этой неслыханной дряни [он] вот уже полгода бьется за реабилитацию себя, за утверждение в Академии наук. И сейчас комиссия в составе Марра и других генералов от науки и коммунизма копается днями в грязи этих доносов, выясняя его общественную физиономию...

23 марта 1930 года.

...Слова одного коммуниста на заседании конференции: „Жизнь, как в осажденной крепости: день за месяц, день за год“.

...У Глеба конфиденциальные сведения: его показания произвели исключительно хорошее впечатление на комиссию¹⁰ — убежденностью в правоте, спокойствием, выдержкой. Те же — по словам Орбели — сволочи. Мнение комиссии ясно...» (Архив автора).

Да, в этот раз страшная сказка имела неожиданно счастливый конец. Но, конечно, тексты, подобные написанному в декабре 1928 г., в создавшихся условиях были обречены лежать без движения.

Послесловие, или 10 лет спустя

Г. А. Бонч-Осмоловский должен был вернуться к проблеме относительной хронологии памятника и к своей собственной давней дискуссии с П. П. Ефименко и В. А. Городцовым через 10 лет, в ходе подготовки первой монографии о Киик-Кобе (Бонч-Осмоловский 1940). Книга писалась, преимущественно, «за 101-м километром», после трехлетней отсидки автора в лагерях.

В этот период ученый был вынужден проявлять сугубую осторожность в выводах, следовать общей схеме, не претендуя на то, чтобы внести в нее серьезные методологические инновации. Поэтому в книге его позиция выглядит куда менее гибкой, чем в ранних работах. Однако и здесь Г. А. Бонч-Осмоловский отделяет «геологическую» датировку от «археологической» замечая, что последняя представляет для Киик-Коба «значительные трудности» (Там же: 151).

Причины этих трудностей коренятся, по его словам, «в общем кризисе, переживаемом сейчас буржуазной археологией». Однако и в советской археологической литературе, с его точки зрения, до сих пор нет общей работы, которая исчерпывающим образом осветила бы проблему. «...Я не считаю возможным, — заявляет автор, — в условиях настоящей монографии вновь возвращаться к этому вопросу, тем более, что как раз в связи с Киик-Коба я писал об этом еще в 1927 г. и в последующие годы. Напомню только, что и сейчас, как тогда, наука, накопившая огромный фактический материал... находится в тупике... Киик-кобинские находки, не укладывающиеся со всеми аналогичными комплексами в рамки об-

¹⁰ В состав комиссии Локального бюро СНР, организованной для разбора «Дела Бонч-Осмоловского», входили Ф.В. Кипарисов, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, М.А. Тиханова-Клименко, Д.М. Скляр (РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 5).

щепризнанной классификации, оказываются в трудном положении. Их датировка зависит от разрешения основных, общих вопросов первобытной истории, от создания новой периодизации палеолита... (курсив мой. — Н. П.)» (Там же).

Где же тут отказ от прежних взглядов? Скорее, имеет место прямая отсылка к собственным работам конца 1920-х гг. и принципиально та же, в основе своей, постановка проблемы. Мысль Г. А. до последнего работала нестандартно, выбиваясь из навязанных ей эпохой идеологических рамок. Конечно, в конце 1930-х гг. от ученого категорически требовалось соблюдать в публикациях определенные «правила игры». Этим и объясняются мелькающие в тексте стереотипные фигуры, вроде «кризиса буржуазной науки», «археологического фронта» и т. д. Однако на конечный вывод они не повлияли: «марксистская» советская наука в данном вопросе оказывается, по Бонч-Осмоловскому, в таком же «тупике», как и западная — при всех своих частных достижениях.

Литература

- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История.
- Арциховский А. В. 1929. Новые методы в археологии. Доклад А. Арциховского (заслушан 11.10.1929 в социологической секции общества историков-марксистов). Краткое изложение доклада и дискуссии // Вестник Коммунистической академии 35–36, 322–325.
- Бонч-Осмоловская О. Г. 2010. «Документ эпохи редкостный...» / Подг. текста, ред., вступ. ст. и комм. Н. И. Платоновой // Кирпичников А. Н. (ред.). Культурное наследие Российского государства. Вып. 5, ч. 2. СПб.: Вести, 269–288.
- Бонч-Осмоловский Г. А. 1928. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек 2/4, 147–186.
- Бонч-Осмоловский Г. А. 1940. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Васильев С. А. 1994. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // РА 2, 202–207.
- Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А. 2007. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок. СПб.: Нестор-История.
- Городцов В. А. 1928. К определению древности мезолитической стоянки в пещере Киик-коба // ИТОИАЭ 2 (59), 33–38.
- Ефименко П. П. 1927. Пам'ятки мустьєрської культури на сході Європи // Юбилейний збірник на пошану Д. И. Багалія. Київ: К.: Друкарня Української Академії Наук, 286–301.
- Ефименко П. П. 1928. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек 1, 45–59.
- Платонова Н. И. 2002. К истории одного открытия в археологии (Г. А. Бонч-Осмоловский и «дело Серебрякова» 1924 г.) // Кирпичников А. Н. (ред.). Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. СПб.: Вести, 120–129.
- Платонова Н. И. 2005. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // АВ 12, 301–315.
- Платонова Н. И. 2016. К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки» 2 (68), № 3, 95–123.
- Севастьянов А. В. 2013. Ленинградское эхо крымского конфликта: новые подробности научного противостояния Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже 20–30 х гг. XX в. // Праці Центру пам'яткознавства 23, 178–205.
- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5–11 апреля 1929 г.). 1929 // Этнография 2, 111–144.

Глава 3

Некоторые дополнения к характеристике индустрии нижнего слоя Киик-Кобы

Об индустрии нижнего слоя Киик-Кобы (литологические слои 5–6) в последние десятилетия было написано довольно много, включая ряд специально посвященных ей работ (Stepanchuk 1994; Степанчук 1997; Степанчук, Ступак 1997; Демиденко 2003–2004). Тем не менее, материалы этого слоя по-прежнему «остаются во многом загадочными», как охарактеризовал их Н. Д. Праслов еще треть века назад (Праслов 1984: 105). В этой статье я попытаюсь кратко рассмотреть несколько спорных вопросов, касающихся характеристики и атрибуции этого комплекса, основываясь на пересмотре коллекций, хранящихся в отделе археологии МАЭ РАН.

В ходе этой работы было обнаружено 5469 камней с шифрами слоев 5 и 6, включая 1087 предметов из числа тех, что Г. А. Бонч-Осмоловский определил как орудия и «осколки со следами ретуши или употребления». Обе цифры примерно в два раза меньше тех, что указываются в монографической публикации материалов памятника при характеристике величины коллекции (12874 и 2325 соответственно: Бонч-Осмоловский 1940: 48 и 90). Дело, видимо, в том, что значительная часть материалов изначально была передана на хранение в Крымский центральный музей¹ в Симферополе (Там же: 8), некоторые вещи попали в музеи других городов Крыма (в частности, Ялты: Степанчук, Ступак 1997: 10), а «большое собрание лучших экземпляров орудий» оказалось в экспозиции выставки «в Четвертичном отделе Геологического сектора Академии наук» (Там же), откуда уже не вернулось. В МАЭ в лотках с коллекциями сохранились вложенные туда, вероятно, самим Г. А. Бонч-Осмоловским листки бумаги, на которых выписаны номера изделий, переданных на выставку, вещей же с этими номерами в лотках нет. Некоторый свет на их судьбу проливают слова С. Н. Бибикова, вспоминающего, что в Государственном геологическом музее в Ленинграде, где некоторое время работал Бонч-Осмоловский, «им была устроена постоянно действующая палеолитическая выставка», и что «к сожалению, выставка эта, содержащая уникальные собрания, распалась при переезде Института геологии в Москву» (Бибиков 1990: 279).

Первое, что бросается в глаза при взгляде на артефакты из слоев 5 и 6 — это их миниатюрность. Размер подавляющего большинства вещей в максимальном измерении не превышает 3 см и лишь в единичных случаях достигает 4 см и более. Иногда это объясняют особенностями первичного раскалывания, но прав, видимо, был Г. А. Бонч-Осмоловский, связывавший миниатюрность инвентаря с размерами доступного сырья: «киик-кобинцу или не были известны месторождения кремня с крупными желваками, или перенесение последних

¹ Ныне Центральный музей Тавриды.

было настолько затруднительно, что он предпочитал выбирать сравнительно небольшие объекты» (Бонч-Осмоловский 1940: 71). Сырье явно использовали до максимального возможного предела, и именно по этой причине, а также в силу малых размеров его исходных отдельных частей, в коллекции почти нет ни морфологически выразительных нуклеусов, ни сколов пластинчатых пропорций, преобладающая часть орудий оформлена на поперечных отщепах, а вещи с вторичной обработкой составляют около 10% всех находок. Обращает на себя внимание также наличие большого количества отщепов сильно укороченных пропорций, у которых толщина площадки равна длине скола или превышает ее, причем площадка в таких случаях всегда образует с брюшком тупой угол. Эти отщепы, получавшиеся, видимо, посредством фрагментации (разбивания?) более крупных сколов, нередко имеют вторичную обработку.

Одно из подтверждений того, что использовались только маленькие желваки, исследователь памятника видел «в очень большом проценте орудий с сохранившейся желвачной коркой». В нижнем слое, по его подсчетам, «их оказалось около 50%, т. е. в соотношении, обычно не наблюдающемся в других палеолитических стоянках» (Там же). При пересмотре коллекции я фиксировал число кремней с коркой (даже с небольшими ее участками) и для орудий, и для всех остальных изделий и получил гораздо более скромный показатель: 23%.

Важное место среди вопросов, связанных с атрибуцией индустрии нижнего слоя Киик-Кобы и вызывающих серьезные разногласия, занимает вопрос о наличии в ней двусторонне обработанных орудий. Начало противоречиям на этот счет было положено самим Г. А. Бонч-Осмоловским, который первоначально был склонен выделять в коллекции немногочисленные «маленькие грубые почти бесформенные ручные рубильца» со следами употребления «на одном конце или крае» (Бонч-Осмоловский 1928: 175; 1934: 132), но впоследствии пришел к выводу, что «двусторонняя обработка как особый технический прием в инвентаре нижнего слоя отсутствует», а «рубильца» являются на самом деле нуклеусами. «В своих прежних работах, — писал он, — я выделял из числа нуклеусов некоторое количество двусторонних орудий, но должен признаться, что это выделение было сделано на основании чисто формального сходства: внешние очертания некоторых нуклеовидных кремней в самом деле напоминают шельские ручные рубила в миниатюре... По существу же говоря, их никак нельзя отнести к разряду преднамеренно сделанных ручных рубил, т. к. ни на одном экземпляре нет настоящей ретуши, формирующей рабочий край орудия. Та подправка рабочего края, которая заметна на всех орудиях этого типа, имеет скорее характер следов употребления, а не предварительной обработки» (Бонч-Осмоловский 1940: 73–74).

Вместе с тем в подписях к иллюстрациям, включенным в книгу, оставлены прежние обозначения обсуждаемых вещей: они определяются там как «тип ручного рубильца» (Там же: 186–187). Видимо, именно по этой причине в некоторых публикациях 1950–1970-х гг. повторяется тезис о наличии в инвентаре нижнего слоя двусторонних форм. П. П. Ефименко в качестве изображения одной из таковых почему-то даже приводит рисунок спинки предмета, который, судя по описанию и иллюстрации у Бонч-Осмоловского, является бифасом никак не может (ср. Ефименко 1953: рис. 39, справа, и Бонч-Осмоловский 1940: 190 и табл. VII, 2). В. Н. Гладилин, зачисляя индустрию нижнего слоя Киик-Кобы в свой вариант «микромустье зубчатое», пишет, что двусторонние формы в ней «единичны и атипичны» (Гладилин 1976: 104), а несколько ниже — что эта индустрия «не дает двусторонних форм» (Там же: 120).

Мнения современных исследователей по интересующему нас вопросу тоже расходятся. В. Н. Степанчук, изучив небольшую часть материалов из нижнего слоя Киик-Кобы, отметил присутствие среди орудий листовидных бифасов и скребел с двусторонней обработкой (Stepanchuk 1994: 159). С этим не согласился Ю. Э. Демиденко. Ознакомившись с коллекцией, он заключил, что «в настоящее время, после просмотра автором настоящего текста большей части артефактов нижнего слоя Киик-Кобы в фондах Археологического отдела МАЭ РАН... представляется правомерным развенчать, наконец, „миф“ о присутствии двусторонних орудий в этом комплексе находок» (Демиденко 2003–2004: 296).

При пересмотре коллекций нижнего слоя Киик-Кобы был выявлен ряд форм орудий, существование которых никак не отражено в имеющихся публикациях. В их числе и двусторонне обработанные изделия (Вишняцкий, Очередной 2017). Среди них нет целых, но тем не менее морфология этих вещей позволяет вполне уверенно идентифицировать их как фрагменты бифасов. Некоторые из них представляют собой сколы переоформления концов бифасов (рис. 1: 2). Причина фрагментации связана с неудачной попыткой утончения одной из поверхностей орудия. В результате ошибки расщепления вместо снятия скола

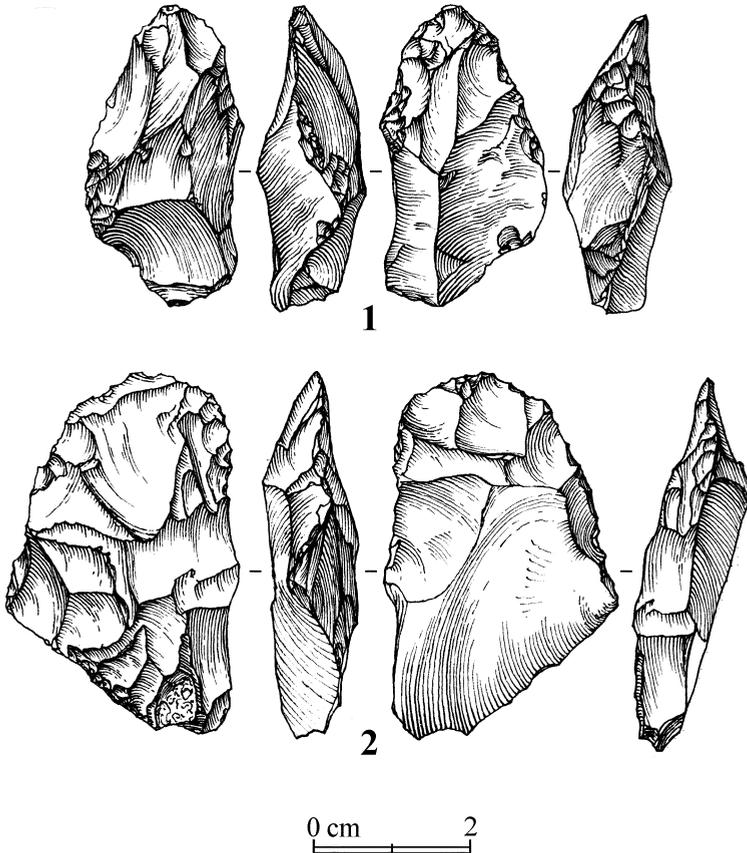

Рис. 1. Киик-Коба, ранний комплекс. Фрагменты бифасов

уточнения с обушка в дистальной (или медиальной) части изделия была потеряна вся дистальная часть. Таким образом, изделие является отщепом уточнения с ныряющим окончанием. Технически подобные изделия известны, например, в коллекции слоя IIIa грота Бокштайн, где была выявлена серия из 16 похожих сколов разных размеров и разной степени выразительности. По крайней мере 11 из них, судя по публикации, очень близки по своим характеристикам сколу из Киик-Кобы (Wetzel, Bosinski 1969: Taf. 18–19). Ярко выраженный экземпляр был обнаружен в коллекции комплекса А памятника Кёнигсауэ (Mania, Toepfer 1973: Taf. 29). Ю. Э. Демиденко в слое В грота Буран-Кая III также выделяет серию аналогичных сколов переоформления двусторонне обработанных изделий (Демиденко 2004: рис. 11, 1–3). Аналогичный скол был обнаружен А. К. Очердным в коллекции Ильской стоянки.

Еще несколько орудий представлено фрагментами, характер образования которых не столь ясен (рис. 1: 1). Это могут быть либо отходы переоформления готовых изделий, либо результат ошибок в процессе изготовления, либо же части вещей, сломавшихся в ходе их использования. Все эти предметы, за одним исключением, — из темного кремня, типичного для нижнего слоя Киик-Кобы и редко встречающегося в верхнем слое.

Наряду с тезисом об отсутствии бифасов в нижнем слое Киик-Кобы, широкое распространение получило также мнение о «бесформенности» орудий раннего комплекса и отсутствии среди них каких-либо установившихся типов. Это мнение является почти общепринятым. Г. А. Бонч-Осмоловский объяснял постулировавшееся им отсутствие в коллекции «определенно установившихся форм» примитивностью техники: «Неискусная еще рука мастера не умела придать им нужной формы и принуждена была следовать капризам случайных, грубо сделанных сколов, лишь слегка подправляя их по краям» (Бонч-Осмоловский 1926: 61). Некоторые другие авторы отводили основную роль естественным повреждениям и писали о наличии в коллекции значительного количества псевдоорудий (Klein 1969: 94–96; Праслов 1984: 105). Действительно, обилие среди находок зубчато-выемчатых форм по крайней мере отчасти является следствием воздействия природных факторов. Правда и то, что на искусственную ретушь и/или ретушь утилизации во многих случаях наложена псевдоретушь, связанная, как полагал Р. Клейн, прежде всего с вытаптыванием (Klein 1969: 94). И тем не менее степень «аморфности» раннего комплекса не стоит преувеличивать. Наряду со случайными и сомнительными (в плане происхождения ретуши) формами, здесь имеются серии выразительных стандартизированных орудий. Особенно представительна серия поперечных скребел или скреблышек (рис. 2: 1–10), среди которых наиболее многочисленны орудия с выпуклым рабочим краем, оформленным регулярной полукруглой ретушью (рис. 2: 1–7). Есть также много аналогичных этим скреблам по очертаниям поперечных отщепов с иногда более, а иногда (чаще) менее четкими фасетками ретуши или следами утилизациями на дистальном конце (рис. 2: 11–15). Выделяется также небольшая группа специфических проколов на поперечных асимметричных отщепах с шипом, созданным (иногда альтернативной ретушью) на «боковом конце», находящемся как бы на отлете от базовой массы скола. Эти и другие орудия из нижних слоев Киик-Кобы часто настолько миниатюрны, что нельзя не задаться вопросом о том, как ими пользовались: прочный захват аккомодационной части рукой во многих случаях кажется невозможным.

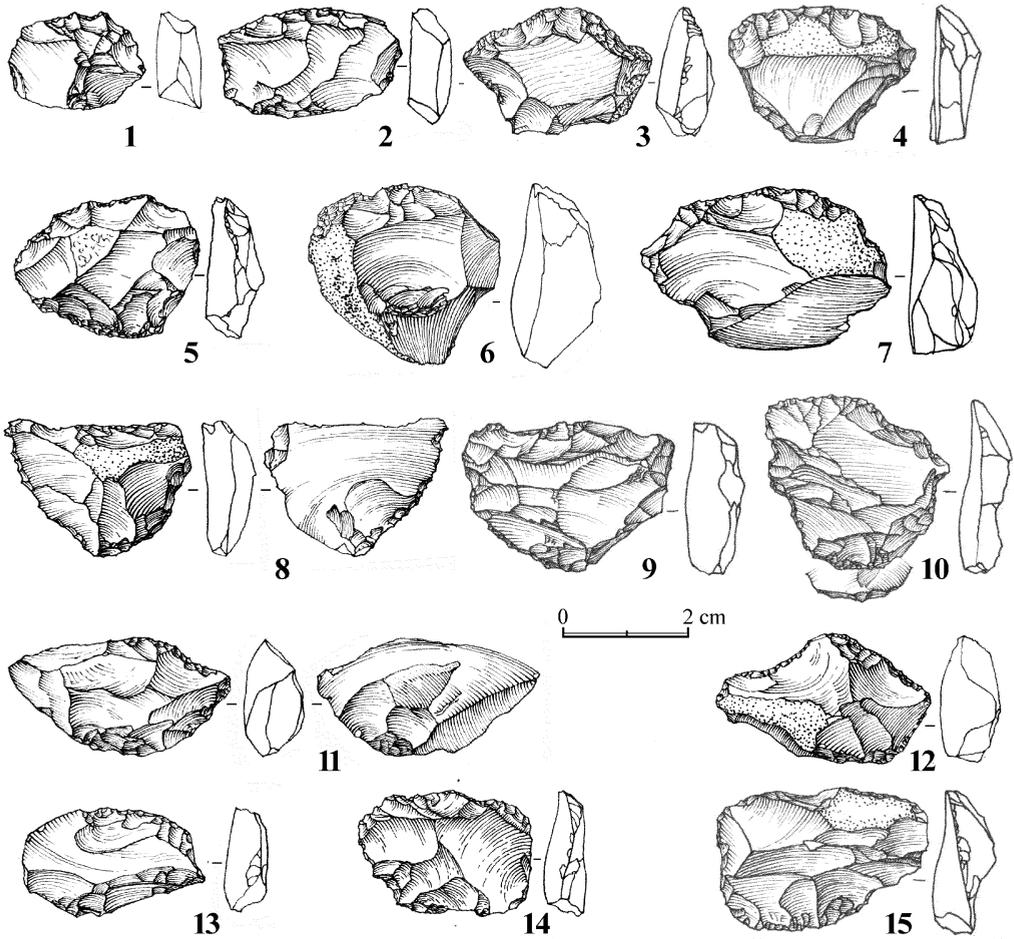

Рис. 2. Киик-Коба, ранний комплекс. Поперечные скребла (1–10) и поперечные отщепы с предположительными следами утилизации (11–15)

Таким образом, основная причина бросающегося в глаза своеобразия раннего комплекса Киик-Кобы заключается не в технической примитивности индустрии и даже не в наличии в коллекции большого количества естественным образом поврежденных вещей, а, прежде всего, в миниатюрности каменного инвентаря, обусловленной размерами исходных желваков, а также, вероятно, дефицитом сырья и необходимостью использовать его до предела. С этим же связан и высокий процент изделий с вторичной обработкой. Выявление в коллекциях двух нижних слоев, составляющих ранний комплекс, серии фрагментов орудий с двусторонней обработкой стирает основную из разграничительных линий, традиционно проводившихся между этой индустрией и памятниками крымского микока.

Литература

- Бибиков С. Н.* 1990. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский // СА 1, 275–283.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 1926. Остатки древне-палеолитического человека в Крыму // Природа 5–6, 59–66.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 1928. К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий // Человек 2–4, 147–186.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 1934. Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. 5, Л., 114–183.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 1940. Палеолит Крыма. Вып. I. Грот Киик-Коба. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Вишняцкий Л. Б., Очередной А. К.* 2017. К вопросу о наличии двусторонне обработанных орудий в нижнем слое Киик-Кобы // Пригарин А. А. (ред.). Человек в истории и культуре. Одесса: Ирбис, 77–81.
- Гладилин В. Н.* 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова думка.
- Демиденко Ю. Э.* 2003–2004. Проблемы эпохальной и индустриальной атрибуции комплексов находок типа нижнего слоя грота Киик-Коба в Крыму // SP 1, 271–300.
- Демиденко Ю. Э.* 2004. Буран-Кая-III. Слои В — технико-типологическая характеристика и анализ артефактов, модели общей кремнеобработки и редукции орудий // Демиденко Ю. Э. (ред.). Буран-Кая-III. Слои В — эталонный памятник Киик-Кобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов. Киев, Симферополь: Шлях, 30–88.
- Ефименко П. Е.* 1953. Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР.
- Праслов Н. Д.* 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Борисковский П. И. (ред.). Палеолит СССР. М., 1984, 94–134.
- Степанчук В. Н.* 1997. Индустрии типа нижнего слоя Киик-Кобы в Крыму // Археология Крыма. Т. 1. Симферополь, 21–32.
- Степанчук В. Н., Стулак Д. В.* 1997. Возвращенная коллекция Киик-Кобы // Древности степного Причерноморья и Крыма 6, 10–18.
- Klein R. G.* 1969. The Mousterian of European Russia // Proceedings of the prehistoric Society 35, 77–111.
- Mania D., Toepfer V.* 1973. Königsau, Gleiderung, Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit, Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Stepanchuk V.* 1994. Kiik-Koba, lower layer type industries in the Crimea // Préhistoire Européenne 6, 157–173.
- Wetzel R., Bosinski G.* 1969. Die Bocksteinschmiede im Lonetal. Teil I–II. Stuttgart: Müller & Grägg.

Глава 4

Полтора века изучения бронзового века Крыма: ответы и вопросы

Резюме. Глава посвящена истории изучения памятников бронзового века Крыма. В основу анализа положена динамика появления и накопления материалов, а также важные шаги в их интерпретации. Авторы выделяют пять периодов в изучении бронзового века Крымского полуострова. В **I периоде** были открыты памятники бронзового века, во **II периоде** широкая научная общественность познакомилась с крымскими материалами, в **III периоде** сложилось представление о едином развитии местных крымских и северопричерноморских культур,

в **IV периоде** «новостроечный бум» и последовавшее накопление материалов позволили выявить локальную специфику ряда крымских памятников, а в **V периоде** специалисты, применяя междисциплинарные методы исследования и современные технические возможности, будут разбираться в региональных особенностях, хронологии и выяснять направление связей и контактов древнего населения полуострова.

Ключевые слова: Крым, бронзовый век, история изучения, курганы, поселения, культурно-историческое развитие.

Крымский полуостров широко известен в мире своими древностями, которые давно изучаются. Среди многих разновременных памятников внимание всегда привлекали материалы античного времени, и сегодня исследователи отмечают, что «уже несколько столетий приоритет отдается изучению археологических памятников античности и средневековья» (Колтухов 2016: 463). Могилы с «окрашенными костяками», как и другие, менее выразительные захоронения, которые, как мы сейчас понимаем, соотносятся с эпохой бронзы, долгое время обходили стороной, нередко при их обнаружении раскопки просто прекращались. Зачастую они просто не учитывались, потому и не находили отражения в отчетах. Вплоть до середины XIX в. отсутствуют достоверные сведения о курганных находках эпохи бронзы в Крыму. Речь об открытии или изучении поселений этого исторического периода вообще не шла.

Первая более-менее ясная информация о материалах эпохи бронзы из раскопок курганов относится к 70-м гг. XIX в. С этого времени и до начала 1960-х гг. в разных частях полуострова проводились раскопки курганов, находки эпохи бронзы из которых эпизодически публиковались. С 1920-х гг. началось изучение бытовых памятников бронзового века. Однако долгое время отсутствовал полный перечень исследованных курганов и поселений в Крыму, не проводилось их картографирование, что существенно затрудняло изучение рассматриваемого периода на полуострове.

Частичное отражение история изучения курганных памятников эпохи бронзы нашла в ряде работ А. А. Щепинского (Щепинский 1966; Щепинский, Черепанова 1969; Щепинский 1975а). Весьма информативной в середине 1970-х гг.

явилась сводка А. Хойслера, в которой опубликованы материалы известных тогда раскопок (Häusler 1976: 48–56). В этой обобщающей работе все же имеются некоторые пробелы, в том числе надо принимать во внимание, что посвящена она раннему периоду бронзового века, а публикация ее за рубежом на немецком языке осложнила тогда знакомство отечественных археологов с работами автора.

В последние десятилетия история изучения памятников эпохи бронзы Крыма была рассмотрена Г. Н. Тощевым (Тощев 1999б; 2007: 9–19). Историю изучения катакомбной культуры Крымского полуострова рассмотрела в своей работе Т. А. Копьева, которая ввела в научный оборот материалы из старых раскопок и выделила три периода в изучении этой культуры, исходя из общих подходов в изучении памятников эпохи бронзы Северного Причерноморья (Копьева 2011).

Анализ имеющихся материалов, степень их опубликованности, систематизация, постановка и уровень решения проблем культурогенеза и хронологии, взаимовлияний между культурами Крыма и Северного Причерноморья, вплоть до Восточного Прикарпатья — на западе, а также Северного Кавказа и Подонцовья — на востоке и юго-востоке, позволили одному из авторов настоящей главы выделить четыре периода в изучении памятников эпохи бронзы Крымского полуострова: **I период** — 1870-е гг. — начало XX в.; **II период** — начало 1920-х гг. — 1950-е гг.; **III период** — начало 1960-х гг. — середина 1990-х гг.; **IV период** — вторая половина 1990-х гг. — по н. в. (Тощев 2007: 9 сл.; 2011: 14–34). В работах Г. Н. Тощева, как в первом издании (Тощев 2007), так и в более расширенной версии (Тощев 2011), подведены итоги изучения бронзового века полуострова к концу XX в. Между тем, в первые десятилетия наступившего XXI в. ситуация в археологии Крыма поменялась, и эти изменения нельзя обходить стороной.

Новый подход к известным данным, обработка старых материалов, новые фундаментальные публикации и многократное увеличение полевых новоотречных исследований дают основания по-иному рассмотреть историю изучения бронзового века Крыма. Необходимо также учитывать, что материалы эпохи бронзы Крымского полуострова накапливались и осмысливались неравномерно, существовали перерывы в исследованиях. Все это обусловило содержание и специфику их изучения.

В основу нашего историографического обзора положена динамика появления и накопления материалов, а также важные шаги в их интерпретации. Проблемы хронологии бронзового века Крыма, охватывающего III и II тыс. до н. э., оставлены за рамками настоящей работы.

I период (последняя треть XIX в.): «окрашенные костяки», или первые находки

Рассмотрение истории изучения бронзового века в Крыму можно начинать с работ Н. П. Кондакова и Д. Я. Самоквасова. Первые исследования, о которых имеется отрывочная информация, произведены в 1876 г. Н. П. Кондаковым у с. Эльтинген (совр. с. Героевское) на Керченском полуострове и с. Ак-Мечеть (пос. Черноморское) на Тарханкуте (ОИАК за 1876: VIII–XXX; ОИАК за 1877: III–XXVII). Имеющиеся описания позволяют полагать, что в четырех насыпях были

выявлены захоронения эпохи бронзы, включая комплексы ямной культуры. В одном из исследованных курганов у с. Кара-Меркит (1885 г.) обнаружена «гробница» со скорченным скелетом и сосудом.

Тогда же, в 1875 г. у подножия Чатыр-Дага Д. Я. Самоквасов раскопал курган и осмотрел ряд поселений вблизи селения Енисале. О своих изысканиях он написал много позже — в составленном в конце жизни заключительном документе (Щавельов 1991: 105; Щавелев 2004). В 1880 г. он исследовал курган эпохи бронзы на берегу Мойнакского озера вблизи Евпатории (Самоквасов 1908: 19–20). В 1889 г. в урочище Шалман вблизи озера Чокрак в Восточном Крыму в раскопанных насыпях обнаружены каменные ящики и склепы (Смирнов 1889). Однако более подробные сведения об этих раскопках отсутствуют.

В последнее десятилетие XIX в. в Крыму проводились масштабные даже по сегодняшним меркам раскопки курганов, в которых регулярно находили захоронения бронзового века. Каменные ящики, благодаря особенностям своей конструкции, чаще становились предметом внимания специалистов и любителей.

Н. И. Веселовский в 1890–1895 гг., а Ю. А. Кулаковский в 1895–1898 гг. провели масштабные работы на территории современных Симферопольского, Нижнегорского и Бахчисарайского районов. При содействии членов ТУАК А. Х. Стевена, А. О. Кашпара, О. О. Лашкова и А. Маркевича за четыре года раскопано 43 насыпи, в 26 из которых выявлены «могилы с окрашенными костяками» (ОИАК 1890: 7–12; ОИАК 1891: 75–79; ОИАК 1892: 4–7; ОИАК 1894: 88–97; ОАК 1895: 117–124; ОИАК 1896: 159–162; Стевен 1891; Кашпар 1891; 1896). Из 23 исследованных Ю. А. Кулаковским насыпей к эпохе бронзы относились 15. О материалах около 90 раскопанных погребений, относящихся к эпохе бронзы из 41–43-го курганов, сохранилась неполная информация. На основе имеющихся данных можно полагать, что значительная часть выявленных захоронений относилась к ямной культуре. Они были совершены в грунтовых ямах и каменных ящиках.

Раскопки проводились и непосредственно членами ТУАК. В те же годы Н. Ф. Романченко на правом берегу р. Западный Булганак у дер. Кояш (с. Водное) исследовал курган, в котором обнаружил несколько погребений. О культурной принадлежности большинства из них судить затруднительно, но каменный ящик с росписью можно отнести к раннему бронзовому веку (Романченко 1891: 63–74). Еще один курган с четырьмя древними погребениями в 1897 г. был также исследован членами ТУАК (ИТУАК 1898: 194).

Своеобразные итоги этого периода изучения курганов «с окрашенными костяками» не только в Крыму, но и в других регионах, прежде всего, на всем степном юге, были подведены в обобщающей работе А. А. Спицына, которая вышла в самом конце XIX в. В ней были учтены и 90 погребений из крымских курганов «с окрашенными костяками» (Спицын 1899: 58). Исследователь впервые заострил внимание на, казалось бы, малоинформативных материалах, которые в те годы стали регулярно находить при раскопках курганов. Он отметил необходимость более тщательного изучения могил с «окрашенными костяками», а также то, что они представляют собой достаточно яркое явление.

Всего в последней трети XIX в. (и самом начале XX в.) изучено более 40 курганов эпохи бронзы, содержащих около 100 погребений. Раскопки велись на соответствующем для своего времени уровне — колодцем или небольшими траншеями, основная часть насыпей оставалась нераскопанной. В данном случае речь должна идти, скорее, о частичном изучении курганных насыпей. Некоторые из известных ранее памятников были доследованы спустя многие десятилетия.

Наиболее яркий из них — раскопанный на снос в 1973 г. экспедицией под руководством А. А. Щепинского «Золотой курган», где выявлены новые яркие комплексы бронзового века, в одном из которых найдены литейные формы (Щепинский 1974: 367; Колтухов 1999: 7 сл.).

Этот первоначальный период в изучении бронзового века Крыма можно охарактеризовать как **время «окрашенных костяков»**. Материалы эпохи бронзы из курганов Крымского полуострова в те годы издавались в виде кратких отчетов, без планов и рисунков (впрочем, как и многие материалы других эпох). В то время объективно отсутствовали как культурные, так и хронологические определения, что соответствовало уровню археологии рассматриваемого периода. Показательно и мнение историков науки относительно, казалось бы, такого привлекающего повышенное внимание направления, каковым является антиковедение. И. В. Тункина показала, что в отечественном антиковедении задачи *научного изучения* античных северопрichernоморских памятников были сформулированы еще археологами-любителями в первой трети XIX в., но как таковая исследовательская программа (названная И. В. Тункиной «программа И. А. Стемпковского — М. И. Ростовцева») была сформулирована лишь в первых десятилетиях XX в. (см. Тункина 2003: 374). Не удивительно, что более прозаичные древности еще ожидали своего исследователя. Обращаясь с позиций сегодняшнего знания к этим материалам, можно заключить, что в этот период открыты материалы раннего бронзового века.

Далее в изучении бронзового века Крыма наступило затишье, продлившееся около полутора десятков лет. Упомянем раскопки нескольких курганов, вновь давших погребения «с окрашенными костяками». Из четырех насыпей, раскопанных в 1907 г. Н. И. Репниковым в Байдарской долине у дер. Скеля, две относились к раннему бронзовому веку, и в одной из них обнаружен расписной ящик (Репников 1909). Член ТУАК А. И. Синицкий в 1912 г. обнаружил ящик с росписью в кургане у с. Ново-Софиевки (совр. с. Героевское Симферопольского района) (ИТУАК 1913: 254–255). Отдельные находки эпохи бронзы уже в 20-х годах прошлого века поступили в Центральный музей Тавриды (Храпунов и др. 1994). В целом эти новые находки не повлияли на общую ситуацию в изучении крымской преистории.

II период (середина 1920-х гг. — начало 1930-х гг.): «статус кво», поселения

Археологические работы в Крыму возобновились в середине 1920-х гг. В 1924 г. Н. Л. Эрнст исследовал один курган под Симферополем у с. Богатое (Бахчи-Эли) (Эрнст 1924; 1931: 77; Тоцев 2002: 26–27) и два кургана с погребениями ямной культуры под Джанкоем (Щепинский, Черепанова 1969: 23). Отметим и первые находки в Крыму памятников среднего бронзового века. При раскопках в 1934 г. крупного (высотой до 6 м) кургана эпохи бронзы под Евпаторией у с. Прибрежное (Кара-Тобе) П. Н. Шульц обнаружил захоронение с костяной пряжкой. Это было первой документированной находкой такого рода на полуострове — в данном случае речь идет о бабинской культуре среднего бронзового века (Шульц 1937: 253–254; 1941: 272)¹. Через два года вблизи местечка

¹ В настоящее время этот могильник практически полностью уничтожен, тем не менее, второй курган удалось исследовать более чем через полвека (см. Внуков 1997: 68).

Кара-Кият в Симферопольском районе сотрудниками Центрального музея Тавриды изучался курган высотой 4,5 м, в котором зафиксировано погребение ямной культуры (Шульц 1953: 121).

С 1930-х гг. наряду с курганами начали исследоваться и поселения среднего и позднего периодов эпохи бронзы. Они были открыты при разведках в районе Судака (Кругликова 1952: 108) и на Гераклейском полуострове (Кравченко 2004: 53). Отдельные находки бронзового века выявлены сборами на поселениях: Дианин Гай (урочище Александрида), Нижнее-Юхаркиной балке, вблизи бывшего хутора Иванова, Карантинная балка, Балка Бермана и Карань 1, южнее с. Флотское (Карань) (см. частично Кравченко 2010: 9 сл.). Однако полученные материалы в те годы не были введены в научный оборот и долго оставались достоянием фондов.

Важным событием оказалось проведение в 1927 г. в Крыму Второй конференции археологов СССР, посвященной 100-летию раскопок в Херсонесе. В работе этой конференции приняли участие 88 делегатов из 20 городов (Вдовин и др. 2008: 113). С докладом о находках изделий из камня в Херсонесе и его округе выступил В. А. Городцов (Городцов 1927: 45 сл.). Хотя материалы эпохи бронзы на этом научном форуме фактически не рассматривались, ее проведение активизировало археологическое изучение полуострова.

В те же годы А. Таллгрэн в своей обобщающей работе привел краткий перечень исследованных в Крыму памятников, включая и материалы бронзового века (Tallgren 1926: 49–50, 52). Эти данные, как и публикация отдельных находок бронзового века (плита с изображениями, каменные топоры) из экспозиций и фондов музеев Крыма (Schmidt 1929: 17, 21; Tallgren 1934: 43), способствовали знакомству широкого круга специалистов, в том числе в Европе, с преисторическими древностями полуострова.

Этот короткий период в изучении бронзового века Крымского полуострова, хотя и продлился не более полтора десятка лет, важен открытием бытовых памятников и знакомством широкой научной общественности, отечественной и зарубежной, с крымскими находками. О методике раскопок курганов данных не имеется, но полное исследование (на снос) курганов не проводилось, много материалов из раскопок тех лет до настоящего времени не опубликованы.

III период (1950-е гг.): накопление материалов, первые систематизации, П. Н. Шульц

После довольно длительного перерыва раскопки курганов, более всего дающие материалы бронзового века, возобновились. В начале 1950-х гг. сотрудниками Крымского филиала АН СССР и Музея пещерных городов исследовано несколько насыпей в Бахчисарайском районе: на территории Помологического рассадника ВИРа, совхоза «Коминтерн» (Крис, Веймарн 1958; Соколова 1957), Бахчисарайской историко-археологической станции КФ АН СССР у сел Вилينو и Дорожное, на землях ВИРа (Веймарн 1954; Щепинский 1963). Исследованиями руководил Е. В. Веймарн, изданные материалы двух комплексов раннего бронзового века неоднократно рассматривались в различных работах.

Тогда же сотрудник Крымского филиала АН СССР В. Маликов исследовал на северной окраине Симферополя (Жигулина Роща) катакомбное погребение

с бронзовым ножом. Артефакты этого же периода выявлены в 1951 г. и в поврежденном строительными работами кургане под Нижнегорском (Шульц 1953: 121). До настоящего времени эти материалы не изданы.

Огромная роль в организации и проведении масштабных экспедиционных работ на полуострове принадлежит П. Н. Шульцу. В связи со строительством Симферопольского водохранилища в зоне затопления в 1954 г. проводились охранные раскопки. Впервые при исследовании крымских курганов использовалась техника. Всего было раскопано 15 курганов, из которых 14, содержащих около 45–50 погребений, были отнесены к эпохе бронзы (Шульц, Столяр 1956). Полевые работы зачастую курировали студенты. Информацию можно найти в ряде публикаций со схематическими рисунками, преимущественно, керамики (Лесков 1957; Шульц, Столяр 1958²; Колосов 1961). Детальная публикация материалов не осуществлена до настоящего времени.

Год спустя, в 1955 г. А. А. Щепинский у с. Марьино раскопал еще три кургана с захоронениями эпохи бронзы (Щепинский 1960б: 249 сл.). О раскопках серии курганов, произведенных им под руководством П. Н. Шульца, а позднее самостоятельно, в междуречье Большого и Малого Салгира, в Курцово-Сабловской долине, к сожалению, не имеется никаких данных (Колтухов, Тощев 1998: 7).

В 1956 г. вблизи кургана у с. Казанки Бахчисарайского района найдена широко известная стела (Щепинский 1958), ставшая объектом пристального внимания многих исследователей. Как сообщал А. А. Щепинский, в результате произведенных им два года спустя раскопок с помощью механизмов в насыпи одного из двух курганов обнаружено погребение в деревянном ящике, которое он отнес к выделяемой им кеми-обинской культуре раннего бронзового века (см. ниже). Тройное захоронение сопровождалось боевым топором (Щепинский 1966а: 102).

В те же годы на окраине Симферополя (Абдал) Л. Н. Соловьев исследовал два кургана (Соловьев 1956; Тощев 2002б), в одном из них имелись два погребения в деревянных ящиках, которые А. А. Щепинский также рассматривал как кеми-обинские (Щепинский 1985: 333).

Первые исследования крупного кургана для своего времени на высоком научном уровне были проведены уже в 1957 г. А. А. Щепинским вблизи Белогорска у с. Дозорное. Этот курган, известный в специальной литературе как «Кеми-Оба» (длиной 72–75 м, шириной 42–45 м и высотой «в среднем 5 м»), был исследован с помощью техники — бульдозера и экскаватора с оставлением одной бровки (Щепинский, Тощев 2001: 50 сл.). Об итогах раскопок А. А. Щепинский сделал доклады в Москве (1959 г.) и Киеве (1960 г.), в которых не только представил курган, но также привел характеристику известных памятников с расписными ящиками, а также определил место этой группы среди культур бронзового века Крыма (Мунчаев, Федоров-Давыдов 1969: 274; Максимов 1961: 309). Именно в этих выступлениях он впервые высказал идею о выделении самостоятельной кеми-обинской культуры раннего бронзового века; суть

² В вышедших почти 30 лет спустя работах А. Д. Столяра и А. А. Щепинского внесены существенные дополнения (Столяр, Щепинский 1980: 81 сл.; 1981: 34 сл.). Материалы комплексов без подробной характеристики впоследствии неоднократно привлекались А. А. Щепинским для подтверждения своих взглядов на культуру бронзового века полуострова (см. Щепинский 1960а: 67 сл.). Недавно С. Г. Колтуховым и С. Н. Сенаторовым детально проанализированы некоторые памятники предскифского и скифского периодов из этих раскопок (Колтухов, Сенаторов 2016а: 47 сл.).

его гипотезы была кратко изложена несколькими годами позже в отдельной работе (Щепинский 1963: 38–40).

Такая же отрывочная информация имеется и о раскопках 1959 г. под Симферополем так называемого Аратукского кургана с каменным ящиком (Щепинский 1975а). В те же годы А. А. Щепинский раскопал курганы в окрестностях Симферополя вблизи сел Украинка, Константиновка, Дружное, Чокурча (Щепинский 1968: 124–126). У с. Зольное Симферопольского района в 1959 г. А. А. Щепинский раскопал курган (два кургана?) эпохи бронзы (Щепинский 1975а; 1963: 46), один из найденных комплексов, датируемый ранним железным веком, получил широкую известность среди специалистов (Щепинский 1962: 57 сл.).

Свыше 20 (?) разрушенных и сnivelированных курганов эпохи бронзы были доисследованы А. А. Щепинским в 1960 г. вблизи поселка Мамай под Евпаторией. В ходе работ выявлены материалы различных культур эпохи бронзы, о которых имеются отрывочные сведения (Щепинский 1985; 2002). Здесь стоит упомянуть и предполагаемый курган бронзового века, в котором могли находиться три, скорее всего, разновременных захоронения (одно с кремневым наконечником копья и сосудом), найденные при раскопках кизил-кобинского поселения близ Инкермана (Крис 1958: 37–39).

В те же годы фонд источников по эпохе бронзы существенно пополнялся и материалами бытовых памятников, выявленными в различных частях полуострова. Паспортизация исторических памятников дала целую серию стоянок бронзового века в Раздольненском районе на севере Крыма (Зиновьев 1957). С 1951 г. по трассе будущего Северо-Крымского канала и в зоне Симферопольского водохранилища работали сотрудники Северо-Крымской историко-археологической экспедиции АН УССР и Крымского филиала АН СССР. Как сообщают авторы публикаций, планомерными разведками были обнаружены стоянки эпохи бронзы, в том числе катакомбного времени (Шульц 1955: 97; Колосов 1955: 129). Большое количество разновременных материалов (стоянки, поселения, отдельные находки) было выявлено в различных зонах Крыма А. А. Щепинским и Ю. Г. Колосовым (Щепинский 1951; 1954; 1957а; 1957б; 1961; Колосов 1956: 22). Эти работы позволили получить представление о характере разновременных памятников и выработать долговременную комплексную программу их исследований.

Значительные по масштабам работы проводились в Восточном Крыму, на территории Керченского полуострова. Здесь отдельные комплексы и находки бронзового века неоднократно фиксировались при раскопках античных городов: Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Илурат (Городцов 1928: 55; Книпович, Славин 1941: 39; Иессен 1947: 64; Гайдукевич 1947: 189; 1951: 207; 1958а: 181–182; 1958б: 10, 17–18; Гайдукевич и др. 1941: 128–130; Блаватский 1955: 73; Кругликова 1952а: 59–61, 67–71; 1952б: 114; Марченко, 1962: 86; Gajdukevič, 1971: Abb. 2–4; Молева 2002: 200–205). Отдельные стоянки бронзового века, выявленные И. Т. Кругликовой в те годы (Кругликова 1952б: 110–118; 1958: 225), раскапывались (Кругликова 1955: 88; 1957: 221). Серия памятников эпохи бронзы в этой части Крыма обнаружена также разведками А. А. Щепинского в 1954 г. и В. Ф. Гайдукевича в 1956 г. (Щепинский, Черепанова 1969: 21; Кубланов 1961: 93–94). Обследование этой местности было проведено В. В. Веселовым, А. М. Лесковым и др., в ходе этих работ выявлены разновременные памятники, в том числе эпохи бронзы (Веселов 1957; Лесков, Збеневич 1962; Лесков, Болдин 1967).

Наиболее яркие находки позднее были опубликованы, массовый же материал не издан до настоящего времени. Некоторые поселения на Керченском полуострове, в предгорном и горном Крыму исследовались в последующие годы. Среди них известное поселение Каменка, раскопки которого с перерывами продолжаются по сегодняшний день.

Появившиеся в значительном объеме новые материалы бронзового века требовали своего осмысления и систематизации, что и было предпринято в те годы. В 1952 г. сделана первая попытка комплексного рассмотрения памятников Крыма, включая известные материалы эпохи бронзы, а также их сопоставления с материалами Северного Причерноморья. Обобщив результаты работ предшественников, П. Н. Шульц пришел к выводу о единстве развития культур этого периода на территории полуострова и Северного Причерноморья. Он сделал заключение, «что в Крыму, таким образом, также как и на Украине, мы имеем курганы эпохи бронзы с погребениями ямного, катакомбного и срубного типов» (Шульц 1953: 121). Таким образом, впервые в крымской археологии была четко обозначена последовательность курганных культур эпохи бронзы.

В середине 1950-х гг. вышли две монографии, надолго определившие направления в изучении культур среднего и позднего бронзового века. Решая вопрос о территории катакомбной культуры, Т. Б. Попова использовала материалы из курганов степной зоны, опираясь на данные доклада П. Н. Шульца³ и поселений Восточного Крыма (Попова 1955: 11–13), включив памятники Крыма в североприазовский вариант (Там же: 69). В своей фундаментальной работе О. А. Кривцова-Гракова отметила наличие артефактов катакомбного времени (из раскопок Н. И. Веселовского) и своеобразной срубной культуры (материалы поселений Восточного Крыма). Она заключила, «что в степном Крыму развитие культур поздней бронзы в основном шло по тому же пути, что в степных районах Донца, Приазовья и Нижнего Днепра» (Кривцова-Гракова 1955: 106–109, 159). Таким образом, доступные в разной степени исследователям материалы эпохи Крыма укладывались в единую, выработанную в 1950-е гг. концепцию последовательности развития культур эпохи бронзы Причерноморского региона.

Однако полученные новые данные существенно не повлияли на общие представления отечественных и зарубежных специалистов о бронзовом веке Крыма. Так, в монументальном томе «Археология в СССР» карта Крымского полуострова эпохи бронзы осталась белым пятном (Монгайт 1955: 380, карта). Несколькими строчками об исследовании поселений бронзового века на Керченском полуострове и вблизи Бахчисарая, раскопках курганов в долине р. Салгир ограничился в своем большом обзорном труде И. Г. Шовкопляс (1957: 140, 149). Всего пять памятников обозначены на археологической карте Крыма «материалы памятников эпохи бронзы» в недоступном в те годы специалистам из СССР фундаментальном исследовании Я. Пастернака (Пастернак 1961: 224, карта VI). Тогда же Т. Сулимирский в контексте киммерийской проблемы уделил внимание ряду известных поселений (Чалки, Киммерик) Восточного Крыма (Sulimirski 1959: 56), опираясь на работы И. Т. Кругликовой, которая эти памятники считала киммерийскими (Кругликова 1955: 74, 90–91). Близкой точки зрения в то время придерживались и многие антиковеды, связывая с киммерийцами и более ранние находки (Гайдукевич 1949: 185–189; Шелов 1956: 15–16). Эти выводы

³ Доклад «Основные типы керамики эпохи бронзы в Крыму» прочитан на археологической сессии в ИИМК АН СССР 26 апреля 1955 г. (Попова 1955: 12).

укладывались в канву разрабатываемой в те годы концепции, согласно которой носителями катакомбной культуры были киммерийцы, а срубной — скифы (см. подробнее: Отрощенко 2004: 361 сл.).

Основной объем полевых исследований в рассматриваемый период на территории Крыма проводили археологи из Москвы, Ленинграда и Киева. Значительное количество материалов получено специалистами в области античной археологии. Материалы эпохи бронзы привлекли внимание не только отечественных, но и зарубежных коллег. Этот период в изучении бронзового века Крыма был связан, прежде всего, с деятельностью П. Н. Шульца (см. Смекалова 2011: 199 сл.), который не только наладил масштабные археологические работы, но также сделал первые шаги в осмыслении полученных материалов. К сожалению, многие его идеи были высказаны лишь в тезисной форме и не получили развернутого обоснования. В это же время происходило профессиональное становление А. А. Щепинского как специалиста в области изучения энеолита и бронзового века.

IV период (начало 1960-х гг. — 1990-е гг.): «новостроечный бум», обобщения, А. А. Щепинский и В. А. Колотухин

С 1960-х гг. на Крымском полуострове начинают работать долговременные новостроечные экспедиции, охватившие широкомасштабными раскопками многие его части, особенно степную. Парадоксально, но и этот выросший «снежный ком» находок бронзового века с трудом преодолевал отсутствие в нему интереса в профессиональной среде. Если для 1970-х гг. уместно вспомнить мнение А. Е. Кислого о том, что «коли я приїхав в 70-ті на роботу до керченського історико-археологічного музею, мене довго відмовляли колеги з Москви та Києва займатися епохою бронзи як непристижною в кримській археології справою» (Кислий 2017: 140), то благодаря, прежде всего, работам новостроечных экспедиций ситуация стала меняться.

Важное место в изучении разновременных памятников Крыма принадлежит созданным тогда новостроечным экспедициям, среди которых, в первую очередь, стоит назвать Северо-Крымскую экспедицию (СКЭ). Образованная в 1962 г., она функционировала до 1993 г. В 1962–1963 гг. экспедицию возглавлял Е. В. Веймарн, в 1964 г. — П. Н. Шульц, в 1964–1976, 1979–1980 гг. экспедицией руководил А. А. Щепинский. В 1977–1978 гг. его сменила В. Н. Корпусова, позже, в 1980–1990 гг. — В. А. Колотухин, а с 1991 по 1993 гг. ее возглавил С. Г. Колтухов. До 1995 г. она функционировала уже как Крымская охранная археологическая экспедиция, возглавляемая С. Г. Колтуховым.

С 1962 г. активную помощь в работе экспедиции оказывал Крымский краеведческий музей. На протяжении ряда лет (1972, 1973, 1975 гг.) проводилось активное сотрудничество с Харьковским госуниверситетом. Отчеты о работах СКЭ за эти годы передавались на хранение в архив Института археологии НАН Украины — с 1965 по 1980 гг., исключая 1973 г.⁴ В 1962 г. сотрудниками Крымского

⁴ В архиве ИА НАНУ отсутствуют и отчеты СКЭ за 1970–1972 г. о работах на Тарханкуте. В какой-то мере документацию удалось восстановить коллегам из Симферополя в середине 1990-х гг. (Колтухов 2010). Отчеты по несколько лет не сдавались в архив ИА, в отчет за 1964 г. вклеены страницы из монографии А. А. Щепинского и Е. Н. Черепановой,

музея под руководством Е. Н. Черепановой исследован один из курганов у с. Дятловка в Белогорском районе, о чем известно только из работы Б. А. Латынина (Латынин 1967: 24). Даже спустя почти четверть века после проведения исследований были опубликованы лишь скифские материалы (Черепанова 1985).

Следует также учесть, что в 1967 г. была создана охранно-археологическая экспедиция Крымской организации общества охраны памятников истории и культуры (КОАЭ). Именно она со следующего, 1968 г. начинает проводить работы охранного характера (Щепинский 1969б: 249–250). Материалы поступают в созданный А. А. Щепинским музей Крыма в Симферополе. Фактически он руководит тогда и СКЭ ИА АН Украины, и КОАЭ, сотрудники которых проводили работы в различных районах Крыма. С этого времени в архив Института археологии поступает неполная информация о раскопках. Отчеты об исследованиях КОАЭ, скорее всего, оставались в музее Крыма, весьма краткие данные о результатах работ последней находили отражение в отдельных информационных сборниках (Щепинский 1969а; 1969б; 1970), публиковались суммарные сведения о раскопках двух экспедиций. Однако с каждым годом информация становилась все более расплывчатой и скудной, в 1970-х гг. в сообщениях уже указывались только районы, где велись раскопки, или вообще трассы работ СКЭ (Щепинский 1973б; 1976)⁵. С середины 1970-х гг. новые памятники практически не упоминались ни в научных, ни в популярных работах, из одного произведения в другое «кочевали» материалы прошлых лет раскопок.

Об итогах последующей деятельности как этой, так и КОАЭ, которыми руководил А. А. Щепинский, известно лишь по кратким информационным сообщениям. Отметим также, что находки передавались в различные учреждения⁶.

Остаются неизвестными до настоящего времени и материалы⁷ исследованных в 1977 г. экспедицией Харьковского госуниверситета трех курганов у с. Славное близ Бокальского озера на Тарханкуте (Латышева, Щепинский 1978: 349). Возможно, раскопки курганов в этом районе производил и сотрудник Крымского республиканского краеведческого музея А. А. Столбунов (информация С. Г. Колтухова).

Общие представления о курганных древностях эпохи бронзы специалисты в те годы могли получать лишь из публикаций А. А. Щепинского. Изданные материалы работ СКЭ в 1962–1964 гг. (Щепинский, Черепанова 1969) на долгие годы стали показательными для этой территории, неоднократно привлекались многими исследователями для обоснования своих выводов. В самом деле, эта работа являлась наиболее полным в то время сводом курганных древностей: в ней были введены в научный оборот 463 комплекса из степного Присивашья, из которых половина (232) датировалась эпохой бронзы.

которая вышла в 1969 г. Многие исследованные объекты вообще не включены в отчеты (см. Колтухов 2012: 6–7). В отчетах нередко отсутствуют фотографии погребений, зарисовки комплексов и вещей, на что неоднократно указывалось (см. Симоненко 1993: 70; Колотухин, Колтухов 2007).

⁵ Нередко один и тот же памятник фигурирует под разными названиями, например, одного из двух сел, между которыми находился курган, или употребляется старое название села, местности и т. д., при этом нередко не указывалась привязка к пунктам на современной карте (см. Тощев 2007: 14–15).

⁶ Материалы КОАЭ и СКЭ передавались на хранение не только в музей Крыма (Центральный музей Тавриды), но и в музеи районных центров (Красноперекопск) и школьные музеи (с. Межводное Черноморского района).

⁷ Полевой отчет отсутствует.

Не удивительно, что в работах обобщающего характера материалы бронзового века из курганов Крыма были представлены единичными памятниками и находками, и даже в сводных изданиях начала 1970-х гг. карта курганов Крыма продолжала оставаться фактически «белым пятном» (Археологія УРСР 1971: карта 8).

Ситуация улучшилась позднее, когда специалисты начали обрабатывать сами материалы — в многочисленных изданиях публикационного и аналитического характера имеются и материалы работ СКЭ. Так, полностью материалам исследований СКЭ в 1977–1978 гг. в степном Крыму был посвящен отдельный сборник (Курганы степного... 1984), а также несколько работ В. Н. Корпусовой и В. В. Генинга (Генинг, Корпусова 1989а; 1989б; 1989в; 1989г). Огромный массив разновременных материалов, добытых новостроечными работами, опубликован лишь наполовину и десятилетия спустя: в конце XX — начале XXI в. в отдельных статьях и некоторых монографиях (Копьева 1990; Гаврилов 1991; Андреев 1992; Каряка 1992; Колтухов и др. 1994; Колтухов, Тощев 1998; Колотухин 1996; 2000; Колотухин, Тощев 2000; Гаврилов и др. 2002; Копьева-Колотухина 2004).

В Крыму в те же годы раскопки курганов проводили и другие новостроечные экспедиции ИА АН Украины. Одной из них являлась Керченская экспедиция, возглавлявшаяся А. М. Лесковым (1964–1967 гг.). Из материалов 47 курганов эпохи бронзы (Лесков 1967а; 1967б; 1968) освещение получили лишь отдельные комплексы (Корпусова, Ляшко 1999; Отрощенко 2005), а полностью были изданы только скифские памятники (Яковенко и др. 1970; Яковенко 1979). Не опубликованы и материалы раскопок П. Н. Шульца кургана у с. Октябрьское в 1967 г. (Шульц 1968: 117), исследований СКЭ под руководством А. А. Щепинского в районе Феодосии, у с. Ленино и др. на Керченском полуострове.

Сотрудники Керченской экспедиции провели также исследование выявленного в 1959 г. Кировского поселения среднего и позднего периодов бронзового века (Лесков 1970). Материалы этого поселения сыграли значительную роль в изучении позднего бронзового века не только Крыма, но и всего Северного Причерноморья.

Охранные исследования объектов бронзового века вели сотрудники и других научных организаций: Крымского республиканского краеведческого музея (Храпунов 1992; Колтухов, Тощев 1999), Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника (Лобода и др. 1975; Лобода 2001; Лобода, Тощев 2003; Колтухов, Вдовиченко 1997; Труфанов и др. 2007), Керченского государственного историко-археологического заповедника (Кислый 1980: 275; Шаров 1994: 272–273), Феодосийского краеведческого музея (Катюшин, Айбабина 1978; Катюшин 1998: 14), Херсонесского государственного историко-археологического заповедника (Савеля 1996; Савеля, Савеля 1997; Анохин 1994; Труфанов и др. 2004: 315–316; Николаенко 1987: 382; 1999: 115; Сенаторов, Одобняков 1985) и др. Большинство материалов издано.

При раскопках античных некрополей или скифских могильников и городищ неоднократно фиксировались погребальные памятники предшествующих периодов. Так, вблизи городища Чайка у с. Заозерное под Евпаторией выявлены и комплексы эпохи энеолита — бронзы: в 1971 г. они обнаружены в курганах 7 и 14 (Коновалов 1972), в 1974 г. — в кургане 17 (Калмыкова и др. 1975). Насыпь эпохи бронзы раскопана в 1981 г. рядом с Донузлавским городищем (Дашевская 1983: 257). Работами Михайловской (1963, 1966, 1969–1970 гг.), позже Феодосийско-Михайловской (1975–1977 гг.) экспедицией ИА АН СССР на Керченском полуострове изучены две насыпи эпохи бронзы (Петерс и др. 1970: 268;

1972: 144–145; Ефимова и др. 1972; Петерс 1985: 23), а два кургана эпохи бронзы исследованы в урочище Артезиан у с. Чистополье (Винокуров 1998).

За исключением материалов курганов, раскопанных Донузлавской экспедицией ИА АН СССР (Дашевская 1969; Дашевська, Голенцов 2003), экспедицией МГУ у с. Песчаное (Барбарунова 1993), российско-крымской Артезианской археологической экспедицией у с. Чистополье, многие памятники эпохи бронзы известны лишь по кратким информационным сообщениям. Наглядным примером могут служить исследованные 10 насыпей эпохи бронзы в Сакском районе Крыма (Ольховский 1978; 1980; 1981; 1982; 1984; 1985; 1987; 1993; Яценко, Ольховский 1977), в Симферопольском районе в 1972 г. (Махнева, Ушатый 1973: 309), девять насыпей могильника Ак-Таш на берегу одноименного озера (Бессонова 1981; 1983; Кислый 1993: 164–166, 170), на городище Кермен-Кыр под Симферополем (Высотская 1987: 42). В печати нашли отражение преимущественно материалы скифского времени, которые и являлись объектами исследований руководителей раскопок.

Проводились также осмотр и исследования как ранее известных, так и вновь выявленных стоянок и поселений эпохи энеолита — бронзы. Среди них Чернополье (Щепинский 2002: 89), Планерское I, Каменка, Чалки, Глейки, Кировское (Лесков 1970; Рыбалова 1965; 1966; 1972; Колотухин, Скорый 1979; Колотухин 1983; 1996: 20–23; Тощев 1990а; 1999а; Кислый 2000) и Ак-Таш (Бессонова 1981; 1983: 243).

Материалы таких известных поселений, как Каменка (см. Кислый 1987) и Кировское, постоянно привлекали внимание исследователей, отдельные категории находок неоднократно рассматривались в литературе. Параллельно в малоизученных зонах полуострова проводились разведки, в ходе которых зафиксированы новые памятники эпохи бронзы (Махнева, Колтухов 1978; Махнева 1996; Ключин, Щепинский 1989: 263–265; Колтухов, Шишкин 1982: 276). Отдельные находки бронзового века на территории полуострова упоминаются в работах А. М. Лескова (Лесков 1965а; 1965б), Е. Н. Черных (1966; 1978), С. Н. Корневского (Корневский 1974: 17, рис. 3, 7; 1981: 27, рис. 5, 7).

Широкомасштабные раскопки этого периода на курганах и, в меньшей степени, на поселениях первоначально стимулировали выход из печати работ информационного характера; далее увидели свет и публикационные работы. Появились исследования обобщающего характера, посвященные определенным периодам древней истории Крыма. Энеолитом и ранним бронзовым веком занимался А. А. Щепинский, Г. Н. Тощев сосредоточился на среднем бронзовом веке (Тощев 1990б; 2007: 94 сл.), а В. А. Колотухин изучал период поздней бронзы (Колотухин 1988; 1996; 2003).

Гипотезу о наличии в Крыму в раннем бронзовом веке самостоятельной культуры, названной «кеми-обинская», А. А. Щепинский оформил в кандидатской диссертации (Щепинский 1975а; 1975б) и в обобщающей работе (Щепинский 1985: 331–336). Кем-обинская культура была выделена по устойчивому сочетанию признаков, среди которых определяющими были погребальные конструкции: каменные, реже деревянные конструкции (в том числе ящики) с росписями на внутренних стенах (Щепинский 1975б: 9). Изначально ареал кем-обинской культуры он ограничивал Крымом, допуская возможность ее более широкого распространения (Щепинский 1963: 39; 1975б: 20), далее в него была включена территория степного Причерноморья (Щепинский 1985б: 332–333).

Его гипотезу поддержали в профессиональной среде, так как она в целом не противоречила общим сложившимся тогда представлениям об энеолите — бронзовом веке всего Причерноморья. Более того, обнаруженные в курганах степного Причерноморья каменные ящики, особенно имевшие роспись, многие археологи в те годы автоматически причисляли к кеми-обинской культуре (см. Тощев 2011: 72–73). Таким образом, как будто подтверждался вывод А. А. Щепинского о ее широком территориальном распространении.

Параллельно с работами А. А. Щепинского были опубликованы две статьи А. Хойслера, который обобщенно рассмотрел известные расписные ящики и ранние стелы Крыма, привлекая доступные архивные источники по раскопкам в XIX в. Исследователь не увидел оснований для выделения отдельной кеми-обинской археологической культуры, как в те годы (Häusler 1964; 1966), так и позднее, уже в XXI в., когда он вновь обратился к этой проблематике (Häusler, Toščev 2009). Судя по всему, эти ранние работы А. Хойслера были неизвестны А. А. Щепинскому, который после начала 1980-х гг. к этой теме более не возвращался. Сейчас специалисты склонны рассматривать кеми-обинские памятники в составе ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века (Тощев 2007: 63; 2011: 79; Häusler, Toščev 2009: 96). Однако проблема появления ящичного обряда захоронения в энеолите — раннем бронзовом веке и путей его распространения пока не находит более-менее убедительного объяснения.

А. А. Щепинский также первый проанализировал и материалы ямной культуры полуострова (Щепинский, Черепанова 1969). В настоящее время Г. Н. Тощев рассматривает Крым как периферийную зону, которую волнами в несколько этапов осваивало население ямной культуры. По его мнению, разные группы племен сосуществовали друг с другом, проникая через Керченский пролив и на Кавказ, откуда и могли поступать инновации (см. Тощев 2007: 210).

На изучение среднего бронзового века Крыма существенное влияние оказал проведенный в 1990 г. всесоюзный семинар «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности» и вышедший через несколько лет сборник, в котором рассматривались и материалы Крыма (Проблемы... 1990; Проблемы изучения... 1998). Тогда же Г. Н. Тощев обобщил данные по катакомбным памятникам полуострова, выделил три этапа в развитии культуры в Крыму, уточнил хронологию в пределах XXII–XVIII вв. до н. э. и отметил, что она представляет собой южную периферийную зону катакомбной культурно-исторической общности. Выделенная им позднекатакомбная «евпаторийская» группа (погребения с вытянутыми на спине скелетами), существовавшая одновременно с классическими бабинскими (многоваликовыми) комплексами (погребения со скорченными на боку скелетами), подтверждает специфику культурно-исторических процессов в регионе на исходе среднего бронзового века.

Определенные аспекты среднего бронзового века на поселенческих объектах рассмотрены в ряде работ. С. Н. Братченко памятники на востоке Крыма включал в состав каменско-ливенцовской группы (Братченко 1985). Позже он писал о южном образовании — каменско-ливенцовской группе или культуре, синхронной и родственной культуре Бабино (многоваликовой) (Братченко 2006: 229). А. Е. Кислый, опираясь, прежде всего на материалы Каменского поселения и синхронных ему памятников (Кислый 2000; 2004; 2005; 2006), придерживается мнения о самостоятельной каменной культуре, сыгравшей значительную роль в развитии микрорегиона на востоке полуострова. В настоящее время им подготовлена к изданию монография (один из авторов, Г. Н. Тощев,

ее рецензент), в которой суммируются все наработки по памятникам каменной группы⁸.

Поздний период бронзового века нашел освещение в диссертации В. А. Колотухина, а группа памятников Бай-Кият, Луговое, Чуюнча и др. — в нескольких его монографиях и ряде статей (Колотухин 1988; 1996; 2000; 2003). Всесторонне проанализировав материалы, исследователь впервые в археологии Крыма применил термин «горнокрымская культура» позднего бронзового века — начала железного века, в развитии которой выделил три этапа, «хронологически соответствующие предсабастиновскому, сабастиновскому и белозерскому этапам степной северопричерноморской культуры» (Колотухин 1996: 50 и сл.). Он пришел к заключению, что «горнокрымские материалы эпохи поздней бронзы являются собой однородный культурный комплекс, не имеющий принципиальных отличий от сабастиновских и белозерских комплексов степного Крыма, Северо-Западного Причерноморья, Приднепровья и Молдавии» и «тождество или сходство горнокрымских археологических комплексов XIII-X вв. до н. э. с комплексами эпохи бронзы степного Причерноморья позволяет рассматривать горный Крым в качестве периферийной области единого этнокультурного массива, известного по памятникам сабастиновского и белозерского типов» (Там же: 60, 87). Фактически, исследователь показал неоднородность крымских материалов позднего бронзового века — с одной стороны, оставив открытым вопрос об их специфике по отношению к синхронным северопричерноморским памятникам, — с другой. По сути, исследование В. А. Колотухина было первой обобщающей работой, посвященной позднему бронзовому веку полуострова. Эта работа получила в целом высокую оценку специалистов (см. Колтухов 2016), но С. Н. Сенаторов справедливо заметил, что выделение горнокрымской культуры и особенно ее соотношение со степными культурами Северного Причерноморья не бесспорны (Сенаторов 1998: 242). В своих последующих работах В. А. Колотухин включал Горный Крым в сферу влияния степных культур (Колотухин 2003). Представляется, что вопрос о локальной специфике этих памятников, проявляющейся особенно заметно в широком использовании камня в погребальных сооружениях (см. Колотухин 1996: 28 сл., 61), остается открытым.

Рассматриваемый период в изучении бронзового века Крыма ознаменован огромным количеством новых материалов и обобщениями, новыми гипотезами и идеями. Было введено в научный оборот почти 1000 (926) комплексов только по материалам работ СКЭ: в 1977–1978 гг. — 235, в 1983–1986 гг. (в Сакском районе) — 322; в 1991–1992 гг. — 157 и в 1993–1995 гг. — 212 погребений эпохи бронзы из различных районов полуострова, преимущественно степных. Однако до настоящего времени остается неопубликованным большой объем материалов масштабных раскопок разных экспедиций, преимущественно новостроечных. Отметим, что аналогичная ситуация характерна для всего периода «новостроечного бума». В те годы новостроечные работы имели свою специфику, обусловленную авральным характером ведения строек, что сказывалось и на исследованиях археологических памятников в зонах строительства. Увеличившиеся многократно объемы материалов бронзового века, безусловно, повлияли на представления специалистов о культурно-историческом развитии

⁸ Учитывая, что «каменная культура» уже давно выделена на Алтае (Могильников 1980: 45), Г. Н. Тоцев предложил для таких памятников в Крыму название «каменско-планерская культура» (Тоцев 2007: 170–171).

полуострова в рассматриваемую эпоху. Проведенные исследования показывают, что культурно-историческое развитие Крымского полуострова на протяжении эпохи бронзы имело устойчивую региональную специфику, будь то кемпинские расписные ящики в раннем бронзовом веке, «евпаторийская» позднекатакомбная группа — в среднем, или «горнокрымская культура» — в позднем.

Имеющиеся материалы согласуются с мнением, что полуостров в силу его географического положения являлся периферийным ареалом, куда на протяжении эпохи бронзы происходил отток населения, продолжавшего развитие здесь даже после распада общностей в степном Причерноморье (Тощев 1990б: 126; 2007: 210). Отдельные группы осваивали и территорию Северного Кавказа. Как писал А. А. Маслеников, по отношению к Северному Причерноморью Крым во все исторические эпохи выступал этнолингвистическим мешком (Маслеников 2003: 292). Отсюда вполне естественно и своеобразие тех или иных культурных образований, особенно в южной части.

V период (начало XXI в. — н. в.): «архивно-фондовая» археология, книги, задачи

Первые годы XXI в. были отмечены резким сокращением объема полевых работ, чего нельзя сказать о публикации материалов эпохи энеолита — бронзы. В основу сравнительно многочисленных отдельных публикаций (Копьева-Колотухина 2004; Колотухин 2004; Мелихова 2012; Куштан 2016) и монографий (Колтухов, Тощев 1998; Колотухин, Тощев 2000; Колотухин 2003; Тощев 2007; 2011) положены данные раскопок предшествующих лет. В отдельных работах и справочниках информационного характера приводятся данные о новых памятниках эпохи бронзы (Гаврилов, Тощев 1999; 2012; 2015; Колтухов, Копьева 2010; 2016; Ланцов, Кузнецов 2004: 79–80; Голенко 2005: 403–406; 2007: 191–195). Краткая характеристика культур энеолита — бронзы, а также описание отдельных ярких памятников содержится и в монументальном издании «Энциклопедия крымских древностей» (Буров 2006).

Своеобразным итогом изучения бронзового века явились две монографии одного из авторов настоящей работы (Тощев 2007; 2011). Не останавливаясь здесь на опубликованных основных положениях, отметим наличие в книгах разнообразных таблиц, содержащих важную информацию по памятникам эпохи бронзы Крымского полуострова, включая их местоположение, годы раскопок, автора(-ов) раскопок, количество раскопанных курганов и комплексов (зачастую приблизительное) и источники информации (см. Тощев 2007: 263 сл., табл. III). Такого рода данные могут помочь в поиске данных и составлении археологической карты полуострова.

Активный сбор и обработку материалов из фондов и архивов различных научных учреждений (прежде всего Санкт-Петербурга и Симферополя) проводят С. Г. Колтухов и С. Н. Сенаторов. Это позволило им интерпретировать на современном уровне материалы преимущественно скифского времени из раскопок Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского (Колтухов, Сенаторов 2014; 2015а; 2015б; 2015в; 2016а; 2016б; 2016в; 2016г; 2016д; Колтухов 2010; 2014). Введены в научный оборот обнаруженные в фондах Крымского краеведческого музея артефакты «Тавельских» курганов 1897 г. (Труфанов 2004). Дальнейшее осмысление артефактов эпохи бронзы из раскопок XIX в. существенно расширит фонд источников

этого периода в Крыму. Крайне актуален вопрос о привлечении к обработке материалов специалистов смежных дисциплин — антропологов, остеологов, геофизиков, равно как и специалистов в области энеолита — бронзового века⁹.

Масштабные работы по картографированию курганов полуострова проводят Т. Н. Смекалова и ее коллеги. В хорошо составленных и прекрасно изданных сборниках значительное место отведено и памятникам эпохи бронзы (Смекалова 2009; 2010; Смекалова, Столба 2009; Смекалова, Кутайсов 2013; Смекалова и др. 2014; Храпунов и др. 2010). Такие исследования являются образцом для подобных работ на территории всего Причерноморья. В последние годы под руководством Т. Н. Смекаловой развернулись активные работы в северо-западном и предгорном Крыму, где целенаправленно ведутся поиски поселений местных земледельческих племен позднего бронзового и раннего железного веков для создания полноценной археологической карты, выявления динамики расселения и пр. (Смекалова, Кутайсов 2017). В этих работах впервые широко применяются естественнонаучные методы, в том числе неинвазивные методы исследования поселенческих структур.

Своеобразный издательский бум в крымской археологии связан не только с «разысканиями в фондах и архивах», возросшим интересом к истории науки (в последние годы здесь прошли несколько конференций по этой тематике¹⁰), но также с очередным бумом новостроечных работ (на данном этапе — фактически круглогодичных), прежде всего на Керченском полуострове, и существенными изменениями в организации крымской археологии (см. Майко 2016: 6 сл.). Сейчас информация только начинает поступать, появятся ли открытия бронзового века — покажет время. Однако с известной долей осторожности полагаем, что в истории изучения бронзового века Крыма современный этап заслуживает выделения в отдельный период.

Вместо заключения

В течение 150 лет археологического изучения Крыма на различном уровне исследовано более 500 курганов эпохи бронзы¹¹, в которых выявлены погребения ямной, катакомбной, бабинской, срубной, сабашиновской и белозерской культур. В разной степени (от шурфовок до полномасштабных раскопок) также исследованы 25 поселений среднего и позднего периодов бронзового века. Территориально полуостров изучен весьма неравномерно. Основные объемы новостроечных работ были связаны с районами Северного и Предгорного Крыма, Тарханкута, Керченского полуострова, где и отмечается концентрация исследованных курганов. Поселенческие памятники преимущественно раскапывались в предгорье Крыма и на Керченском полуострове, гораздо реже — в остальных зонах, где они больше известны по данным разведок.

⁹ В настоящее время на Крымском полуострове лишь два археолога (Т. А. Копьева и А. Е. Кислый) занимаются проблемами энеолита — бронзового века...

¹⁰ 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы конференции, Симферополь, 4–6 сентября 2015 г. Симферополь, 2015; Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 23–27 мая 2016 г. Керчь, 2016 (БЧ XVI).

¹¹ Число исследованных насыпей на начало 1980-х гг., приводимое А. А. Щепинским, представляется явно завышенным (Подгородецкий и др., 1983: 61–63; 1984: 98).

Проделанный историографический обзор позволяет выделить пять периодов в изучении бронзового века Крыма: **I период** — последняя треть XIX в.; **пауза**; **II период** — середина 1920-х гг. — начало 1930-х гг.; **пауза**; **III период** — 1950-е гг.; **IV период** — начало 1960-х гг. — 1990-е гг.; **V период** — начало XXI в. — н. в.

Каждый период отмечен значимыми достижениями: в **I периоде** были открыты памятники бронзового века, во **II периоде** широкая научная общественность познакомилась с крымскими материалами, в **III периоде** сложилось представление о едином развитии местных крымских и северопричерноморских культур, в **IV периоде** «новостроечный бум» и последовавшее накопление материалов позволили выявить локальную специфику ряда крымских памятников, а в **V периоде** специалисты, применяя междисциплинарные методы исследования и современные технические возможности, будут разбираться в региональных особенностях, хронологии и выяснять направление связей и контактов древнего населения полуострова. Хотя культуры Крыма демонстрируют общие вехи развития с культурами степного Причерноморья, в течение бронзового века культурно-историческая ситуация полуострова обнаруживает устойчивую региональную специфику. Накопленный внушительный фонд источников дает возможность составить более-менее целостное представление о бронзовом веке Крымского полуострова.

Литература и архивные материалы

- Андреев В. Н. 1992. Курган эпохи бронзы в Крыму // ДСПК III, 115–122.
- Анохин В. В. 1994. Охранные раскопки курганов в районе с. Новосельское Черноморского района // АИК 1993 г., 21–25.
- Археологія УРСР. 1971. Археологія Української РСР. Т. I. Первісна археологія / Відн. ред. Д. Я. Телегін. Київ: Наукова думка.
- Барбарунова З. А. 1993. Курган у села Песчаное близ города Евпатории // Шапова Ю. Л., Яценко И. В. (ред.). Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ, 3–11.
- Бессонова С. С. 1981. Скифский могильник в Восточном Крыму // АО 1980 года. М.: Наука, 231–232.
- Бессонова С. С. 1983. Раскопки курганов у Акташского озера // АО 1981 года. М.: Наука, 243–244.
- Блаватский В. Д. 1955. Раскопки Пантикапея в 1952 г. // КСИИМК 58, 70–87.
- Братченко С. Н. 1985. Каменско-ливенцовская группа памятников // Телегин Д. Я. (ред.). Археология Украинской ССР. Т. I. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 458–462.
- Братченко С. Н. 2006. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ 6, 32–310.
- Буров Г. М. 2006. Энциклопедия крымских древностей. Киев: Стилос.
- Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В. 2008. Из истории организации общесоюзного археологического съезда (1920-е гг.) // Пряжин А. Д. (ред.). Из истории отечественной археологии. 1. Воронеж: Изд-полиграф. центр Воронежского ГУ, 108–124.
- Веймарн Е. В. 1954. Отчет об эпизодических археологических работах Бахчисарайской историко-археологической станции Крымского филиала АН СССР в 1953 году. Бахчисарай, 1954 // Архив ОАСа ИА УССР, инв. шифр А, № 11/8.
- Веселов В. В. 1957. Стоянки эпохи бронзы на Керченском полуострове близ поселков Каменка, Глейка и Маяк // Шульц П. Н. (ред.). История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 35–39.

- Винокуров Н. И. 1998. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.: ИА РАН.
- Внуков С. Ю. 1997. Исследования городища и могильника Кара-Тобе // АИК 1994, 66–68.
- Высотская Т. Н. 1987. Этнический состав населения Крымской Скифии // Высотская Т. Н. (ред.). Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н. э. — VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 40–67.
- Гаврилов А. В. 1991. Курган эпохи бронзы у села Донское в Крыму // Гаврилов А. В. (ред.). Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон: Херс. обл. гос. архив, Херс. краев. музей, 52–60.
- Гаврилов А. В., Тощев Г. Н. 1999. Курган у села Желябовка в Крыму // SP 2, 160–166.
- Гаврилов А. В., Тощев Г. Н. 2012. Новые памятники эпохи бронзы в Крыму // ССПК XVI, 63–94.
- Гаврилов А. В., Тощев Г. Н. 2014. Курганы у с. Молочное в Центральном Крыму // ССПК XVIII, 34–69.
- Гаврилов А. В., Колотухин В. А., Колтухов С. Г. 2002. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V–III в. до н. э. у с. Приречное в Крыму // ССПК X, 4–109.
- Гайдукевич В. Ф. 1947. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия // ВДИ 3, 187–204.
- Гайдукевич В. Ф. 1951. Новые исследования Илурата (1949 г.) // КСИИМК XXXVII, 96–211.
- Гайдукевич В. Ф. 1958а. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА 85, 149–218.
- Гайдукевич В. Ф. 1958б. Илурат: Итоги археологических исследований 1948–1949 гг. // МИА 85, 9–148.
- Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. 1941. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 гг. // МИА 4, 110–148.
- Генинг В. В., Корпусова В. Н. 1989а. Археологические памятники Крымского Присивашья. Первая курганная группа у с. Целинное. Препринт. Киев: Институт зоологии АН УССР.
- Генинг В. В., Корпусова В. Н. 1989б. Археологические памятники Крымского Присивашья. Вторая курганная группа у с. Целинное. Препринт. Киев: Институт зоологии АН УССР.
- Генинг В. В., Корпусова В. Н. 1989в. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Богачевка. Препринт. Киев: Институт зоологии АН УССР.
- Генинг В. В., Корпусова В. Н. 1989 г. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Источное и с. Болотное. Препринт. Киев: Институт зоологии АН УССР.
- Голенко В. К. 2005. Памятники доантичного периода на горе Опук (древний Киммерик) и в ее окрестностях // StratumPlus 2, 397–406.
- Голенко В. К. 2007. Древний Киммерик и его округа. Симферополь: Сонат.
- Городцов В. А. 1927. Каменные орудия, найденные в почве древнего Херсонеса и его окрестностей // Вторая конф. археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года. По случаю 100-летия херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь: Изд-во Херсонесского музея, 45–46.
- Дашевская О. Д. 1969. Курган эпохи бронзы у с. Поповка близ Евпатории // КСИА 105, 62–69.
- Дашевская О. Д. 1983. О работах Донузлавской экспедиции // АО 1981 года. М.: Наука, 256–257.
- Дашевська О. Д., Голенцов А. С. 2003. Західнодонузлавський курган доби бронзи // Археологія 3, 5–15.
- Зиновьев М. К. 1957. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // Шульц П. Н. (ред.). История и археология древнего Крыма. Вып. 1. Киев: Изд-во АН УССР, 323–326.

- Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петерс Г. П. 1972. Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка // КСИА 130, 97–104.
- Иессен А. А. 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья: ее предпосылки и особенности. Л.: ГЭ.
- ИТУАК 1913. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии: 8 марта, 12 апреля, 19 мая, 16 августа, 26 августа, 16 октября, 15 ноября 1912 г. ИТУАК 49, 223–280.
- Калмыкова В. А., Коновалов А. А., Павлов В. А. 1975. Курганный могильник у дер. Заозерное // АО 1974 года. М.: Наука, 283–284.
- Каряка А. В. 1992. Длинный курган в Крымском Присивашье // ДСПК III, 128–130.
- Катюшин Е. А. 1998. Феодосия. Каффа. Кефе. Феодосия: Коктебель.
- Катюшин Е. А., Айбабина Е. А. 1978. Раскопки в окрестностях Феодосии // АО 1977 года. М.: Наука, 328.
- Кашпар А. О. 1891. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные Н. И. Веселовским в июле и августе 1891 г. // ИТУАК 14, 95–97.
- Кашпар А. О. 1896. Раскопки курганов в окрестностях г. Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским в 1895 г. // ИТУАК 24, 138–150.
- Кислый А. Е. 1980. Исследования Керченского историко-археологического музея // АО 1979 года. М.: Наука, 275–276.
- Кислый А. Е. 1987. Раскопки поселений Каменка и Маяк в Восточном Крыму // АО 1982 года. М.: Наука, 266.
- Кислый А. Е. 1993. Кромлехи и каменные оградки срубной культуры на Керченском полуострове // ДСПК IV, 162–176.
- Кислый А. Е. 2000. Каменная культура Восточного Крыма // Наукові праці історичного факультету ЗДУ ІХ. Запоріжжя, 206–228.
- Кислый А. Е. 2004. Глейки II — новый памятник на археологической карте Крыма // ССПК XI, 116–120.
- Кислый А. Е. 2005. Население и памятники каменной восточного Крыма // StratumPlus 2, 93–126.
- Кислий О. Є. 2006. Основі риси кам'янської культури Східного Криму // Археологія 3, 21–34.
- Кислий О. Є. 2017. Дмитрівна Рибалова: вдячність та пам'ять залишаються (8.03.1911–11.12.1996) // Археологія 1, 124–141.
- Клюкин А. А., Щепинский А. А. 1989. Археология и история // Морозова А. Л., Вронский А. А. (ред.). Природа Карадага. Киев: Наукова думка, 253–270.
- Книпович Т. Н., Славин Л. М. 1941. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА 4, 37–60.
- Колосов Ю. Г. 1955. Археологические разведки в степной части Крыма // КСИА АН УССР 4, 129–130.
- Колосов Ю. Г. 1956. Разведки памятников неолита и бронзы в степном Крыму // КСИА 4, 22–26.
- Колосов Ю. Г. 1961. Розкопки кургану № 1 на лівому березі Салгиру // Археологія XII, 119–128.
- Колотухин В. А. 1983. Многослойное поселение в юго-восточном Крыму // СА 1, 277–282.
- Колотухин В. А. 1988. Население предгорного и горного Крыма в конце II — первой половине I тысячелетия до нашей эры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Колотухин В. А. 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века (Этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости.
- Колотухин В. А. 2000. Поселение эпохи поздней бронзы Бай-Кият в Крыму // StratumPlus 2, 526–553.
- Колотухин В. А. 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос.
- Колотухин В. А. 2008. Курган № 1 у села Долинка и ящичные гробницы раннего бронзового века Крыма // Петрова Э. Б. (ред.). Херсонесский колокол. Симферополь: Сонат, 223–242.

- Колотухин В. А., Колтухов С. Г. 2007. Скифский курганный могильник у с. Братское в Степном Крыму // ССПК XIV, 94–109.
- Колотухин В. А., Скорый С. А. 1979. О работах Коктебельского отряда // АО 1978 года. М.: Наука, 342.
- Колотухин В. А., Тощев Г. Н. 2000. Курганные древности Крыма III. Запорожье: Изд-во ЗГУ.
- Колтухов С. Г. 1998. Курган Кулаковского // ХС IX, 17–24.
- Колтухов С. Г. 1999. «Золотой» Симферопольский курган // ХС X, 7–20.
- Колтухов С. Г. 2010. Забытые курганы Тарханкута или старые материалы к археологической карте западного Крыма // Музейний вісник 10. Запоріжжя, 31–44.
- Колтухов С. Г. 2012. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс».
- Колтухов С. Г. 2014. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // ИАК I, 45–72.
- Колтухов С. Г. 2016. 80 лет Виталию Александровичу Колотухину // ИАК III, 463–465.
- Колтухов С. Г., Вдовиченко И. И. 1997. Два кургана в междуречье Альмы и Качи // БИАС 1, 4–24.
- Колтухов С. Г., Копьева Т. А. 2010. Курганы эпохи бронзы и скифский курганный могильник у с. Наумовка в Западном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 13–38 (Археологический альманах 22).
- Колтухов С. Г., Копьева Т. А. 2016. Исследования курганов в окрестностях сел Ароматное и Крымская Роза в Белогорском районе Крыма // ИАК III. Сборник статей, посвященных 60-летию со дня рождения В. А. Кутайсова, 22–35.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2014. Курган Пастака // Історія зброї 9, Запоріжжя, 75–102.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2015а. Скифский талаевский курган 1891 г. // АМА 17, 318–341.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2015б. Скифские погребения в курганах на землях Соломона Крыма // ИАК II, 67–78.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2015в. Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба // ИАК II, 102–122.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2016а. Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины реки Салгир // ИАК III, 47–78.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2016б. Курган Кулаковского (по материалам Государственного Эрмитажа) // АВ 22, 62–76.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2016в. О времени сооружения скифской гробницы в кургане на земле С. И. Черкеса в Предгорном Крыму (По материалам раскопок Н. И. Веселовского в 1895 г.) // БИ 32, 180–191.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2016г. Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. (По материалам раскопок Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Симферополь: б. и.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. 2016д. Погребение скифского воина в кургане Кулаковского // Записки ИИМК РАН 14, 93–100.
- Колтухов С. Г., Тощев Г. Н. 1998. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993–1995 гг.) II. Запорожье: Изд-во ЗГУ.
- Колтухов С. Г., Тощев Г. Н. 1999. Курган эпохи бронзы у села Просторное в Крыму // Наукові праці історичного факультету ЗДУ IV. Запоріжжя, 134–141.
- Колтухов С. Г., Шишкин К. В. 1983. Разведки на линии Перекопского вала // АО 1982 года. М., Наука, 275–276.
- Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тощев Г. Н. 1994. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991–1992 гг.). Запорожье: Изд-во ЗГУ.

- Коновалов А. А. 1972. Раскопки некрополя у дер. Заозерное // АО 1971 года. М.: Наука, 323–324.
- Копьева Т. А. 1990. Курган у села Акимовка в Крыму // ДСПК I, 128–136.
- Копьева Т. А. 2011. Катакомбная культура на территории Крыма (история изучения и исследований) // МАИЭТ XVII, 3–27.
- Копьева-Колотухина Т. А. 2004. Курган у села Черноземное в Крыму // Колтухов С. Г. и др. (ред.-сост.). У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: изд. Отдел Крымского научного центра НАНУ и МОН, 69–78.
- Копьева-Колотухина Т. А. 2008. Катакомбное погребение с бронзовой пластиной в кургане у села Фрунзе в Крыму // Петрова Э. Б. (ред.). Херсонесский колокол. Симферополь: Сонат, 251–266.
- Кореневский С. Н. 1974. О металлических топорах майкопской культуры // СА 3, 14–32.
- Кореневский С. Н. 1981. Втульчатые топоры оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Литвинский Б. А. (ред.). Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура. М.: Наука, 20–41.
- Кравченко Е. А. 2004. Матеріали доби пізньої бронзи з поселення Уч-Баш // Археологія 4, 52–66.
- Кравченко Е. А. 2010. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України.
- Кривцова-Гракова О. А. 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Наука (МИА 46).
- Крис Х. И. 1958. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане // КСИИМК 55, 35–44.
- Крис Х. И., Веймарн Е. В. 1958. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая // КСИИМК 71, 65–71.
- Кругликова И. Т. 1952а. Раскопки древнего Киммерика // АИБ 1, 55–73.
- Кругликова И. Т. 1952б. Памятники эпохи бронзы из Киммерика // КСИИМК 43, 108–118.
- Кругликова И. Т. 1955. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму // СА XXIV, 74–92.
- Кругликова И. Т. 1957. Исследование сельской территории европейского Боспора: (по материалам работ Восточ. Крым. отряда Причерномор. экспедиции в 1953–1956 гг.) // СА 1, 217–231.
- Кругликова И. Т. 1958. Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА 85, 219–253.
- Кубланов М. М. 1961. Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИИМК 83, 91–94.
- Курганы степного Крыма 1984 / Корпусова В. Н. (ред.). Киев: Наукова думка.
- Куштан Д. П. 2016. Кургани доби бронзи біля села Лугове в Криму (за матеріалами розкопок експедиції Керченського історико-археологічного музею у 1966–1968 рр.) // Археологія та етнологія Півдня Східної Європи. Дніпро: Ліра, 114–129.
- Ланцов С. Б., Кузнецов Д. С. 2004. Раскопки на горе Караул Оба // Куковальская Н. М. (ред.). Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. г. Судак, 12–16 сентября, 2004 г. Часть I. Киев; Судак: Академпериодика, 78–80.
- Латынин Б. А. 1967. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. Л.: Советский художник.
- Латышева В. А., Щепинский А. А. 1978. Исследования в Северо-Западном Крыму // АО 1976 года. М.: Наука, 349.
- Лесков А. М. 1957. Седьмой симферопольский курган // КСИИМК 67, 109–116.
- Лесков А. М. 1965а. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка.
- Лесков А. М. 1965б. Несколько бронзовых изделий из Керченского полуострова в собрании Одесского археологического музея // Краткие сообщения Одесского Государственного археологического Музея за 1963 г. Одесса, 82–86.
- Лесков О. М. 1967а. Нове в стародавній історії Півдня України // УІЖ 2, 100–103.

- Лесков А. М. 1967б. Исследование керченского участка трассы Северо-Крымского канала // АО 1966 года. М.: Наука, 183–185.
- Лесков А. М. 1968. Керченская экспедиция в 1967 г. // АИУ в 1967 г. II, 3–7.
- Лесков А. М. 1970. Кировское городище // Лесков А. М. (ред.). Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). Киев: Наукова думка, 7–59.
- Лесков А. М., Болдин Я. И. 1967. Разведка памятников бронзового века на Керченском полуострове // АИУ в 1965–1966 гг. I, 44.
- Лесков А. М., Збенович В. Г. 1962. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 году // АИБ II, 263–270.
- Лобода И. И. 2001. Раскопки курганов у с. Вилино // БИАС 2. Симферополь, 4–27.
- Лобода И. И., Тощев Г. Н. 2003. Новый кемпи-обинский комплекс из Бахчисарайского района // Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпряниці 10. Запоріжжя, 7–9.
- Лобода И. И., Хоменко В. Н., Чорев М. Я. 1975. Работы Бахчисарайского музея // АО 1974 года. М.: Наука, 316–317.
- Майко В. В. 2016. Введение // ИАК III, 6–10.
- Максимов Е. В. 1961. Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР // СА 1, 309.
- Марченко И. Д. 1962. Новые данные о догреческом Пантикапее // МИА 103, 86–93.
- Масленников А. А. 2003. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДИ 4, 291–322.
- Махнева О. А., Колтухов С. Г. 1978. Работы у с. Михайловка в Крыму // АО 1977 года. М.: Наука, 355.
- Махнева О. О. 1996. Поселення епохи пізньої бронзи в Сакському р-ні Кримської області // Археологія 1, 84–91.
- Махнева О. А., Ушатый И. Ф. 1973. Работы в Крыму // АО 1972 года. М.: Наука, 308–309.
- Мелихова М. А. 2012. Погребение с костяной рогатковидной булавкой из Восточного Крыма // Проблемы истории, филологии, культуры 4 (38), 59–60.
- Могильников В. А. 1980. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века // Мартынов А. И. (ред.). Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Мат-лы I Всесоюзной археологич. конф. Кемерово: Изд-во Кемеровского госуниверситета, 41–50.
- Молева Н. В. 2002. Древности эпох камня и бронзы на античных памятниках Боспора // АМА 11, 200–205.
- Монгайт А. Л. 1955. Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР.
- Мунчаев Р. М., Федоров-Давыдов Г. А. 1969. Сессия Отделения исторических наук пленума ИИМК АН СССР // СА 3, 274.
- Николаенко Г. М. 1987. Исследования на хоре Херсонеса // АО 1985 года. М.: Наука, 381–382.
- Николаенко Г. М. 1999. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ 1, 97–120.
- ОИАК за 1876. ОИАК за 1876 год. С атласом. Граф Сергей Строганов. Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1876 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893, I–XXX.
- ОИАК за 1877. ОИАК за 1877 год. С атласом. Граф С. Строганов. Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1876 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1880, I–XXVII.
- ОИАК за 1890. ОИАК за 1890 год с 91 политипажем. А. Производство археологических раскопок. I. В Таврической губернии. а. В уездах Мелитопольском и Симферопольском. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893, 2–21.
- ОИАК за 1891. ОИАК за 1891 год с 200 политипажей. А. Производство археологических раскопок. I. В Таврической губернии. 4. В уездах Мелитопольском, Евпаторийском и Симферопольском. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1893, 69–79.

- ОИАК за 1892. ОИАК за 1892 год с 75 политипажами. А. Производство археологических раскопок. I. В Таврической губернии. 1. В уездах Мелитопольском, Бердянском и Симферопольском. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1894, 2–13.
- ОИАК за 1894. ОИАК за 1894 год с 235 политипажами в тексте. Приложения: III. Извлечение из отчета о раскопках проф. Ю. А. Кулаковского в Таврической губ. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896, 88–97.
- ОИАК за 1895. ОИАК за 1895 год с 394 политипажами в тексте. Приложения: II. Отчет проф. Ю. А. Кулаковского о его расследованиях в Крыму. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1897, 117–124.
- ОИАК за 1896. ОИАК за 1896 год с 626 политипажами в тексте. Приложения: III. Отчет проф. Ю. А. Кулаковского о археологических исследованиях его в Крыму в 1896 году. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1898, 159–161.
- Ольховский В. С. 1978. Раскопки у с. Колоски // АО 1977 года. М.: Наука, 364–365.
- Ольховский В. С. 1980. Исследования у с. Колоски // АО 1979 года. М.: Наука, 316.
- Ольховский В. С. 1981. Раскопки курганов в Северо-Западном Крыму // АО 1980 года. М.: Наука, 293.
- Ольховский В. С. 1982. Исследования курганов в степном Крыму // АО 1981 года. М.: Наука, 297–298.
- Ольховский В. С. 1983. Отчет о работе Крымской степной экспедиции ИА АН СССР в 1983 г. // Архив ИА НАН Украины. № 1983/162.
- Ольховский В. С. 1984. Исследования в Сакском районе Крыма // АО 1982 года. М.: Наука, 308–309.
- Ольховский В. С. 1985. Раскопки курганов в Степном Крыму // АО 1983 года. М.: Наука, 329–330.
- Ольховский В. С. 1987. Раскопки курганов в Сакском районе Крыма // АО 1985 года. М.: Наука, 383.
- Ольховский В. С. 1988. Раскопки в степном Крыму // АО 1986 года. М.: Наука, 319.
- Ольховский В. С. 1993. Курганы скифского времени у с. Суворовского // Шапова Ю. Л., Яценко И. В. (ред.). Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ, 26–44.
- Отрощенко В. В. 2004. К доистории киммерийцев // Chochorowski J. (red.). Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. Kraków: Księgarnia akademicka, 361–365.
- Отрощенко В. В. 2005. Колісніці бабинської культури в графічному та рельєфному відтворенні // МДАСУ 4, 235–242.
- Пастернак Я. 1961. Археологія України. Первісна, давня та середня історія України за археологічними джерелами. Торонто: Наукове Товариство ім. Шевченка.
- Петерс Б. Г. 1985. О работах Михайловской экспедиции (1963–1983) // КСИА АН СССР 182, 23–27.
- Петерс Б. Г., Ефимова Г. М., Кожин П. М. 1970. Раскопки у с. Михайловка в Крыму // АО 1969 года. М.: Наука, 268–269.
- Петерс Б. Г., Кожин П. М., Ефимова Г. М. 1972. Розкопки античного городища на захід від Керчі // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ: Наукова думка, 142–146.
- Подгородецкий П. Д., Щепинский А. А., Шумская Л. А. 1983. Природа Крыма и ее освоение в эпоху энеолита (опыт историко-ландшафтного анализа) // Физическая география и геоморфология 30, 57–65.
- Подгородецкий П. Д., Щепинский А. А., Шумская Л. А. 1984. Природа Крыма и ее освоение в эпоху бронзы (опыт историко-ландшафтного анализа) // Физическая география и геоморфология 31, 95–102.
- Попова Т. Б. 1985. Племена катакомбной культуры. М.: Госкультпросветиздат (Труды ГИМ 24).
- Проблемы... 1990. Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: ТД Всесоюзного семинара / Тощев Г. Н. (ред.). Запорожье: Коммунар, 1990. 122 с.

- Проблемы изучения...* 1998. Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК) / Тоцев Г. Н. (ред.). Запорожье: Изд-во ЗГУ.
- Репников Н. И.* 1909. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году // ОИАК 30, 113–119
- Романченко Н.* 1891. Раскопка кургана в д. Кояш Симферопольского уезда Таврической губернии // ИТУАК 13, 63–74.
- Рыбалова В. Д.* 1965. Отчет о работе Восточно-Крымского археологического отряда Ленгосуниверситета в 1965 г. // Архив ИА НАН Украины. № 1965/69.
- Рыбалова В. Д.* 1966. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // СА 4, 178–181.
- Рыбалова В. Д.* 1972. Краткие итоги раскопок на поселении эпохи бронзы у с. Каменка близ Керчи // Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСР, присвяченої 50-річчю Академії наук УРСР (Київ, 1968 г.). Київ: Наукова думка, 135–138.
- Савеля О. Я.* 1996. Археологические материалы к истории Гераклеийского полуострова доколониционного периода // ХС VIII, 13–24.
- Савеля О. Я., Савеля Д. О.* 1997. Курганы III–II вв. до н. э. в окрестностях Херсонеса Таврического // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов междунар. науч. конф. Севастополь, 106–108.
- Самоквасов Д.* 1908. Могилы Русской земли. М.: Синодальная тип.
- Сенаторов С. Н.* 1998. Рец. на: В. А. Колотухин. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. К., 1996. 157 с. 57 ил. // ХС IX, 239–243.
- Сенаторов С. Н., Одобняков А. Н.* 1985. Отчет о раскопках кургана на сев.-вост. склоне балки Германа // Архив Херсонесского заповедника.
- Симоненко А. В.* 1993. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка.
- Смекалова Т. Н.* 2009. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. I. Предгорный Крым // БИ XXI, 42–119.
- Смекалова Т. Н.* 2010. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог. Симферополь: Доля.
- Смекалова Т. Н.* 2011. Значение творческого наследия П. Н. Шульца в современных исследованиях северо-западного Крыма // Мат-лы к археологической карте Крыма 5. Симферополь: Доля, 199–205.
- Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А.* 2013. Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму. Симферополь: Доля.
- Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А.* 2017. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетей.
- Смекалова Т. Н., Столба В. Ф.* 2009. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Предварительное сообщение. Симферополь: Доля.
- Смирнов Я. И.* 1889. Отчет о поездке по Крыму и Кавказу летом 1889 года // НА ИИМК РАН. Ф. 1, д. 44/1889, л. 31.
- Соколова К. Ф.* 1962. Черепа з кургану епохи бронзи в районі м. Бахчисарая // Матеріали з антропології України 2. Київ, 92–95.
- Соловьев Л. Н.* 1956. Отчет об охранных раскопках курганов в урочище Абдал у Симферополя в 1956 г // Архив ОАСА ИА АН Украины.
- Спицын А. А.* 1899. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО XI/1–2, 53–133.
- Стивен А. Х.* 1891. Раскопки курганов близ Симферополя летом 1890 г. // ИТУАК 11, 147–153.
- Столяр А. Д., Щепинский А. А.* 1980. Археологические памятники Симферопольского водохранилища (часть 1) // Блиер М. М. (ред.). Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 81–96.
- Столяр А. Д., Щепинский А. А.* 1981. Курганы у Симферопольского водохранилища (часть 2) // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского университета, 34–50.

- Тощев Г. Н. 1990а. Исследования поселения эпохи средней бронзы в Крыму // Оленковский Н. П. (ред.). Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). ТД юбилейной конф. Ч. 1. Херсон: Херсонский краеведческий музей, 70–71.
- Тощев Г. Н. 1990б. Катакомбные памятники Крыма // ДСПК I, 116–127.
- Тощев Г. Н. 1999а. Поселение эпохи средней бронзы Планерское I в Крыму // Ковальова І. Ф. (ред.). Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ: Дніпропетровська книжкова друкарня, 78–83.
- Тощев Г. Н. 1999б. Изучение курганных древностей эпохи бронзы на Крымском полуострове // Янин В. Л. (ред.). 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. ТД юбилейной конф., посвящ. 60-летию кафедры археологии Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова: Москва. 20–24 декабря 1999 г. М.: Изд-во МГУ, 115–118.
- Тощев Г. Н. 2002а. Погребальные комплексы с деревянными конструкциями эпохи ранней бронзы Крыма // Кетрару Н. А. (ред.). Северное Причерноморье от энеолита к античности. Тирасполь: НИЛ «Археологии» ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 99–111.
- Тощев Г. Н. 2002б. О находках и культурной принадлежности крымских стел эпохи энеолита-бронзы // ССПК X, 23–33.
- Тощев Г. Н. 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во ЗНУ.
- Тощев Г. 2011. Крым в эпоху бронзы. Таврика в III–II тыс. до н. э. Saarbrücken: Lambert.
- Тощев Г. Н., Андрух С. И. 1986. Отчет о раскопках курганов и поселения среднего периода бронзового века у пгт. Планерское Судакского района Крымской области в 1986 г. // НА ИА НАН Украины. № 1986/72.
- Тощев Г. Н., Андрух С. И. 1987. Отчет о раскопках поселения среднего периода бронзового века у п. г. т. Планерское Судакского района Крымской области в 1987 г. // НА ИА НАН Украины. № 1987/83.
- Труфанов А. А. 2004. Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // Колтухов С. Г. и др. (ред.-сост.). У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: изд. Отдел Крымского научного центра НАН Украины и МОН, 135–138.
- Труфанов А. А., Пуздровский А. Е., Медведев Г. В. 2004. Охранно-археологические раскопки у с. Холмовка в Юго-Западном Крыму // Гаврилюк Н. О. (ред.). Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ: Шлях, 314–316.
- Труфанов А. А., Неневоля И. И., Волошинов А. А. 2007. Курган в урочище Курд-Джилга в Юго-Западном Крыму // ССПК XIV, 31–36.
- Тункина И. В. 2003. Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII — середина XIX в.) // Дворниченко А. Ю. (ред.). Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 359–375.
- Храпунов И. Н. 1992. Кеми-обинский курган у с. Вилино // Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь: Таврия, 215–221.
- Храпунов И. Н., Смекалова Т. Н., Власов В. П. 2010. Археологические разведки в предгорном Крыму между долинами рек Биюк-Карасу и Бельбек. Симферополь: Доля.
- Храпунов И. Н., Храпунова Л. Н., Таратухина Е. Е. 1994. Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Могаричев Ю. М. (ред.-сост.). Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 271–289.
- Черепанова О. М. 1985. Скіфське поховання з села Надежда Кримської області // Археологія 50, 62–65.
- Черных Е. Н. 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука.
- Черных Е. Н. 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА 4, 53–82.

- Шаров О. В. 1994. О раскопках в районе вокзального шоссе в г. Керчи // АИК 1993 г., 272–276.
- Шеллов Б. Д. 1956. Античный мир в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР. 195 с.
- Шовкопляс І. Г. 1957. Археологічні дослідження на Україні (1917–1957): Огляд вивчення археологічних пам'яток. Київ: вид-во АН УРСР. 424 с.
- Шульц П. Н. 1955. Работы Северо-Крымской экспедиции // КСИА АН СССР 4, 97–98.
- Шульц П. Н. 1937. О работах Евпаторийской экспедиции // СА III, 252–254.
- Шульц П. Н. 1941. Евпаторийский район, 1933–1934 гг. // Артамонов М. И., Гольмстен В. В. (ред.). Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 265–277.
- Шульц П. Н. 1953. О комплексных историко-археологических и палеографических исследованиях в Северном Крыму // ИКОГО СССР 2, 115–124.
- Шульц П. Н. 1968. Раскопки кургана Кара-Оба близ Керчи // АИУ в 1967 г. II, 114–119.
- Шульц П. Н., Столяр А. Д. 1956. Предварительный отчет о раскопках курганов и стоянок в зоне Симферопольского водохранилища в 1954 году // Архив Крымского филиала ИА НАН Украины. Инв. А № 15/54.
- Шульц П. Н., Столяр А. Д. 1958. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСИИМК 71, 53–64.
- Щавельов С. П. 1991. Д. Я. Самоквасов: заповіт археолога // Археологія 1, 98–108.
- Щавелев С. П. 2004. Вклад Д. Я. Самоквасова в полевую археологию (по архивизированной рукописи ученого) // Гуляев В. И., Кузьминых С. В. (ред.). Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова). М.: ИА РАН, 94–99.
- Щепинский А. А. 1951. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области // ИКОГО СССР 1, 113–116.
- Щепинский А. А. 1954. Археологические разведки в долине реки Салгира // ИКОГО СССР 3, 81–96.
- Щепинский А. А. 1957а. Археологическое обследование Курцово-Сабловской долины в 1950 г. // Шульц П. Н. (ред.). История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 307–322.
- Щепинский А. А. 1957б. Памятники энеолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя // СА XXVII, 178–192.
- Щепинский А. А. 1958. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму // СА 2, 143–148.
- Щепинский А. А. 1960а. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму // КСИА АН УССР 9, 67–72.
- Щепинский А. А. 1960б. Марьянские курганы эпохи бронзы // Записки ОАО 1(34). Одесса, 249–260.
- Щепинский А. А. 1961. Камень с резными изображениями из с. Денисовки Симферопольского района // ИКОГО СССР 6, 211–213.
- Щепинский А. А. 1962. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР 12, 57–65.
- Щепинский А. А. 1963. Памятники искусства раннего металла в Крыму // СА 3, 38–47.
- Щепинский А. А. 1966. Во тьме веков. Симферополь: Крым.
- Щепинский А. А. 1968. О неолите и энеолите Крыма // СА 1, 121–133.
- Щепинський А. О. 1969а. Кримська охоронно-археологічна експедиція 1969 р. // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ: Наукова думка, 36–39.
- Щепинский А. А. 1969б. Крымская охранно-археологическая экспедиция // АО 1968 года. М.: Наука, 249–250.
- Щепинський А. О. 1970. Кримська охоронно-археологічна експедиція // УїЖ 1, 116–119.
- Щепинський А. О. 1973. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія 9, 21–28.
- Щепинский А. А. 1974. Исследования в равнинном и горном Крыму // АО 1973 года. М.: Наука, 367.

- Щепинский А. А.* 1975а. Энеолит Крыма. Дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1975 // НА ИА АН УССР, № 550. 246 листов. Опись № 2, фонд № 32. 246 с.
- Щепинский А. А.* 1975б. Энеолит Крыма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Щепинский А. А.* 1976. Исследования в зоне строительства Северо-Крымского канала // АО 1975 года. М.: Наука, 441.
- Щепинский А. А.* 1985. Кеми-обинская культура // Телегин Д. Я. (ред.). Археология Украинской ССР. Т. I. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 331–336.
- Щепинский А. А.* 2002. Памятники кеми-обинской культуры (Свод археологических источников), 1983. Запорожье: Изд-во ЗНУ.
- Щепинский А. А., Тощев Г. Н.* 2001. Курган «Кеми-Оба» // ССПК IX, 50–86.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* 1969. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым.
- Эрнст Н. Л.* 1931. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930 гг.). // ИТОИАЭ IV (61), 72–92.
- Яковенко Э. В.* 1979. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 113–135.
- Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Лесков А. М. (ред.). Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 136–178.
- Яценко И. В., Ольховский В. С.* 1977. Раскопки курганов у с. Колоски // АО 1976 года. М.: Наука, 395–396.
- Gajducevič V. F.* 1971. Das Bosporanische Reich. 2. Auflage. Berlin: Akademie-Verlag.
- Häusler A.* 1964. Innenverzierte Steinkammergräber der Krim // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 48. Berlin, 59–82.
- Häusler A.* 1966. Anthropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum // Wissenschaftliche Zeitschrift Martin-Luther-Universität Halle G/15, 29–73.
- Häusler A.* 1976. Die Gräber der älteren Ochergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. Berlin: Akademie-Verlag. 222 S. (Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg 1).
- Schmidt A. V.* 1929. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. Beiträge zur Erforschung der paläometallischen Kulturen des Kuban-Gebietes // ESA IV, 9–21.
- Sulimirski T.* 1959. The Cimmeric Problem // Bulletin from the University of London Institute of Archaeology II, 45–64.
- Tallgren A. M.* 1929. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki (ESA II).
- Tallgren A. M.* 1934. Sur les Monuments megalithiques du Caucase occidentale // ESA IX, 1–46.

Глава 5

Курганный некрополь Пантикапея

Резюме. Курганный некрополь Пантикапея является самым крупным памятником подобного рода на Боспоре Киммерийском. Курганы в окрестностях города стали возводиться приблизительно через 150 лет после основания древнегреческой колонии. На рубеже V–IV вв. до н. э., т. е. с созданием единого Боспорского государства, здесь появляются монументальные склепы с уступчатым перекрытием; IV в. до н. э. — самый

блестящий период в истории некрополя. В III–II вв. до н. э. монументальных гробниц здесь почти не строили. Пантикапей возвращает столичный статус некрополя только в начале новой эры, но высокие курганы здесь возводились только для царей.

Ключевые слова: античная культура, Боспор Киммерийский, Пантикапей, некрополь, монументальные гробницы, элитарная культура.

1. Состояние изученности

Курганы являются одной из важнейших составляющих того явления, которое некоторые современные ученые определяют как «боспорский феномен». К сожалению, никто из исследователей Боспора не сумел составить карту или даже просто пересчитать все курганы, расположенные по берегам Керченского пролива, да и задача эта сейчас представляется почти непосильной. Ясно другое — курганов здесь было очень много, многие сотни или, скорей, даже тысячи (рис. 1). Сейчас уже трудно поверить, но в середине XIX в., по словам П. П. Сабатье, человек, вышедший из Керчи, оказывался «между архипелагом курганов» (Сабатье 1851: 8). Вполне очевидно, что курганный некрополь Пантикапея является наиболее богатым и показательным некрополем подобного рода из всех, расположенных по обоим берегам пролива.

Чрезвычайно показательна сама топография керченских курганов (см. рис. 1). Несмотря на то что ряд ярчайших памятников находится на равнине (к примеру, Царский и Мелек-Чесменский курганы), большая их часть образует курганные группы, тянущиеся цепочками по невысоким хребтам. Таких цепочек можно выделить три (Цветаева 1957: 229). Первая из них, господствующая над окрестностями города, идет от горы Митридат на запад; вторая находится к северу и тянется вдоль склона, ведущего к Новому карантину, т. е. древнему Мирмекию; третья цепочка (южная) начинается от мыса Ак-Бурун и Павловской батареи и заканчивается далеко в степи, составляя некрополь Юз-Оба («Сто холмов»).

Рис. 1. Окрестности Керчи на карте полковника Бетева, снятой в 1837 г. (по: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012)

По поводу такой системы расположения боспорских курганов известнейший советский археолог М. И. Артамонов эмоционально, но очень верно заметил: «Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от городов, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещались обычно у кочевников, т. е. по сыртам, вдоль водораздельных холмов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребенных со степью, а не с городом» (Артамонов 1949: 31). Не удивительно, что многие пантикапейские курганы содержат захоронения с яркими чертами погребальной обрядности и инвентаря, характерными для культуры местных племен Северного Причерноморья (скифов, синдов,

меотов, сарматов). Среди таких черт можно выделить большое количество оружия, драгоценностей (шейные гривны, браслеты, золотые нашивные бляшки на одежду и др.), целые амфоры с черпаками (в греческих могилах такого «варварства» никогда не встречается); погребения знатных воинов часто сопровождалась захоронениями коней с богатыми украшениями узды и т. д.

Судьба распорядилась так, что все эти замечательные памятники были раскопаны еще в XIX в. Происходящие из них археологические материалы заслуженно стали частью мирового культурного наследия, и внимание к ним в среде научного сообщества не ослабевает. Несмотря на это, многие курганные комплексы до сих пор полностью не изучены, а имеющиеся очерки развития некрополя на протяжении нескольких веков (V в. до н. э. — III в. н. э.) не являются вполне удовлетворительными. Исследователи пытались либо попросту дать обзор известных погребальных памятников (Цветаева 1957; Fless, Lorenz 2005a), либо предпочитали выделить их местную (варварскую) составляющую (Виноградов 2010в; Fless, Lorenz 2005b). Приходится признать, что в наши дни невозможно дать полную характеристику пантикапейского курганного некрополя с учетом всех погребальных комплексов, выделением всех типов погребальных сооружений, их распределением во времени и пространстве и т. п. Решение такой задачи требует многолетней работы в научных архивах и музейных собраниях.

Между тем, некоторые особенности некрополя Пантикапея, на которые никогда не обращали внимания, сейчас становятся все более и более очевидными. На мой взгляд, давно настало время обрисовать его специфику в сравнении с некрополями других боспорских городов (Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия и др.). Уже сейчас ясно, что их культурный облик различается во многих деталях, а их история, так сказать, не написана под копирку. Каждый из этих некрополей весьма специфичен, прежде всего, в отношении типов монументальных погребальных сооружений (деревянные срубы, каменные склепы с уступчатым перекрытием, склепы «македонского» типа и т. д.), каждый демонстрирует периоды особого богатства и, наоборот, относительной бедности. Несколько заостряя проблему, можно сказать, что курганный некрополь Пантикапея на протяжении всей своей многовековой истории не всегда был, так сказать, «главным» некрополем Боспора, — периодически его облик в сравнении с другими подобными памятниками был относительно скромным (Виноградов 2015a). Адекватное объяснение такому явлению сейчас вряд ли возможно найти, но и забывать о нем тоже не следует.

Вполне очевидно, что курганный некрополь Пантикапея характеризует культуру элиты Боспора. Его сравнительное изучение позволит не просто лучше понять своеобразие этого сложного комплекса памятников, но и приблизиться к пониманию истории боспорской элитарной культуры. Здесь мы, однако, сразу сталкиваемся с одной существенной проблемой. Дело в том, что для довольно продолжительного периода, можно сказать, для целой эпохи мы не знаем погребений элиты в некрополе Пантикапея. Речь, конечно, идет о времени греческой колонизации берегов Керченского пролива, начавшейся не позднее рубежа VII–VI вв. до н. э. (Толстиков 2015: 29), и о последующем затем целом столетии. Вряд ли можно подвергать сомнению утвердившееся в науке представление о важной роли греческой аристократии в процессе колонизации, об авторитете ойкистов, возглавлявших коллективы переселенцев, могилы которых могли почитаться как герооны. В западносредиземноморских колониях

монументальные гробницы «богачей» (потомков аристократии первого поколения переселенцев), как будто, появились не сразу (Савостина 2014: 19–21; 2015: 285–288). Под Пантикапеем и вообще на Боспоре можно проследить ту же самую картину, может быть, в еще более отчетливой форме (Вахтина 2017: 30–34). Получается несколько парадоксальная ситуация — элита в коллективах греческих переселенцев на Боспоре Киммерийском, конечно, существовала, но ее культура очень долго не проявлялась, в том числе и в типах погребальных памятников. Конечно, здесь следует сделать оговорку о недостаточной изученности пантикапейского некрополя, что дает надежду на открытие «могилы ойкиста» в будущем, но пока что приходится исходить из имеющихся фактов.

2. Время Археанактидов

Первые курганные погребения под Пантикапеем стали совершаться только в первой половине V в. до н. э. (Цветаева 1957: 232), скорее всего, уже во время Археанактидов, правление которых на Боспоре относится к 480/79–438/37 гг. до н. э. (Diod. XII. 31. 1).

Одним из самых интересных погребальных комплексов, обнаруженных во время исследований пантикапейского некрополя, который, несомненно, может быть отнесен к кругу боспорских элитарных погребений эпохи Археанактидов, является *захоронение, открытое в 1891 г. А. А. Бобринским* (ОИАК 1891: 26–32; Виноградов 2012а: 260–261; Вахтина 2017: 66–69). Оно было обнаружено на северном склоне г. Митридат, под мусорным слоем более позднего времени. После разборки этого слоя «на уровне грунта» было выявлено несколько небольших курганов, высота которых, по-видимому, не превышала 2,5 м.

Особенно показателен первый из открытых тогда курганов (ОИАК 1891: 27–29). Приблизительно на половине его насыпи находилась «жженная площадка», на которой были найдены обломки четырех сосудов, возможно, разбитых во время тризны. Ниже этой «жженной площадки», на уровне древней поверхности было обнаружено «жженое пространство гораздо больших размеров (так называемый „точёк“), где, вероятно, происходило сожжение покойника и различных принадлежавших ему предметов» (Там же: 28). Прах погребенного был помещен в урну, стоящую в центре «точка» и покрытую нижней половиной простой амфоры. В качестве погребальной урны была использована краснофигурная гидрия (рис. 2), украшенная изображением Гермеса-Психопомпа в крылатых сандалиях и с кадучеем в руке (Там же: 28–29, рис. 13–14; Виноградов 2012а: 258, рис. 90; Вахтина 2017: 385, рис. 3). Это изображение, как отметил А. А. Бобринской, «вполне согласно с обязанностью Гермеса сопровождать души умерших в загробную жизнь» (ОИАК 1891: 29). Вазу можно датировать в пределах 500–450 гг. до н. э. (Вахтина 2017: 67). К этому же времени, вероятнее всего, принадлежит весь этот погребальный комплекс. Среди других предметов, обнаруженных на «точке», — обломки большого железного меча, железных стригилей, «пережженные кусочки каких-то костяных изделий», а также два бронзовых полых внутри предмета, похожих на рукоятки, «оконечности которых заканчиваются наподобие копыт» (ОИАК 1891: 28). По мнению М. Ю. Вахтиной два последних предмета напоминают бронзовые украшения учидил, появляющиеся в это время в могилах варварских вождей Северного Причерноморья, в том числе расположенных в непосредственной близости от греческих городов Боспора, к примеру, под Нимфеем (Вахтина 2017: 67–68).

Рис. 2. Изображение Гермеса на краснофигурной гидрии, обнаруженной А. А. Бобринским во время раскопок на северном склоне г. Митридат в 1891 г. (Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 53, л. 366)

Весьма любопытно курганное погребение, обнаруженное П. Дюбрюксом на склоне г. Митридат в 1817 г. Оно являлось основным в раскопанном тогда кургане № 1 (Бич 1959: 304–306; Дюбрюкс 2010а: 124–125; 2010б: рис. 153; Вахтина 2017: 70). Под насыпью кургана на скальной поверхности были обнаружены остатки кострища, в котором находилась краснофигурная гидрия, использованная как погребальная урна, прикрытая сверху половиной разбитого сосуда. На лицевой стороне гидрии была изображена композиция из четырех фигур. В центре ее представлен бородатый мужчина с посохом в руке, преследующий женщину, по сторонам от них — молодая женщина и старик (Бич 1959: 306–308, рис. 5–7; Дюбрюкс 2010б: рис. 183–185). Вокруг урны была сооружена конструкция из 13 перевернутых вверх дном остродонных амфор (рис. 3; Дюбрюкс 2010б: рис. 182). Есть основания считать, что здесь были

Рис. 3. Конструкция из амфор, открытая П. Дюбрюксом в центральном погребении кургана 1, раскопанного близ Керчи в 1817 г. Рисунок В. И. Бларамберга (по: Дюбрюкс, 2010)

использованы хиосские амфоры позднепухлогорлого варианта¹, относящиеся к третьей четверти V в. до н. э. (Дюбрюкс 2010а: 139, прим. 21), что дает основания для датировки погребения (Вахтина 2017: 70).

Конструкция из амфор на первый взгляд представляется очень странной, но М. Ю. Вахтина указала, что подобное сооружение было зафиксировано в некрополе Ольвии (Там же: 70)². В 1911 г. Б. В. Фармаковский открыл здесь могилу, в которой находилась чернолаковая погребальная урна, поставленная на остаток костра. Вокруг нее были уложены 17 хиосских амфор, также отно-

¹ На воспроизведенном рисунке этой конструкции, исполненном В. И. Бларамбергом (рис. 3), амфоры очерчены весьма условно, и об их типе судить невозможно, но на рисунке находок, происходящих из раскопок 1817 г., приведена одна из этих амфор, которая явно относится к типу хиосских позднепухлогорлых (см.: Бич 1959: 305, рис. 4, Т; Дюбрюкс 2010: 75, рис. 179, Т).

² Не исключено, что подобная конструкция была открыта в одном из курганов, раскопанных под Фанагорией Д. В. Карейшей в 1846 г. Под насыпью были обнаружены ряды амфор, автор раскопок по этому поводу заметил, что «здесь была фабрика для выделки амфор» (Карейша 1846: 308). Надо признать, что большое количество амфор в курганных погребениях Боспора не было характерным явлением. А. Б. Ашик посчитал, что Д. В. Карейша обнаружил курган из раздавленных землей амфор (Ашик 1848: 20), что никак не проясняет ситуацию.

сящихся к типу позднепухлогорлых (ОИАК 1911: 15, рис. 14; Козуб 1974: 31–32, рис. 4). Второй подобный комплекс (так называемый «большой кромлех») был обнаружен в 1926 г. (Козуб 1974: 32 сл., рис. 5).

Характерной чертой эпохи Археанактидов, как известно, является появление на территориях некрополей самых крупных греческих городов или в непосредственной близости от них захоронений варварской аристократии. Как правило, это воинские погребения в грунтовых могилах, перекрытых деревом, с сопровождающими захоронениями коней (Виноградов 2001; 2005: 245 сл.; Вахтина 2017: 87–107). На Керченском полуострове курганы этого времени были сосредоточены около двух центров — Пантикапея и Нимфея, при этом особенно многочисленными и показательными они были близ Нимфея (Силантьева 1959).

В окрестностях Керчи был открыт всего один такой памятник — *курган № 5 на мысе Ак-Бурун* (Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 115–116; Бутягин, Виноградов 2014: 19–36; Вахтина 2017: 88–90). Стоит упомянуть, что этот курган, как и другие курганы на мысе Ак-Бурун, раскапывался английским военным медиком Д. Макферсоном во время оккупации Керчи силами антирусской коалиции в 1855–56 гг. (McPherson, 1857, p. 57 ff.), а затем А. Е. Люценко в 1862 г. (Бутягин, Виноградов 2014: 27–28). Высота кургана к моменту последних раскопок составляла примерно 8,5 м, а длина окружности насыпи — более 170 м.

Английский медик выявил углубление в скале, облицованное каменной кладкой; могильная яма была перекрыта досками, провалившимися внутрь гробницы. В яме были обнаружены куски орнаментированной слоновой кости (Бутягин, Виноградов 2014: 21, рис. 16), фрагменты раздавленных землей амфор и греческая бронзовая гидрия (Там же: 21–22, рис. 17–18). А. Е. Люценко обнаружил в этом кургане ограбленную могилу, сложенную из каменных плит, рядом с которой находились два конских захоронения (Там же: 27–34). Один из этих коней имел богато украшенный уздечный набор (рис. 4). В набор входила круглая бронзовая бляшка³ в виде свернувшегося хищника, имеющая аналогию в Семибратнем кургане (рис. 4, 8; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: fig. 92; Бутягин, Виноградов 2014: 32, кат. 11), чрезвычайно интересна также бронзовая налобная бляха в виде головы козла или сайгака (рис. 4, 6; Бутягин, Виноградов 2014: 32, кат. 12).

Э. В. Яковенко датировала уздечный набор из Ак-Бурунского кургана временем не позднее середины V в. до н. э., отметив его уникальность среди синхронных памятников Северного Причерноморья (Яковенко 1970: 58–59). Тем не менее, отдельные элементы сближают эту узду с наборами, происходящими из скифских курганов лесостепного Приднепровья, а также из Семибратних курганов в Прикубанье и Нимфейских курганов в Восточном Крыму (Яковенко 1974: 105; Бутягин, Виноградов 2014: 34–35). Датировка Э. В. Яковенко была омоложена до второй половины V в. до н. э. (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: pl. 92). Более точная хронологическая атрибуция этого набора, как представляется, вряд ли возможна.

Для более полного понимания своеобразия этого памятника следует обратить внимание на одну особенность устройства его насыпи. А. Е. Люценко отметил, что она содержала большое количество морских ракушек (Бутягин, Виноградов 2014: 27, 35). Эта особенность не характерна для курганов Восточного

³ М. Ю. Вахтина указала еще на одну аналогию ак-бурунской бляхе — это бронзовая бляшка в виде фигурки свернувшегося хищника, случайно найденная в районе Добрича в северо-восточной Болгарии. Эта находка, хранящаяся в музее Варны, возможно, происходит из разрушенного погребения. Она датируется первой половиной V в. до н. э. (Вахтина 2017: 89, прим. 26).

1

2

3

5

6

7

8

Рис. 4. Бронзовые украшения из конского погребения кургана 5 на м. Ак-Бурун (по: Бутягин, Виноградов, 2014)

Крыма, однако достаточно часто встречается на Таманском полуострове, где ракушками (или ракушками, смешанными с песком) нередко засыпали перекрытия могил (Бутягин, Виноградов 2014: 35; см.: Сорокина 1957: 8, 12). Особенно распространено было использование раковин в некрополях на мысе Тузла, где ими не только засыпали могилы, но и выстилали полы гробниц (Шкорпил 1914: 21–71). Это наблюдение, как и стилистические особенности уздечного набора, позволяют поставить Пятый Ак-Бурунский курган в культурном отношении в круг памятников азиатской стороны Боспора (Бутягин, Виноградов 2014: 35).

Подводя итог сказанному, можно признать, что курганы в некрополе Пантикапея появляются только во время Археанактидов. Если сравнивать эти погребения с аналогичными памятниками, открытыми в некрополях других боспорских городов, то можно признать, что в них еще трудно усмотреть, так сказать, столичный статус. Небольшие курганы, исследованные в XIX в., конечно, очень показательны, но все-таки весьма скромны по устройству и сопровождающему инвентарю. Относительно богатое погребение с местными чертами обряда здесь обнаружено всего одно (Ак-Бурун, 1862 г.). Около Нимфея подобные комплексы, как уже было сказано, более многочисленны и более богаты (Силантьева 1959). Не стоит упускать из вида и то, что под Фанагорией в 1852 г. был раскопан элитарный курган 450–440 гг. до н. э., который, по подсчетам В. А. Горончаровского, достигал 15,6 м в высоту (Горончаровский 2017: 237). Он является самым большим боспорским курганом, относящимся к этому времени; его вполне можно относить к категории «царских» (Там же: 237–238). Пантикапейские курганы времени Археанактидов к таким размерам даже не приближались.

3. Эпоха ранних Спартокидов

Из сообщения Диодора Сицилийского известно, что Спарток I пришел к власти, вероятнее всего, в Пантикапее в 438/37 г. до н. э. (Diod. XII. 31. 1). Его фракийское имя позволяет предполагать, что Спарток прибыл на Боспор из Фракии, и, соответственно, вполне возможно, что династия Спартокидов имела фракийское происхождение (Виноградов Ю. Г. 1983: 418; Шелов-Коведяев 1985: 83 сл.; Виноградов 2017а: 112–115). Приблизительно на рубеже V–IV вв. до н. э. благодаря усилиям Сатира I и Левкона I было создано монархическое Боспорское государство, включавшее как ранее независимые греческие полисы, так и некоторые варварские племена Прикубанья (см.: Завойкин 2013). В IV в. до н. э., т. е. при ранних Спартокидах, сформировался курганный некрополь Пантикапея, который Г. А. Цветаева определила как «насыщенный и грандиозный» (Цветаева 1957: 233).

Начало этой эпохи было ознаменовано принципиально важным новшеством в элитарной культуре Боспора. Приблизительно на рубеже V–IV вв. до н. э. входят в употребление монументальные уступчатые склепы. Их перекрытие состоит из нескольких рядов каменных плит, в которых вышележащие несколько «нависают» над нижележащими; сверху вся конструкция завершается горизонтально уложенными плитами. Такое перекрытие часто делали лишь с двух длинных сторон склепа, но имеются склепы с перекрытием с трех и четырех сторон (Савостина 1986). Дромос, ведущий к погребальной камере, тоже перекрывался, но, естественно, только с двух сторон. Такие склепы на несколько веков стали очень популярными в среде боспорской аристократии, создав своего рода «визитную карточку» классической культуры на берегах Керченского пролива (см.: Гайдукевич 1981; Савостин 1986; Виноградов 2017а: 126 сл.,

196 сл.). В наши дни дискуссия по поводу их происхождения в значительной степени утихла, и большинство исследователей признают, что они получили распространение на Боспоре под фракийским влиянием, связанным с фракийским происхождением Спартокидов (Гайдукевич 1949: 265–266; 1981, с. 50 сл.; Виноградов 2017а: 127–128; Gajdukevič 1971: 271, 282–283; Tsetskhladze 1998: 55; но ср.: Савостина 1984: 12–13; Tsetskhladze 2001).

Если такая конструкция склепов с уступчатым перекрытием действительно была связана с Фракией, то самые ранние из них должны иметь по-настоящему царский статус. Логично считать, что боспорская аристократия стала возводить подобные гробницы, ориентируясь на культурные пристрастия владык Боспора. Конечно, трудно надеяться, что когда-нибудь будет открыто погребение основателя династии Спартока I, хотя нельзя исключать и того, что оно уже было обнаружено в числе огромного количества боспорских ограбленных гробниц, о которых кратко упоминается в археологических отчетах XIX в. Всего же в окрестностях Керчи известно несколько десятков гробниц этого типа (Гайдукевич 1981: 47–50; Савостина 1986; Виноградов 2017а: 132–141, 196–202), большинство из них относится к времени расцвета государства в IV в. до н. э.

В совокупности этих памятников представляется возможным искать погребения различных слоев боспорской аристократии, но в первую очередь следует сказать о **гробницах боспорских царей**, которые должны выделяться своими параметрами, а также размерами курганных насыпей (Виноградов 2014б; 2017а: 145–160). Самым ранним в их ряду, скорее всего, является *курган у села Баксы* (совр. Глазовка). В 1882 г. в нем был открыт монументальный склеп (рис. 5), содержащий большой, богато украшенный деревянный саркофаг, рядом с которым находились погребения трех лошадей; сопровождающий инвентарь не отличался особой роскошью, но он позволяет датировать эту гробницу 390–380 гг. до н. э. и связывать ее с погребением Сатира I (Виноградов 2014в; 2017а: 148–153; Shefton 1982: 155; 1992: 249). В высшей степени любопытно, что в склепе не было обнаружено костных остатков погребенного, хотя погребение не было ограблено, при этом кое-какие косточки были найдены в дромосе. Это обстоятельство дает основания предполагать, что останки погребенного были вынесены из склепа в рамках особого обряда, суть которого нам не вполне ясна (Виноградов 2014г: 530–532). Болгарская исследовательница Д. Гергова проследила такую картину на примерах фракийских элитарных погребений, которые не были ограблены, но не содержали костей человека, т. е. кости были вынесены из склепов и помещены в другое место. Она назвала эту практику «обрядом обессмерчивания» (Гергова 1996). Проявление этого фракийского обряда, как представляется, можно видеть на примере погребения одного из создателей Боспорского государства, Сатира I, что само по себе должно поддерживать идею о фракийском происхождении Спартокидов (Виноградов 2014г: 532; 2017а: 152–153).

Второй погребальный комплекс, который можно считать царским, входит в состав аристократического некрополя Юз-Оба (о нем особо будет сказано ниже), это *Острый (Десятый) курган* (Виноградов 2014д; 2017а: 153–156). По высоте он не отличается от Царского (17 м); насыпь поддерживала крепиды, имевшая необычную восьмиугольную форму. По всей видимости, с четырех сторон она была оформлена в виде лестниц (рис. 6). В насыпи были обнаружены обломки какого-то мраморного монумента, а также обломки мраморной плиты с надписью. К сожалению, исследователи не придали этим находкам никакого значения, хотя они абсолютно не типичны для боспорских курганов.

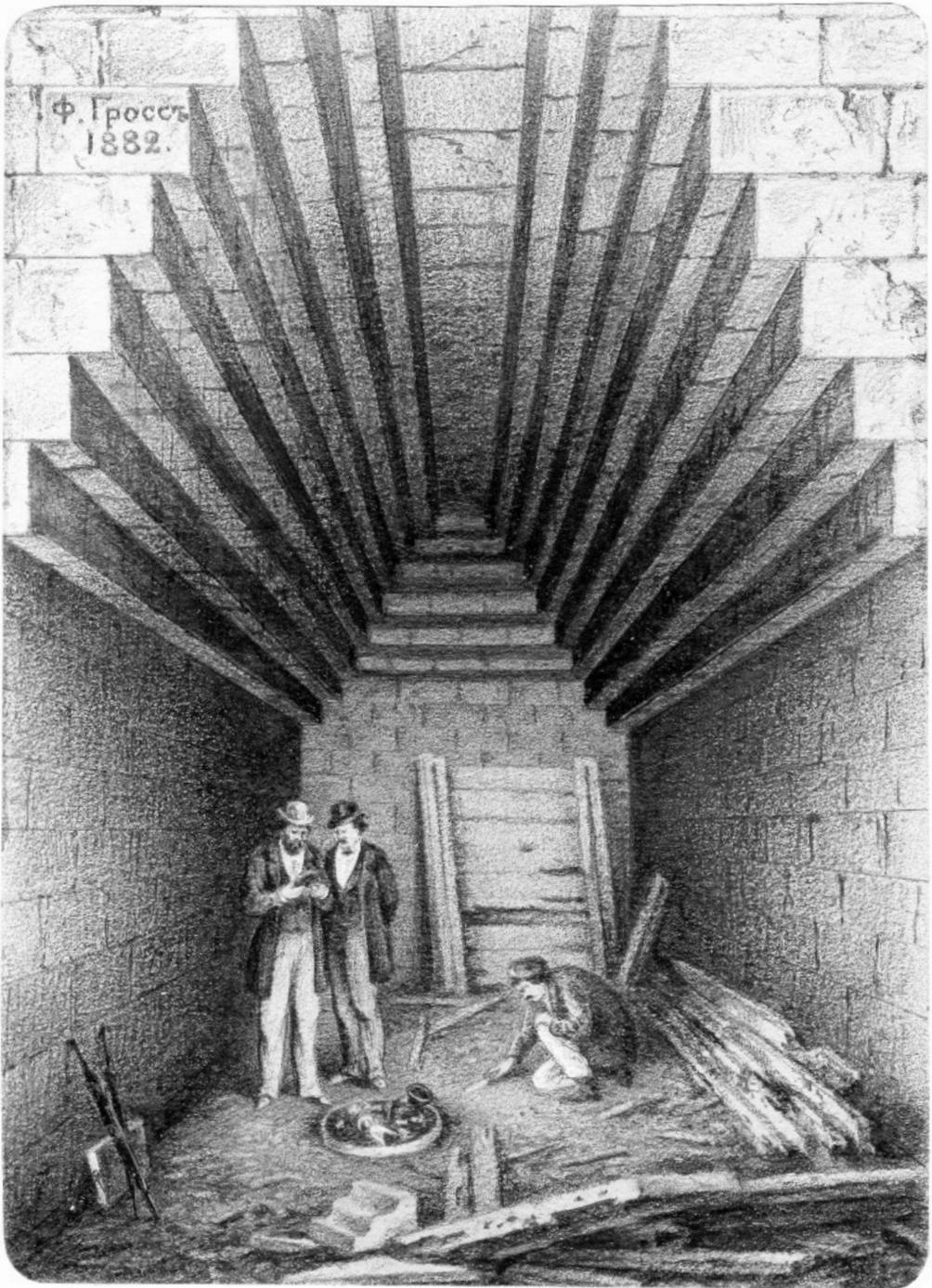

Рис. 5. Склеп кургана у с. Баксы. Рис. Ф. И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 569, л. 7)

Рис. 6. Крепида Острога кургана с восточной его стороны. Рис. Ф. И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 32)

Единственная гробница, обнаруженная под огромной насыпью Острога кургана, была катакомбой скифского типа, к которой вела глубокая шахта (рис. 7). Она была ограблена, но ее датировка в пределах IV в. до н. э., в общем, не вызывает сомнения. Появление в некрополе боспорской знати катакомбы скифского типа (единственной известной нам здесь!) представляет огромный научный интерес. Этот факт позволяет высказать предположение, что гробница Острога кургана принадлежала царю Левкону I, который был известен своими дружескими связями со скифами (Виноградов 2014д: 543; 2017а: 154–155). Возможно, именно по этой причине уступчатый склеп для него строить не стали.

Хрестоматийно известный *Царский курган* (рис. 8) поражает грандиозностью насыпи, величием монументального склепа и ведущего к нему дромоса (см.: Гайдукевич 1949: 246–250; 1981: 25–44; Блаватский 1964: 50; Шалькевич 1976; Савостина 1986: 95, № 8; Gajdukevič 1971: 271–272). Склеп в плане имеет почти квадратную форму, но его уступчатое перекрытие с помощью специальных пандативов выведено на круг. Нет сомнения, что такая гробница могла быть возведена только во время экономического процветания Боспорского государства. Как представляется, она принадлежала Перисаду I, правившему в 344/43–310/309 гг. до н. э. (Gajdukevič 1971: 272; Виноградов 2014б: 503; 2017а: 156), который, как известно, даже был признан богом (*Strab.* VII. 4, 4).

Четвертым, несомненно, *царским курганом* является *Золотой* (Виноградов 2007а; 2010б; 2017а: 157–159). Он хорошо известен благодаря окружавшей его монументальной крепиде, которую без особых доказательств пытались связать с киммерийской культурой. Много дискуссий вызвала также огромная по размерам, круглая в плане погребальная камера, открытая в 1832 г. (рис. 9; см.: Виноградов 2017а: 403–405, рис. 25–27). Необходимо особо подчеркнуть, что

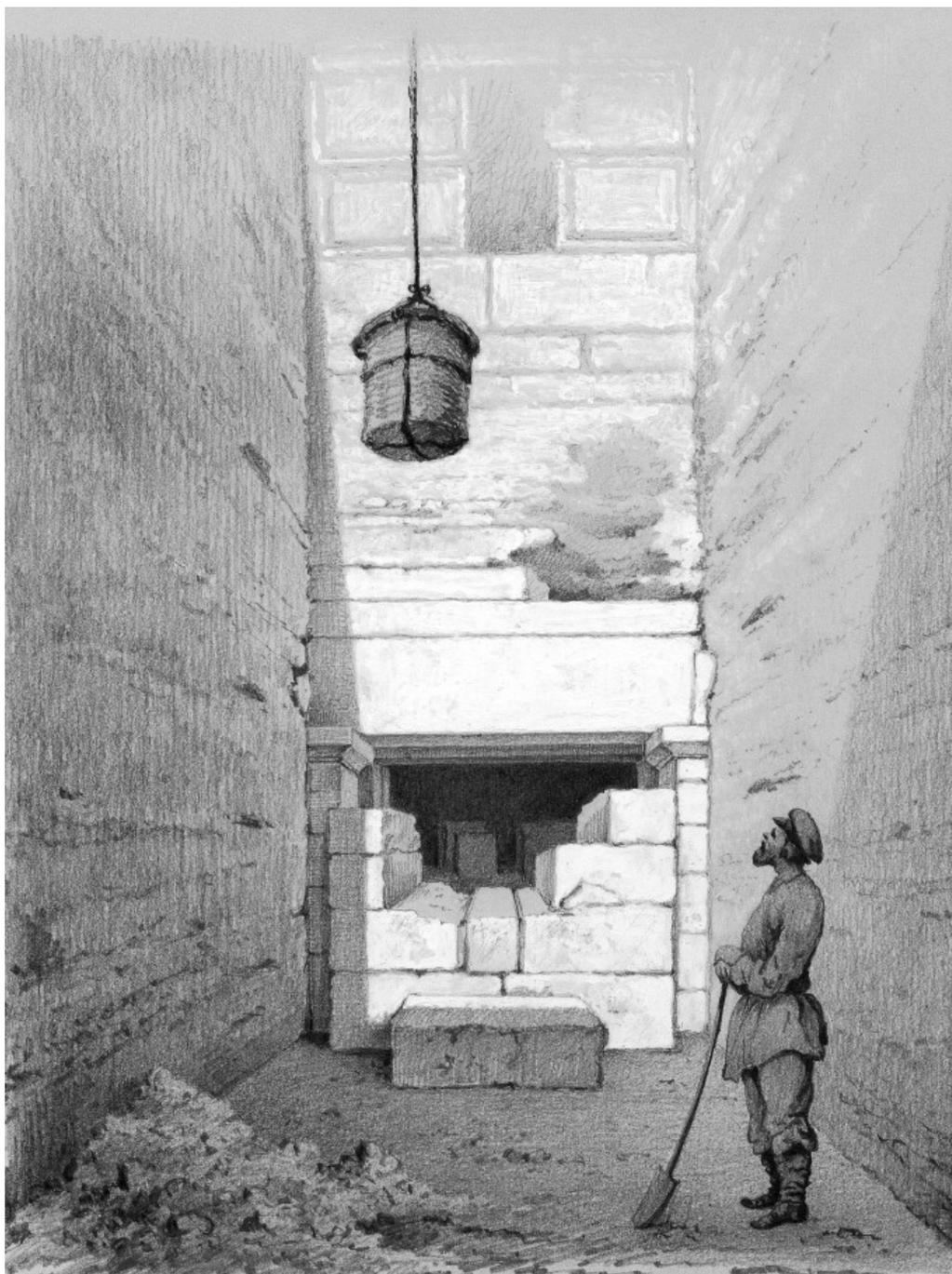

Рис. 7. Вход в катакомбу Острога кургана, заложный камнями. Рис. Ф. И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 31)

Рис. 8. Дромос Царского кургана (фото автора)

именно этот курган на Боспоре является самым большим по размерам (Виноградов 2007а: 6; 2010б: 471), за исключением более поздней и во многом загадочной Кара-Обы (о ней см.: Стоянов 2014; Виноградов 2017б: 271–272). Высота Золотого кургана, скорее всего, достигала 21 м или даже более. Часто забывают, что под насыпью были обнаружены еще два четырехугольных склепа с уступчатым перекрытием. Первый из них, открытый в 1832 г., как считается, не имел дромоса. Во втором, обнаруженном в 1853–1854 гг., дромос был пристроен к стене склепа, но прохода в склеп здесь сделано не было. Эти три любопытнейших погребальных комплекса, были ограблены и, соответственно, их точная датировка невозможна. Тем не менее, имеются основания предполагать, что их можно связать с событиями междоусобной борьбы сыновей Перисада I — Сатира II, Притана и Евмела, разразившейся в 310/9 г. до н. э. (*Diod. XX. 22–24*). Как известно, первым в этой борьбе погиб Сатир, и его похоронили в царской гробнице. Вторым был убит Притан, о месте погребения которого нам не известно, но вполне возможно, что это было сделано в подобающем его статусу месте. Победивший в войне Евмел устроил жестокую расправу со своими родственниками, но правил государством достаточно умело. Он погиб от глупой

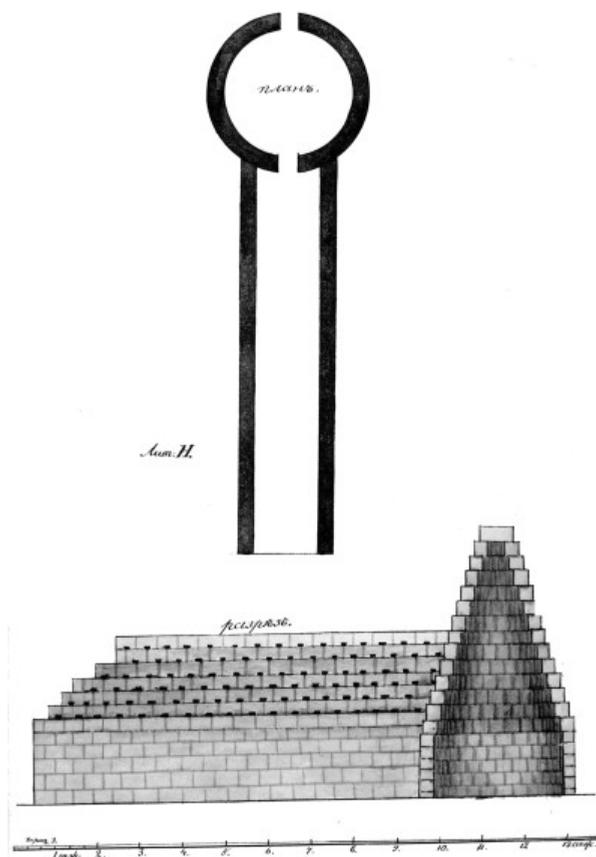

Рис. 9. Большой склеп (№ 1) Золотого кургана по Д. Б. Карейше (Архив ИИМК РАН, ф. 7, д. 11, л. 116)

случайности в 304/3 г. до н. э. (*Diod. XX. 25*). В. Ф. Гайдукевич убедительно показал, что сначала были построены четырехугольные склепы, перекрытые невысокими курганными насыпями, и только потом была возведена огромная круглая гробница, и все они были перекрыты единой грандиозной насыпью (Гайдукевич 1981: 21). На мой взгляд, есть основания предположить, что в четырехугольных гробницах были погребены Сатир и Притан, а их брат-противник упокоился рядом с ними в склепе круглой формы. Соответственно, Золотой курган следует считать последним в череде боспорских курганов времени расцвета государства в IV в. до н. э. (Виноградов 2007а: 17; 2010б: 476; 2017а: 159).

Целиком к этой блестящей эпохе принадлежит **курганный некрополь Юз-Оба** (Ростовцев 1914: 99–109; Гриневич 1952; Виноградов 2013а; 2016; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012). Этот некрополь состоит из трех частей (рис. 1): на востоке он начинается курганами Ак-Бурунского и Павловского мысов, а затем идет на запад по холмистой гряде, расположенной к югу от Керчи. Количество курганов Юз-Обы можно посчитать только приблизительно, вероятнее всего, их было около 50 (Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 17). В высшей степени показательно, что они демонстрируют отсутствие унификации как в обряде захоронения, так и в типах погребальных сооружений. Безусловно преобладающими являются ингумации, но имеются и кремации (Виноградов 2013а: 47; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 132). В. Ф. Гайдукевич полагал, что в этом некрополе наиболее часто встречались склепы с уступчатым перекрытием (Гайдукевич 1949: 254), на самом деле это не так — их здесь можно насчитать всего четыре (Виноградов 2013а: 46; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 132). Наиболее обычными были каменные склепы с плоским перекрытием, а также грунтовые ямы, обложенные по краям камнями и перекрытые каменными плитами.

Именно такой склеп был открыт во *Втором Павловском кургане* (см.: Гайдукевич 1949: 254–255; Гриневич 1952: 133–138; Артамонов 1966: 67; Уильямс, Огден 1995: 166–171; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 19–32; Gajdukevič 1971: 274–275). В нем было обнаружено очень богатое погребение женщины, которая, как представляется, при жизни исполняла жреческие функции (Гайдукевич 1949: 255; Шауб 2007: 342–343; 2017: 302–303; Gajdukevič 1971: 275).

Что касается уступчатых склепов Юз-Обы, то они состоят из погребальной камеры и ведущего к ней дромоса. Лишь один уникальный памятник — *склеп № 48 Пятого кургана* — состоит из двух погребальных камер, соединенных небольшим проходом (рис. 10; Ростовцев 1914: 104–105; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 53–61).

Весьма любопытная конструкция была обнаружена в *кургане на землях Мирзы Кекуватского* (Виноградов 2012б; 2017а: 142; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 97–104). На основании имеющегося архивного рисунка (рис. 11) можно было бы предположить, что эта гробница имела арочное перекрытие, но, скорее всего, это не так. Она, как представляется, была сооружена как уступчатый склеп, но выступы рядов плит перекрытия потом были гладко срезаны, в результате чего получилась ложная арка.

Настоящее арочное перекрытие имела *гробница № 47 Шестого кургана* Юз-Обы (рис. 12; Ростовцев 1914: 103; Гайдукевич 1949: 259–260; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 65–66). Это одна из самых ранних арок в истории античной архитектуры (Виноградов 2017а: 143–145).

В истории некрополя Юз-Оба прослеживается одна особенность. Наиболее ранние курганы имели крупные размеры, достигая в высоту 17 м, но к концу IV в.

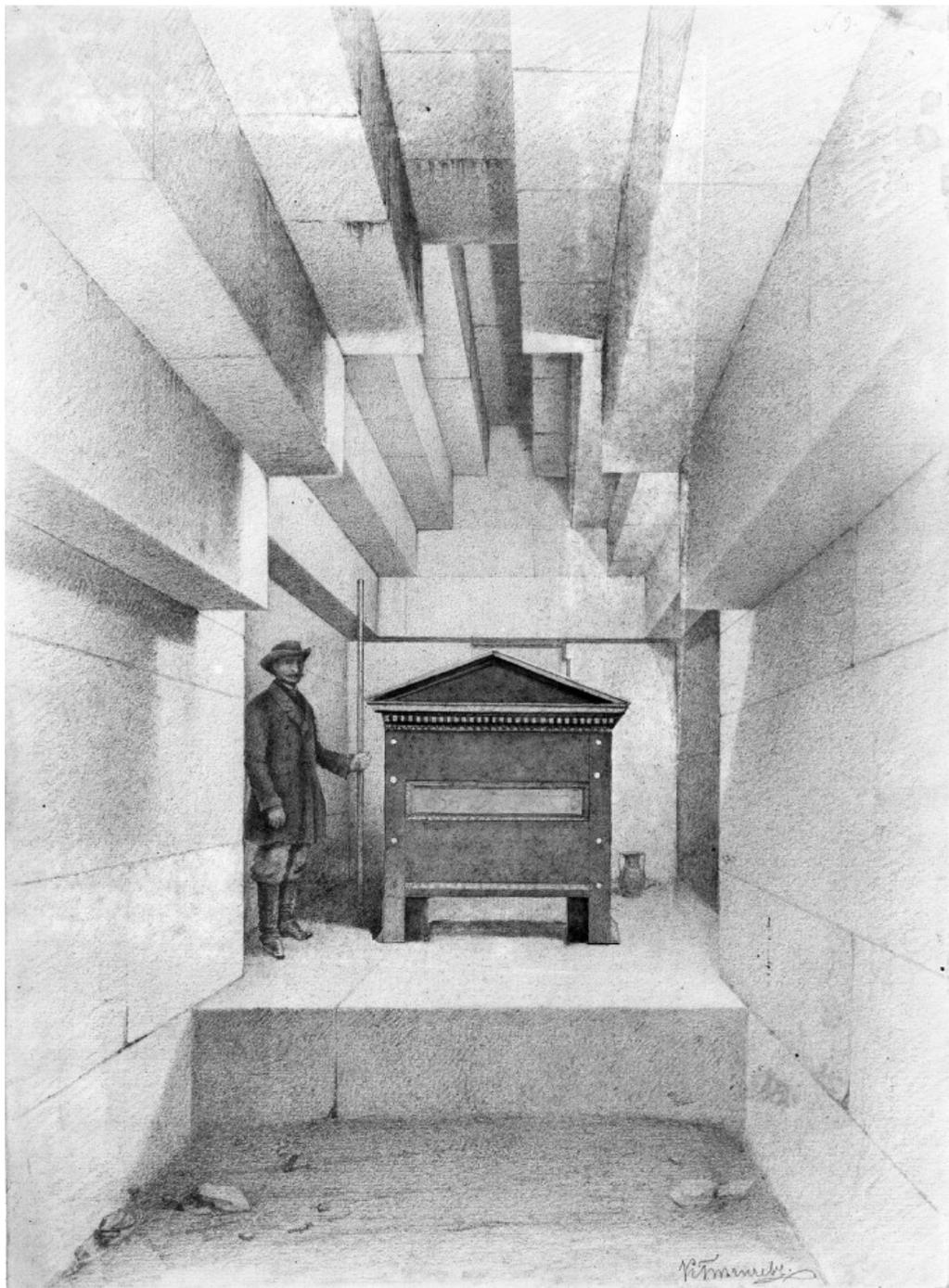

Рис. 10. Саркофаг в первой камере двойного склепа (№ 48) Пятого кургана Юз-Обы. Рис. К. Р. Бегичева (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 22)

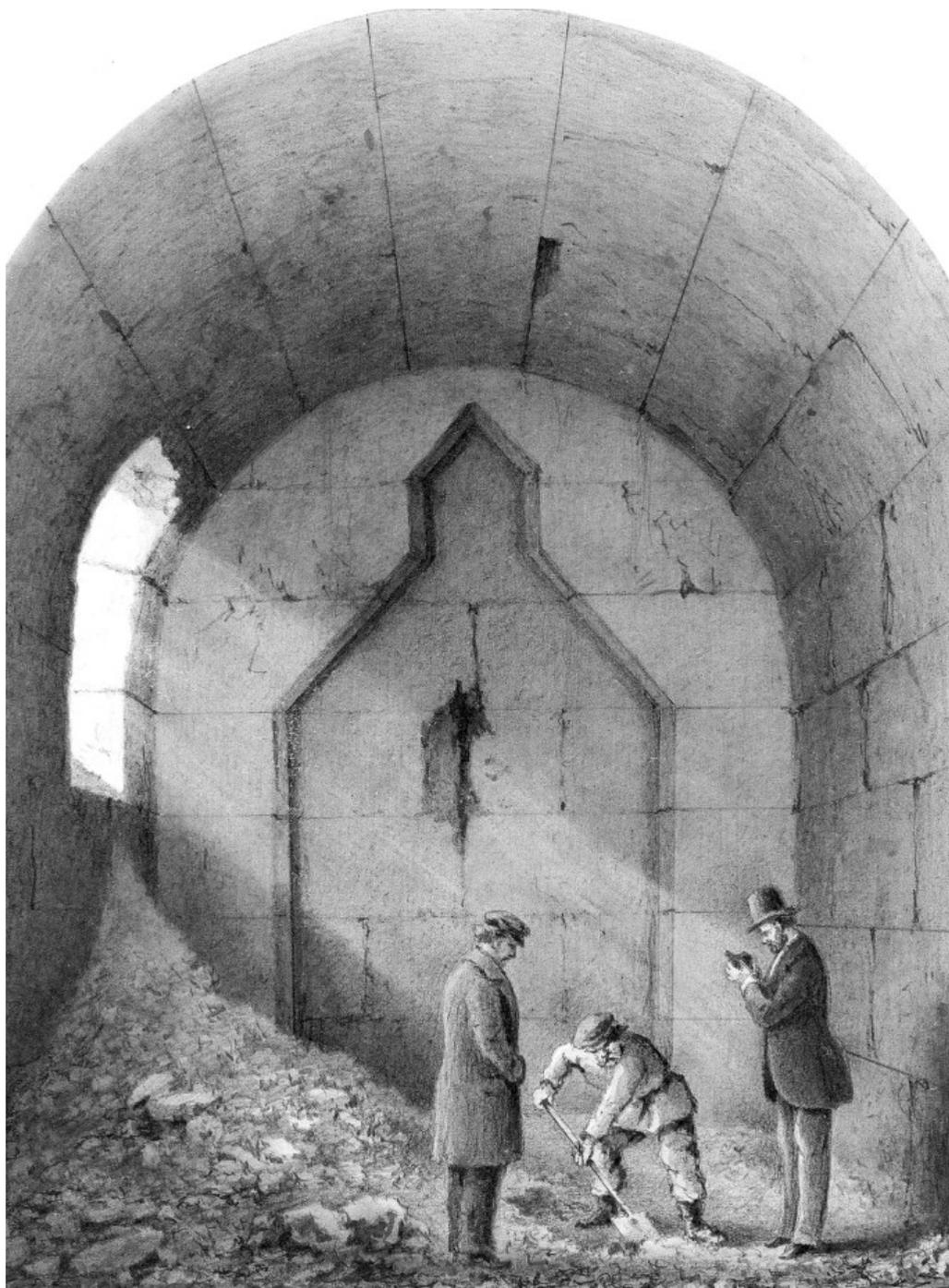

Рис. 11. Склеп кургана на землях Мирзы Кекуватского. Рис. Ф. И. Гросса (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 176, л. 3)

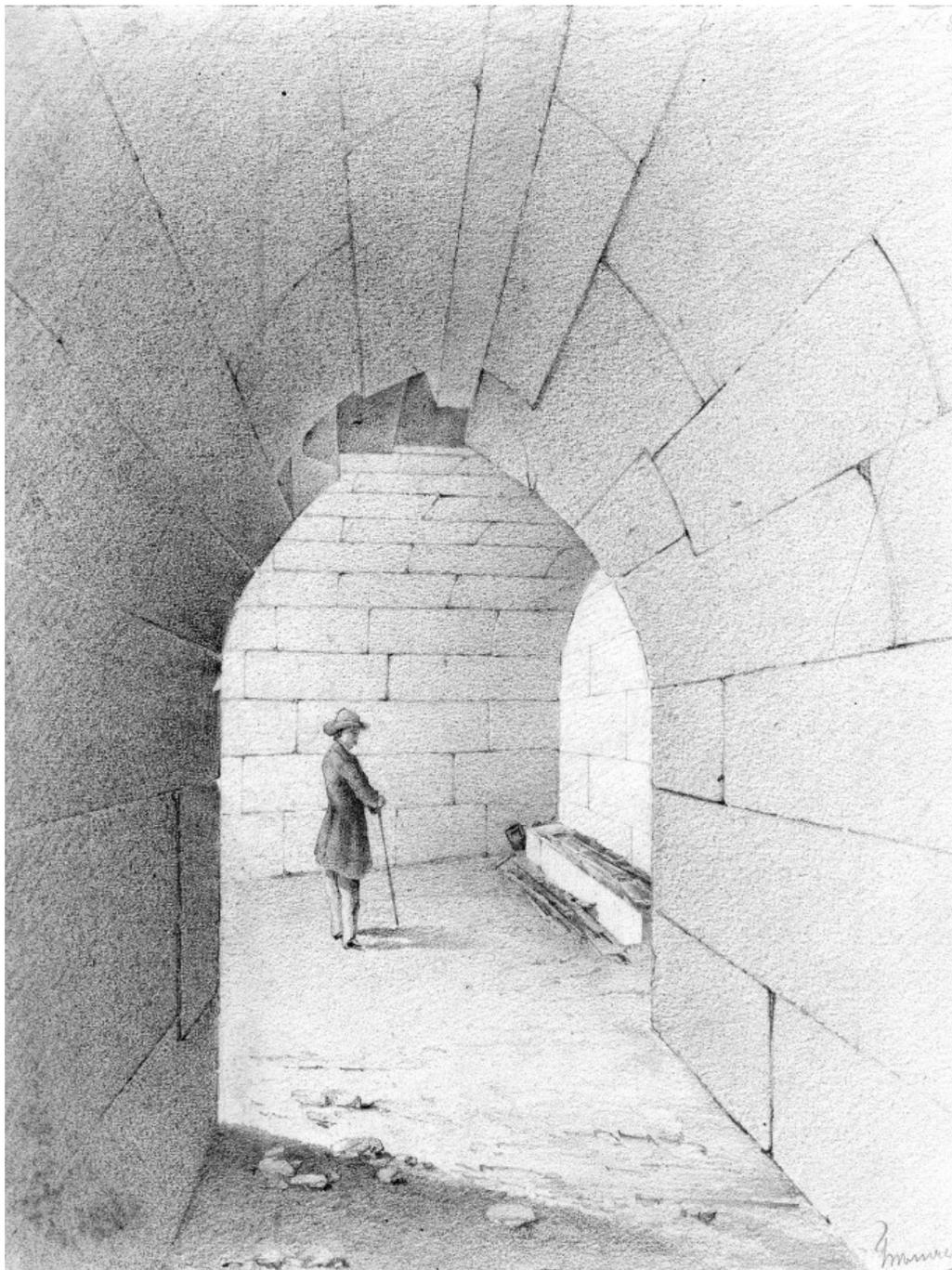

Рис. 12. Гробница № 47 Шестого кургана Юз-Обы. Рис. К. Р. Бегичева (Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 691, л. 21)

до н. э. их высота уменьшилась до 6–7 м (Виноградов 2013а: 48–49; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 134). В некоторых из поздних погребений прослеживаются черты, роднящие их с культурой варварских племен Прикубанья. Наиболее показательным в этом отношении следует признать курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г., который датируется концом IV — началом III в. до н. э. Как сейчас представляется, этот Ак-Бурунский курган является самым поздним в некрополе Юз-Оба (см. ниже).

Вопрос о выделении местных особенностей в курганном некрополе Пантикапея времени Спартокидов весьма не прост, и вряд ли его можно свести к каким-то простым формулировкам. Как уже было сказано, можно считать, что варварскими особенностями обряда являются конские захоронения, наличие оружия, некоторые особенности варварского костюма и т. д. Этим требованиям в той или иной степени удовлетворяют несколько погребальных комплексов, относящихся к IV в. до н. э.

Выходцу из скифской царской среды, по всей видимости, принадлежит главное погребение в кургане *Куль-Оба* (см.: Ростовцев 1925: 376 сл.; Гайдукевич 1949: 267 сл.; Артамонов 1966: 62 сл.; Уильямс, Огден 1995: 136 сл.; Тункина 2002: 162 сл., Власова, 2006; Виноградов 2010а; 2017а: 160–163; Gajdukevič 1971: 283–289; Pfrommer 1990: 283–284). Важно помнить при этом, что в уступчатом склепе этого кургана находились три погребения — царя, царицы и, как принято считать, конюха. Под полом склепа к тому же был найден еще один любопытнейший комплекс, к которому относится знаменитая золотая пластина в виде лежащего оленя. Этот комплекс логично считать более ранним захоронением, имеющим явные скифские черты. Правда, М. И. Артамонов возражал против разделения инвентаря *Куль-Обы* на две разные хронологические группы (Артамонов 1966: 66), однако такое разделение вполне возможно. А. Ю. Алексеев считает, что два комплекса *Куль-Обы* отделены друг от друга несколькими десятилетиями, при этом ранний, по его мнению, относится к концу V в. до н. э. или к 400–370 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 148, 156, прим. 1; 2003: 262; ср.: Бидзиля, Полин 2012: 518).

Топографически к *Куль-Обе* очень близок курган *Патиниоти*, грабительски раскопанный в 1821 г. и практически расхищенный (см.: Ростовцев 1925: 386 сл.; Яковенко 1974: 65; Тункина, 2001; 2002: 547 сл.; Виноградов 2017а: 164). М. И. Ростовцев определил этот курган как «более бедный двойник *Куль-Обы*» (Ростовцев 1925: 387; ср.: Цветаева 1957: 234–235), и на то у него были все основания. Под насыпью находился сравнительно небольшой по площади каменный склеп. Сохранившиеся рисунки находок (Дюбрюкс 2010б: 80–84, рис. 188–197), происходящих из этого склепа, позволяют считать, что, несмотря на их сравнительную скромность, они имеют явные переклички с *куль-обскими*: золотая гривна, украшенная на концах львиными головками, круглодонный серебряный сосудик с изображением водоплавающих птиц, большой бронзовый котел. По находке гераклейской амфоры с клеймом курган *Патиниоти* сейчас датируют приблизительно 370 г. до н. э. (Алексеев 2003: 262; Бидзиля, Полин 2012: 518). Отмеченное сходство кургана *Патиниоти* и *Куль-Обы* позволяет сделать заключение, что и этот погребальный комплекс можно рассматривать как скифский.

Значительно менее известен так называемый «*курган Ашика*», раскопанный А. Б. Ашиком под Керчью в 1838 г. (Виноградов 2004; 2017а: 163). В каменном склепе было обнаружено погребение воина с набором оборонительного и наступательного вооружения. Голову воина защищал уникальный и весьма странный по своему облику шлем, составленный из крупных кусков бронзы. Происходящие

отсюда великолепно украшенные бронзовые поножи являются самой эффектной и самой ранней находкой такого рода во всем Северном Причерноморье. В склепе были обнаружены также две клейменные фасосские амфоры, которые позволяют датировать этот комплекс концом первой четверти IV в. до н. э.

В кургане на землях Мирзы Кекуватского (Виноградов 2012б; 2017а: 164–165; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 97–104), как уже было сказано, был открыт весьма любопытный каменный склеп (рис. 11), в котором на специальном помосте стоял саркофаг. В саркофаге был погребен воин с золотым венком на голове, в обеих его руках находилось по пучку стрел; в ногах были положены халкидский бронзовый шлем (Алексинский 2013: 57–58), поножи и меч с обложенной золотом рукоятью. Набор сопровождающего инвентаря позволяет датировать это погребение серединой IV в. до н. э. (Яковенко 1974: 65; Виноградов 2012б: 47; 2017а: 165). Этот памятник, конечно, нельзя признать варварским. Он выглядит как вполне типичный погребальный памятник высшего слоя боспорской аристократии IV в. до н. э., но обилие оружия позволяет считать, что варварское влияние здесь все-таки имело место.

Змеиный курган, тоже входящий в некрополь Юз-Оба, дает в чем-то похожую картину (Виноградов 2017а: 165–166). Первые раскопки на нем были предприняты А. Б. Ашиком (Ашик 1848: 42, § 32; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 93). Этому археологу удалось открыть каменный склеп, в котором находился деревянный саркофаг с останками усопшего. В его ногах стояла прекрасная краснофигурная ваза. Никаких варварских особенностей обряда здесь как будто зафиксировано не было.

В 1883 и 1885 гг. на Змеином кургане провел исследования Н. П. Кондаков (ОИАК 1882–1888: XXXI–XXXII, LXXXIII–LXXXIV; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 94–97). Под насыпью кургана между двумя выступами природной скалы этот исследователь обнаружил два человеческих костяка, лежащих один на другом. При них была найдена чашечка из грубой глины и обломок железного ножа. Н. П. Кондаков посчитал это погребение рабским. Под насыпью был исследован также «жженный точёк», т. е. место тризны, на котором было найдено большое количество костей животных, разбитых остродонных амфор и небольших чернолаковых сосудов. В специально вырытых ямках были размещены краснофигурные вазы (Petrakova 2012: 157), а между камнями, поставленными вертикально, — небольшой лекиф афинского мастера Ксенофанта, украшенный рельефными изображениями (Передольская 1945: 56 сл., табл. V–VI; Виноградов 2007б: 8, фото; Petrakova 2012: 158, fig. 9a), а также небольшая ойнохоя с таким же орнаментом (Petrakova 2012: 158, fig. 9b).

К. Э. Гриневич высказал предположение, что под Керчью существовали два Змеиных кургана; первый из них раскапывал А. Б. Ашик, а второй исследовал Н. П. Кондаков (Гриневич 1952: 144–145). Это предположение было воспринято очень некритично, и в научной литературе утвердилось мнение о двух Змеиных курганах (Цветаева 1957: 240; Яковенко 1974: 66; Масленников 1981: 54–55; Виноградов 2005: 271; 2010в: 529), хотя на самом деле оно абсолютно безосновательно и только запутывает и без того запутанную картину, связанную с изучением некрополя Юз-Оба (Федосеев 2005: 411; Виноградов 2017а: 165–166; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 97). Почти нет сомнения, что под Керчью был раскопан один Змеиный курган. Погребение в склепе, как уже было сказано, носит вполне греческий облик, в нем нет ни оружия, ни погребений коней. Два костяка, открытые под насыпью кургана, однако, можно связывать

с человеческими жертвоприношениями, совершенными перед сооружением кургана, а это придает всему памятнику очень необычный, уникальный для Боспора колорит, который вряд ли можно считать эллинским.

Появление всех перечисленных погребальных памятников на Боспоре можно объяснять сильным влиянием Скифии, с которой, как представляется, боспорские владыки IV в. до н. э. поддерживали дружеские, союзнические отношения (Шелов-Коведяев 1985: 136; Яковенко 1986: 47; Виноградов 2005: 275).

Наиболее поздним курганом Юз-Обы, как было сказано выше, является курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун в 1875 г. (Виноградов 1993; 2017а: 176–182; Бутягин, Виноградов 2014: 53–110). Центральным погребением здесь была весьма необычная для Боспора кремация. В грунтовой яме, перекрытой кровельными черепицами, был обнаружен толстый слой древесного угля, поверх которого, как представляется, было уложено тело усопшего. Вещи в этом погребении, по определению автора раскопок Ф. И. Гросса, были расположены в «распределенном порядке» (см.: Бутягин, Виноградов 2014: 56), т. е. ожерелье находилось на месте шеи, поясной крючок — у пояса, перстни — на месте кистей рук и т. д. Такой обряд, скорее всего, связан с традициями савроматского мира, и появление его в некрополе боспорской аристократии, по всей видимости, связано с начавшимися сарматскими миграциями на запад.

Из вещей, обнаруженных в этом погребении, хрестоматийно известным стал ажурный золотой шлем (рис. 13). Другие вещи, однако, не менее любопытны (см.: Бутягин, Виноградов 2014: 76–85, кат. 31, 35–36, 37, 39–40): поясной крючок в виде птички с распростертыми крыльями, сделанный из железа и обтянутый золотом, роднит этот комплекс с савроматской культурой и, в особенности, с районом Среднего Дона; два золотых колпачки полусферической формы характерны для Предкавказья, в этом же районе были распространены крупные каменные бусины-амулеты. Золотые перстни с железной вставкой характерны для района Таманского полуострова, но никак не Восточного Крыма. В погребении был обнаружен многочисленный набор вооружения (см.: Виноградов 2014: 85–94, кат. 41–51) — оборонительного (железный шлем, железный панцирь, бронзовые поножи) и наступательного (копья, дротики, большой меч,

Рис. 13. Золотой шлем из кургана Ак-Бурун (1875 г.)

кинжал, железные втульчатые наконечники стрел). Набор наступательного вооружения при этом опять же характерен для племен Прикубанья. Такое смешение разнокультурных элементов позволяет подкрепить высказанную точку зрения, что этот комплекс связан с начавшимися передвижениями сарматов, которые к концу IV в. до н. э. уже проникли в Прикубанье.

И еще одна особенность, сильно повлиявшая на развитие элитарной культуры Боспора и нашедшая отражение в материалах Ак-Бурунского кургана — влияние Македонии. К концу IV в. до н. э. в погребениях боспорской знати появляются золотые статеры с портретом Александра Великого (Зограф 1945). Монета, найденная в кургане 1875 г., была отчеканена в далеком Вавилоне (Буягин, Виноградов 2014: 74, кат. 29). Золотой шлем (рис. 14), скорее всего, был

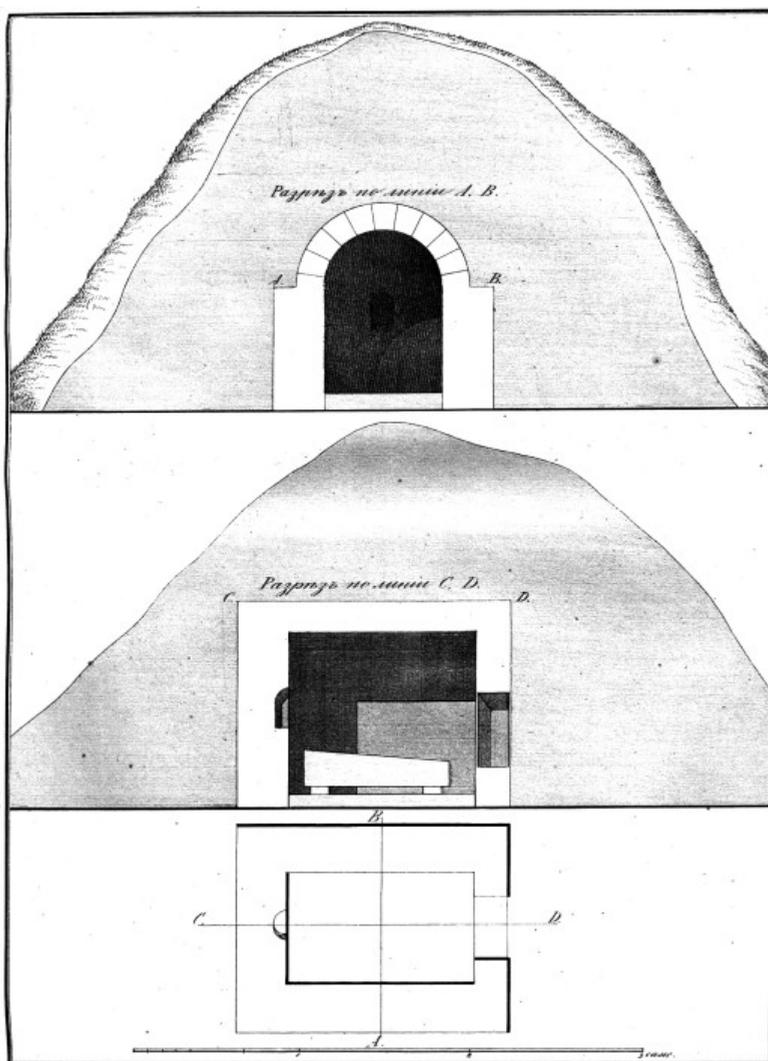

Рис. 14. Склеп, открытый А. Б. Ашиком около дороги в Аджимушкай (по: Ашик, 1848)

изготовлен македонским мастером, работавшим на Боспоре (Roberts 2009: 98; Бутягин, Виноградов 2014: 83–84, 110). Наконец, золотые бляшки в виде двенадцатилучевых звезд (Бутягин, Виноградов 2014: 77–78, кат. 33) имеют явное сходство с звездой Аргеадов, ставшей важным символом власти царей Македонии. Таким образом, в кургане Ак-Бурун нашли своеобразное преломление культурные импульсы, исходящие из савромато-сарматского мира, Прикубанья и Македонии. Все они соединились на почве боспорской элитарной, эллинской в своей основе культуры.

Подводя итог сказанному о курганном некрополе Пантикапея IV в. до н. э., следует констатировать, что он является своеобразным отражением Боспорского государства этого времени — единого, монархического, полиэтничного и процветающего. Ни один другой некрополь городов Боспора, даже второй столицы Фанагории, не может с ним сравниться по количеству элитарных погребений, размерам курганных насыпей, монументальности гробниц, богатству погребального инвентаря. Боспорская элита при этом отнюдь не чуралась новшеств. Можно еще раз напомнить, что именно под Пантикапеем была возведена одна из первых в античном мире гробниц с арочным перекрытием (рис. 12). К концу столетия стали возводить *расписные склепы*. И хотя гробница 1908 г., на стенках которой изображены предметы, связанные со спортивной, палестрической культурой (Ростовцев 1914: 70–82; Ернштедт 1955: 250–251), выглядит скромней расписного склепа Большой Близницы, но она была построена, по всей видимости, в конце IV в. до н. э., т. е. является самой ранней из известных ныне расписных гробниц Боспора.

К концу IV в. до н. э., однако, в некрополе наблюдаются некоторые явления, которые иначе чем кризисные назвать нельзя. Как было сказано, курганы Юз-Обы становятся не столь высокими, а погребальный инвентарь не столь разнообразным и изысканным. Курган Ак-Бурун (1875 г.) знаменует разрыв с традицией, которую можно назвать «скифской». Более того, элитарных погребений с варварскими чертами в обряде и инвентаре после него в окрестностях Пантикапея больше вообще не совершалось (Виноградов 2005: 294; 2017а: 182).

4. Некрополь III–II вв. до н. э.

После крушения Великой Скифии, т. е. после рубежа IV–III вв. до н. э., Боспор, как и другие греческие государства Северного Причерноморья, вступил в период кризиса, что закономерно повлияло на развитие его элитарной культуры. Кризис, однако, сменился во второй половине III — первой половине II в. до н. э. периодом относительной стабилизации и культурного подъема, который из всех греческих государств северного берега Понта наиболее заметен был именно на берегах Керченского пролива (Виноградов 1999; Виноградов, Марченко 2014: 153–154). Тем не менее, на курганном некрополе Пантикапея этот подъем фиксируется не очень отчетливо. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что здесь очень немногочисленны так называемые склепы «македонского» типа, которые чрезвычайно показательны для этой эпохи (Виноградов, 214а; 2017а: 182–196).

Склепы македонского типа нашли распространение по всему античному миру на протяжении очень длительного времени — от походов Александра Македонского до римского завоевания Македонии в 168 г. до н. э. Для них характерно разделение погребальной камеры на две части (небольшую перед входом

и более крупную, следующую за ней), хотя возводились и однокамерные склепы. Непременной особенностью этих конструкций является арочное перекрытие, нарядное оформление фасада и т. д. Наиболее известный памятник такого рода, открытый на территории Македонии, — склеп в Большом кургане у села Вергина, который обычно называют гробницей царя Филиппа (см.: Andronicos 1984; Андроникос 1990; Манцевич 1980; Бидзиля, Полин 2012: 552–553)⁴. Немало склепов такого типа открыто на территории Фракии (Койнова-Мечкуева 2006: 114; Хатлас 2006; Базайтова 2006: 343–344, 353, обр. 2, 3).

На Боспоре, надо признать, конструкция македонских склепов была адаптирована, приспособлена к местным традициям. В конструкции этих сооружений был сохранен дромос, превратившийся в лестницу, ведущую к погребальной камере. Вход практически никогда не украшался и не имел каменной или деревянной двери. Как и ранее, он заслонялся каменной плитой. Тем не менее, основные особенности таких склепов (арочное перекрытие, разделение камеры на два помещения) здесь неукоснительно соблюдались. В высшей степени любопытно при этом, что подавляющее большинство склепов македонского типа было построено на азиатской стороне Боспора (Виноградов 2014а: 176–178; 2017а: 194–195), в их числе прежде всего необходимо назвать склепы курганов Васюринской горы (Ростовцев, 1914, с. 30–57; Власова, 2004а; 2004б; 2010: 234–239), которые, хотя и были ограблены, вполне соответствуют не просто аристократическому, а царскому уровню. В окрестностях Пантикапея за все годы раскопок были открыты всего два склепа македонского типа, которые ничем особенным не выделяются.

Склеп в кургане по дороге в Аджимушкайские каменоломни, открытый А. Б. Ашиком (Ашик 1848: 48, § 38, р. V; Виноградов 2017а: 194). По имеющемуся рисунку (рис. 14) можно судить, что перекрытие его было арочным, но дромоса здесь не было.

Описание погребального инвентаря (золотой венок с агатовой вставкой, золотые украшения, отделанные камнями, и пр.) заставляют считать, что погребение было совершено в III в. до н. э., но А. Б. Ашик упоминает и «могильную вазу» с изображением боя аримаспа с грифоном (Ашик 1848: 48). Если эта ваза была краснофигурной, то ее датировка вряд ли заходит в III в. до н. э., но если «акварельной», то такая датировка вполне допустима.

Керченская гробница 1885 г. (рис. 15) была раскопана Ф. И. Гроссом где-то в районе Мирмекия (Виноградов 2014ж; 2017а: 193–194). Она находилась в кургане, имевшем довольно большие размеры: высота — 6,40 м, окружность насыпи — около 121,60 м. На вершине кургана, как представляется, находился поминальный комплекс, ограниченный кольцевой каменной стенкой.

Погребение в этой гробнице было разграблено, но упоминание в отчете Ф. И. Гросса обломков чернолаковой и краснолаковой керамики, обнаруженных во время раскопок, позволяет датировать ее в пределах III–II вв. до н. э. К гробнице вел спуск в виде лестницы, что можно считать вполне типичным для боспорских склепов «македонского» типа. Погребальная камера была разделена на две части, свод имел арочное перекрытие, что опять же типично. Весьма необычно лишь оформление входа — может быть, это единственный памятник

⁴ Принадлежность Большого кургана Вергины именно Филиппу среди исследователей не находит полного понимания (см.: Алексеев 2003: 252 сл.; Борза 2013: 329 сл.), но эти споры не имеют особого значения в данном контексте.

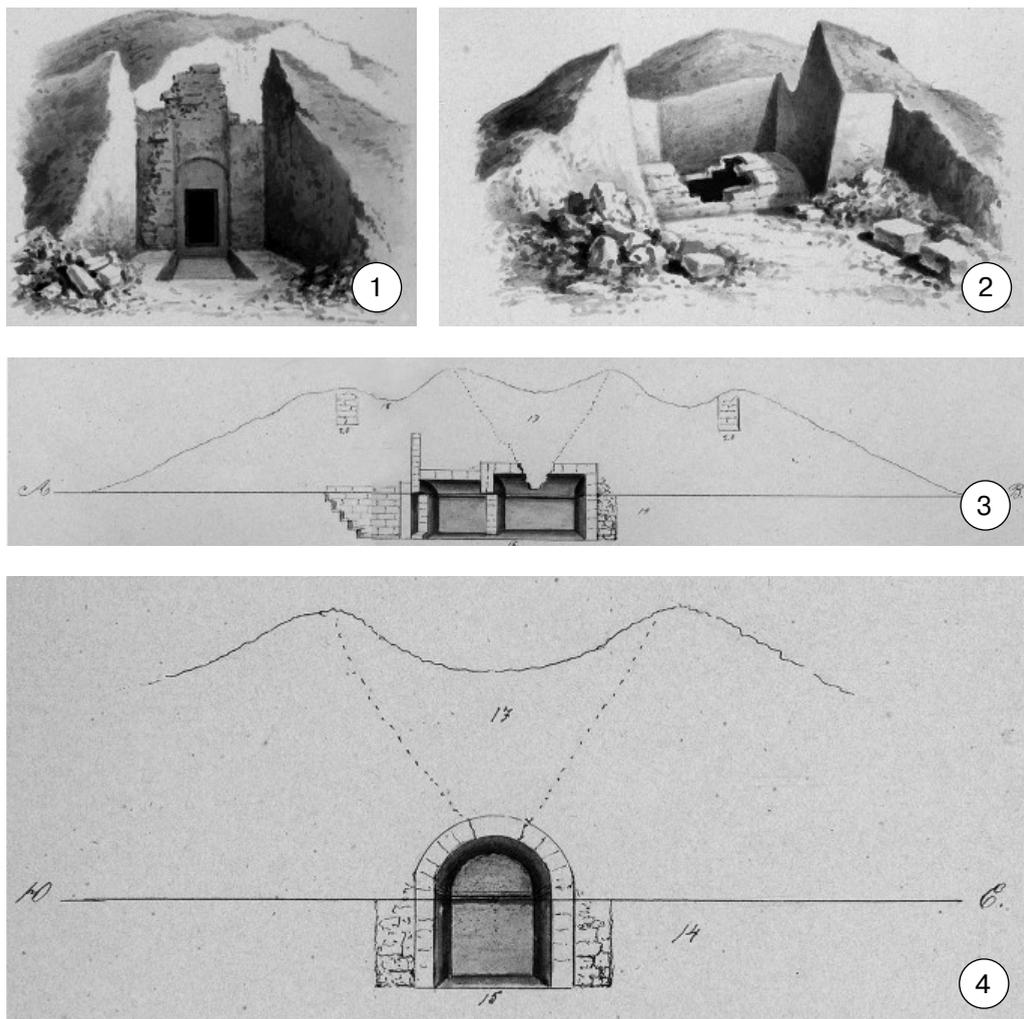

Рис. 15. Склеп, открытый в районе Мирмекия в 1885 г. По рис. Ф. И. Гросса (Виноградов, 2014ж). 1 — вход в гробницу; 2 — вид гробницы с южной стороны; 3 — продольный разрез склепа; 4 — поперечный разрез восточной камеры склепа

такого рода на Боспоре, на примере которого можно видеть попытку оформления фасада, пусть лишенного архитектурных украшений, но все-таки довольно монументального (рис. 15, 1).

Склепы с уступчатым перекрытием сохранили свою популярность на Боспоре в III–I вв. до н. э. (Виноградов 2013б; 2017а: 196–205). Как и в случае с гробницами «македонского» типа, следует признать, что наиболее показательные памятники этого времени с уступчатым перекрытием находятся на азиатской стороне Боспора (Виноградов 2017а: 202). В их ряду особо выделяются склепы, открытые в трех Тарасовских курганах. Входы в них были оформлены антами и увенчаны дорическими фронтонами, погребальные камеры двух склепов были разделены на две части (Ростовцев 1914: 109–110; Савостина 1986:

97–98, № 23, 24, 25; Виноградов 2017а: 198–199). М. И. Ростовцев сравнивал фасады склепов Тарасовских курганов с погребальными памятниками Македонии (Ростовцев 1914: 110–111), и в этом он, как сейчас представляется, был полностью прав. Более того, и деление погребальной камеры на две части, по всей видимости, тоже было связано с влиянием «македонской» традиции строительства склепов.

В некрополе Пантикапея к этому времени относится всего один показательный памятник — «склеп Пигмеев». Он был открыт Д. В. Карейшей в 1832 г. на продолжении горы Митридат (рис. 16; см.: Ростовцев 1913–14: 137–149; Блаватский 1964: 121; Савостина 1986: 97, № 25; Тункина 2002: 180, 182, рис. 67; 2010: 539–541; Виноградов 2017а: 201). Он состоял из двух частей: погребальной камеры и преддверия. Склеп был расписан; орнаментальная композиция представляла битву пигмеев с журавлями. Этот памятник обычно датируют II–I вв. до н. э. (Савостина 1986: 97, № 25), и, в общем, вполне возможно, что он относится к митридатовскому времени.

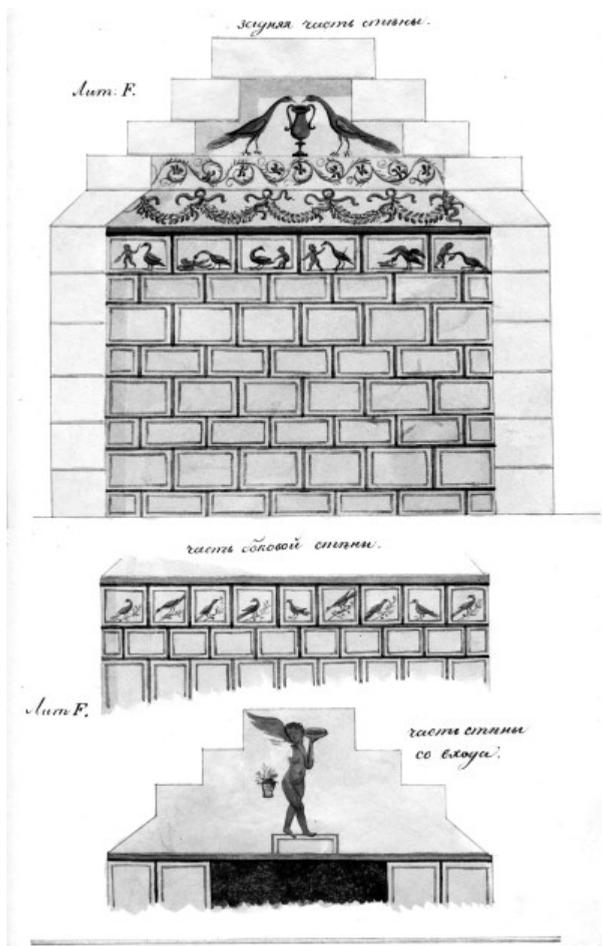

Рис. 16. «Склеп Пигмеев» (по: Архив ИИМК РАН, ф. 7, д. 11, л. 114)

Некрополь у Карантинного шоссе под Керчью стал известен, прежде всего, благодаря открытиям богатых эллинистических погребений. Раскопки здесь проводили А. Б. Ашик и Д. В. Карейша в 1834–1835 гг., и документация по нему весьма скудна и несовершенна (см.: Тункина 2010: 548–561, 576–580, 581–582). Тем не менее, есть все основания считать, что здесь была открыта любопытнейшая группа погребений III в. до н. э., из которых происходит целая серия весьма показательных серебряных сосудов. Впервые эта серия была оценена таким образом М. И. Максимовой в ее труде, посвященном Артюховскому кургану. Исследовательница отнесла эти погребения к первой половине или первой трети III в. до н. э. (Максимова 1979: 72). Тем самым она выделила серию сосудов, происходящих из гробниц Карантинного шоссе, отличая их от более ранней серебряной посуды, найденной в Зеленском кургане, с одной стороны, и более поздней, обнаруженной в Артюховском кургане, с другой. По мысли М. И. Максимовой, набор сосудов Карантинного шоссе занимает как бы срединную позицию между двумя обозначенными комплексами. Эта точка зрения, нашедшая поддержку в отечественной науке, была оспорена М. Ю. Трейстером. По его мнению, о «комплексе погребений Карантинного шоссе» вообще не стоит говорить, поскольку в него включены различные погребения, материалы из которых по существу не изучены (Трейстер 2010: 596). С последним заключением уважаемого исследователя невозможно не согласиться, поскольку насущная необходимость полноценного введения в научный оборот материалов всех гробниц, открытых во время строительства Карантинного шоссе, ощущается все острее и острее. Несмотря на это, пусть в значительной степени умозрительно, представляется возможным считать, что среди этих гробниц имеются погребения боспорской элиты второй половины III в. до н. э., при этом элиты не самого высокого ранга, но игравшей существенную роль в истории Боспорского государства.

Очень важный памятник некрополя был исследован Д. В. Карейшей в октябре 1834 г. Он вошел в научную литературу под названием *кургана Аморетти*⁵. Здесь были открыты три плитовые гробницы, одна из которых была разграблена рабочими, а другие раскопаны археологами; они содержали весьма богатый погребальный инвентарь. В первой гробнице был найден золотой лавровый венок, золотая бляшка круглой формы, железный стригиль, большая каннелированная пелика и пр. (Тункина 2010б: 548–550). Вторая гробница содержала гораздо большее число предметов: золотой лавровый венок, золотое ожерелье, две золотые булавки, драгоценные кольца, золотая монета Филиппа Македонского и пр. (Тункина 2010б: 550–554). Несмотря на значительный хронологический разброс вещей, приписываемых к этому комплексу, М. Ю. Трейстер склонен датировать его последней четвертью III в. до н. э. (Трейстер 2010, с. 591).

Среди погребальных памятников некрополя особенно показательно погребение, открытое А. Б. Ашиком в ноябре 1834 г. (см.: Тункина 2010: 576–580). В гробнице, сложенной из каменных плит (рис. 17), находились две урны с трупожжениями, железный шлем с серебряными украшениями (о нем см.: Алексинский 2008; 2013: 61–63), бронзовый щит, железный меч типа махайра и пр., в специальном углублении в полу был положен набор серебряной посуды. Данный памятник был интерпретирован как погребение наемника, вероятнее предводителя отряда наемников, который, по всей видимости, некоторое время

⁵ И. А. Аморетти — подрядчик работ по сооружению Карантинного шоссе.

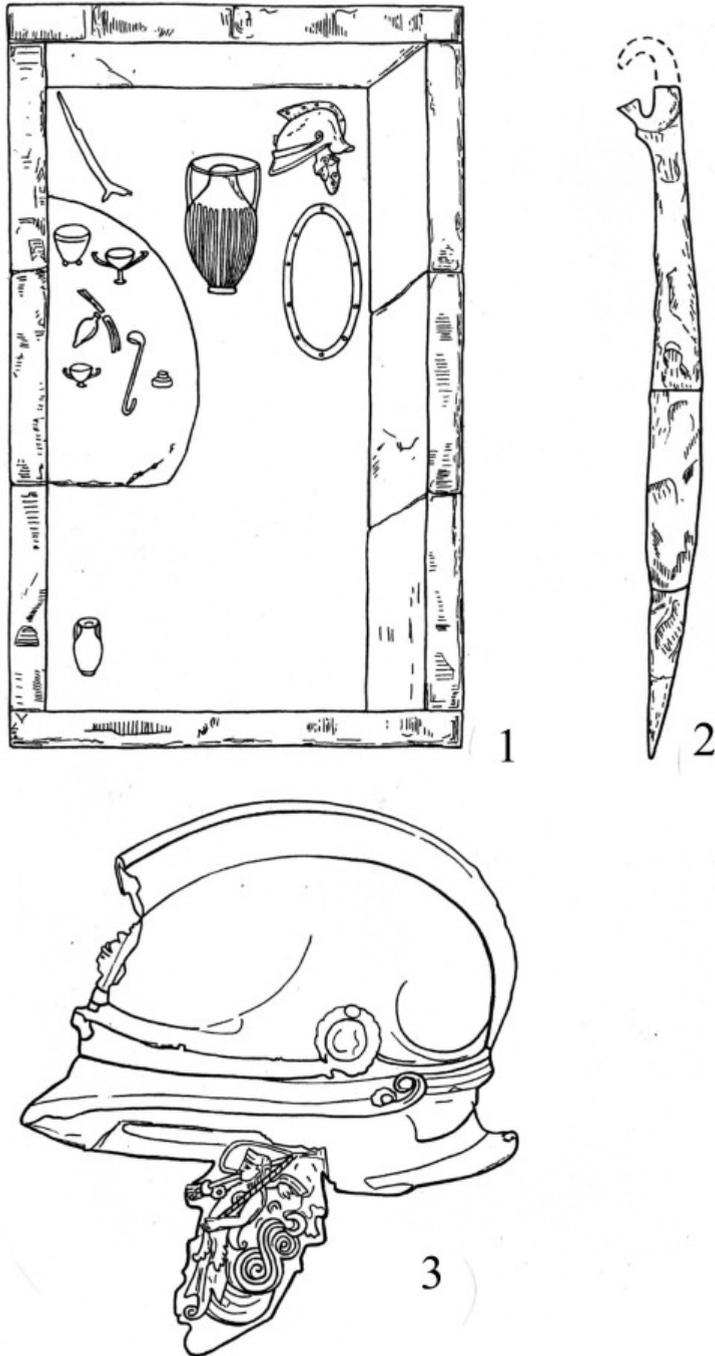

Рис. 17. Гробница у Карантинного шоссе, открытая в 1834 г. (по ДБК).
1 — план гробницы; 2 — меч типа махайра; 3 — железный шлем с серебряными украшениями

находился на службе в Северной Греции, а затем попал на Боспор, где и умер приблизительно в середине III в. до н. э. (Виноградов 1997: 75; 2017а: 209; Виноградов, Горончаровский 2009: 116). М. Пфроммер датировал этот комплекс второй четвертью III в. до н. э. (Pfrommer 1990: 277, FK 139]. М. Ю. Трейстер, критически пересмотревший всю имеющуюся информацию о погребении воина, предложил датировать его началом третьей четверти III в. до н. э. (Трейстер 2010: 600). Различие трех предложенных атрибуций, на мой взгляд, столь несущественно, что дискуссию по этому вопросу вряд ли стоит продолжать.

Материалы раскопок курганных некрополей позволяют согласиться с Г. А. Цветаевой, что во II–I вв. до н. э. обычай сооружения величественных курганов на Боспоре стал отживать (Цветаева 1957: 244), но из любого правила имеются исключения.

5. Митридатовское и постмитридатовское время

По существующим в науке представлениям, ярчайшая страница в истории Боспора, связанная с фигурой понтийского царя Митридата VI Евпатора и его борьбой против Рима, в материалах курганного некрополя Пантикапея не нашла никакого отражения. Во всяком случае, эта точка зрения, так сказать, молчаливо признается почти всеми специалистами. Несмотря на это, необходимо признать, что среди многочисленных пантикапейских гробниц, открытых в XIX в., имеются такие, которые, пусть предположительно, можно относить к времени Митридата. Это уже было сделано в отношении грандиозного кургана *Кара-Оба*, который представляется возможным связывать с победами понтийских войск над варварами и утверждением власти владыки Понта над Боспором (Виноградов, Горончаровский 2009: 134–135; Виноградов 2017а: 271–272; но ср.: Стоянов 2014: 628–629). Этот памятник, однако, находится далеко от Пантикапея.

Чуть выше в отношении «*склепа Пигмеев*» (рис. 16) было сказано, что он, возможно, был построен во время Митридата. Во всяком случае, общепризнанная датировка гробницы II–I вв. до н. э. позволяет это предполагать. Можно допустить также, что приблизительно к этому времени относятся некоторые из расписных каменных Пантикапея, ставших, как известно, очень популярными в первые века н. э.

В этом отношении, прежде всего, необходимо обратить внимание на *расписной склеп 1852 г.* (рис. 18), обнаруженный К. Р. Бегичевым на северном склоне г. Митридат (Ростовцев 1913: табл. XLVI–XLVII; 1914: 153–160; Виноградов 2017: 286–287). Имеющийся рисунок позволяет считать, что над ним был насыпан невысокий курган. Склеп представляет собой типичную для Боспора более раннего времени двухкамерную гробницу «македонского» типа. К входу вел спуск, нижняя часть которого, ограниченная по сторонам двумя стенками, оформлена в виде лестницы. Дверь, как обычно в боспорских гробницах этого типа, была заложена каменной плитой. Первая камера имела относительно небольшие размеры, вторая была более обширной. Свод был сделан в виде арки.

Склеп был сооружен из отесанных камней на известковом растворе, стены и потолок оштукатурены. Поверх штукатурки была нанесена роспись. В первой камере нижняя часть стен разбита на четырехугольники, имитирующие ряды каменной кладки. Во второй нижняя часть стен имеет роспись, имитирующую покрытие плитами цветного мрамора; ее верхний ряд украшен изображениями птиц, сидящих на ветвях. Над входом во вторую камеру сохранилось нечеткое изображение двух фигур — мужской и женской, как бы указывающих на вход

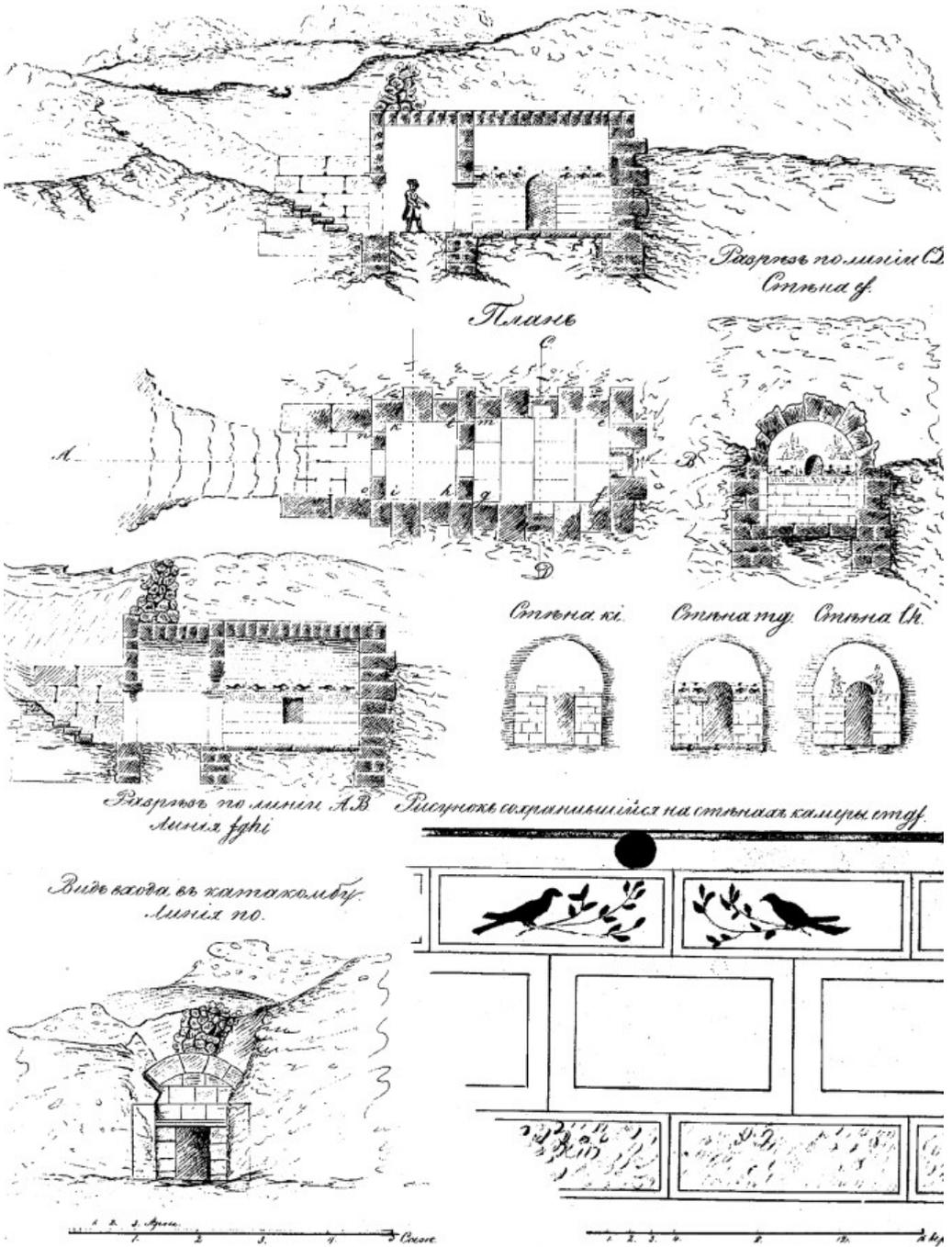

Рис. 18. Расписной склеп 1852 г. (по: Ростовцев, 1913)

в помещение. На торцовой стене гробницы так же нечетко сохранилась роспись в виде двух всадников, вооруженных копьями. Эти фигуры размещены по сторонам от ниши.

Гробница 1852 г. была ограблена, поэтому надежных оснований для ее датировки мы не имеем. Тем не менее, вполне очевидно, что архитектура этой гробницы очень схожа с конструкцией склепов Васюринской горы, а роспись находит аналогии в склепе Большого Васюринского кургана и Анапской гробницы 1908 г. (см.: Ростовцев 1914: 30–69; 83–86). Вместе с тем, здесь имеются отличия от этих хорошо известных памятников, позволившие М. И. Ростовцеву датировать этот склеп концом I в. до н. э. — самым началом I в. н. э. (Ростовцев 1914: 158). Если эта датировка верна, то следует признать, что склеп 1852 г. является важным звеном на пути эволюции боспорских элитных гробниц к расписным катакомбам первых веков н. э.

Вторым погребальным памятником такого рода является катакомба № 134, открытая на горе Митридат в 1867 г. (см.: Ростовцев 1914: 91–93). На рисунке Ф. И. Гросса (рис. 19) прекрасно видно, что над этой гробницей был насыпан невысокий курган, а вход в нее был закрыт большим каменным блоком. Гробница состояла из трех отделений, высеченных в скале и образующих вместе с входом почти правильную форму креста. Стены катакомбы были оштукатурены и украшены широким расписным фризом, на котором были изображены стебли, листья и цветы какого-то вьющегося растения. Гробница оказалась разграбленной, но М. И. Ростовцев признавал катакомбу 1867 г. относительно ранней, относящейся к рубежу эллинистической и римской эпох (Ростовцев 1914: 93).

Рис. 19. Спуск в катакомбу, открытую на северной покатости горы Митридат 17 июня 1867 г. Рис. Ф. И. Гросса (по Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 692, л. 30)

Наиболее важным памятником постмитридатовского времени, как представляется, является *погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г.* В одном из курганов, расположенных на этом мысе, тогда была обнаружена небольшая впускная каменная гробница, содержащая два бронзовых сосуда. Один из них содержал перегоревшие кости животных, а второй — человеческий прах с набором весьма ценных вещей (ОИАК 1874 г.: XXI–XXII).

Имеющиеся описания позволяют считать, что это погребение являлось типичной для античного мира кремацией, совершенной на стороне. После сожжения прах усопшего был собран в бронзовый сосуд (в другом сосуде, может быть, находились остатки сожженных жертвенных животных) и помещен в небольшую могильную яму. По краям эта яма была обложена хорошо обработанными каменными плитами; перекрытие состояло из такой же каменной плиты. Подобные захоронения известны в некрополе Юз-Оба (Виноградов, Зинько, Смекалова 2012: 132), никаких варварских влияний здесь усмотреть невозможно.

В настоящее время в Государственном Эрмитаже находятся семь предметов, относящихся к этому комплексу, которые были опубликованы совсем недавно (Бутягин, Виноградов 2014: 37–52; Виноградов 2016: 91–93; 2017б: 281–287, 474, рис. 104): фрагменты золотого венка; золотой наконечник ножен кинжала (?), украшенный каменными вставками; две крупные золотые бусины, орнаментированные ромбами из зерни; золотая фибула-брошь круглой формы; золотая фибула типа «Алезия»; золотой статер Лисимаха (Бутягин, Виноградов 2014: 42–46, кат. 18–23). Статер был отчеканен в Византии, вообще же такие монеты выпускались с середины или даже с конца III по начало I в. до н. э. (Зограф 1951: 100).

Особый интерес в этом комплексе представляет золотая фибула типа «Алезия» (см.: Щукин 1989: 68; Трейстер 1993: 60). М. Б. Щукин определял время существования этих застежек в пределах 52–15 гг. до н. э. (Щукин 1989: 65). Ак-бурунская находка важна в двух отношениях. Во-первых, она позволяет считать, что это погребение относится ко второй половине I в. до н. э. Во-вторых, вполне очевидна ее связь с римской культурной традицией. Этот уникальный для Боспора предмет, явно изготовленный по специальному заказу, позволяет поставить вопрос о том, когда же он мог попасть на Боспор. Логично ожидать, что это, скорее всего, имело место тогда, когда Боспорское государство входило в сферу самых непосредственных интересов Рима, а именно — во время борьбы за престол, развернувшейся после смерти Митридата. Сугубо гипотетически можно полагать, что золотая «Алезия» может рассматриваться как принадлежность костюма одного из приближенных Митридата Пергамского или же как один из его возможных «дипломатических даров» для налаживания контактов с местной элитой. В таком ключе данную находку трактовал М. Б. Щукин (Щукин 1989: 68; ср.: Сапрыкин 2002: 70–71), и с ней вполне можно согласиться (Бутягин, Виноградов 2014: 49–52; Виноградов 2017а: 285–286).

Подведем некоторые итоги. Боспорские древности последнего века эпохи до Рождества Христова изучены относительно слабо, хотя их значение в плане понимания культурно-исторических перемен, происходивших на берегах Керченского пролива, вполне очевидно. В отношении курганного некрополя Пантикапея, несмотря на все имеющиеся сомнения, можно полагать, что здесь была сохранена традиция строительства гробниц с уступчатым перекрытием («склеп Пигмеев»), но возводились и гробницы «македонского» типа (склеп 1852 г.). Стоит обратить внимание, что обе эти гробницы, как и катакомба 1867 г., были

расписаны. Вообще складывается впечатление, что строительство расписных погребальных сооружений получило мощный импульс развития именно в это время.

Впускное погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г., для боспорской археологии является в высшей степени важным, можно сказать, уникальным памятником. Оно относится ко второй половине I в. до н. э., соответственно, является одним из показателей начала римского влияния на культуру элиты Боспорского государства.

6. Некрополь I–IV вв. н. э.

В научной литературе по существу общепризнанным является мнение, что в римское время под Пантикапеем курганы не насыпались, и господствующим типом элитарных погребений стали расписные катакомбы. Во многом это, конечно, так, о чем подробнее будет сказано ниже, однако из этого правила имеются исключения, без должного внимания к которым картина развития культуры правящей элиты Боспора в первые века н. э. будет неполной. Прежде всего это относится к гробнице, открытой на Карантинном мысу (городище Мирмекий) в 1834 г., а также к знаменитой гробнице с золотой маской (1837 г.).

Склеп, высеченный в скале, на Карантинном мысу стал известен благодаря находке большого мраморного саркофага, сделанного в Аттике в 150–200 гг. н. э., очевидно по специальному заказу (рис. 20). Его боковые стенки

Рис. 20. Мраморный саркофаг, открытый в гробнице на Карантинном мысу в 1834 г.

были украшены замечательными рельефами с изображениями сцен из жизни Ахилла; на крышке, изготовленной в виде ложа-клине, представлена возлежащая супружеская пара (см.: Саверкина 1962; Виноградов 2010г; 2015в; Бутягин, Виноградов 2016). Этот саркофаг находился в большом помещении, к которому примыкали две боковые камеры. В. Ф. Гайдукевич посчитал, что большое помещение являлось дромосом (Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941: 144–146), что, как представляется, на долгое время помешало правильному пониманию памятника. Как показал П.-А. Кройц, саркофаг был помещен не в дромосе, а в главной камере склепа (Kreuz 2013: 216–217), и этот вывод вряд ли можно оспаривать (Виноградов 2015б: 102–103). Над склепом был возведен курган, насыпь которого поддерживала монументальная стена, высота которой достигала не менее 2 м (Бутягин, Виноградов 2016: 5–6, 38). Есть веские основания считать, что гробница принадлежала одному из боспорских царей, правивших в конце II — начале III в., вероятнее всего, Реметалку или Тиберию Юлию Евпатору (Бутягин 2008: 88; Бутягин, Виноградов 2016: 41–45).

Гробница с золотой маской, открытая А. Б. Ашиком в 1837 г. за керченским предместьем Глинице, является хорошо известным археологическим памятником, но во многих отношениях непонятным, вызывающим большое количество споров (см.: Гайдукевич 1949: 421–424; Цветаева 1957: 248–249; Тайна золотой маски 2009; Шаров 2014; Gajdukevič 1971: 443–444). Погребение было совершено в большом кургане, достигавшем 9,6 м в высоту. Под насыпью была обнаружена грунтовая яма, имевшая почти квадратную форму, в которой был помещен простой мраморный саркофаг. В саркофаге находилось чрезвычайно богатое погребение, которое, по определению А. Б. Ашика, принадлежало царице (Ашик 1850: 140–142). На ее голову был положен золотой венок, лицо прикрывала золотая маска (рис. 21), одежду украшали многочисленные золотые

Рис. 21. Золотая маска, найденная в гробнице 1837 г.

бляшки. В саркофаге и около него было обнаружено большое количество вещей из золота, серебра, бронзы и железа. Любопытнейшей находкой, относящейся к этому комплексу, является большое серебряное блюдо, на дне которого было обозначено имя боспорского царя Рескупорида, и, соответственно, погребение в кургане 1837 г. стали считать погребением жены этого царя. Внимательное изучение обнаруженных здесь вещей показало, что вопрос интерпретации этого памятника совсем не прост. Дело в том, что часть из найденных здесь предметов характерна для женской субкультуры, но наряду с ними имеются и другие, которые могли принадлежать только мужчине. В. Ф. Гайдукевич пришел к заключению, что гробница принадлежала царю Рескупориду III, правившему в 210/211–226/227 гг. (Гайдукевич 1949: 421), О. В. Шаров считает, что это был Рескупорид IV, годы правления которого приходятся на 242–276 гг. (Шаров 2009а: 41; 2014: 165), но допускает, что это мог быть кто-нибудь из его наследников или соправителей (Шаров 2014: 168; ср.: 2005б: 92).

Два названных выше памятника позволяют считать, что в первые века н. э. крупные курганы на Боспоре продолжали возводиться, но, как представляется, только над гробницами царей. С этим обстоятельством, вероятно, следует связывать их очевидную немногочисленность или даже уникальность. В это время явно более распространенной практикой было использование ранних курганных насыпей для совершения погребений, в том числе и весьма богатых⁶. В некоторых случаях с этой целью даже использовали ранние монументальные склепы. Одним из памятников подобного рода служит *склеп 1841 г.*, открытый в кургане по дороге к Аджимушкайским каменоломням (Ашик 1848: 47–48, § 39). Этот уступчатый склеп был построен, скорее всего, во второй половине IV в. до н. э. (Виноградов 2017а: 135), но повторное погребение в нем было сделано значительно позднее — в первой трети IV в. н. э. (Шаров 2012).

Львиный курган является одним из хорошо известных, хотя и слабо изученных памятников подобного рода (Цветаева 1957: 244–247, рис. 5–6). Курган, как представляется, был сооружен в IV в. до н. э., но в римское время в его насыпь был впущен каменный склеп (Виноградов 2012а: 225–226). Как известно, группа керченских «счастливиц», начав раскапывать курган, нашла в нем большую мраморную скульптуру, изображающую льва (см. главу 6 этой книги), из-за которой курган и получил свое название (Ростовцев 1914: 255–257; Марти 1926: 38; Максимова, Наливкина 1955: 305, 307, рис. 16; Соколов 1973: 131, № 138; Кобылина 1984: 293, табл. СIII, 2).

К. Е. Думберг провел работы на этом памятнике в течение двух сезонов 1894–95 гг., в результате чего вся насыпь была снята полностью (см.: ОИАК 1894: 5–6, рис. 1; 1895: 20–22). Под ней были выявлены остатки разграбленного и почти полностью разрушенного каменного склепа с длинным дромосом. Склеп, скорее всего, имел полуцилиндрический свод; он был оштукатурен и, вероятно, расписан. На его полу была обнаружена каменная плита с надписью, свидетельствующей о том, что «этот памятник» построил некий Алким и его жена Филопатра в 311 году боспорской эры (КБН 335), т. е. в 14 г. н. э. «Памятник», т. е., прежде всего, склеп, если судить по найденным архитектурным

⁶ Склеп Деметры, знаменитейший среди боспорских расписных гробниц (Ростовцев 1914: 199–226; Ернштедт 1955: 263–265; Иванова 1961: 32–33; Зинько и др. 2009), курганной насыпи не имел, но был впущен в невысокий естественный холм (Ернштедт 1955: 263; Зинько и др., 2009: 39).

деталю, был богато украшен; важной деталью его внешнего убранства, несомненно, была мраморная скульптура льва.

Традиция украшения кургана скульптурами восходит к времени эллинизма. На Боспоре она зафиксирована в Среднем кургане Васюринской горы, исследованном в 1870–71 гг. В его насыпи были обнаружены обломки нескольких мраморных статуй с изображением человеческих фигур. Точное число разбитых статуй нам не известно, но можно предположить, что их было, по крайней мере, три: размеры одной из них были определены как колоссальные, другой — выше человеческого роста и третьей — в нормальный рост (Ростовцев 1914: 44).

*Расписные катакомбы Боспора*⁷ первых веков новой эры являются самыми показательными памятниками элитарной культуры этого времени. Подавляющее их большинство открыто в некрополе Пантикапея (см: Ростовцев 1913; 1914; Ернштедт 1955; Иванова 1961: 12–50). В последнее время научный интерес к этим любопытнейшим памятникам заметно уменьшился, хотя их углубленное изучение, в том числе и с использованием методов компьютерного 3D-моделирования (см.: Виноградов, Швембергер 2009; Виноградов, Логдачёва, Швембергер 2011; Борисов и др. 2012), может привести к получению новой информации.

В большинстве случаев мы не можем судить с уверенностью, были ли над катакомбами насыпаны курганы, хотя это представляется вполне логичным. Напомню, что над склепом 1867 г. такая насыпь имелась (рис. 19). То же самое можно утверждать в отношении *склепа Сорака*, открытого на горе Митридат в мае 1890 г. (Кулаковский 1896: 16–33; Ростовцев 1914: 244–252; Ернштедт 1955: 267–269). На рисунке Ф. И. Гросса, изображающем момент раскопок, прекрасно видно, что над склепом имеется невысокая курганная насыпь (рис. 22).

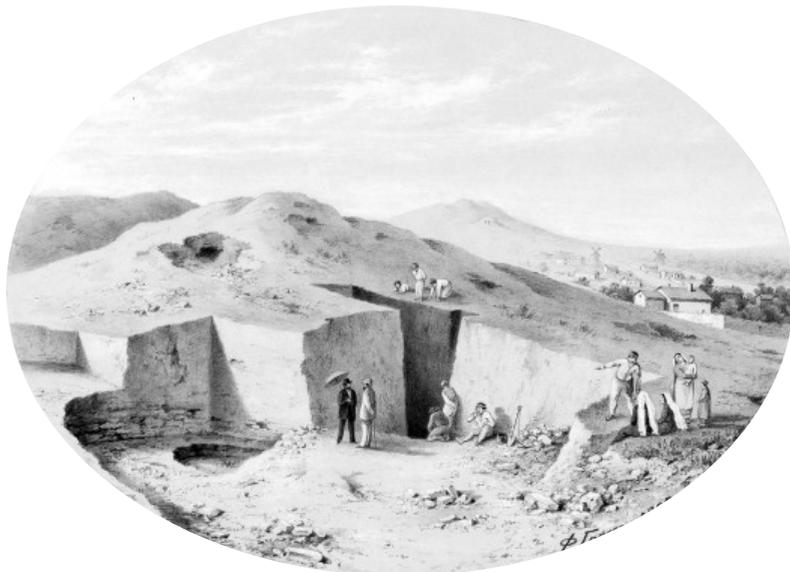

Рис. 22. Вход в расписную катакомбу Сорака. Рис. Ф. И. Гросса (по: Архив ИИМК РАН, р. 1, д. 316, л. 2)

⁷ Термин «катакомба» для обозначения пантикапейских расписных гробниц первых веков н. э. используется в традиционном смысле, т. е. сугубо условно.

Эта гробница была ограблена, но росписи, сохранившиеся на ее стенах, чрезвычайно любопытны. На одной из граней столба, поддерживавшего кровлю, была нанесена надпись, свидетельствующая, что склеп (героон, как он там именуется) принадлежал «исполнителю судебных решений» Сораку (КБН 731). Ю. А. Кулаковский датировал эту гробницу III в. н. э. по характеру начертания букв надписи (Кулаковский 1896: 29), М. И. Ростовцев сомневался в столь поздней дате (Ростовцев 1913–14: 251–252). Возможно, по этой причине Е. В. Ернштедт атрибутировала склеп Сорака в пределах конца II в. — первой половины III в. н. э. (Ернштедт 1955: 269), с чем, вероятно, стоит согласиться.

Подводя итог сказанному, можно признать, что курганный некрополь Пантикапея в первые века н. э. был непростым по своей структуре. Есть основания согласиться с бытующей точкой зрения, что в это время в основном использовались насыпи более ранних курганов. Однако курганы под Пантикапеем все-таки возводились, хотя они, как представляется, предназначались исключительно лицам царского ранга (гробница на Карантинном мысу, погребение с золотой маской). Расписные катакомбы, вероятнее всего, тоже были перекрыты курганами, но очень небольшими по размерам.

7. Заключение

Курганные погребения в некрополе Пантикапея появились лишь при Археанактидах, при этом в высшей степени любопытно, что они не повторяли какие-то образцы монументальных гробниц, известных в метрополии. Сразу начинается формироваться некий местный тип элитарного захоронения, на сложение которого большое влияние оказала местная варварская традиция — грунтовые ямы, обложенные деревом, сопровождающие погребения коней, конская узда, украшенная в зверином стиле, предметы вооружения и т. д. В окрестностях Пантикапея в этом отношении самым показательным является курган № 5, исследованный на мысе Ак-Бурун в 1862 г. Несмотря на наличие столь любопытного памятника, следует признать, что в V в. до н. э. некрополь Пантикапея не выделяется из других боспорских некрополей. Даже напротив, он выглядит скромней курганных некрополей Фанагории и Нимфея.

Резкие изменения начинаются с рубежа V–IV вв. до н. э., т. е. с момента создания монархической державы Спартокидов. С этого времени и вплоть до начала III в. до н. э. в окрестностях Пантикапея было возведено большое количество элитарных погребальных памятников, что полностью гармонирует со столичным статусом города. Среди курганов этого времени следует искать погребальные памятники владык Боспора из династии Спартокидов. Наиболее показательным типом боспорской монументальной гробницы стал склеп с уступчатым перекрытием, продолжавший свое существование и позднее.

В III–II вв. до н. э. курганный некрополь столицы Боспорского государства по непонятным причинам потерял свой столичный облик, в нем нельзя назвать ни единого погребального памятника, который мог бы претендовать на статус царского. Более того, под Пантикапеем почти не возводилось наиболее показательных для этого времени склепов «македонского» типа. Курганы Таманского полуострова и, в первую очередь, Фанагории в этом отношении выглядят значительно более значимыми.

В I–III вв. н. э. курганный некрополь Пантикапея вновь выглядит вполне столичным, хотя крупные курганы возводились здесь эпизодически и предзнаначались исключительно для лиц царского ранга. Таковыми следует считать два памятника: склеп, открытый на Карантинном мысу, и знаменитое погребение с золотой маской. В остальном курганы, насыпавшиеся над расписными гробницами, были очень небольшими. По этой причине можно признать, что традиция возведения пантикапейских курганов, начавшаяся при Археанактидах с очень невысоких насыпей и прошедшая через блестящий период IV в. до н. э., завершилась в III в. н. э. такими же, в общем, весьма небольшими по величине насыпями.

Литература и архивные материалы

- Алексеев А. Ю. 1992. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб.: ГЭ.
- Алексеев А. Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: ГЭ.
- Алексинский Д. П. 2008. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи // ТГЭ 41, 31–70.
- Алексинский Д. П. 2013. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: ГЭ.
- Андроникос М. 1990. Царские гробницы в Вергине (из истории раскопок) // ВДИ 1, 107–129.
- Артамонов М. И. 1949. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ 1, 29–39.
- Артамонов М. И. 1966. Сокровища скифских курганов. Прага: Артия; Л.: Искусство.
- Ашик А. 1848. Воспорское царство 2. Одесса.
- Ашик А. 1850. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса: Типография А. Брауна.
- Базайтова Р. 2006. Архитектура на тракийските гробници — принос в историета на античната архитектура // Хелис 5, 95–112.
- Бидзиля В. И., Полин С. В. 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф.
- Бич О. И. 1959. Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816–1817 гг. // МИА 69, 298–321.
- Блаватский В. Д. 1964. Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. М.: Наука.
- Борза Ю. Н. 2013. История античной Македонии (до Александра Великого). Пер. с англ. СПб.: Нестор-История.
- Борисов Н. В., Виноградов Ю. А., Логдачёва Е. В., Швембергер С. В. 2012. Трёхмерные компьютерные реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского // Вестник СПбГУ 15.1, 144–154.
- Бутягин А. М. 2008. Погребение на Карантинном мысу // Немченко И. В. (ред.). Древнее Причерноморье 8. Одесса: А. С. Фридман, 82–88.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. 2014. Курганы на мысе Ак-Бурун // Зинько В. Н. (ред.). Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Боспорские исследования. Suppl. 13. Симферополь-Керчь: Майстер Книг.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. 2016. Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: ГЭ.
- Вахтина М. Ю. 2017. Боспорская элита до эпохи Спартокидов // БИ 34, 25–111.
- Виноградов Ю. А. 1993. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Раев Б. А. (ред.). Скифия и Боспор (мат-лы конф. памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск: б. и., 38–51.

- Виноградов Ю. А.* 1997. О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // *Stratum + ПАВ*. Петербург, Кишинев, 73–80.
- Виноградов Ю. А.* 1999. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II вв. до н. э.) // *Hyperboreus* 5 (1), 56–82.
- Виноградов Ю. А.* 2001. Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // *ВДИ* 4, 77–87.
- Виноградов Ю. А.* 2004. О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Столяр А. Д. (ред.). Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А. А. Формозова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 49–56.
- Виноградов Ю. А.* 2005. Боспор Киммерийский // Марченко К. К. (ред.). Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 211–296.
- Виноградов Ю. А.* 2007а. Золотой курган (Алтын-Оба) // *БИ* 17, 5–20.
- Виноградов Ю. А.* 2007б. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: ГЭ.
- Виноградов Ю. А.* 2010а. Курган Куль-Оба // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1 / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Коло.
- Виноградов Ю. А.* 2010б. Золотой курган (Алтын Оба) // Там же, 471–476.
- Виноградов Ю. А.* 2010в. Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Там же, 526–532.
- Виноградов Ю. А.* 2010 г. Большой саркофаг из Мирмекия // Там же, 458–462.
- Виноградов Ю. А.* 2012а. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). Симферополь (БИ 27).
- Виноградов Ю. А.* 2012б. Курган Мирзы Кекуватского // *ДБ* 16, 39–50.
- Виноградов Ю. А.* 2013а. Об изучении курганного некрополя Юз-Оба под Керчью // Виноградов Ю. А. и др. (ред.). Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Дмитрий Буланин, 39–51.
- Виноградов Ю. А.* 2013б. Уступчатые склепы III в. до н. э. на Боспоре // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 222–227.
- Виноградов Ю. А.* 2014а. О склепах македонского типа на Боспоре // *БИ* 30, 171–189.
- Виноградов Ю. А.* 2014б. Цари Боспора и боспорские курганы // *БИ* 30, 497–509.
- Виноградов Ю. А.* 2014в. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // *БИ* 30, 510–528.
- Виноградов Ю. А.* 2014 г. Еще раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // *БИ* 30, 529–534.
- Виноградов Ю. А.* 2014д. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // *БИ* 30, 535–552.
- Виноградов Ю. А.* 2014ж. Об одной гробнице, открытой во время раскопок Ф. И. Гросса под Керчью в 1885 г. // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Погребальная культура Боспорского царства. СПб.: Нестор-История, 24–32.
- Виноградов Ю. А.* 2015а. Погребения элиты Боспора Киммерийского. К выделению центров концентрации и периферии // Мельникова Е. А. (ред.). Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 46–51.
- Виноградов Ю. А.* 2015б. О гробнице на Карантинном мысу под Керчью (городище Мирмекий) // Записки ИИМК 11, 97–108.
- Виноградов Ю. А.* 2015в. Большой саркофаг из Мирмекия. К пониманию семантики изображений // Мальцева С. В., Станюкович-Денисова Е. Ю., Захарова Е. В. (ред.). Актуальные проблемы теории и истории искусства 5. СПб.: НП-Принт, 88–93.
- Виноградов Ю. А.* 2016. Юз-Оба — некрополь боспорской знати. Культура и хронология // *РАЕ* 5–6, 79–99.
- Виноградов Ю. А.* 2017а. Культура боспорской элиты при Спартокидах // *БИ* 34, 112–223.

- Виноградов Ю. А. 2017б. Элита Боспора в митридатовское и постмитридатовское время // БИ 34, 261–287.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. 2009. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Нестор-История.
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. 2012. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь, Керчь: Мастер Книг.
- Виноградов Ю. А., Логдачёва Е. В., Швембергер С. В. 2011. Компьютерные трехмерные реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского. Склеп 1872 г. (Стасовский) // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). БФ: Население, языки, контакты. СПб.: Нестор-История, 192–197.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. 2014. Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // АВ 20, 143–162.
- Виноградов Ю. А., Швембергер С. В. 2009. Новое в изучении боспорских расписных склепов // Зуев В. Ю. (ред.). БФ: Искусство на периферии античного мира. СПб.: Нестор-История, 152–155.
- Виноградов Ю. Г. 1983. Полис в Северном Причерноморье 1 // Голубцова Е. С. (ред.). Античная Греция. М.: Наука, 366–420.
- Власова Е. В. 2004а. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Вилинбахов Г. В. и др. (ред.). Эллинистические штудии в Эрмитаже. К шестидесятилетию М. Б. Пиотровского СПб.: ГЭ, 158–174.
- Власова Е. В. 2004б. Курганы Васюринской горы // Зуев В. Ю. (ред.). БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб.: ГЭ, 275–287.
- Власова Е. В. 2006. Куль-Оба // БИ 13, 47–53.
- Власова Е. В. 2010. Древности эллинские и местные // Бонгард-Левин Г. М. (ред.). Античное наследие Кубани. Т. 3. М.: Наука, 199–262.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Гайдукевич В. Ф. 1981. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Л.: Наука, 6–54.
- Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. 1941. Раскопки западной и северной частей Мирмекия // МИА 4, 110–148.
- Гергова Д. 1996. Обредът на обезсмъртяването в древна Тракия. София: Агатó.
- Горончаровский В. А. 2017. Цари и аристократия Синдики V — начала IV вв. до н. э. // БИ 34, 224–260.
- Гриневич К. Э. 1952. Юз-Оба (Боспорский могильник IV века до н. э.) // АИБ 1, 129–147.
- Дюбрюкс П. 2010а. Собрание сочинений 1. Тексты. СПб.: Коло.
- Дюбрюкс П. 2010б. Собрание сочинений 2. II. Иллюстрации. СПб.: Коло.
- Ернштедт Е. В. 1955. Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // Гайдукевич В. Ф., Максимова М. И. (ред.). Античные города Северного Причерноморья. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 248–296.
- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь, Керчь (БИ. Suppl. 10).
- Зинько Е. А., Буйских А. В., Русяева А. С., Савостина Е. А., Стриленко Ю. Н., Ягги О. 2009. Склеп Деметры. Памятники археологии Керченского историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво.
- Зограф А. Н. 1945. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // ТОАМ 1, 35–99.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР (МИА 16).
- Иванова А. П. 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев: Изд-во АН УССР.
- Карейша Д. В. 1846. Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса // ЖЪНП 16, 284–310.
- Кобылина М. М. 1984. Скульптура // Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т., Долгоруков В. С. (ред.). Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 212–214.

- Козуб Ю. И. 1974. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. е. Київ: Наукова думка.
- Койнова-Мечкуева С. 2006. Двете тракийски гробници — Казанлъшката и тази край Свещарию. Опыт за сравнение // Хелис 5, 95–112.
- Кулаковский Ю. 1896. Две керченские катакомбы с фресками. СПб. (Материалы по археологии России 19).
- Максимова М. И. 1979. Артюховский курган. Л.: Искусство.
- Максимова М. И., Наливкина М. А. 1955. Скульптура // Гайдукевич В. Ф., Максимова М. И. (ред.). Античные города Северного Причерноморья. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 297–324.
- Манцевич А. П. 1980. Открытие царской гробницы у деревни Вергина в Северной Греции (античная Македония) // ВДИ 3, 153–167.
- Марти Ю. 1926. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь: Гос. Керченский археологический музей.
- Масленников А. А. 1981. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука.
- Передольская А. А. 1945. Вазы Ксенофанта // ТОАМ 1, 47–67.
- Ростовцев М. И. 1913. Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. СПб.: ИАК.
- Ростовцев М. И. 1914. Античная декоративная живопись на Юге России. Текст. СПб.: ИАК.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л.: б. и.
- Сабатье П. П. 1851. Керчь и Боспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб.
- Саверкина И. И. 1962. Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ 7, 247–266.
- Савостина Е. А. 1984. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Савостина Е. А. 1986. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА 2, С. 84–99.
- Савостина Е. А. 2014. О боспорской традиции возведения монументальных гробниц: развитие идей // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Погребальная культура Боспорского царства. СПб.: Нестор-История, 18–23.
- Савостина Е. А. 2015. Гробницы в историческом ландшафте Боспора: особенности архитектуры и расположения в пространстве // Зинько В. Н., Зинько Е. А. (ред.). Географическая среда и социум. Керчь, 284–290.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эр. М.: Наука.
- Силантьева Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея // МИА 69, 5–107.
- Соколов Г. И. 1973. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.: Аврора.
- Сорокина Н. П. 1957. Тузлинский некрополь. М.: ГИМ (Труды ГИМ 26).
- Стоянов Р. В. 2014. Из истории исследования кургана Кара-Оба // БИ 30, 619–638.
- Тайна золотой маски. 2009. Каталог выставки. СПб.: ГЭ.
- Толстикова В. П. 2015. Пантикапей. К археологическому портрету столицы Боспора Киммерийского. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Трейстер М. Ю. 1993. Римляне в Пантикапее // ВДИ 2, 50–74.
- Трейстер М. Ю. 2010. О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д. В. Карейши и А. Б. Ашика // Дюбрюкс П. Собрание сочинений 1 / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Коло, 589–601.
- Трейстер М. Ю. 2014. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н. э. — V в. н. э. (генезис и хронология основных типов) // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Погребальная культура Боспорского царства. СПб.: Нестор-История, 54–65.
- Тункина И. В. 2001. К истории открытия курганов Н. Ю. Патиниоти в 1821 г. близ Керчи // Зуев В. Ю. (ред.). БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства 2. СПб.: ГЭ, 279–287.

- Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука.
- Тункина И. В. 2010. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений 1 / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Коло, 533–588.
- Уильямс Д., Огден Дж. 1995. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. СПб.: Славия.
- Федосеев Н. Ф. 2005. Доследование курганной насыпи на некрополе Юз-Оба // ДБ 8, 410–421.
- Хатлас Й. 2006. Свещарската гробница и другите сепулкарни обекти с полуцилиндричен свод в България от елинистическата епоха // Хелис 5, 123–131.
- Цветаева Г. А. 1957. Курганный некрополь Пантикапея // МИА 56, 227–250.
- Шалькевич А. А. 1976. Архитектурное исследование Царского кургана // ТГЭ 17, 138–165.
- Шаров О. В. 2009а. Погребение с золотой маской // Бутягин А. М. (ред.). Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 17–42.
- Шаров О. В. 2009б. Золотая маска из Керчи // РА 3, 89–93.
- Шаров О. В. 2012. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // SP 4, 201–237.
- Шаров О. В. 2014. Элита позднеантичного Боспора: погребение с золотой маской // КСИА 234, 158–175.
- Шауб И. Ю. 2007. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Шауб И. Ю. 2017. Боспорское жречество // БИ 34, 288–324.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 1985. История Боспора в VI–V вв. до н. э. // Новосельцев А. П. (ред.). Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М.: Наука, 5–187.
- Шкорпил В. В. 1914. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // Известия ИАК 56, 1–74.
- Щукин М. Б. 1989. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Приднепровья и некоторые проблемы греко-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА 3, 61–70.
- Яковенко Э. В. 1970. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // КСИА 124, 54–60.
- Яковенко Э. В. 1974. Сікфи Східного Криму в V–III ст. до н. э. Київ: Наукова думка.
- Яковенко Э. В. 1986. О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея (К истории международных отношений в Причерноморском регионе) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 43–54.
- Andronicos M. 1984. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athens: Ekd. Athennon.
- Fless F., Lorenz A. 2005a. Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // Fless F., Treister M. (Hrsg.). Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 17–25.
- Fless F., Lorenz A. 2005b. Griechen, Scythen, Bosporaner? Zu den Problemen “ethnischer Etikettierungen” von Gräbern in den Nekropolen Pantikapaions // Eurasia Antiqua 11, 57–77.
- Gajdukevič V. F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin: Academia.
- Kreuz P.-A. 2013. A cautious reading of a well-known monument: the Attic relief sarcophagus from Myrmekion // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб.: Нестор-История, 213–218.
- McPherson D. 1857. Antiquities of Kerch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus. London.
- Petrakova A. 2012. Late Attic red-figure vases from burials in the Kerch area: The question of interpretation in ancient and modern contexts // Schmidt S., Stähli A. (Hrsg.).

- Vasenbilder im Kulturtransfer. Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. München: Verlag C. H. Beck, 151–164.
- Pfrommer M.* 1990. Untersuchungen zur Chronologie Früh- und Hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* 1986. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B. C. Leningrad: Aurora Art Publishers.
- Roberts H. S.* 2009. Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late 4th century BC to early 3rd century BC // Proceedings of the Danish Institute at Athens 6, 189–200.
- Shefton B.* 1982. The krater from Baksy // Kurtz D., Spakers B. (eds.). The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 149–182.
- Shefton B.* 1992. The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon // Froning H., Hölscher T., Mielsvh H. (Hrsg.). Kotinos. Festschrift für Erika Simon. Mainz/Rhein, 241–250.
- Treister M.* 2002. Late Hellenistic Bosporan polychrome style and its relation to the jewelry of Roman Syria (Kuban brooches and related forms) // Silk Road Art and Archaeology 8, 1–44.
- Tsetskhladze G. R.* 1998. Who built the Scythian and Thracian royal and élite tombs // Oxford Journal of Archaeology 17, 55–92.
- Tsetskhladze G. R.* 2001. More on Bosporan Chamber Tomb // Таманская старина 1, 50–63.

Глава 6

Дело о Львином кургане

Резюме. В главе публикуются хранящиеся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН материалы о проводившихся в 1894–1895 гг. раскопках так называемого Львиного кургана. Для дореволюционного периода это один из тех редких случаев, когда был раскопан весь курган целиком, с описанием структуры насыпи и точной фиксацией всех погребений. Данный комплекс известен находкой статуи огромного мраморного льва и надписи,

датирующей его 14/15 г. н. э. Автор считает, что его можно отнести к категории царских захоронений. Скорее всего, здесь был погребен соперник царя Аспурга в борьбе за боспорский трон. Последующее разрушение подкурганного склепа и перемещение льва в вырытую для него яму напоминает применение римской практики *damnatio memoriae* («проклятие памяти»).
Ключевые слова: Боспорское царство, некрополь Пантикапея, Львиный курган.

Среди материалов Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН, имеющих отношение к изучению боспорских курганов первых веков н. э., особое внимание привлекает довольно объемное (на 235 листах) дело 158 Архивного фонда Императорской археологической комиссии (фонд 1) «О находке в Керчи на усадьбе полковника Волошкевича мраморной статуи льва». Оно было начато 14 сентября 1894 г. на следующий день после получения наспех составленной телеграммы следующего содержания: «УСАДЬБЕ ПАЛКОВНИКА ВОЛОШКЕВИЧА КУРГАНЕ НАЙДЕН ГРОМАДНЫЙ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МРАМОРНЫЙ ЛЕВ СОБСТВЕННИК УСТУПИТ ЗА ТЫСЯЧУ РЫЛ УПЛАТИЛИ ТРИСТА ЗАДАТКА ИЗ ЕЧМИАДЗИНСКИХ ДЕНЕГ ДУМБЕРГА ПРИШЛЕТЕ В ВОЗМОЖНОСТИ СКОРЕЕ ВОЛОШКЕВИЧУ ЧЕРЕЗ ПОЛИЦИЮ СЕМЬСОТ ДУМБЕРГУ ТРИСТА СООБЩИТЕ ГУРЗУФ НУЖНО ЛИ МНЕ ТЕЛЕГРАФИРОВАТ КАБИНЕТ ЖЕЛАТЕЛЬНО ВИСЛАТ ДУМБЕРГУ ДО ПЯТИ СОТ РЫЛ НА ДАЛЬНЕЙШУЮ РАСКОПКУ МЕСТА НАХОДКА ЕГО АВАНСОВЫЙ СЧЕТ ГОТОВ БОБРИНСКОЙ ПРОШУ ДЕНЬГИ ПО ТЕЛЕГРАФУ ЦАРСКАЯ НАХОДКА ОЖИДАЮ ДРУГИХ = ДУМБЕРГ ПРОШУ ОТВЕТА» (д. 158, л. 1). Здесь присутствуют имена двух известных археологов, связанных с Императорской археологической комиссией — ее председателя Алексея Александровича Бобринского (1852–1927) и директора Керченского музея Карла Евгеньевича Думберга (1862–1931) (рис. 1). Оба они прекрасно понимали значение случайно сделанного открытия, поскольку хорошо сохранившихся мраморных статуй в Керчи к тому времени не находили уже более сорока лет.

Всеобщий интерес вызвала небольшая заметка об этом событии, напечатанная 26 сентября 1894 г. в самой массовой ежедневной столичной газете «Петербургский листок» (тираж до 88 500 экз.). Стоит воспроизвести ее целиком: «Керчь (редкая археологическая находка). По словам „Нового дня“, в городе производит большую сенсацию новая археологическая находка: открыто случайно древнее мраморное изваяние льва, в натуральную величину; лев лапой попирает голову какого-то животного. Найдено это ценное изваяние при

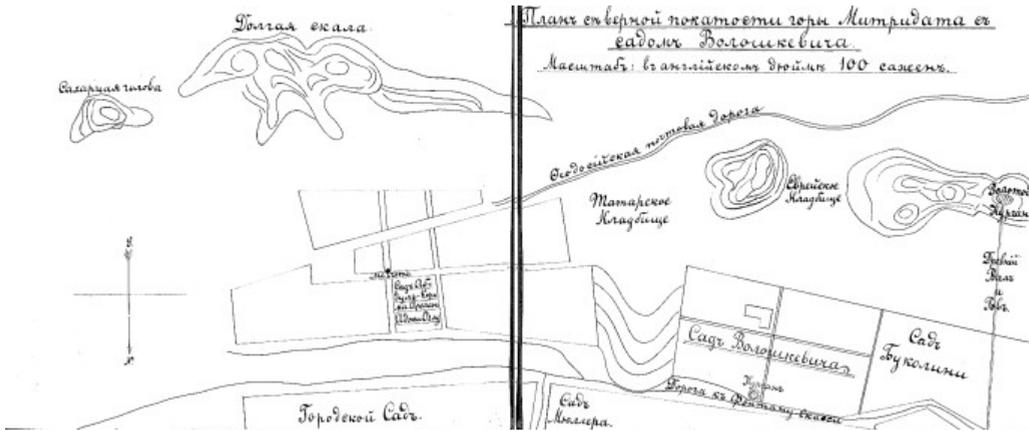

Рис. 1. План окрестностей Керчи в районе северного склона г. Митридат с обозначением местонахождения Львиного кургана (Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1894, д. 158, л. 40а)

следующих обстоятельствах. В Керчи есть промышленники, занимающиеся собиранием древностей для продажи. Они иногда предпринимая для этой цели раскопки. На этих днях два таких промышленника явились в сад некоего подполковника Волошкевича (близ Керчи) и просили у владельца сада позволение произвести раскопки кургана, находящегося у него в саду, при входе в него (рис. 1). Г. Волошкевич согласился дать разрешение на раскопку, при условии — находка пополам. Едва лишь стали рыть землю с левой стороны кургана, как на глубине $\frac{3}{4}$ аршина наткнулись на каменные плиты. Плиты были подняты, и под ними оказался мраморный лев, совершенно целый, на мраморном же пьедестале, высеченный из одного цельного куска. Изваяние исполнено художественно. Находка весит около 70 пудов. Видевшие это изваяние археологи высказали предположение, что лев этот служил или надгробным памятником, или украшал вход у чьей-нибудь богатой гробницы. С изваяния снята фотография. Раскопки близ кургана продолжают и возбуждают большой интерес в местном обществе. С утра до вечера в саду г. Волошкевича толпятся посетители из города» (д. 158, л. 2).

Более детальная картина обстоятельств, связанных с находкой мраморного льва и началом раскопок кургана, который впоследствии стал называться Львиным, отражена в рапорте К. Е. Думберга, поданном в Императорскую археологическую комиссию 7 ноября 1894 г. (д. 158, л. 32 сл.). Из него следует, что первая информация об открытии поступила в Керченский музей 10 сентября 1894 г. от известного кладоискателя и скупщика древностей Ермолая Запорожского в тот же день, когда льва обнаружили так называемые «счастливики», занимавшиеся грабительскими раскопками.

На изваяние длиной 2,22 м, высотой 1,61 м и шириной 0,64 м наткнулся один из «счастливицков», Егор Михайлов, с помощью щупа. Оно находилось в яме глубиной около сажени (2,13 м) под восточной полкой кургана (рис. 2). Сначала на глубине не более аршина (0,71 м) Михайлов наткнулся на плиту из песчаника размерами 1,32 × 1,19 × 0,29 м, положенную на спину льва. По краю ее были вырезаны несколько знаков-тамг (рис. 3: 2–5). Затем перед грудью, хвостом и левым боком льва расчистили поставленные на ребро пять обломков карни-

Рис. 2. Статуя льва в момент открытия (Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1894, д. 158, л. 150)

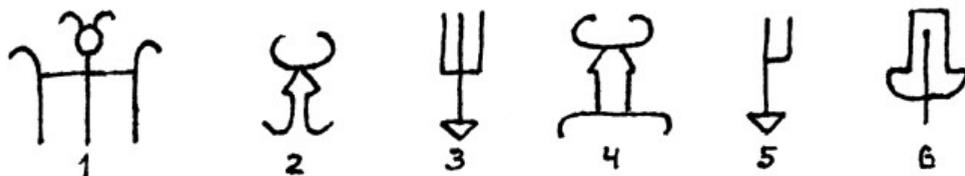

Рис. 3. Знаки-тамги из Львиного кургана: 1 — на плите рядом с ямой, где был зарыт лев; 2–6 — на плите, перекрывавшей льва в яме

зов (четыре верхних и один нижний) и плиту дорического антаблемента с архитравом и фризом в виде чередующихся триглифов и масок горгоны Медузы (рис. 4). Не исключено, что эти архитектурные фрагменты, также изготовленные из песчаника, имели отношение к оформлению пьедестала, на котором мог быть установлен лев.

Убедившись в ценности находки, К. Е. Думберг немедленно послал телеграмму в Гурзуф, где по случаю находился председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский. Тот распорядился приобрести скульптуру, отправить ее в Императорский Эрмитаж и затем «расследовать местность, в которой открыт лев». Работы по подъему мраморного льва из ямы (рис. 5, 6) и перевозке его в Агентство Русского общества пароходства и торговли заняли пять дней. Они проходили под непосредственным наблюдением инженера Генриха Лонэ,

Рис. 4. Часть антаблемента дорического ордера с масками горгоны Медузы (Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1894, д. 158, л. 34)

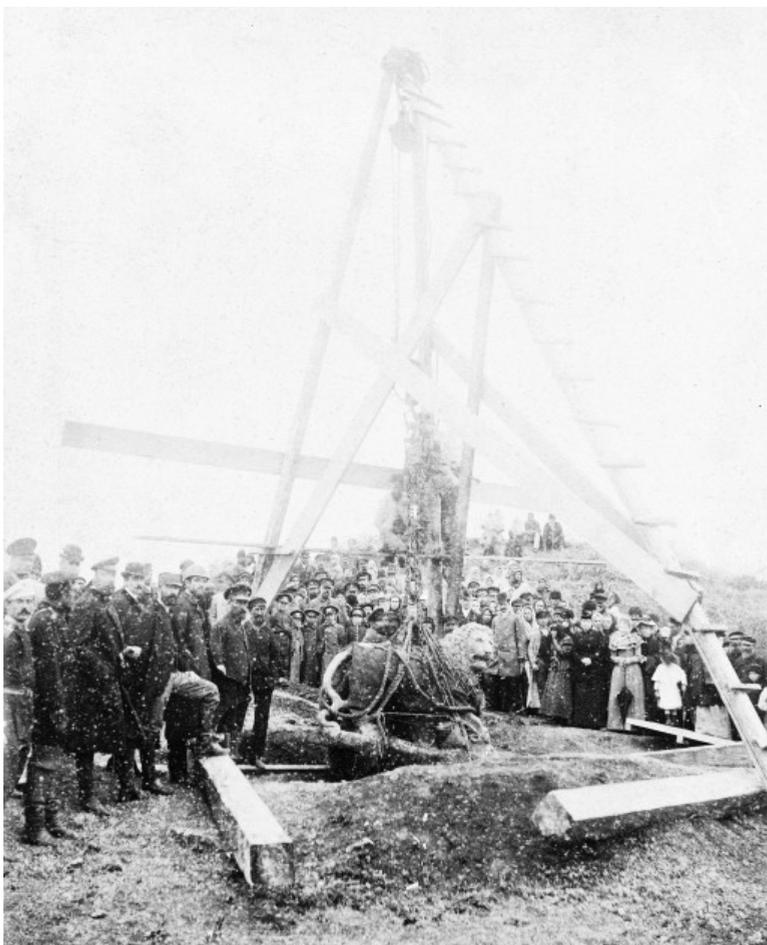

Рис. 5. Поднятие льва из ямы (Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1894, д. 158, л. 34)

Рис. 6. Лев после подъема из ямы (Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1894, д. 158, л. 34)

безвозмездно предоставившего необходимые для выполнения этой задачи треноги, лебедку, канаты и т. п. В результате уже 4 октября 1894 г. упакованного в большой деревянный ящик льва отправили на грузовом пароходе «Кача» в Севастополь, а оттуда по железной дороге в Петербург. При этом его вес вместе с ящиком был определен в 194 пуда. Чистый вес самой скульптуры составил 150 пудов (около 2,4 т).

В дальнейшем статуя льва стала украшением Отдела античного мира Эрмитажа и привлекала основное внимание исследователей (Максимова, Наливкина 1955: 305, 307, рис. 16; Соколов 1973: 131, № 138; 1999: 363–364). Между тем не меньшего внимания заслуживает весь погребальный комплекс, к которому она имела отношение. Как отмечал позднее М. И. Ростовцев, в летописи археологических исследований в Керчи это один из очень редких случаев, когда был раскопан весь курган целиком «с тщательным наблюдением над составом насыпи и точной регистрацией всех погребений», и фактическая часть отчета об этих работах «вполне заслуживала бы быть обнародованной» (Ростовцев 1913: 255). Данная публикация отчасти восполняет этот пробел.

Раскопки кургана в саду подполковника Андрея Волошкевича близ дороги, ведущей к так называемому Фонтану Скасси, продолжались в течение двух сезонов 1894–1895 гг. В результате курганная насыпь была снята полностью (см.: 1894 г., д. 158, л. 32 сл., 157 сл.; ОИАК за 1894 г. 1896: 5–6, рис. 1; ОИАК за 1895 г. 1897: 20–22). Как писал К. Е. Думберг, первоначально она имела высоту около

3 сажени (6,4 м) от материка и окружность до 70 сажени (149 м). Структура насыпи была практически однородной: «чернозем» с прослойками переотложенного материкового грунта (д. 158, л. 33). Достаточно хорошо сохранилась только ее северная сторона, остальные имели все признаки неоднократных перекопов, что во многом объясняется существованием тут двадцатью годами ранее кирпичного завода (рис. 7).

В 1894 г. работы велись с 21 сентября по 18 октября при помощи 15 рабочих, которые в итоге вынули из кургана 265 кубических сажени земли на площади около 900 кв. м (д. 158, л. 35). При этом в северной части насыпи (восточный раскоп А) в большом количестве встречались отески ракушечного и дикарного известняка, значительно реже встречавшиеся на уровне материка. Они связаны со строительством большого склепа, каменные блоки для которого,

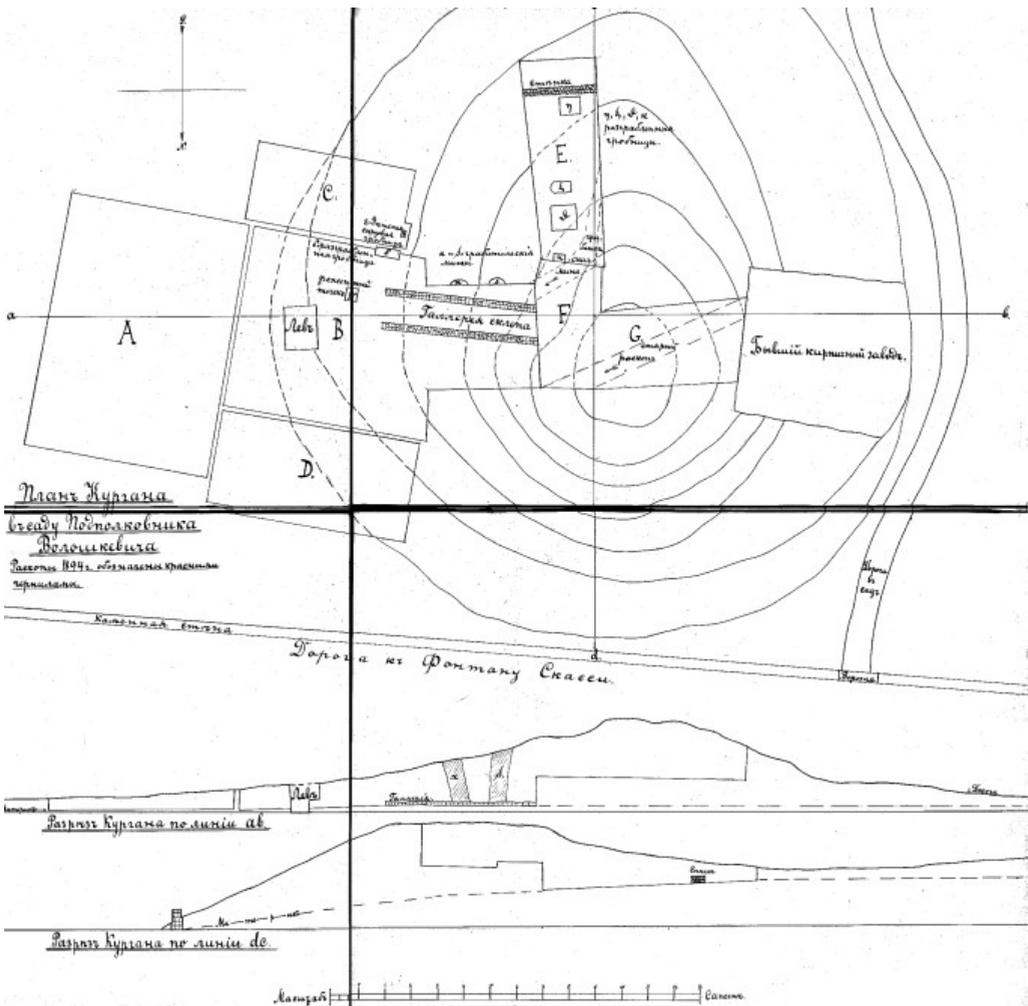

Рис. 7. План и разрезы Львиного кургана по итогам раскопок 1894 г. (Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1894, д. 158, л. 40б)

судя по концентрации отесков, обрабатывались близ северо-восточного края кургана. Здесь же нашли небольшой обломок известняковой плиты размера $0,16 \times 0,11 \times 0,06$ м с остатками надписи: «М..., сын Антигена», по характеру письма не позднее I в. до н. э. (КБН № 297).

На раскопе В, буквально в двух шагах от северного края ямы со львом, рабочие наткнулись на громадную горизонтально уложенную плиту из мелкого песчаника размерами $2,09 \times 1,78 \times 0,23...0,25$ м с тщательно вырезанным знаком высотой 0,23 м (рис. 3: 1) (д. 158, л. 36), сходным с теми царскими тамгами, которые использовались правителями Боспора во II в. н. э. (ср. Яценко 2001: 53, рис. 14: b; 15: 7, 11). Плита была обложена мелкими камнями, среди которых оказался обломок надгробия с женской фигурой. На юго-запад от ямы обнаружили жженый точок с остатками тризны, где наряду с костями барана присутствовали фрагменты простой глиняной керамики и оплавленные обломки разбитых стеклянных сосудов. Затем рабочие начали расчистку параллельных каменных кладок стен дромоса центрального склепа. Он был глубоко врезан в материковую желтую глину, выкиды которой хорошо фиксировались в структуре насыпи кургана. Несмотря на недостаток денег на раскопки, дромос шириной 2,14 м расчистили в 1894 г. на протяжении 12,8 м.

Неподалеку (раскоп С) оказалась впущенная в курганную насыпь и выложенная сырцовыми кирпичами детская гробница размерами $0,71 \times 0,36$ м, где был найден только простой тонкий бронзовый браслет. Под гробницей обнаружили два небольших тарапана с крестовидными вырезами на дне (д. 158, л. 155).

В северном раскопе D наряду с массой мелких мраморных обломков К. Е. Думберг отметил медный пантикапейский дихалк (тип: голова безбородого сатира вправо — протома Пегаса вправо) 314–310 гг. до н. э. (Анохин 1986: 140, табл. 3: 112) и обломок боспорской черепицы с клеймом ЕРМО 360–350 гг. до н. э. (Федосеев 2012: 143). Встречались и отдельные фрагменты краснофигурной керамики IV в. до н. э.

Раскопки у южного края насыпи (раскоп Е) позволили выявить небольшую стенку из бутового камня, служившую крепидой насыпи кургана. К. Е. Думберг не указывает ее размеры, но, если исходить из масштаба плана и разреза Львиного кургана, приложенных к отчету о раскопках, то она сохранилась на высоту 0,39 м при толщине 1,16 м. Рядом находились четыре разграбленные «земляные гробницы». Только в одной из них, разоренной Егором Михайловым, по слухам, нашедшим «несколько хороших терракоток», уцелели расписной чернолаковый гуттус, небольшой горшочек и более десятка железных гвоздей (д. 158, л. 37).

Центральный раскоп F и западный раскоп G не были доведены до материка. В последнем из них обнаружили следы грабительской мины, идущей к центру курганной насыпи (д. 158, л. 157). При исследовании еще одной грабительской мины в южной части кургана было найдено большое скопление человеческих костей и ряд находок, заслуживающих детального перечисления. Это круглая золотая бусина, три мелкие сильно окисленные медные монеты; изделия из бронзы: иголка длиной 2,9 см, наконечник стрелы с тремя шипами длиной 1,1 см, 16 гвоздиков, два простых перстня «с неясной и грубой резьбой» (рис. 8: 6ab), приставшие друг к другу кольца (рис. 8: 7); изделия из железа: «сильно заржавленный» перстень, половина кольца (рис. 8, 8), обломок наконечника копья, три обломка неопределимого инструмента «вроде серпика», обломок «стригила (?)», обломки гвоздей со шляпками; «шесть стеклянных пуговок» (рис. 8: 10), три гипсовые пуговики; две костяные круглые пластинки с отверстием посередине (рис. 8: 12);

Рис. 8. Находки из грабительской мины (Архив ИИМК РАН, Р I, д. 344, л. 6)

«костяные тоненькая продолговатая пластинка и квадратная пластинка»; «маленькая буса в виде птички (голубь) из смальты» (рис. 8: 14) (д. 158, л. 174); «92 различные бусы, из них 46 сердоликовых (круглых, продолговатых и граненных), 1 желобчатая бусина из горного хрусталя, 2 янтарные, 2 из халцедона, 9 из лигнита, 7 стеклянных в виде катушки, 5 стеклянных с маленькими шишечками, 18 гладких и разноцветных из смальты и стекла» (рис. 8: 15); нижняя часть стеклянного бальзамария (Р I, д. 344, л. 15). Среди находок были представлены не имеющие аналогий в Северном Причерноморье терракоты довольно грубой работы: человек с ослом, навьюченным корзинами (на покрытии из гипса сохранились следы черной, розовой и синей красок) (рис. 8: 16), сидящий мальчик, играет на каком-то инструменте (голова утрачена) (рис. 8: 17), «женская фигура со шляпою или венком на голове» (рис. 8: 18) и сильно поврежденная верхняя часть такой же статуэтки, нижняя половина маски Силена (рис. 8: 20). Более тщательной отделкой отличаются две терракоты: фрагментированная фигурка

«мальчика или Эрота, сидящего на каком-то чудовище» (рис. 8: 21АВ), и частично сохранившаяся голова быка (д. 158, л. 175).

Изредка в заполнении грабительской мины попадались фрагменты краснофигурной и чернолаковой керамики. Здесь же были обнаружены три глиняных бальзамария с покрытием темно-серого или красноватого оттенка, из них один «украшен несколькими белыми кругами», нижняя часть кувшинчика (?) из желтоватой глины с полосами черного цвета, красноглиняные кувшин и чашка; фрагменты двух «арретинских чашек с рельефными украшениями», «одна с красною, другая с темною поливою»; шесть астрагалов; «половина кожаной подошвы от башмака» (д. 158, л. 177).

К. Е. Думберг склонялся к тому, что «кости и вещи выброшены грабителем из главного склепа» (д. 158, л. 38). Сам склеп он тогда приблизительно датировал I в. до или после Р. Х. Более ранние находки объяснялись тем, «что курган был насыпан над частью древнего кладбища, на котором находились... разные надгробные памятники, быть может, даже маленький храм, а плиты и карнизы взяты с одного из них» (Там же).

В 1895 г. было решено довести раскопы в западной и восточной частях кургана до материка (рис. 9). На первом этапе работ были открыты небольшая разграбленная гробница, «не менее 20 впущенных в насыпь погребений, которые благодаря бедности их содержания, оказались почти нетронутыми» (ОАК за 1895: 21), а также несколько «жженных точек» (тризн) и остатков кремаций.

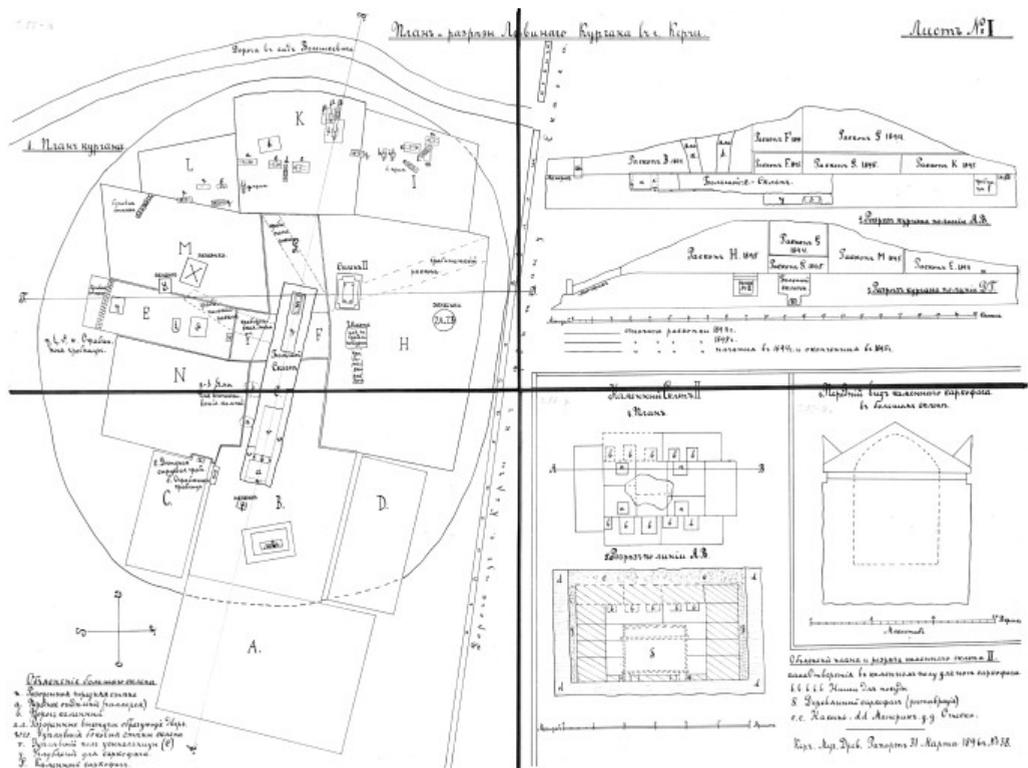

Рис. 9. План и разрезы Львиного кургана по итогам раскопок 1895 г. (Архив ИИМК РАН, Р1, д. 344, л. 1)

С ними связаны обломки краснофигурных кратеров и чернолаковых сосудов со штампованным орнаментом на дне, амфорные клейма и ряд других находок, датировка которых не выходит за пределы IV в. до н. э. Впрочем, К. Е. Думберг, полагая, вопреки своему первоначальному мнению, что курган был возведен одновременно, отнес их к римскому времени, и даже пытался обосновать позднюю датировку краснофигурной керамики, найденной на Боспоре (д. 158, л. 198).

Главной задачей полевого сезона, продолжавшегося с 31 мая по 2 августа 1895 г., стало исследование дромоса и центрального склепа. В итоге длина частично выбранного на камень дромоса составила около 13 м. От стен собственно склепа, как выяснилось, «сохранилась весьма незначительная часть — южная стена на протяжении 2 (4,27 м. — В. Г.), а северная на протяжении 5 сажен (10,7 м. — В. Г.) — все же остальное было почти до последнего камня чисто выбрано» (д. 158, л. 157).

К. Е. Думберг полагал, что перед дромосом было «переднее отделение, имевшее в длину не более 2 аршин (1,42 м. — В. Г.), при ширине 3,5 ар. (2,5 м. — В. Г.)» (Там же). Пол здесь состоял из каменных плит толщиной 0,18 м, которые сохранились и далее, на участке длиной 5,3 м. Стены дромоса и склепа, представлявшего собой как бы его продолжение, были сложены из разных по величине грубо отесанных блоков ракушечного известняка и мелкого бутового камня с использованием цемянки розового цвета. Этот же раствор толстым, местами до 4,5 см, слоем покрывал неровную поверхность стен, доводя их толщину до 0,7 м. На эту основу был нанесен для выравнивания более тонкий слой известковой штукатурки с примесью песка. Судя по найденному обломку штукатурки (рис. 10), склеп был расписан фресками (д. 158, л. 159). М. И. Ростовцев, который видел этот обломок в Керченском музее, писал, что «на нем изображены были зеленые листья и, может быть, розовый цветок» (Ростовцев 1913: 257).

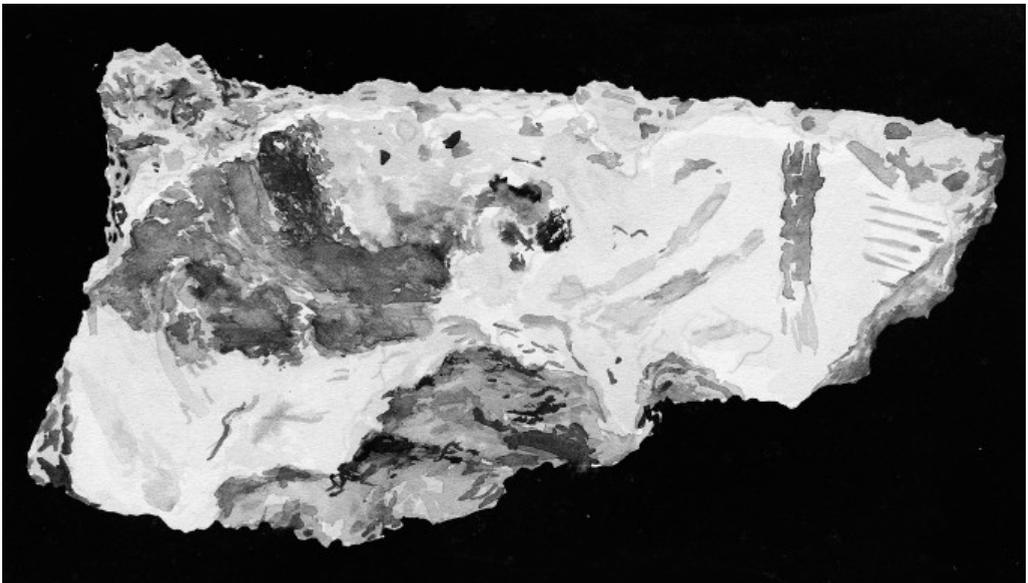

Рис. 10. Фрагмент штукатурки с росписью из центрального склепа Львиного кургана (Архив ИИМК РАН, Р I, д. 344, л. 3-1)

О характере свода склепа трудно сказать что-либо определенное, но, возможно, архитектор Керченского градоначальства Солтакевич был прав, считая его полуцилиндрическим на основании находки фрагментов штукатурки с закругленной поверхностью (Там же). Он отразил это в своей графической реконструкции разреза склепа, где в соответствии с мнением К. Е. Думберга поместил статую льва на фасаде входа в дромос (рис. 11). Впрочем, М. И. Ростовцев полагал, что такая реконструкция «не выдерживает критики» (Ростовцев 1913: 256), и свод, учитывая небольшую ширину склепа, скорее всего, был уступчатым. Правда, в данном случае в качестве единственной аналогии для необычной «коридорной» планировки подкурганного сооружения он смог сослаться только на раннеэллинистический склеп, открытый в 1872 г. А. Е. Люценко на восточном склоне Пирамидального холма г. Митридат (ОАК 1872: XXIV; Ростовцев 1913: 256). При этом внутренние размеры склепа значительно уступали Львиному кургану: длина — 6,7 м, ширина — 1,1 м, высота — 2 м (Р I, д. 693, л. 27).

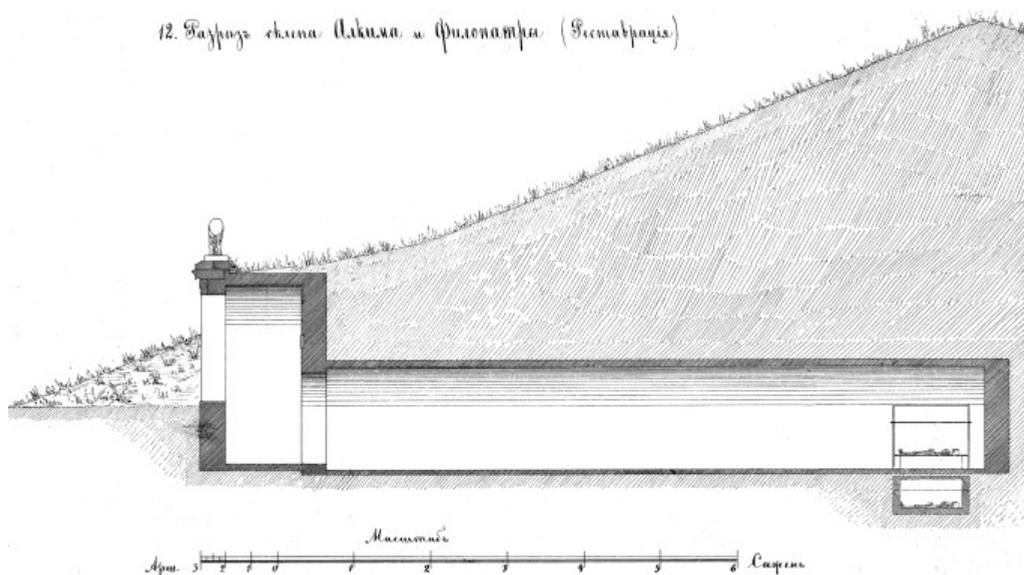

Рис. 11. Реконструкция Львиного кургана в разрезе (арх. Солтакевич) (Архив ИИМК РАН, Р I, д. 344, л. 5а)

Общая площадь центрального склепа составила всего 7 кв. м ($3,3 \times 2,14$ м). Восточная его часть оказалась почти полностью разрушенной (рис. 12). В западной части было выявлено продолговатое углубление, где находились остатки саркофага из цельного блока песчаника. Первоначально его перекрывали плиты пола, что, впрочем, не уберегло захоронение от разграбления. Поверхность саркофага была обработана только по верхним граням и внутри, т. е. его изначально собирались поместить в углубление под полом. Внутренние размеры выемки для тела погребенного такие: длина — 1,95 м, ширина и глубина — 0,49 м. Крышка саркофага, судя по ее обломку, была двускатной с акротериями на углах (см. рис. 9).

Рис. 12. Надсмотрщик Варсаблюк на фоне развала каменных блоков в восточной части центрального склепа (Архив ИИМК РАН, Р I, д. 344, л. 2-1)

Близ южной стены склепа, в конце упоминавшейся грабительской мины, нашли круглую халцедоновую бусину и костяную круглую пластинку с отверстием посередине. Помимо переотложенного материала в виде многочисленных обломков краснофигурной и чернолаковой керамики, в самом склепе были найдены фрагменты стеклянных сосудов: горлышка бальзамария и стакана или кувшинчика (?); остатки погребального венка из тонких золотых трилистников, изготовление которых на Боспоре начинается в I в. до н. э. (Трейстер 2015: 84); бронзовые пуговка в виде полусферы, две круглые пластинки с отверстиями в центре (sic!), обломок колечка, две соединенные заклепками пластинки, между которыми уцелел кусок дерева; обломок туалетного (?) инструмента; две мелкие сильно окисленные медные монеты; «маленькая гипсовая, кажется, буса»; «резной сердолик от перстня с грубы изображением зайца или кролика (?)»; «кусоч розовых румян»; кусоч гипса (от украшений гроба?); две шляпки от больших железных гвоздей; «три кусоч железного ножа» (д. 158, л. 174).

В 2,85 м от северо-западного угла центрального склепа была обнаружена впушенная в материк небольшая ограбленная гробница (на плане склеп II, см. рис. 9) из тщательно подогнанных друг к другу отесанных известняковых плит. Расчистка погребальной камеры показала, что в углах каменного пола находились квадратные углубления для ножек деревянного саркофага, а в продольных стенах, на высоте 2,3 м от их основания, — по пять прямоугольных выемок шириной от 0,28 м до 0,53 м. Очевидно, они предназначались для укладки балок, поддерживавших перекрытие гробницы. Внутри нее были обнаружены несколько бронзовых и железных гвоздей, «частички тончайшего листового золота, обломки тонких бронзовых пластинок, дюжина маленьких бронзовых рыболовных крючков, бронзовое колечко, кусоч алабастра и 26 бараньих астрагалов» (ОАК 1895: 21). К сожалению, все это дает мало оснований для датировки, но, несомненно, данное погребение относится к более раннему периоду, чем центральный склеп.

Анализ находок из склепа и грабительской мины позволил К. Е. Думбергу предположить, что здесь мы имеем дело с погребением мужчины в каменном саркофаге и женщины в деревянном гробу, т. е. это двойные похороны» (д. 158, л. 177). В связи с этим его особое внимание привлекла найденная на полу склепа разбитая на четыре части плита размерами 0,66 × 0,31 × 0,09...0,11 м. На лицевой стороне плиты не особенно тщательно была вырезана по линейкам буквами высотой 0,033 м надпись (рис. 13): «Алким, сын Асклы, и его жена Филопатра, дочь Алкия, выстроили этот памятник в 311 году» (14/15 гг. н. э.) (КБН № 335).

Впрочем, скорее всего, надпись донесла до нас имена тех, на чьи средства был возведен огромный, увенчанный скульптурой льва погребальный памятник, а плита с именем человека, для которого он предназначался, возможно, просто не сохранилась. Она могла быть частью пьедестала мраморного изваяния, вариант реконструкции которого предложил инженер Генрих Лонэ (д. 158, л. 113) (рис. 14). Предполагать в данном случае наличие массивного пьедестала позволяет изображение этого архитектурного элемента в сочетании с фигурой льва на фрагменте деревянного саркофага, найденного в Керчи в 1872 г. (Ростовцев 2013: 215, рис. 44) (рис. 15). Какие находки можно с ним соотнести? В своем отчете К. Е. Думберг специально отметил тот факт, что обнаруженные в кургане саркофаг, плита с надписью и плиты с тамгами были изготовлены (скорее всего одновременно. — В. Г.) из одного и того же материала: песчаника — породы, которая на Керченском полуострове не встречается, и здесь

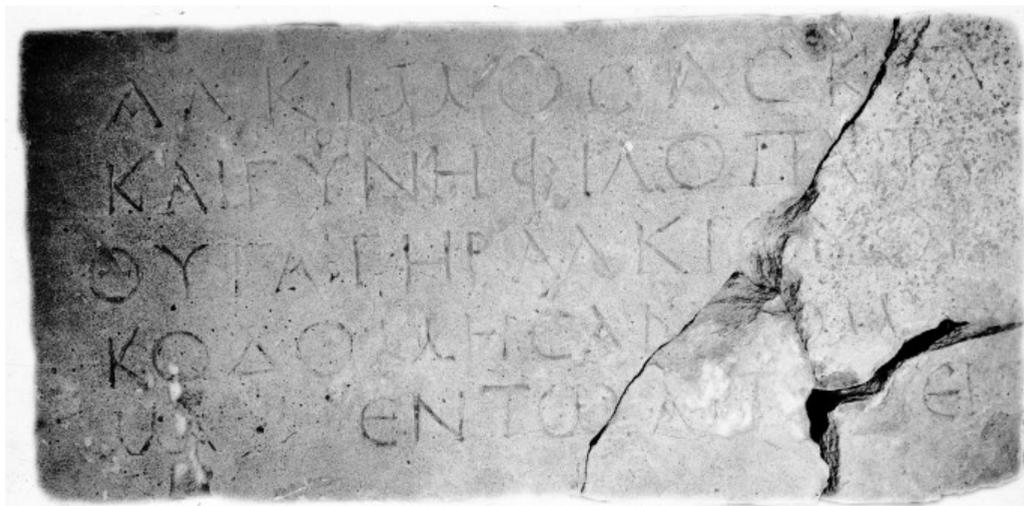

Рис. 13. Плита с надписью Алкима и Филопатры (Архив ИИМК РАН, Р I, д. 344, л. 3-2)

Рис. 14. Мраморный лев на пьедестале. Реконструкция Г. Лонэ (Архив ИИМК РАН, Ф. 1, 1894, д. 158, л. 113)

«непременно должна была существовать какая-то связь». Далее он писал: «Все внешние обстоятельства, говорящие в пользу принадлежности к *тлета* найденных перед склепом плит, вполне подтверждаются характером назначения последних» (д. 158, л. 163).

Рассуждения К. Е. Думберга о причинах разрушения открытого им надгробного сооружения представляются достаточно наивными. Он полагал, что «лев был спрятан при нападении неприятелей на страну Пантикапейцев. Потомки Алкима, желая сделать вход в склеп неузнаваемым, разрушили фасад, зарыли одну часть плит вместе со львом и оставили другую на поверхности земли, так что все получило вид, как будто бы здесь уже свирепствовали грабители» (д. 158, л. 171).

Скульптуры львов первых веков н. э., которые могли использовать как надгробные памятники, известны на Боспоре, но из них только шесть изготовлены из мрамора (Кучеревская, Федосеев 2003: 162 сл.). Среди них два льва (длинной 1,35 м и 1,72 м и высотой 0,86 и 1,11 м соответственно), похищенные англичанами во время Крымской войны (Smith 1904: 216–217), и оставленный ими еще один лев с утраченными лапами и задней частью тела (0,91 × 0,83 × 0,37 м). В Керченском лапидарии хранятся два обломка пьедесталов: один с задними львиными лапами (Античная скульптура 2004: 148–149, № КЛ-828) размерами 1,21 × 0,73 × 0,15 м, другой с остатками передних лап (0,41 × 0,36 м), правая из которых опирается на голову быка (Античная скульптура 2004: 141, № КЛ-58). Можно упомянуть также статую льва, найденную в Тамани в 1873 г. и впоследствии пропавшую. При этом находка из Львиного кургана превосходит все остальные по сохранности, размерам и весу.

Рис. 15. Фрагмент деревянного саркофага, найденного в Керчи в 1872 г.

Обнаруженная в 1894 г. скульптура льва, несомненно, была доставлена на Боспор из какого-то крупного художественного центра римского времени. Надо сказать, мраморные львы этого периода являются достаточно редкими находками в Средиземноморье и Причерноморье. Точных аналогий для интересующего нас изваяния подобрать не удалось, но если обратить внимание на такие детали, как общая композиция и трактованная в определенной манере голова быка, то ближе всего к пантикапейскому льву оказывается статуя, выставленная в Археологическом музее Родоса. Это лев меньших размеров, развернутый головой вправо и опирающийся на голову быка левой лапой (рис. 16).

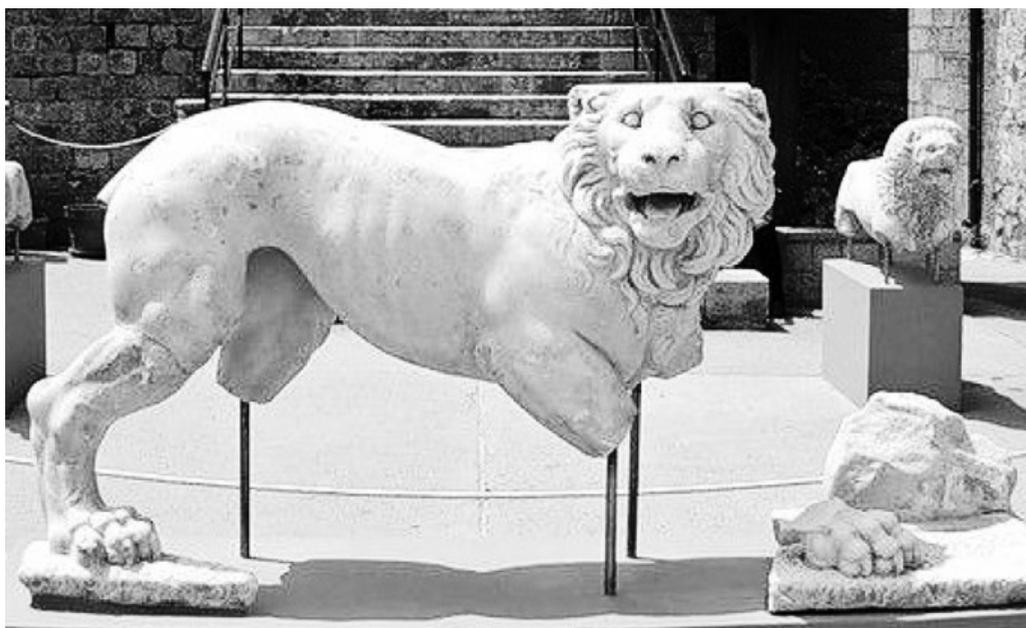

Рис. 16. Мраморный лев из Археологического музея Родоса

Известная благодаря надписи дата сооружения Львиного кургана позволяет поставить вопрос о том, для кого он был воздвигнут и как связан с политическими событиями, происходившими в это время на Боспоре. Прекращение в 10/11–13/14 гг. н. э. чеканки местных золотых статеров, очевидно, свидетельствует о развернувшейся в эти годы борьбе за власть и пребывании на троне правителя, не признанного Римом.

В настоящее время почти всеми специалистами по боспорской нумизматике признается принадлежность меди с монограммами ПАР, ПА (10/11–11/12 гг. н. э.) и ВАР (14/15–37/38 гг. н. э.) Аспургу, причем последняя монограмма отражает его царский статус, утвержденный императором Тиберием. Недавно М. М. Чореф предложил отнести к промежутку в чеканке меди Аспурга, связанному с потерей контроля над пантикапейским монетным двором, редкую, а следовательно, кратковременную, серию монет с монограммой ВАМ (Чореф 2013: 147 сл.), которую, по словам А. Н. Зографа, «едва ли можно читать иначе, как *Βασιλέως Μιθραδάτου*» (Зограф 1951: 197). Помимо нужд

денежного обращения этот выпуск явно преследовал цели политической пропаганды. Не случайно одним из типов реверса является ахеменидская эмблема «звезда и полумесяц». Помимо собственно имени правителя это указывает на родство с Митридатом VI Евпатором, придававшее легитимность претензиям на боспорский трон (Сапрыкин 2002: 208). Таких претендентов на власть должно было быть достаточно много вследствие проводившейся в свое время великим понтийским царем политики, нацеленной на заключение брачных союзов с соседними варварскими вождями в обмен на их военную поддержку. М. М. Чореф, исходя из внешнего сходства с более поздними монетами Аспурга, считает его ближайшим предшественником именно носителя монограммы ВАР. Они могли приходиться друг другу дальними родственниками, ставшими конкурентами в схватке за царскую диадему (Чореф 2013: 148).

Возможно, в 13/14 г. н. э. на территории европейского Боспора была предпринята успешная попытка узурпации власти, и ситуация с этим противостоянием сложилась для Аспурга не слишком удачно, что побудило его незадолго до смерти Августа (19 августа 14 г. н. э.) отправиться в Рим. Там можно было добиться подтверждения своих прав на трон, финансовой, а в случае необходимости и военной помощи. Сколько времени заняла эта миссия, трудно сказать, но, если в 14/15 г. н. э. появляются золотые статеры с монограммой ВАР, то она должна была завершиться успехом, по крайней мере, за пару месяцев до конца 311 года боспорской эры (1 октября 14–30 сентября 15 г. н. э.).

О судьбе соперника Аспурга мы ничего не знаем, но можно высказать предположение, что к тому времени его уже не было в живых. В данном отношении Львиный курган, возведенный именно тогда, вполне может претендовать на роль места последнего упокоения правителя с монограммой ВАР. О царском статусе кургана говорит многое: размеры дромоса и склепа, а также гигантская фигура льва, который в античном мире, помимо выполнения функции своеобразного стража могилы, традиционно служил символом высшей власти и величия. Такое предположение вполне подкрепляется присутствием уже упоминавшегося крупного знака-тамги из категории «царских» на плите рядом со львом. Возможно, тамги на другой плите, перекрывавшей льва в яме, были оставлены родственниками или сторонниками погребенного. В этом отношении интересно найти для них аналогии и очертить ареал распространения. Из пяти имеющихся знаков соответствие по основным составляющим элементам удалось выявить только для трех, и во всех случаях сходные изображения были обнаружены к западу от границ Боспора: в Неаполе Скифском, Херсонесе и Ольвии (Яценко 2001: 141, рис. 6: 7, 21, 55). Видимо, в отличие от Аспурга, имевшего прочную поддержку со стороны своих сарматских сородичей на Азиатском Боспоре, правитель, погребенный в Львином кургане, был связан с поздними скифами и сарматскими кланами, кочевавшими в крымских степях. Кстати, именно в этом направлении успешно развивается военная активность Аспурга первых лет правления. Об этом мы знаем из посягательной надписи Менестрата, носившего титул начальника острова (КБН № 40), и другого посвящения, датирующегося 23 г. н. э. (КБН № 39). С победой Аспурга над скифами и таврами можно связать установку его статуи в Херсонесе (Latyshev 1916: 573), а также появление на боспорских монетах времени его правления головы бога войны Ареса и трофея (Гайдукевич 1949: 324; Анохин 1986: 150, табл. 11: 295). О событиях военного характера, связанных с Неаполем Скифским, свидетельствуют и археологические материалы, которые дают основание говорить об усилении в начале I в. н. э. местной

оборонительной системы, пожарах в городских кварталах (Колтухов 1990: 187; Зайцев 2003: 44) и последующем восстановлении построек во второй четверти того же столетия (Пуздоровский 1999: 108).

Все же, как справедливо отметил недавно Ю. А. Виноградов: «Несмотря на редчайшую для боспорских памятников точность датировки, многие вопросы, связанные с изучением Львиного кургана, остаются неясными. Прежде всего, до сих пор непонятно, когда склеп был разрушен, и почему столь крупная скульптура была зарыта (спрятана) в сравнительно небольшой яме» (Виноградов 2012: 225). Тем не менее, некоторые соображения по этому поводу можно высказать. Судя по всему, погребение царя в Львином кургане состоялось до возвращения Аспурга на Боспор, где ему пришлось столкнуться с какими-то волнениями (Виноградов 1994: 152 сл., прим. 18–19, 22). Если исходить из того, что рескрипт с перечислением дарованных горгиппийцам благодеяний за соблюдение «себя в полной безмятежности» был издан в мае 16 г. н. э., подавление мятежных выступлений заняло несколько месяцев. Возможно, в этот период и была решена судьба надгробного памятника предшествующего боспорского правителя. То, что с ним произошло, напоминает римскую практику *damnatio memoriae* («проклятие памяти») — особую форму посмертного наказания, применявшуюся к государственным преступникам: узурпаторам власти, участникам заговоров, к запятнавшим себя императорам. В этом случае любые материальные свидетельства о существовании такого человека: статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в письменных документах, — подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем. Так могли поступить и в данном случае, разрушив склеп и закопав украшавшего курган мраморного льва. При этом его пьедестал, к которому, по-видимому, относятся большие плиты из песчаника, был уничтожен. Не исключено, что с ним связана и масса обнаруженных К. Е. Думбергем на раскопах А и D мелких обломков «прекрасного белого мрамора» (д. 158, л. 35), среди которых «нашлись куски со следами отделки» (д. 158, л. 157). Таким образом, особенно тщательно могли уничтожить надпись с именем человека, погребенного в расположенном ниже склепе.

Конечно, однозначные ответы на многие вопросы, связанные с Львиным курганом, по-прежнему дать невозможно, но его определенно можно отнести к царским захоронениям первых веков н. э. (ср.: Бутягин, Виноградов 2016: 38 сл.), материалы которых проливают свет на сложную политическую историю Боспора этого времени.

Литература

Античная скульптура 2004. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. I. Киев: Мистецтво.
Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука (САИ Г 1–12).

Анохин В. Н. 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка.

Виноградов Ю. А. 2012. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). Симферополь: б. и. (БИ XXVII).

Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. 2016. Мирмекийский саркофаг. СПб.: ГЭ.

Виноградов Ю. Г. 1994. Очерки военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ 2, 151–170.

Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

- Гжегжулка С. 2010. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. I. Ч. 1. Warszawa: Wydawnictwo Di G.
- Зайцев Ю. П. 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР (МИА 16).
- Колтухов С. Г. 1990. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА 2, 176–188.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П. 1972. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ XIII, 146–177.
- Кучеревская Н. Л., Федосеев Н. Ф. 2003. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // Зинько В. Н. (ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Мат-лы IV Боспорских чтений. Керчь: Керченская городская типография, 160–164.
- Максимова М. И., Наливкина М. А. 1955. Скульптура // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 297–324.
- Парфенов В. Н. 2009. Боспорская хронология: несколько замечаний // БИ XXI, 212–225.
- Плуждровский А. Е. 1999. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ, 97–119.
- Ростовцев М. И. 1913. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука.
- Соколов Г. И. 1973. Античное Причерноморье. Л.: Аврора.
- Соколов Г. И. 1999. Искусство Боспорского царства. М.: Московский энергетический институт.
- Трейстер М. Ю. 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Кузнецов В. Д. (ред.). Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории. М.: Институт археологии РАН, 77–181.
- Федосеев Н. Ф. 2012. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво.
- Федосеев Н. Ф. 2015. Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи // Таврические студии. Исторические науки 7, 133–141.
- Чореф М. М. 2013. Династическая история Боспора на рубеже н. э. по данным нумизматики // SP 6, 127–158.
- Яценко С. А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература.
- Latyshev B. 1916. Inscriptionis antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli. Vol. 1. Ed. 2.
- Smith A. H. 1892. A catalogue of Sculpture in the Department of Greek and Roman Antiquities. British Museum. Vol. 1. London: British Museum.

Глава 7

Погребение «Марфовский клад»: история открытия и исследований комплекса^{1, 2}

Резюме. Погребение у с. Марфовка в восточном Крыму, открытое в декабре 1925 г., широко известно в отечественной науке как «Марфовский клад». Сведения об обнаружении и составе «клада» с описаниями ряда предметов из золота были опубликованы Ю. Ю. Марти в 1926 г. Впоследствии золотые вещи из этого комплекса (диадема, кулоны и колты) были изучены и включены в периодизацию полихромных украшений гуннского времени И. П. Засецкой. Анализ некоторых предметов из марфовского погребения дан также в ряде статей А. К. Амброза. В архивном деле (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170), на которое ссылают-

ся практически все исследователи, вместе с подробным отчетом о раскопках Ю. Ю. Марти хранятся также фотографии и планы, которые никогда не публиковались. В фотоархиве ИИМК РАН хранятся фотографии золотых предметов (ФО НА ИИМК РАН. Q 838. 68–72), лишь немногие из которых попали в работы, посвященные «Марфовскому кладу». Публикация этих документов, наряду с анализом археологических материалов из погребения, позволяет по-новому осмыслить этот интересный комплекс.

Ключевые слова: Керчь, Крым, Марфовка, клад, золотые украшения, гуннская эпоха.

«Марфовский клад» — погребальный комплекс гуннского времени, открытый в кургане у деревни Марфовка в 1925 г. и утерянный в годы Великой Отечественной войны, привлекает к себе внимание исследователей уже не одно десятилетие. Такой интерес во многом обусловлен наличием в данном комплексе уникального набора золотых женских украшений, выполненных в полихромном стиле (рис. 1). Сразу после открытия клад стал украшением коллекции Керченского музея древностей, где он находился вплоть до эвакуации имущества музея в Армавир. Согласно архивным данным, золотые предметы

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-867.2017.6, а также при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15–31–10162 «Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до гнуэзцев (по неопубликованным материалам Научных архивов...)» и проекта РГНФ № 15–31–10151 «Российские археологи XIX — начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

² Данная работа является расширенным и дополненным вариантом статьи авторов «“Марфовский клад” 1925 г. (публикация архивных материалов)», вышедшей в журнале *Stratum plus* (2017, № 4, с. 395–410).

из марфовского погребения в составе «большой пряжки с гранатами в виде двух треугольников, наушных подвесок, двух небольших пряжек, 26 пластинок, золотой розетки и венца» были упакованы в ящик № 6 чемодана № 15

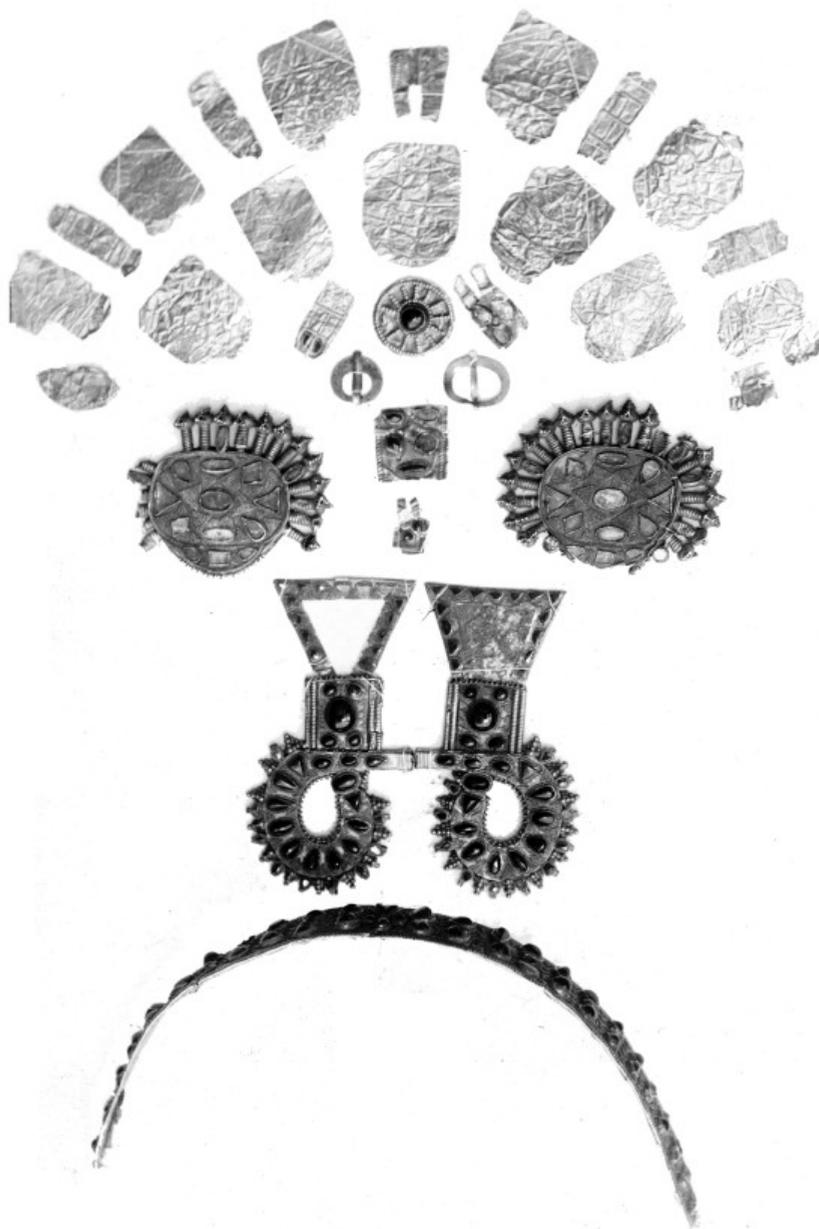

Рис. 1. Марфовский клад. Фото. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 14а. Оpubл.: Марти 1926а; Засецкая 1968; 1994: табл. 24

(см.: Приложение № 1 (Архив ВККИЗ. Оп. 2. Д. 141. ЛЛ. 34, 35. Опубл. впервые: Быковская 2004: 511–512; Документ1))³. В конце сентября 1941 г. Комиссией Керченского горкома в присутствии Ю. Ю. Марти чемодан был запечатан и эвакуирован вместе с другими экспонатами и архивными документами в г. Армавир, а 7 октября при получении он был вскрыт, все вещи были сверены с описью, после чего опять запечатаны (Архив ВККИЗ. Оп. 2. Д. 141. Л. 41). Вплоть до июля 1942 г. чемодан находился в Армавирском исполкоме горсовета, затем при приближении немцев к городу заведующая секретной частью горисполкома А. М. Авдейкина доставила чемодан в станицу Спокойное и сдала его в местный филиал Госбанка. Все остальное имущество Керченского музея погибло в июле 1943 г. при взятии немцами Армавира, что засвидетельствовано в акте Армавирского исполкома: «Все здания, в которых находилось имущество музея, сожжены, опись и акты уничтожены. Дальнейшая судьба чемодана неизвестна» (Архив ВККИЗ. Оп. 2. Д. 141. Л. 40). Существуют многочисленные версии судьбы «золотого чемодана» (см. Федосеев 2002; Быковская 2004), но большинство из них, особенно публикуемые в интернете, имеют совершенно фантастический характер. Судьбе «золотого чемодана» и Марфовского клада посвящена часть экспозиции картинной галереи «Керчь в годы Великой Отечественной войны» (рис. 2).

Рис. 2. Экспозиция, посвященная пропавшему «марфовскому кладу» и другим золотым предметам из Керченского музея. Картинная галерея ВККИЗ, г. Керчь. Фото Е. Г. Застрожновой

³ Следует отметить, что в списке вещей, упакованных в коробку № 6 «Золотого чемодана», опубликованном в 2004 году Н. В. Быковской, не все вещи этого комплекса были правильно атрибутированы. Особенно смущает описание двух кулонов как единой «большой пряжки с гранатами в виде двух треугольников». См. Приложение 1.

В отечественном боспороведении рассматриваемому комплексу посвящено большое количество исследований. Общая информация о кладе содержится в труде Ю. Ю. Марти, который был подготовлен к столетнему юбилею Керченского археологического музея (Марти 1926а). В нем были опубликованы некоторые золотые вещи из этого погребения. Диадема, кулоны и колты из марфовского погребения включены в периодизацию украшений гуннского времени в работах И. П. Засецкой (Засецкая 1968; 1994). Внимание предметам из марфовского погребального инвентаря уделил в ряде своих статей и А. К. Амброз (Амброз 1971б; 1981; 1985). Однако значительная часть связанных с этим комплексом архивных материалов остается неопубликованной. Это отчет Ю. Ю. Марти (см. Приложение № 2), а также планы и фотографии окрестностей Марфовки и самого процесса раскопок. Все эти документы хранятся в Научном архиве ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170; ФО НА ИИМК РАН. Q 838. 68–72). Именно они и легли в основу данной работы.

Вернемся к эпохе открытия «Марфовского клада». Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война самым тяжелейшим образом отразились на научной деятельности Керченского археологического музея. Финансирование музея прекратилось, почтовое сообщение между Симферополем и Петроградом было прервано. В Керчи (рис. 3) зимой 1919 г. пост директора Музея занимал сначала Петр Константинович Месаксуди — сын знаменитого табачного короля Константина Ивановича Месаксуди, но уже весной этого же года вместе со своей коллекцией древностей он эмигрировал за границу. Новым

Рис. 3. Вид с горы Митридат на Керчь. ФО НА ИИМК РАН. Q. 308.25

заведующим Керченским музеем древностей 6 ноября 1919 г. согласно приказу Управления народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А. И. Деникине был назначен Константин Эдуардович Гриневич⁴. В 1918 г. по получении в Петроградском университете звания приват-доцента он был командирован для проведения археологических раскопок в Керчь и Херсонес. Из-за начавшейся Гражданской войны К. Э. Гриневич вынужден был задержаться в Крыму, и именно его, учитывая рекомендации Л. А. Моисеева, сочли в 1919 году наиболее подходящей фигурой для руководства музеем.

Несмотря на все тяготы того времени, в декабре 1919 г. вышел составленный им «Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей» (Андросов 2001: 143). В ноябре 1920 г. Красная армия взяла Крым, и Керченский историко-археологический был передан в подчинение Крымскому отделу народного образования в лице Крымского областного комитета по делам музеев. Несмотря на беспокойное время, музей значительно расширяет выставочные площади, его коллекции дополняют новые экспонаты. Городской Ревком предоставляет учреждению новое здание — особняк, расположенный на улице Свердлова, ранее принадлежавший табачному фабриканту, греку по происхождению К. И. Месаксуди. К. Э. Гриневич руководил Керченским музеем до 10 июля 1921 г., после чего вернулся в Петроград. Сразу после его отъезда заведующий Мелек-Чесменским курганом Юлий Юльевич Марти⁵ был назначен новым директором Керченского музея. Он всеми силами старался возобновить научно-исследовательскую деятельность музея, и с 1923 г. начались работы по формированию научного плана, составлению сметы и включения музея в общую программу археологического изучения памятников Восточного Крыма. Летом 1922 г. Ю. Ю. Марти обратился с письмом в ГАИМК, в котором просил у ленинградских коллег срочной помощи, предупреждая, что «если не будет

⁴ Гриневич Константин Эдуардович (1891–1970) — историк античности, археолог, историк искусства, музеевед. Член-сотрудник РАО (1916), приват-доцент Петроградского и Харьковского университетов (1918), профессор (1926), д. и. н. (1944). С 1914 г. участвовал в раскопках античных памятников Боспорского царства и Ольвии. Из-за Гражданской войны не смог вернуться в Петроград и был приглашен на должность директора Керченского музея (1919–1921 гг.). С 1920-х гг. проводит самостоятельные археологические раскопки на территории Керченского и Таманского полуостровов. Директор Херсонесского музея (1924–1927), на протяжении 1925–1930 гг. проводил исследования Херсонеса и памятников Гераклеийского полуострова. В 1927 г. переехал в Москву, с 1928 г. — действительный член РАНИОН. В 1932 г. репрессирован и сослан в Томск. Заведующий кафедрой древней истории Томского университета (1940–1948). В 1948 г. уволен в рамках борьбы с космополитизмом, переехал в г. Нальчик. Профессор Кабардинского пединститута (1948–1953). В 1953 г. переехал по состоянию здоровья в г. Харьков. Профессор, заведующий кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета (1953–1970). См.: Тункина 2008.

⁵ Марти Юлий Оскар Матвей Юльевич (1874–1959), археолог, музеевед. Учитель латинского языка в Александровской гимназии в Керчи (1897–1919), заведующий Мелек-Чесменским курганом Одесского общества изучения древностей (с 1904), директор (1921–1939), заместитель директора по научной работе (1939–1941) Керченского музея. В 1942–1945 гг. работал преподавателем немецкого языка в Благовещенской средней школе Кабардино-Балкарской АССР (1942–1945). Заведующий античным отделом Херсонесского музея (1946–1947). По возвращении в Керчь работал в должности научного сотрудника и главного хранителя Керченского музея (1947–1951). См.: Федосеев 2001; Тункина 2008.

оказана самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна. Если люди вымрут, я никого на их место не найду... Во избежание, прошу ходатайствовать о выдаче полного числа паев и аккуратной выплаты жалования» (Виноградов 2012: 341). Примечательно, что ввиду отсутствия денежных средств за работу с рабочими музей расплачивался мукой, отпущенной Продовольственным комитетом по предложению Керченского исполкома (Федосеев 2002: 159). В таких непростых условиях осуществлялась археологическая работа Керченского музея.

Одной из самых ярких страниц деятельности нового директора Керченского музея явились его исследования у с. Марфовка и введение в научный оборот так называемого «Марфовского клада».

26 декабря 1925 г. крестьянином С. Нешевым в кургане над хутором Бикеч у деревни Марфовки была открыта могила с драгоценными вещами «готского стиля» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. Л. 3). По словам С. Нешева, сама гробница была сложена из каменных плит и сверху покрыта одной из них, погребенный был ориентирован головой на запад (отдельно отмечается отсутствие деформации черепа), венец был найден у изголовья вместе с разбитой стеклянной глубокой чашей с выпуклым орнаментом (рис. 4) и круглым бронзовым зеркалом, которое разбилось и в музей доставлено не было. У ног погребенной находилась маленькая пряжка. Местонахождение колтов не известно, так как они были выброшены с землей при раскапывании погребения и оказались найденными при просеивании земли в насыпи кургана.

В январе 1926 г. из погребения С. Нешевым были сданы в Музей: золотой венец из тонкой пластины, укрепленной на бронзовом каркасе, усеянной сердоликовыми камнями по 2 и 3 в ряд (камней — 61) (рис. 5), свободное пространство между камнями было заполнено зернью в форме треугольников, посреди венца камни были расположены крестом; восемь тонких золотых

Рис. 4. Стеклянный сосуд (чаша) с каплевидным орнаментом. Фото. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 64. Опулб.: Засецакая 1968: 47

Рис. 5. Золотой венец. Фото. ФО НА ИИМК РАН. Q. 838.68a

пластинок разнообразной формы и величины и две золотые подвески овальной формы с гнездами от выпавших камней, с 20 лучами, сильно поврежденными (рис. 6) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. Л. 3 об.)

18 февраля 1926 г. С. Нешевым было доставлено в музей еще несколько предметов из этого же погребения: круглая золотая бляшка с сердоликом посередине, прямоугольная золотая пластинка с двумя маленькими сердолика-ми и обломок золотой пластины с тремя гнездами от выпавших камней. На следующий день крестьянином И. Л. Израилевским была сдана в музей тонкая золотая пластинка из этой же гробницы, а 28 февраля Ф. А. Пшеничным были доставлены в музей золотая массивная пряжка, шесть тонких золотых пластинок с тиснением в виде квадратов и две части тонкой золотой пряжки, соединенные вместе, украшенные двумя камнями (рис. 7). 5 марта 1926 г. И. Г. Волочугой доставил из той же гробницы золотую пластинку с тремя сердоликами и двумя пустыми гнездами и небольшую прямоугольную пластинку с вырезом.

Рис. 6. Золотые колты и прямоугольные пластинки (бляшки). Фото. ФО НА ИИМК РАН. Q. 838-71a

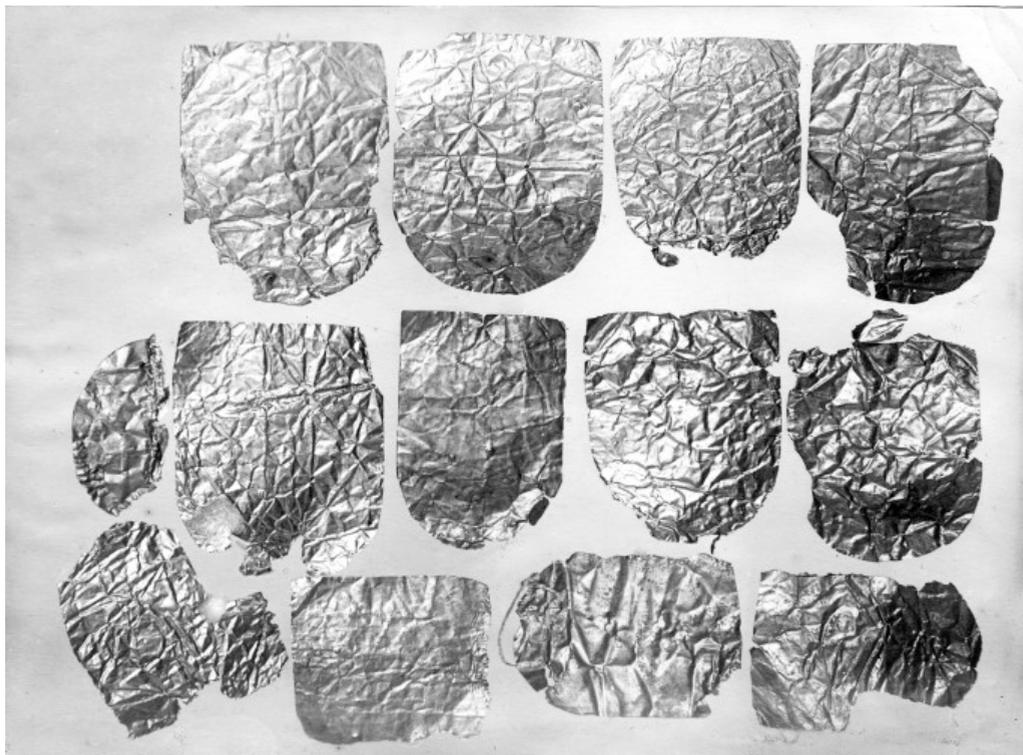

Рис. 7. Прямоугольные золотые пластинки (бляшки). Фото. ФО НА ИИМК РАН. Q. 838-72a

Опасаясь за дальнейшее расхищение вещей, в мае Ю. Ю. Марти осуществил поездку в д. Марфовку, после которой С. Нешев доставил в Музей еще одну крупную вещь из этого же погребения «не вполне ясного назначения» (рис. 8). И. П. Засецкая определяет ее как золотой кулон, орнаментированный семнадцатью вставками камня в напаянных гнездах, треугольниками и пирамидками из зерни и трапециевидной пластинкой со вставками по краям (Засецкая 1968: 40). Ю. Ю. Марти предположил «что Нешев хотел утаить последнюю вещь, но потом под влиянием бесед со мной и надсмотрщиком сдал ее в Музей в надежде получить большое вознаграждение» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. Л. 4 об.).

О таком выдающемся открытии Ю. Ю. Марти сообщил в Музейный отдел Главнауки и ГАИМК, обращая внимание на то, что «слухи о такой находке взволновали местное население, из-за чего поднялась волна кладоискательства» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 185. Л. 2). Он отправил в Главнауку прошение о выдаче открытого листа и 300 рублей на оплату труда пяти рабочих. ГАИМК поддержала просьбу Ю. Ю. Марти, отправив в свою очередь ходатайство в Главнауку за подписью А. С. Жебелева (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 185. Л. 3). 13 июля в ГАИМК пришел ответ из Музейного отдела Главнауки, в котором было предложено раскрыть научное значение сделанной находки и обосновать необходимость дальнейших раскопок. Ответ был подготовлен А. А. Спицыным, который обращал внимание на важность открытия и настаивал на его скорейшем изучении (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 185. Л. 5).

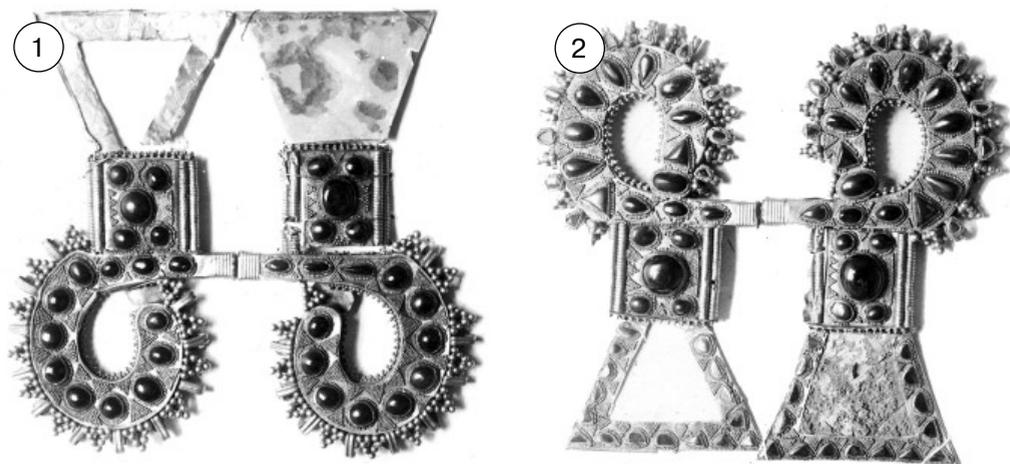

Рис. 8. Золотые кулоны: 1 — лицевая сторона; 2 — обратная сторона. ФО НА ИИМК РАН. Q 838.69а; Q.838.70а. Опубл.: Засецкая 1968: 45

Открытый лист и необходимые средства были получены, и Ю. Ю. Марти вместе с надсмотрщиком отправился для дальнейшего исследования погребения с марфовским кладом. Работы были начаты 29 ноября с небольших разведок на Аккосовом валу (рис. 9). Ю. Ю. Марти пишет, что «при въезде в Бикеч вал этот высотой около 63,9 м образует как бы ворота, где скрещиваются дороги — по левую сторону находится село Бикеч или Шамалака, по правую же сторону, мимо соленого озера, идет дорога в болгарское село Марфовку» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. Л. 5). Исследователь предположил, что этот естественный горный кряж был сооружен в древности для оборонительных целей: «Местами на гребне горы по обеим сторонам входа видны круглые возвышения в виде усеченных конусов. Можно предположить, что на этих круглых площадках, усеянных фрагментами керамики, возвышались в старину сторожевые башни» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. Л. 5). В ходе предварительной разведки вала Ю. Ю. Марти исследовал разоренный склеп, «недавно открытый во время полевых работ крестьянином Албановым». Этот склеп, построенный из мощных больших плит внутри распаханного кургана, оказался разоренным, верхняя плита отсутствовала (рис. 10).

Затем, вернувшись в Бикеч, Ю. Ю. Марти начал изучение кургана, в котором было найдено богатое погребение с золотыми вещами «инкрустационного стиля». Согласно описанию Ю. Ю. Марти, курган находится на площади вала, как раз над хутором С. Нешева. Курган был сильно распахан (его высота — 1 м, диаметр — 12,8 м) и в его центре находилась большая впадина, очевидно бывшая там еще до раскопок С. Нешева. Археолог отмечал, что «от него в 30 шагах к востоку находится другой курган меньших размеров. А в шагах 120 к северу на конечном пункте вала, спускающемся в деревню Бикеч, находится еще один курган, также сильно распаханный с многочисленными впадинами и ямами» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. Л. 5 об.).

29 ноября Ю. Ю. Марти вместе с надсмотрщиком и несколькими рабочими приступили «к раскопкам могил, уничтоженных Нешевым» (каменной могилы с кладом и склепа, находившегося ниже). Как писал Ю. Ю. Марти,

Рис. 9. Схематический план Аккосова вала. Чертеж. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 63

им представилась «картина полного разорения: камни могильных сооружений были снесены и убраны на хозяйственные постройки. Три черепа были нарочито разбиты на мелкие части и разбросаны, так что определить какой из них из какой могилы, невозможно. Весьма досадно, что нельзя установить череп особи, погребенной в богатой могиле. В том месте, где по словам Нешева, находились богатые погребения, мы стали осторожно перебирать землю, выявляя постепенно дно могилы у изголовья и у ног» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 6). В результате было точно определено местоположение и направление погребения, каменные стены которого были уничтожены (рис. 11). Глубина могилы составляла 1,5 м, ширина — 1,1 м, длина — 1,9 м. Как показали раскопки, эта гробница примыкала к склепу, опущенному на 1,1 м глубже. Склеп, ориентированный с востока на запад, состоял из небольшого дромоса и камеры, в которой находилось два погребенных, ориентированных головой на запад. У первого костяка, «находившегося ближе к готскому погребению», в изголовье находилось истлевшее бронзовое зеркало с железной ручкой, краснолаковая миска, одноручный краснолаковый кувшинчик, в районе тазовых костей — бусина и фрагментированный железный нож. В изголовье были зафиксированы собранные в кучу кости взрослого человека и младенца (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 6 об.).

В ногах второго погребенного были найдены фрагменты железных удил. В ходе дальнейших раскопок по направлению к центру кургана был зафиксирован фрагмент основания стены, сложенной из мелкого камня, по-видимому, являвшейся остатком стены склепа, разрушенного С. Нешеевым.

Рис. 10. Надсмотрщик у разоренного склепа. Фото. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 9

Рис. 11. Надсмотрщик, Ю. Ю. Марти и рабочий при расчистке погребения с «марфовским кладом». Фото. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 10

При просеивании земли из этого склепа были найдены несколько фрагментов расписных чернолаковых сосудов, два фрагмента от стеклянного сосуда, доставленного Нешевым в Музей, одна золотая пластинка, идентичная с теми пластинками, которые сданы в Музей Нешевым и его «сотрудниками».

Таким образом, был сделан вывод о том, что в кургане находилось несколько погребений, «сменявших друг друга»: самое раннее из них — разоренное погребение с чернолаковой расписной посудой, костяки из которого были сложены в кучу в изголовье более позднего захоронения. Самым поздним погребением, безусловно, следует считать могилу с марфовским кладом (рис. 12).

Далее Ю. Ю. Марти было решено заложить небольшую траншею (1,5 × 5 м) для исследования северо-западной части этого кургана, которая не была тронута впадиной (работы проводились 2–3 декабря 1926 г.). В траншее была открыта «большая каменная стена, сложенная из больших камней неправильной формы, перерезавшая траншею перпендикулярно» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. Л. 7). С западной стороны была сделана прирезка, в которой была зафиксирована еще одна стена (ширина — 1,1 м, высота — 1,2 м), образующая прямой угол с той, которая была открыта ранее. Археологом были предприняты попытки исследовать остальные стены постройки, однако была обнаружена только ее полуразрушенная восточная часть. Ю. Ю. Марти заключил, что «перед нами фундамент какой-то большой, квадратной в плане,

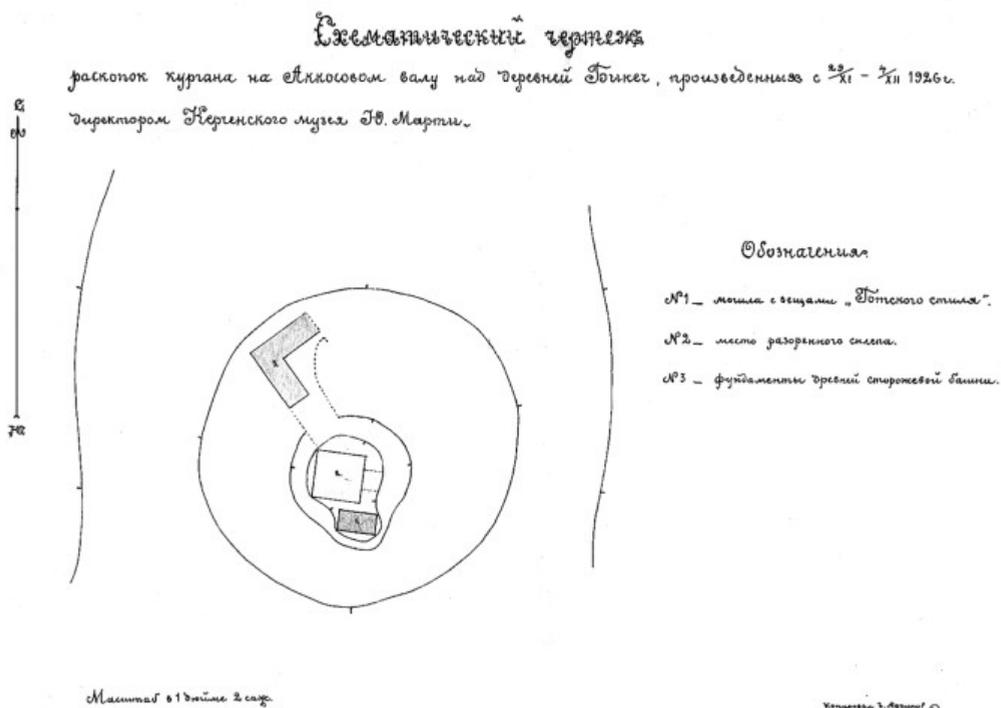

Рис. 12. Схематический чертеж раскопок кургана на Акковом валу над деревней Бикеч, произведенных 29.11 – 4.12.1926 директором Керченского музея Ю. Ю. Марти. Чертеж. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 62

постройки не частного характера, скорее всего сторожевой башни» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 7 об.). Согласно его мнению, существование башни на крайнем пункте вала, вблизи «ворот, открывающих вход в Боспорское царство, вполне естественно». В качестве примера он привел сообщение Страбона о стене с башнями, которой царь Асандр отгородил перешеек Херсонеса у Меотиды (Strabo, VII).

Подводя итог работам, Ю. Ю. Марти отмечает, что «столь небольшие раскопки предоставили чрезвычайно ценные результаты, выявив преемственность культур в данном месте на протяжении целого тысячелетия. Раскопки башен на валу необходимо продолжить как в этом месте, так и далее, в сторону Азовского и Черного моря» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 170. Л. 8).

Первая публикация вещей из «готского клада», как мы уже отмечали, вышла в том же 1926 году. В преддверии юбилея Керченского музея была выпущена небольшая брошюра «Сто лет Керченского музея», написанная директором музея Ю. Ю. Марти, где упомянуты найденные в селе Марфовка вещи и сделана первая интерпретация находки. Ю. Ю. Марти пишет: «Из случайных находок последнего времени отметим богатое погребение с вещами готского стиля, открытое при добывании камня крестьянином болгарской деревни Марфовки С. Нешевым в поле небольшого распаханного кургана на гребне Асандрова вала. Вещи при содействии исполкома и Сельсовета были доставлены

в музей. Найдена диадема, усеянная сердоликами и украшенная треугольниками из зерни, с орнаментом посредине в виде креста, ушные подвески типа, отмеченного в отчете Археолог. Комиссии 1902 г., и головной убор, богато украшенный сердорликовыми камнями» (Марти 1926а: 48).

В другой части брошюры Ю. Ю. Марти уточняет время находки и состав комплекса: «В январе 1926 г. крестьянином Нешевым из деревни Марфовки случайно на гребне Асандрова вала была найдена в поле распаханного кургана плитовая могила с богатым “Готским” погребением (золотой венец, наушные подвески и украшения в виде 2-х завитушек, две пряжки и бляшки). Вещи переданы Керченскому музею» (Там же: 90). Фотографии вещей были впервые опубликованы также в этом издании (Там же: 46, рис. 25).

Как можно видеть из первой публикации, есть небольшие неточности: список вещей неполон и дата открытия отличается от указанной в архивных документах, но при этом Ю. Ю. Марти предложил первую интерпретацию «Марфовского клада», отнеся его к «Готским древностям», т. е. к предметам «“инкрустационного” или полихромного стиля», известным по находкам из склепов Госпитальной улицы в Керчи и датируемым IV–V вв. н. э.

Сенсационная находка явилась неожиданным подарком к готовившимся торжествам по случаю столетия Керченского музея. 5 сентября 1926 года в Керчи состоялась первая научная конференция археологов СССР, посвященная 100-летию Керченского музея, в которой приняли участие 140 делегатов из 30 городов страны — все видные ученые того времени. «Ирано-эллинская секция конференции поставила целый ряд докладов, относящихся к истории греческих поселений на берегах Черного моря. В самое последнее время были произведены большие раскопки на месте греческой колонии Ольвии (проф. Б. В. Фармаковский), древнего Херсонеса (К. Э. Гриневич) и Керчи (археолог Ю. Ю. Марти). Точно так же в последние годы сделаны были отдельные находки в разных местах Крыма и Черноморья: у деревни Марфовки (подле Керчи) найден готский могильник с золотыми вещами...» (Гелах 1927: 249). Доклад об этом открытии был сделан директором музея Ю. Ю. Марти. Резолюция по докладу была в духе времени и не касалась атрибуции комплекса: «Советская наука, вышедшая из замкнутых рамок исследовательских лабораторий и приблизившаяся к широким массам трудящихся, вовлекает эти массы в активную творческую работу по изучению своей страны, подводя научную базу под их революционное строительство» (Гелах 1927: 251).

По итогам конференции была принята резолюция, где предусматривалась скорейшая разработка единого плана археологического обследования памятников Крыма. В ее основу была положена установка на систематическое выявление всех культур, а не разрешение отдельных проблем, а также составление археологической карты Крыма и свода могильников. Конференция одобрила работу экспедиций в Крыму и вынесла постановления продолжать и в будущем.

В 1926 году в здании старого музея на г. Митридат была устроена выставка рисунков предметов, найденных в Керчи с 1826 года. Одним из главных итогов в экспозиционной работе к 1926 году стала реорганизация основной археологической выставки, выразившаяся в том, что все коллекции были расставлены по эпохам в хронологическом порядке. Марфовский клад в экспозицию музея не попал, видимо, по причине того, что Ю. Ю. Марти собирался исследовать этот памятник и ждал Открытый лист, который пришел лишь в ноябре 1926 года, когда празднества по случаю юбилея Керченского музея и выставка

к открытию первой научной конференции археологов СССР уже были завершены. Во всяком случае, витрины, где могли экспонироваться вещи из Марфовки, в путеводителе по Керченскому музею Ю. Ю. Марти не описаны (Марти 1926б).

Широкую известность в научной среде эти вещи получили намного позднее, лишь после их первичной предварительной публикации ведущим отечественным специалистом по эпохе переселения народов Ириной Петровной Засецкой. Описывая погребения гуннской эпохи нижнего Поволжья и анализируя найденные в погребениях диадемы и кулоны, И. П. Засецкая дала, используя в основном те же архивные материалы, краткое описание комплекса, привела план кургана и фото найденных там вещей (Засецкая 1968: рис. 8–10), а также предложила свою атрибуцию погребения из Марфовки: «Пара кулонов из Марфовки происходит из женского захоронения, найденного местным жителем С. Нешевым в конце 1925 г. в гробнице, сложенной из каменных плит под курганной насыпью. В 1926 г. Ю. Ю. Марти, директор Керченского археологического музея, доследовал открытую С. Нешевым гробницу. В отчете он сообщает, что курган был сильно распахан, высота его к моменту исследования достигала 1 м, а диаметр 12,80 м. В центре кургана имелась глубокая впадина. В шагах тридцати к востоку находился другой курган меньших размеров, а шагах в 120 к северу, по направлению к д. Бикеч, располагался еще один курган, также сильно распаханный. Вероятно, здесь размещалось древнее кладбище. Ю. Ю. Марти сделал замеры гробницы: длина ее оказалась — 2 м, ширина — 1,15 м, глубина — 1,42 м. Рядом с ней находился каменный склеп с небольшим коридором, который также отмечал еще С. Нешев. Склеп был полностью ограблен, но по отдельным оставшимся предметам — фрагментам чернолаковых сосудов — удалось установить, что захоронение в склепе более раннее, чем в каменной гробнице. Женский костяк, обнаруженный в гробнице, лежал головой на запад и, по словам Нешева, “череп погребенной был нормальный”, т. е. не деформированный. За головой находился “золотой венец” — диадема. Здесь же лежала стеклянная чаша округлой формы со слегка отогнутым краем и орнаментом в виде синих овальных выпуклостей. У ног погребенной нашли небольшую золотую массивную пряжку и разбитое бронзовое круглое зеркало. Последнее не было доставлено в музей. В выбросе могилы были найдены две золотые височные подвески-колты с двадцатью лучами и двенадцатью гнездами со вставками. Кроме того, С. Нешевым и крестьянами Д. Марфовки в Керченский музей переданы вещи из этой же могилы, о точном месте нахождения которых в архивном деле никаких сведений не имеется. Однако, если судить по характеру этих находок, они, безусловно, принадлежат вышеописанному погребению. К ним относятся круглое золотое навершие с альмандином в центре, прямоугольная золотая пластинка с двумя сердоликовыми вставками, обломок золотой пластинки с тремя гнездами без камней, еще одна золотая массивная пряжка, золотая пластинка с тремя сердоликами, 18 тонких золотых пластинок-бляшек полуовальной и прямоугольной формы. Кроме того, в архивном деле есть упоминание, что С. Нешевым была доставлена в музей “еще одна крупная вещь из этого же погребения не вполне ясного назначения”. Судя по изображению на фотографии, хранящейся в фотоархиве Ленинградского отделения Института Археологии, под “крупной вещью” подразумеваются уже знакомые нам кулоны» (Засецкая 1968: 45–47). В этой же статье И. П. Засецкая дала новую культурную атрибуцию комплекса и уточнила старую датировку Ю. Ю. Марти. «Кулоны из погребения у г. Ленинска и из гробницы у д. Марфовки

происходят из женских захоронений и в обоих случаях встречены вместе с диадемами. В марфовском комплексе, кроме диадемы и кулонов, найдены еще колты — височные подвески. Все вместе они составляли набор драгоценностей знатных женщин времени Аттилы» (Засецкая 1968: 47). При этом автор датировала данный комплекс в более широких рамках, чем эпоха Аттилы: концом IV в. — первой половиной V в. н. э. (Засецкая 1968: 50–51). Те же выводы были повторены И. П. Засецкой и чуть позднее: такие кулоны найдены в богатом женском погребении в степной части Крыма у дер. Марфовки близ Керчи (Засецкая 1975: рис. 4). «Кулоны, колты и диадема являлись украшением женского костюма, все три представлены в упомянутом погребении у дер. Марфовка. Вероятно, эти украшения составляли гарнитур знатной женщины гуннской эпохи» (Засецкая 1975: 17, рис. 4).

Разбирая комплексы гуннской эпохи, И. П. Засецкая неоднократно обращалась к данному комплексу. По характеру декора полихромных изделий комплекс находок из Марфовки (Засецкая 1978: рис. 1, 19) попал в ее стилистическую группу В: это «комплексы с полихромными украшениями, декорированными цветными вставками в напаянных гнездах и накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни. Украшения предоставлены диадемами, колтами, кулонами, перстнем, пекторалью, серьгами, наконечниками гривны. Все эти предметы объединяются общими стилистическими и технологическими признаками. Плоские предметы — диадемы, пектораль — имеют в основе бронзовую пластину, сверху покрытую золотым или электровым листом, края которого загнуты внутрь и плотно прилегают к оборотной стороне основы. Колты сделаны из толстой золотой пластины и орнаментированы с обеих сторон. Объемные вещи — серьги, кулоны, наконечники гривен — изготовлены из листового золота и спаяны из двух половин. Полое пространство заполнено мастикой, служившей для сохранения формы предмета. Вставки расположены в определенном порядке, большей частью горизонтальными рядами. Центр предмета почти всегда выделяется крупными вставками в комбинации с размещенными вокруг них более мелкими камнями. Форма гнезд достаточно разнообразна, однако преобладают округлые, овальные и прямоугольные. Наряду с ними имеются миндалевидные, сегментовидные и треугольные гнезда. Как правило, все виды гнезд в различных сочетаниях присутствуют на одном предмете. Таким образом, стилистические и технические особенности описанных выше украшений свидетельствуют о едином характере этих изделий, а наличие их в разных комплексах позволяет рассматривать и погребения **подгруппы В** как памятники единой культуры» (Засецкая 1978). Речь, конечно, у И. П. Засецкой всегда шла о культуре кочевников-гуннов эпохи Аттилы.

Совершенно иную точку зрения имел А. К. Амброз, анализируя комплексы с полихромными изделиями эпохи переселения народов (Амброз 1971а; 1981; 1989). Он выделил комплексы с полихромными колтами и диадемами в группу III и датировал их совершенно иным временем. «III группа отличается инкрустированными украшениями, чрезвычайно обильно, до перегруженности усыпанными зернью: Боровое, Кара-Агач, Игрень, Цюруписк (быв. Алешки), Ленинск, Варна в Болгарии и др. Обычно их не выделяют среди комплексов V в., хотя стиль и набор форм в них совсем иные. Характерно стремление к симметрии в размещении инкрустаций, обилие среди вставок янтаря и сердолика, часто подбор камней правильной формы (круглых, овальных, удлинённых), зернь покрывает почти все свободное место. Ареал III группы совпадает с областью

I группы от Волги до Днепра, но I идет к западу до Венгрии и Польши (а единично — до Франции и Португалии), а III смещается к востоку и особенно часто в Казахстане. Это две разные группы населения, с разными художественными традициями, жившие одна от Венгрии до Волги (I) и другая от нижнего Дуная (Бэлтень и Варна) до Западной Сибири и Казахстана (III). Нет оснований приписывать украшения III группы керченским мастерам: это изделия местных варварских мастерских, обслуживавших знать разных народов. Их появление на Нижнем Дунае (Бэлтень и Варна), возможно, связано с приходом болгар в 670–680 гг. Значительное увеличение кочевнических памятников VII в. по сравнению с V в. согласуется со сведениями византийцев о существовании в наших степях сильных кочевых объединений VI–VII вв.» (Амброз 1971а: 120–122). Касаясь погребения в Марфовке, А. К. Амброз пишет следующее: «Марфовское погребение совершено в более раннем склепе, и стеклянный кубок мог быть использован вторично: слишком непохож стиль вещей, всегда сопутствующих таким кубкам» (Там же: 121).

Свои основные выводы А. К. Амброз повторил и позднее, в томе «Археологии СССР», несмотря на уже вышедшие статьи И. П. Засецкой (Засецкая 1975; 1978). «Устойчивым признаком степных кочевников V–VIII вв. является отсутствие фибул, обычной находки в погребениях их оседлых соседей, а до V в. — и степных сармат. Зато только степные женщины носили диадемы» (Амброз 1981: рис. 2, схема 1). В большинстве найденных на территории СССР степных погребений эпохи великого переселения народов имеются украшения, обтянутые тисненой фольгой или инкрустированные цветными вставками. По этому признаку археологи относят их к гуннской эпохе конца IV — первой половины V в. А. К. Амброз с этим не согласился и считал, что комплексы выделенной им группы III относятся к более позднему времени: к VII, отчасти к VI в. н. э. Он уточнил атрибуцию и хронологию комплексов III группы: «Основная масса украшений III группы вообще не имеет аналогий или имеет их в лишенных узкой даты древностях Таласа и Тянь-Шаня. Сами по себе не определяют дату и редкие находки вещей V в. или их обломков в комплексах III группы (Марфовка, Ленинск): ведь отдельные стеклянные сосуды и другие предметы римской эпохи известны в комплексах VI–VII вв. и на западе. Их или долго берегли, или помещали в могилы, находя случайно при рытье ям» (Амброз 1981: 15–20).

«Возможно, что явно азиатская культура кочевников III группы связывается с наследием I каганата, как I и II группы с наследием гуннской державы. Тогда становится понятным ее появление на самых низовьях Дуная: ведь болгары Аспаруха были возглавлены тюркской династией Дулу и могли иметь в своем составе группы азиатских степняков. Их появление на Нижнем Дунае (Бэлтень и Варна), возможно, связано с приходом болгар в 670–680 гг. Значительное увеличение кочевнических памятников VII в. по сравнению с V в. согласуется со сведениями византийцев о существовании в наших степях сильных кочевых объединений VI–VII вв.» (Амброз 1971а: 122).

По поводу контраргументов И. П. Засецкой автор отметил следующее: «Фактически И. П. Засецкая признала существование трех групп (им соответствуют ее “подгруппы А, Д, В”), а ряд ее возражений основан на недоразумениях, которые объясняются как искусственным исключением из подгрупп А (I) и Д (II) женских могил с диадемами, так и нечеткой классификацией». (Амброз 1981: 22).

Тем не менее, в споре об атрибуции древностей типа Марфовки и их хронологии в итоге победила точка зрения И. П. Засецкой (Засецкая 1978; 1982;

1986; 1994) и все исследователи сегодня относят данное погребение к эпохе переселения народов и к культуре кочевых гуннских племен. И. П. Засецкая в монографии «Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.)» подвела итог этой дискуссии и подробно изложила все аргументы в пользу своей хронологии и своей атрибуции памятников (Засецкая 1994: 111–131). Кратко и образно подвел итог этой дискуссии⁶ М. Б. Шукин. Он писал в письме М. М. Казанскому следующее: «Есть ХГА (хронологические группы: Амброза, см. “Археология СССР”), есть типологические подгруппы: Засецкой (см. СА, 1978, № 1), есть стилистические группы: Засецкой (СГЗ), (см. «Древности эпохи Великого переселения народов», М., 1982). И в результате выделяются две «хронологические группы: Засецкой» (ХГЗ-1 и ХГЗ-2), а первая подразделяется еще на ХГЗ-1а и ХГЗ-1б.

В ХГЗ-1а, самую раннюю, попадают комплексы: как раз те, что у Амброза самые поздние — VII в. (ХГА-3). Сюда входят вещи подгруппы А и Б Засецкой (СА 1978, № 1) и СГЗ-1. Конкретно: Марфовка, Верхне-Яблочное, Мелитополь (с зеркальцем с боковым ушком и поздним вариантом котелка типа «Дебельт»), Ленинск (с китайским зеркалом), Покровск, курган 36 (с браслетом, имеющим аналогии в Интерцисе и Шегваре), а также Зеленокумск, Кара-Агач, Кетмень-Тюбе. Указанные выше переживания (зеркала, котелок) действительно делают эту группу ранней. Как Амброзу удалось втянуть их в VII в., непонятно. Переживания переживаниями, но не на 300 лет. Так что Ирина поставила Амброза на голову. Она считает, что это комплексы в основном между 378 и 425 гг., от разгрома готов до ухода в Паннонию, хотя некоторые, возможно, позже» (Казанский, Шукин 2011: 53).

В 1994 году И. П. Засецкая еще раз переопубликовала комплекс из Марфовки, дав краткое описание погребения, а также предложив типологию для ряда вещей. (Засецкая 1994: 18–19, 50, 86, табл. 24). Ею были подробно разобраны золотые пряжки из этого погребения. Обе пряжки относятся к II группе, отделу 2 (Золотые пряжки без щитков). Одна из них, тип А, имеет круглую рамку, короткий опущенный вниз язычок, вероятно, с прогнутой спинкой варианта 3. Концы рамки слегка сужаются (Засецкая 1994: 86, рис. 196, 18). Другая, тип Б, более крупная, в виде овальной рамки с сужающимися концами и пластинчатым язычком, один конец которого слегка опущен вниз, другой загнут петлей (Засецкая 1994: 86, рис. 196). Обе пряжки автор датировала последней четвертью IV — первой половиной V в.). С этой датой не согласился ведущий крымский специалист по эпохе переселения народов и раннему средневековью А. И. Айбабин, ученик А. К. Амброза, полагая, что по пряжке с пластинчатым язычком комплекс должен датироваться концом V в. н. э. (Айбабин 1999: 73).

Несколько позднее, в статье, посвященной стеклянным кубкам с каплями синего стекла, И. П. Засецкая ввела в свою типологию стеклянный кубок из Марфовки и уточнила его дату. Она отнесла его к типу I, варианту E своей типологии и датировала концом IV — первой половиной V в. н. э. (Засецкая 2000: 215, табл. IV, VIII).

Одной из работ последнего времени, которая напрямую касается хронологии искомого комплекса, является работа киевского археолога А. В. Комара (Комар 2000). Он разделил все комплексы гуннской эпохи на ряд групп: «В группу Степь II (С2) попали женские погребения Марфовка, Зеленокумск, Антоновка,

⁶ «Амброзомахии» по М. Б. Шукину.

Ленинск и мужские (точнее, оба детские) Беяус 1 и Беяус 2. Три последние являются полностью закрытыми комплексами, раскопанными археологами, а три первые исследованы “по горячим следам” сразу после выявления, что позволяет и их рассматривать как более-менее целостные. К этой же группе можно отнести не включенное в таблицу разрушенное мужское погребение из хут. Алешки, где была найдена нагрудная пластина, украшенная двумя рядами крупных вставок, подобная диадемам из Марфовки и Антоновки, а также “колты” (Комар 2000: 21). Марфовка датирует характерные только для группы С2 “кулоны” и диадемы в виде узкой инкрустированной полоски, т. е. датировка комплексов из Зеленокумска, Ленинска, Антоновки, Алешек и тилигульской диадемы ограничивается 430–440 гг. Эту же дату подтверждает комплекс из Чорны, но, при этом, следует отметить, комплекс из Ленинска, по нашему мнению, более ранний, поэтому общая дата группы С2, на наш взгляд, период 420–445 гг.» (Комар 2000: 26).

По мнению А. В. Комара степные древности восточноевропейских степей гуннского времени можно разделить на три периода или семь этапов. Комплекс из Марфовки относится к среднегуннскому периоду, этапу III, 425–440 гг. (Комар 2000: 44). Эти выводы вполне согласуются с выводами И. П. Засецкой, но сужение даты комплекса до двух десятилетий пятого века нуждается в серьезном обосновании, которое автор не представил.

Попытки дать этническую атрибуцию многочисленным памятникам гуннской эпохи разных удаленных территорий от Средней Азии до Венгрии, включая крымские памятники, были сделаны еще Й. Вернером (Werner 1956). Он выявляет целый ряд восточных элементов (обычай деформации черепа, сложносоставной лук, некоторые формы мечей, бронзовые котлы, зеркала с петелькой на обороте, конская узда, вещи полихромного стиля) и рассматривает их как признак кочевнической культуры, а распространение этих элементов в Центральной и Юго-Восточной Европе связывает с движением гуннов на запад. Показав широкое территориальное распространение памятников гуннской эпохи — от Казахстана до Венгрии — Й. Вернер считает, что европейские гунны не могут считаться единственными носителями культуры эпохи великого переселения народов. Пытаясь отождествить отдельные погребения с конкретными племенами — аланами, гуннами, германцами и др., он приходит к выводу, что большинство захоронений не поддаются этническому определению (Werner 1956: 63–64; Засецкая 1994: 34).

Тем не менее, были сделаны попытки уточнить этническую атрибуцию крымских комплексов, отнесенных к гуннской эпохе. А. И. Айбабин писал по этому поводу следующее: «После смерти в 453 г. Атиллы и разгрома гуннов в битве на реке Недао в Паннонии в 454 г. их союз распался. По сообщению Иордана, многие входившие в него племена вернулись в Причерноморье, туда, где ранее жили готы. Кочевавшие там в V в. гуннские племена Приск называл акатцирами. По словам Прокопия, степи между Херсоном и Боспором во второй половине V в. занимали гунны. Иордан помещал в степи около Херсона гуннское племя альтциагиров. С одним из этносов следует связать захоронения из Чикаренко, Марфовки и Изобильного» (Айбабин 1999: 77).

Более точную этническую атрибуцию предложили недавно М. М. Казанский и А. В. Мастыкова: «Итак, по археологическим данным, среди степных древностей гуннского времени можно выделить две большие культурные зоны: “западную” — от Дуная до Днепра, и “восточную” — от Днепра до Урала. В последней

присутствует ряд культурных элементов, имеющих среднеазиатские параллели (Казанский, Мاستыкова 2009: 120–121). Только в «восточной» группе гуннских памятников известны захоронения в гротах (Каменная Могила, Кызыл-Адыр). Только на востоке известны захоронения в каменных склепах античного времени, возможно, имевших у степняков ту же символическую нагрузку (Беляус, погр. 1, Марфовка, Усть-Альма). Таким образом, «царским» гуннам должны соответствовать древности «западной» группы и, видимо, пограничные им памятники «восточной» группы на р. Молочной и на левобережье Днепра. Остальные погребения «восточной» группы, располагавшиеся в «припонтитской Скифии», то есть на Дону и, может быть, в Крыму, логичнее связать с акацирами (Казанский, Мастыкова 2009: 124–125). Выделяя «восточную» группу гуннских памятников, авторы во многом опирались на идею Й. Вернера о выделении восточных элементов в погребальном обряде, погребальном инвентаре, в типах и декоре женских украшений гуннской эпохи, в частности, Й. Вернер отмечал, что орнамент зернеными треугольниками на полихромных изделиях характерен только для восточных территорий от Казахстана до Причерноморья, и это традиции боспорских мастеров, в то время как на венгерской долине изделий с зернью не обнаружено, что говорит, скорее всего, об их западном — «дунайском» происхождении» (Werner 1956: 64).

Таким образом, можно подвести некоторые итоги нашего историографического исследования. В нем введены в научный оборот неизвестные ранее материалы из фондов отдела рукописей и фотоотдела архива ИИМК РАН и рассмотрена история открытия и изучения Марфовского клада. Будем надеяться, что Марфовский клад не исчез навсегда, его еще найдут и передадут в Керченский музей, и тогда станет возможным скрупулезное изучение всех предметов комплекса.

Литература

- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР.
- Амброз А. К. 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА 2, 96–123.
- Амброз А. К. 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА 3, 106–134.
- Амброз А. К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Плетнева С. А. (ред.). Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М.: Наука, 12–22.
- Амброз А. К. 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984 гг.) // СА 3, 293–303.
- Андросов С. А. 2001. Обзор документов государственного архива Автономной Республики Крым по истории Керченского Музея Древностей (1826–1920 гг.) // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат-лы междунар. конф. Керчь, 142–143.
- Быковская Н. В. 2004. Коллекция предметов из драгоценных металлов Керченского музея древностей // БИ 5, 503–522.
- Виноградов Ю. А. 2012. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917. Симферополь) (БИ 27).
- Гелак Т. Ф. 1927. Керченская археологическая конференция // Историк-марксист 3, 248–251.
- Засецкая И. П. 1968. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ 10, 35–53.

- Засецкая И. П.* 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Наука.
- Засецкая И. П.* 1978. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА 1, 53–71.
- Засецкая И. П.* 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М.: Наука, 14–30.
- Засецкая И. П.* 1986. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ 27, 79–91.
- Засецкая И. П.* 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.) СПб.: Эллипс.
- Засецкая И. П.* 2000. О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник 3, 209–237.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В.* 2009. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник 1, 225–251.
- Казанский М. М., Шукин М. Б.* 2011. Археологическая кухня прошлого века. // Шаров О. В. (ред.). Петербургский апокриф. Послание от Марка. Сборник статей памяти М. Б. Шукина. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 39–190.
- Комар А. В.* 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Евглевский А. В. (ред.). Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк: Изд-во Донецкого университета, 9–53.
- Мarti Ю. Ю.* 1926а. Сто лет Керченскому музею. Керчь.
- Мarti Ю. Ю.* 1926б. Путеводитель по Керченскому музею. Керчь: Гос. Керченский археологический музей.
- Тункина И. В.* 2008. Библиографический словарь-указатель // В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX вв. М.: Индрик.
- Федосеев Н. Ф.* 2002. Керченский музей древностей // ВДИ 1, 154–178.
- Werner J.* 1956. Beitrage zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften.

- Коробка № 9. 1/ разноцветные камешки - 80 шт.
2/ небольшие вязки золотых и других бусинок - 15 шт
- Коробка № 10. 1/ Золотые пластинки и листики в конветрах - 15 шт
- Коробка № 11. 1/ серебряные монеты средневековые и др. - 44 шт.
2/ серебряный рубль /брусок/ - 1 шт.
3/ серебряные медальоны с рельефным изображением - 2 шт.
4/ серебряный браслет темного цвета - 1 шт.
- Коробка № 12. 1/ Татарский пояс из пятнадцати серебряных бляшек - 1 шт.
2/ серебряные серьги - 1 пара
3/ серебряные браслеты - 2 шт.
4/ Костяные изделия - 5 шт.
5/ золотая игла - 1 шт.
6/ серебряные серьги темного цвета - 2 шт.
7/ медный Орлик - 1 шт
8/ наконечник стрелы - 1 шт.
9/ полусферические позолоченные украшения - 2 шт.
10/ крупные турецко-татарские ~~украшения~~ монеты - 2
11/ генуэзско-татарские монеты - 39 шт.
12/ пантикапейские монеты - 41 шт.
- Коробка № 13. 1/ коллекция пряжек средневекового времени - 11 шт
2/ серебряных монет русских царей - 180 шт.
- Коробка № 14. 1/ планшета с тремя фибулами
2/ планшета с двумя фибулами, тремя браслетами и тремя бусинками.
3/ планшета с четырнадцатью пряжками сарматского стиля от конской упряжи.
- Коробка № 15. 1/ планшета с медным женским головным убором с прикрепленными луницами /поврежденная/
2/ петамкинская медаль - 1 шт.
3/ древняя медная иконка
4/ монет серебряных из тиритакского клада - 70 шт.

Я щ и к № 16

- 1/ Бронзовых наколенников два, бронзовый шлем один. /поврежден/.

Зав.Гер.ОНО Коломийцева

Комиссия: Директор музея Б. Марти

Научный работник А.Марти

25.7.41 Верно:

Секретарь Керченск.Истор. музея

И ш и к № 15.

Золотых, серебряных и других ценных ~~княжеских~~ предметов находящихся в чемодане № 15 Керченского Исторического Музея.

- Коробка № 1. 1/ Золотых византийских низкопробных монет в виде чашечек - 27 шт.
2/ Золотых византийских монет червонного золота - 5 шт.
3/ Золотых боспорских монет греческого и римского времени - 11 шт.
- Коробка № 2. 1/ Браслетов электронных - 2
2/ Золотой браслет в виде змеи - 1
3/ " " ажурной работы - 1
- Коробка № 3. 1/ Золотые серьги - 19 пар
2/ Разрозненных серег - 10 шт.
- Коробка № 4. 1/ Кольца и перстни золотые - 17 шт.
2/ Кольца из особой пластмассы - 3 шт.
- Коробка № 5. 1/ Золотых подвесок: голова грифона - 1 шт.
2/ Изображение скифов воющего и пешего - 2 шт.
" " сфинкса - 1 шт.
головки былок - 2 шт.
изображение львенка - 1 шт.
медальоны с изображением афродиты - 1 шт.
брасла - 1 шт.
золотые ографы - 2 шт.
" " бляшки с штампованным изображением скифов пьющих из одного рога вино - 4 шт.
инвентарь византийской могилы, найденной на горе Митридат у памятника Стемпковского: золотой крест с колечком, 3 пряжки, 3 пластинки.
- Коробка № 6. 1/ Большая золотая пряжка из золота, устланная гранатами с двумя треугольниками - 1 шт.
2/ Золотые наушные подвески - 2 шт.
3/ Небольшие золотые пряжки - 2 шт.
4/ Золотые тонкие пластинки - 26 шт.
5/ Золотая розетка - 1 шт.
6/ Золотой венец на медном каркасе - 1 шт.
- Коробка № 7. 1/ золотые бляшки из могилы открытой на горе Митридат в котловане для водоема - 12 шт.
2/ среди них изображение юнши сдерживающего лошадь поднимающуюся на дыбы и изображение сфинкса.
- Коробка № 8. 1/ Небольшие золотые маски с изображением чело-
веческого лица - 6 шт.
2/ золотые медузки - 10 шт.
3/ Пряжки и лепестки - 11 шт.
4/ тонких золотых лепестков - 8 шт.
5/ небольшие золотые маски с изображением божества - 4 шт.
6/ золотые наглазники - 2 шт.
7/ золотые оттиски с монет - 8 шт.
8/ пальметки золотые - 12 шт.
9/ подвесок с пальметками - 4 шт.
10/ золотых пластиной удлинённой формы - 2 шт.
11/ *409 бляшка запястьи и адм. кольцо - 2 шт.*

Приложение 2

Отчет о раскопках директора Керч.[енского] Музея Ю. Марти в районе села Марфовка (Даут-Эли)

Раскопки, произведенные мною по открытому листу № 90/9462, продолжались с 28/XI — 4/XII 1926 г.

Главная цель раскопок была — исследование погребения с вещами «готского стиля», открытого случайно в декабре м. [месяце] 1925 г. крестьянином Нешевым в кургане на Аккосовом валу, проходящем над болгарским поселком Бикеч в трех верстах (3,1 м) от большого села Марфовки, в Керченском районе (см. план Аккосова вала).

Краткие сведения о находке, доставленной С. Нешевым в Керч. Музей, записанные с его слов, следующие.

Добывая в свободное время камень в отведенной ему на валу над хутором Бикеч пайке, Нешев 26/XII 1925 г. наткнулся на богатое погребение. Из этого погребения 26/I 1926 г. Нешевым были доставлены в Музей следующие вещи:

- 1) Золотой венец из тонкой золотой пластинки, укрепленной на бронзовом каркасе, усеянный сердоликовыми камнями по 2 и 3 в ряд (всего камней 61); свободное пространство между камнями заполнено зернью в форме треугольников; впереди венца камни расположены крестом (см. «Сто лет Керч. Музея», рис. 25).
- 2) 2 золотые подвески овальной формы, 20 лучах каждая, с гнездами от выпавших камней. Лучи сильно повреждены от неумелой раскопки (см. рис. 25).
- 3) Небольшая золотая массивная золотая пряжка (см. рис. 25).
- 4) 8 тонких золотых пластинок разнообразной формы и величины (см. рис. 25).

Гробница, по словам Нешева, была сложена из камен[ных] плит и сверху была крыта каменными же плитами. Череп, как удостоверяет Нешев, был нормальной формы. Венец найден над головой. У изголовья покойника, кроме того, была найдена разбитая стеклянная глубокая чаша с выпуклым орнаментом, также круглое бронзовое зеркальце (разбилось и не доставлено). Местонахождение подвесок Нешев указать не мог, так как они были выброшены с землей при копке и найдены после переборки земли в насыпи. Маленькая массивная пряжка найдена у ног. Костяк лежал головой на запад. Рядом с каменной гробницей, где найдены были золотые вещи, к северу оказался, по словам Нешева, еще склеп с небольшим коридором, разоренный и ограбленный. Из плит, покрывающих склеп, плиты над изголовьем (к западу) не оказалось, на восточной же плите, как сообщает Нешев, стояла грубой работы плочка из темной глины (хранится в Музее).

18/II С. Нешевым были доставлены в Музей:

- 1) Круглая золотая бляшка с сердоликом посередине
- 2) Прямоугольная пластинка золотая с двумя маленькими сердоликами
- 3) Обломок золотой пластинки с тремя гнездами от выпавших камней.

19/II И. Л. Израилевским доставлена тонкая золотая пластинка из той же могилы.

28/II Ф. А. Пшеничным доставлены в Музей следующие вещи:

- 1) Золотая массивная пряжка немного больше первой пряжки
- 2) Шесть тонких золотых пластинок закругленной формы
- 3) 1 листик золотой прямоугольной формы с тиснением в виде 6 квадратов
- 4) 2 части тонкой золотой пряжки соединенные вместе, с 2 камешками.

5/III 26 г. И. Гр. Волочугой доставлены из той же гробницы следующие золотые вещи.

- 1) Золотая пластинка с 3 сердоликами и 2 пустыми гнездами
- 2) Небольшая прямоугольная пластинка с вырезом

Все эти лица, вместе с Нешевым принимавшие участие в переборке земли, выброшенной из могилы, по его же примеру сдали вещи в Музей.

7/V Нешев доставил в Музей еще одну крупную вещь из этого же погребения не вполне ясного назначения (см. рис. 25).

[Вещь эта будто бы найдена Нешевым значительно позднее, в апреле месяце. Скорее можно предположить, что Н. последнюю вещь хотел утаить, но потом под влиянием бесед со мной и надсмотрщиком сдал ее в Музей в надежде получить большое вознаграждение].

Для доследования могилы я приехал в деревню Бикеч с надсмотрщиком Димиденко 27/XI 26 г.

На следующий день в воскресенье к раскопкам нельзя было приступить т. к. болгары по случаю праздника отказались работать. День был посвящен предварительному осмотру ближайших окрестностей Бикеча и Марфовки.

Прежде всего мы поднялись на Аккосов вал.

При въезде в Бикеч вал этот высотой около 30 саж[ен] (63,9 м) прерывается, образуя как бы ворота. Здесь скрещиваются дороги. По левую сторону — Бикеч или Шамалака, по правую сторону идет дорога в болгарское село Марфовку, мимо соленого озера.

Вал представляет в этом месте естественный горный кряж, приспособленный в древности для оборонительных целей. С внешней стороны (к Феодосии) гребень горы на всем протяжении окаймлен рвом, постепенно затянувшимся от Эоловых наслоений. Местами на гребне горы по обеим сторонам входа видны круглые возвышения, как бы усеченные конусы. Можно предположить, что на этих круглых площадках, усеянных черепками, возвышались в старину сторожевые башни.

Здесь у «ворот» вала, мы осмотрели разоренный склеп, недавно открытый во время полевых работ крестьянином Албановым.

Склеп оказался разоренным, верхнего покрытия не было. Построенный из мощных больших внутри распаханного кургана склеп этот является типичной погребальной постройкой для данной местности.

Вернувшись в Бикеч, мы осмотрели курган, где найдено было Нешевым в декбре 25 г. богатое погребение с золотыми вещами инкрустационного стиля.

Курган находится на площади вала как раз над хутором Нешева. Курган сильно распахан; высота его — 1 метр, диаметр — 12,8 м. В центре впадина. Курган, очевидно, потревожен еще до раскопки Нешева.

В шагах 30-ти к востоку другой курган меньших размеров. В шагах 120 к северу на конечном пункте вала, спускающегося к дер. Бикеч, — еще один курган, так же сильно распаханный, с многочисленными выемками и ямами.

На следующий день (29/XI) мы приступили к разрытию могил, уничтоженных Нешевым (каменной могилы с богатым кладом и склепа, ограбленного еще в древности).

Картина разорения полная. Камень могильных сооружений снесен и убран на хозяйственные постройки. Черепа (три) почему-то нарочито были разбиты невежественными гробокопателями на мелкие части и разбросаны. Что из какой могилы, определить невозможно. Весьма досадно, что нельзя установить череп особы, погребенной в богатой могиле.

Мы стали осторожно перебирать землю в том месте, где, по словам Нешева, было богатое погребение, выявляя постепенно дно могилы и стены у изголовья и у ног.

Таким образом, вполне выяснилось местоположение и направление могилы с «готскими вещами», каменные стены которой были уничтожены.

Направление, оказалось соответствует ориентации, сообщенной Нешевым (головой на З.[апад]). Глуб.[ина] могилы 2 арш., шир. 1 ар. 10 в.; дл. 2 арш. 13 в. Если отбросить 4–6 вершк., то могила окажется сравнительно небольших размеров.

Гробница эта, как устанавливают проверочные раскопки, почти непосредственно примыкала к склепу, опущенному на 1 ½ арш. глубже.

Склеп, имевший также направление В. — З., по словам Нешева, состоял из небольшого коридора и камеры в которой было 2 костяка. Вещей в нем не оказалось.

Камера имела каменное покрытие, из которого западная плита была вынута, по-видимому грабителями, на уцелевшей восточной плите стояла площадка из грубой серой глины, сделанная от руки.

При переборке нами земли найдены были 2 черепка от стеклянной чаши, доставленной Нешевым в Музей, также одна золотая пластинка, вполне идентичная с теми пластинками, которые сданы в Музей Нешевым и его сотрудниками.

Земляной пол склепа был нами тщательно обследован (30/XI — 1/XII). Действительно, головой на запад были положены два костяка, часть костей которых была обнаружена нами обнаружена еще *in situ*.

У остатков костяка № 2 не оказалось никаких вещей. Ближе к ногам на высоте ½ арш. найдены обломанные железные удила; у костяка № 1 (ближе к «готскому» погребению) оказалась у пояса глиняная буса и разбитый на три части железный нож. На дне ложа, кроме того, нашли черепок прекрасного черного лака.

За изголовьем 1 костяка оказалась собранная в кучу груды человеческих костей (одна кость сломана еще в древности), взрослого человека и младенца.

Несомненно, что в склепе мы имеем вторичное погребение, костяки же первого погребения собраны в кучу у изголовья. Разрывая землю еще далее в западном направлении, мы заметили недалеко от изголовья I костяка зеленое пятно, оказавшееся круглым бронзовым зеркалом с отпавшей железной ручкой и грубую из красной глины площадку, опрокинутую вверх дном (внутри следы черной сажи) и небольшой одноручный кувшинчик из красной глины. Дальнейшее углубление к центру кургана обнаружило справа остаток стены, сложенной из мелкого камня. Это по-видимому уцелевшая часть стен склепа, разрушенного Нешевым. Таким образом в кургане обнаружен ряд погребений, сменявших друг друга: разоренное погребение с чернолаковой посудой, костяки

сложенные в кучу, костяки, найденные *in situ*; самым поздним погребением несомненно приходится считать могилу с «готскими» вещами.

Закончив раскопку склепа, мы решили прорезать траншею в северо-западном направлении от склепа, чтобы обследовать часть кургана, по-видимому, незатронутой впадиной (2/XII — 3/XII 26 г.)

Прорыв траншеею аршин 7 длины и 1 ½ ширины, мы наткнулись на большую каменную стену, перерезывающую траншею по перпендикуляру. Стена оказалась сложенной из больших дикарных камней неправильной формы. Расширив траншею в западную сторону, мы открыли еще стену из таких же плит, выровненных с внутренней стороны, образующую прямой угол с первой стеной.

Стена шириной 1 ½ арш., высот. — ½ арш.

Судя по ширине стен, сложенных из огромных плит, отделанных с одной стороны, перед нами фундамент какой-то большой постройки не частного характера. В нижних слоях траншеи на глуб. 1 арш. с западн. стороны полоска пепла. Отмечаем в постройке присутствие небольшого кусочка истлевшего дерева и куска голубоватого гранита. Такой же кусок гранита найден при переборке земли в склепе.

По выявлении С.З. угла, мы пытаемся выявить остальные углы постройки. Стена западная быстро прерывается. Ее длина всего 3 арш. 10 верш. внутри, 5 арш. 6 верш. извне. От восточной стены обнаружена только небольшая часть. По-видимому постройка имела форму квадрата.

Что это за постройка? На основании всех приведенных данных ясно, что перед нами остатки фундамента сторожевой башни; внутри башни был очаг, что подтверждается слоем пепла, обнаруженным на дне траншеи. Присутствие неместного гранитного камня дает возможность предположить, что камень этот был привезен (возможно из Феодосии!) для постройки стен башни. Интересно проверить не окажется ли этот же камень в других постройках на валу!

Существование башни на крайнем пункте вала, вблизи «ворот» открывающих вход в Боспорское царство, вполне естественно. Известно сообщение Страбона о стене с башнями, которой царь Асандр отгородил перешеек Херсонеса у Меотиды (См. Страбон, lib. VII, сер. IV в Изв. Древн. писателей, стр. 127, пар.6).

Таким образом небольшие раскопки на валу дали чрезвычайно ценные результаты, выявив приемство культур в данном месте на протяжении целого тысячелетия. Раскопки башен на валу необходимо продолжить как в этом месте, так и далее в сторону Азовского и Черного моря.

Ю. Ю. Марти

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 170. ЛЛ. 3–8.
Автограф Ю. Ю. Марти.

Глава 8

Готы, скифы, славяне: этнические культбиты крымской археологии послевоенной эпохи

Резюме. Работа основана на неопубликованных материалах, хранящихся в научном архиве Института археологии Крыма РАН. В ней рассматривается развитие археологической мысли в Крыму в послевоенный период на фоне роста патриотических настроений в обществе и идеологических кампаний по борьбе с космополитизмом и марризмом в науке. Наибольшее значение приобрели «готский» и «славянский» вопросы. Базовым принципом исследований в области археологии в этот период являлся автохтонизм, обусловленный идеями Н. Я. Марра. Средневековые памятники крымских готов (культуру Суук-Су) было предложено атрибутировать как аланские. Предприняты попытки доказательства преемствен-

ности культуры крымских скифов и славян. П. Н. Шульцу и его сподвижникам в 1947 г. удалось сформировать первую академическую археологическую организацию в Крыму. Квинтэссенцией исследований тех лет стала первая часть книги П. Н. Надинского «Очерки по истории Крыма» (Симферополь 1951). Однако осуждение идей Н. Я. Марра И. В. Сталиным в 1950 г. привело к крушению автохтонных теорий в этногенезе. Переломным моментом стала Сессия по истории Крыма 1952 г., решения которой в значительной степени оказывали влияние на археологическую мысль в Крыму вплоть до 1990-х гг. **Ключевые слова:** Крым, скифы, славяне, готы, П. Н. Шульц, Е. В. Веймарн, П. Н. Надинский, В. П. Бабенчиков, сессия 1952 г.

Введение

12 мая 1944 г. Крымская АССР была полностью освобождена от фашистских войск. Советские войска стремительно продвигались на запад. В годы оккупации часть крымско-татарского населения открыто проявила коллаборационистские настроения по отношению к германским властям в надежде получения преференций и национальной автономии. Имели место репрессии против мирного славянского населения и партизанских отрядов (Романько 2009). В условиях продолжавшейся войны постановлением Государственного комитета обороны СССР № 5859сс от 11 мая 1944 г. было принято непростое решение о переселении крымских татар в иные регионы страны. Репрессии подвергались как лица, сотрудничавшие с оккупантами, так и в целом лояльно настроенное мирное население. Несколько позднее ту же участь разделили менее многочисленные общины болгар, греков и армян. Потомки немецких колонистов были высланы с полуострова еще в самом начале Великой Отечественной войны.

После выселения крымских татар для восстановления и развития экономики полуострова сюда прибыло значительное число выходцев из разоренных войной районов СССР, пополнившееся за счет демобилизованных бойцов Красной

Армии. Этническая ситуация изменилась довольно существенно. Неоднозначно в обществе оценивалось прошлое Крыма. Закономерный негатив проявился к наследию крымских татар: наряду с пособничеством оккупантам им припомнили многочисленные набеги на славянские земли, работорговлю.

«Готский вопрос» в период немецко-фашистской оккупации Крыма

Еще более одиозным выглядел «готский вопрос» (Yurochkin 2014). Уже до начала войны проблема тысячелетнего пребывания на Крымском полуострове германцев-готов интересовала националистические круги Германии как показатель «исторического права» на полуостров. В СССР попытка политической нейтрализации проблемы выразилась в создании автохтонно-стадиальной концепции В. И. Равдоникаса (Юрочкин 2017: 297–311). Она была основана на постулатах учения Н. Я. Марра и предлагала считать крымских готов не конкретным историческим народом, а лишь стадией (феодальной) в истории сугубо местного населения, непрерывно развивавшегося с киммерийской эпохи (Равдоникас 1932). Однако не принятое в Западной Европе учение Н. Я. Марра о языке никак не повлияло на позицию относительно готской проблемы. Вместе с тем «готский вопрос» в СССР уже перед войной приобрел негативную политическую окраску. Одним из пунктов обвинений, выдвинутых против заместителя директора Центрального музея Крымской АССР Николая Львовича Эрнста (1889–1956), было упоминание им «Великого готского царства» в Крыму в комментариях к переводу трактата И. Тунманна (Тунманн 1936: 77, 86). В 1938 г. Н. Л. Эрнст был обвинен в шпионской деятельности в пользу Германии и приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей (Непомнящий 2012: 324–348).

После оккупации Крыма представители военной и гражданской администрации и националистически настроенные немецкие ученые неоднократно поднимали «готский вопрос», прежде всего в пропагандистских целях. К ним присоединились и некоторые отечественные авторы из числа коллаборационистов. В частности, сотрудник Керченского музея А. А. Шевелев в газете «Голос Крыма», издававшейся Симферопольским городским управлением и контролируемой Министерством пропаганды Германии, поместил статью «Готское государство в Крыму» (Шевелев 1942). Он же выдал немцам место хранения части коллекции Керченского музея, которую не удалось эвакуировать на материк, за что был назначен директором музея (Быковская 2001: 114; Андросов 2004: 174; Шестаков 2013: 222).

Начальник гражданской администрации Генерального округа Крым Альфред Эдуард Фрауэнфельд (1898–1977), писатель и театрал, живо интересовавшийся культурой и историей, сразу после захвата г. Севастополя организовал осмотр руин Мангупа. В группу, поднявшуюся 14 июля 1942 г. на плато горы, входили: начальник СС и полиции в Тавриде бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции Людольф фон Альвенслебен-Шохвитц (1901–1970), полковник медицинской службы профессор Генрих Отто Кальк (1895–1973) и капитан ВВС, в прошлом известный немецкий писатель Вернер Боймельбург (1899–1963). Результатом стал отчет-записка «Готы в Крыму», составленный В. Боймельбургом. В ней автор критиковал советских ученых, принципиально отрицавших

пребывание готов-германцев в средневековом Крыму и пытавшихся представить их как конгломерат из разных аборигенных народов негерманского происхождения: аланов, гуннов, аваров и сарматов. В качестве аргумента против такой позиции он приводил широко известные письменные свидетельства Средневековья. В записке резиденцией готских правителей назван Мангуп, в архитектуре которого якобы усматривались черты, присущие культуре готов Европы. Утверждалось, что татарское завоевание полуострова в XIII в. не коснулось готов, а татары «глубоко уважали их как высокоразвитое племя». Документ заканчивался выводами идеолого-политического характера. По мнению составителя, «русский период был для готов временем систематического истребления этой народности... советскому режиму оставалось только пытаться скрыть или фальсифицировать историю всей готской культуры в Крыму». Отсюда следовало, что с приходом германских войск для немцев в Крыму начинается новая эпоха. Признавалась необходимость исследований памятников древних германцев на полуострове и, в частности, городища на г. Мангуп (Романько 2009: 19, 25; Аморт 1966: 182, 183; Кизилов 2015: 247, 248).

А. Фрауэнфельд в 1942 г. издал брошюру «Крым» (Frauenfeld 1942), в которой готам посвятил особый раздел, знакомивший немецких читателей с многочисленными письменными свидетельствами, почерпнутыми из научных трудов пангерманиста, австрийского чеха В. Томашека (Tomaschek 1881) и историка еврейского происхождения Р. Лева (Loewe 1896; 1901; 1902/1903). О национальности последнего Фрауэнфельд, вероятно, и не подозревал, как и о том, что хорошо сохранившиеся и «ждущие исследования» кладбища Мангупа «с тысячами надгробных камней» оставлены отнюдь не готами, а принадлежат иудеям-караимам. Называя готов народом «окутанным романтикой и волшебством тайн», гражданский глава Крыма заключал: «Часть германского национального племени, весьма родственного нам, немцам, и говорящего практически на том же языке, что и мы... как минимум 1200 лет в большей своей части удерживала государственную независимость» и призывал ученых к проведению археологических исследований на обоих берегах Керченского пролива, на Южном побережье Крыма и в районе «пещерных городов», а также антропологических и расовых исследований среди мариупольских греков и крымских татар с целью выявления и последующего селекционирования готского расового типа (Кизилов 2015: 242–245, 286).

В предисловии к иллюстрированному сборнику «Wir kämpfen auf der Krim», приуроченному к полной оккупации полуострова, подчеркивалась ведущая роль готов в истории Таврики с IV в. до 1778 г. Эски-Кермен и Мангуп именовались «неприступными твердынями готских переселенцев», а в качестве иллюстраций приводились изделия «готского типа» из Крыма, хранящиеся в музеях Германии (Wir kämpfen auf der Krim 1941/1942: 9, 16, 17).

На фоне интереса к крымским готам в Германии даже возникла конкуренция между «Оперативным штабом А. Розенберга», контролировавшим культурные ценности на оккупированной территории, и квазиученой организацией «Ане-нербе» (Леус 2008: 220–221; Васильченко 2008; Кашеварова 2014; Бойцов, Васильева 1998; Зинич 1999).

Последователь Г. Косинны, профессор Рудольф Штампфус (1904–1978), уполномоченный «штабом Розенберга» для сохранения и изучения археологических объектов Рейхскомиссариата «Украина» (куда входил и оккупированный Крым), выпустил статью о древностях германцев в Восточной Европе. В своей

работе немецкий ученый рассматривал различные группы памятников, которые, по его мнению, были связаны с древними германцами, начиная с «полей погребений» (зарубинецкого и черняховского типов) и заканчивая раннесредневековыми артефактами из района Госпитальной улицы в Керчи, могильником Суук-Су и руинами Мангупа-Феодоро. К числу готских древностей он также причислил пальчатые и зооморфные двухпластинчатые застезки, позднее получившие название фибул «днепровского типа» (Stampfuß 1942). Посетил он и Крым, осмотрев руины Мангупа и Эски-Кермена, а сотрудники «штаба Розенберга» составили опись готских памятников полуострова. На некоторых из них даже установили таблички, подтверждающие право их ведомства на планируемые раскопки (Кизилов 2015: 253).

В условиях оккупации, дабы предотвратить бесконтрольное разграбление крымских музеев и вывоз культурных ценностей, некоторые сотрудники были вынуждены идти на сотрудничество со «штабом Розенберга» (Щеколдин, 2009: 45). Среди них Александр Иванович Полканов (1884–1971), возглавивший Центральный музей Крыма, и Александр Кузьмич Тахтай (1890–1963), назначенный директором Херсонесского музея (Зубарь 2009: 57; Граб, Супруненко 1991: 35–39).

Стремился не отставать и Институт «Аненербе». Летом 1942 г. под руководством штурмбанфюрера СС, профессора Герберта Янкуна (1905–1990) и при участии доктора Карла Керстена (1908–1992) была сформирована археологическая группа для исследований Крыма и Кавказа и особая команда (входившая в состав дивизии СС «Викинг») по отбору материалов из коллекций советских музеев, имевших отношение к германской культуре. Предполагаемые работы в условиях войны и оккупации имели не столько научное, сколько идеологическое значение (Ейкхоф 2010: 111; Васильченко 2008: 162–165; Кизилов 2015: 250–252). На исходе лета 1942 г. для осмотра предполагаемых к исследованию готских древностей в Крым прибыл К. Керстен. Это стало тем более актуально, что в скором времени предполагался визит в Крым Г. Гимmlера, для которого было необходимо разработать соответствующий экскурсионный маршрут. К. Керстен просмотрел доступную ему литературу в Центральном музее Крыма. Затем, переехавшись в Бахчисарай, он посетил «пещерные города»: Баклу, Инкерман, Чуфут-Кале и Тепе-Кермен, предложив последний в качестве первого объекта исследований. Мангуп же посетить не удалось ввиду угрозы действий со стороны партизан. Они же, собственно, сорвали и планы Г. Гимmlера, прибывшего в Крым в конце октября 1942 г. Рейхсфюреру удалось лишь побывать в Бахчисарайском музее, осмотреть хранящиеся там эпиграфические памятники с Мангупа и захватить по дороге в Севастополь на руины Инкерманской крепости (Кизилов 2015: 250–252). Дабы закрепиться на полуострове, в октябре 1942 г. Г. Янкун предложил открыть в Симферополе местный отдел «Аненербе», а в начале следующего года К. Керстен должен был начать подготовку к съемкам документального фильма о крымских готах. Вряд ли намерения «Аненербе» по археологическому изучению готских древностей Крыма могли быть одобрены в Оперативном штабе А. Розенберга. Его шеф изначально отрицательно относился к «наследию предков» и поэтому сделал все возможное, чтобы данная оккультно-квазинаучная организация не развернула свою деятельность в подведомственной ему Тавриде (Васильченко 2008: 19, 24, 164). В итоге изучение крымских готов в оккупированном Крыму так и осталось на стадии прожекта. Но пропагандистская шумиха, возникшая вокруг германских древностей полуострова, самым негативным образом сказалась на отношении к «готскому вопросу» в СССР (Юрочкин 2017: 335–344).

В начале славных дел: Тавро-скифская экспедиция и славянский фактор

После освобождения Крыма и победы в Великой Отечественной войне политический момент требовал переосмысления местной истории, выявления в ней особого «славянского фактора» — реального или мнимого. Как часто бывает на перекрестках эпох, история и политика слились воедино. В значительной степени это было ответной реакцией на искусственную политическую актуализацию «готского вопроса» в период оккупации.

Надо учитывать, что в советской исторической науке того периода появление древних славян на полуострове нельзя было представлять результатом обычных миграций. Ведь с 1930-х годов в гуманитарной сфере фактически безраздельно господствовало «учение Марра», апеллировавшее к автохтонности населения, а «миграционная теория» была приравнена к фашизму и расизму и исключена из методологического арсенала ученых. С другой стороны, проблема крымских готов, до крайности политизированная оккупантами, требовала своего разрешения. Вслед за победоносной Красной Армией в борьбу с германским фашизмом предстояло включиться «бойцам идеологического фронта» — историкам. Таким образом, в послевоенном Крыму им следовало решить две проблемы: доказать исконность славянства на полуострове и окончательно закрыть «готский вопрос».

Конечно, «стадиальная теория» развития народов Крыма, предложенная в начале 1930-х гг. В. И. Равдоникасом и завершавшаяся «готской стадией» (Равдоникас 1932: 85–98), уже не могла использоваться в прежнем виде. К тому же еще в 1937 г. в отношении крымских готов она была раскритикована как «упрощенческая» самим автором концепции (Равдоникас 1937).

Но в действительности первоначально стадия рассматривалась не как «готская», а как «сармато-готская», соответствующая «феодалному слою» Керчи (некрополь Госпитальной улицы) и Эски-Кермена (Равдоникас 1932: 86–87). Если отбросить вторую часть ее названия, то ключевым пунктом в формировании населения средневекового Крыма становятся автохтоны — «сарматы». Но «сарматскому» периоду предшествовала более ранняя стадия — «тавро-скифская». Конечно, во всех случаях речь шла не столько о реальных этнических группах и народах (*a priori* автохтонных), сколько об условных элементах историко-археологической периодизации. В таком модернизированном виде «стадиальная теория», хотя и не официально, уже могла применяться для реконструкции крымской истории. Правда, пока в ней не было важнейшей стадии — славянской.

Представления о скифо-славянском родстве сложились еще в историографии XIX в. и достаточно прочно укоренились в обыденном сознании жителей России, включая творческую интеллигенцию. В принципе это явление одного порядка с польским «сарматизмом», шведским «готицизмом», казацким «хазаризмом» и т. д., обусловленными желанием обрести в истории могучего и знатного предка, «подчинить» его историю. Истоки этого феномена, надо думать, лежат в глубинах общественной психологии.

«Скифская», а точнее «скифо-сарматская» концепция происхождения славянства восходит еще к позднесредневековой книжности (Первольф 1874). При этом она скорее декларировалась, нежели доказывалась. Однако именно она приобрела популярность в русском просвещенном обществе XIX — начала XX в.

Возможно, сказался авторитет М. В. Ломоносова (Ломоносов 1766: 10, 14, 17, 35–39). Между тем, в основе его концепции лежала отнюдь не автохтонная, а миграционная теория. Иная трактовка скифо-славянских связей вытекала из «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Он полагал, что славянство имело широкую, разноязычную этническую подоснову, а языки скифского (сколотского) мира стали одной из важнейших слагаемых стадияльно более высоких славянских языков (Марр 1935: 11). Н. Я. Марр называл славянский язык «потомком скифского и сарматского», принадлежавших, по его мнению, к «яфетической группе». Благодаря им, отмечал ученый, на юго-востоке Европы «происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности в русские...» (Марр 1933: 132). Скифы обитали как в Крыму, так и на Южнорусской равнине (в Поднепровье), где раннесредневековые авторы впоследствии фиксировали славянские племена антов. Исходя из логики «учения Марра», стадияльные процессы, протекавшие в Поднепровье и якобы способствовавшие трансформации скифов в славян-антов, могли иметь место и на Таврическом полуострове. То есть славяне могли начать формироваться параллельно в этих двух регионах. Вновь актуализировалась сложнейшая и разноплановая проблема «Приазовской Руси», в частности «роксоланский автохтонизм» Д. И. Иловайского (Гадло 2004: 29–66).

Один из ведущих советских специалистов по «славянскому вопросу» — Петр Николаевич Третьяков (1909–1976), также в эти годы находившийся в рамках «марровского автохтонизма», рассматривал скифов как вероятных участников формирования восточнославянского этноса, правда, ограничивая область формирования Приднепровьем, исключая Крым (Третьяков 1948: 31–37).

Следует отметить, что актуальность археологического изучения скифских древностей, подготовивших почву «для пересмотра вопроса огромной важности — о славянстве, в частности о восточной его ветви, об образовании в Восточной Европе обширного русского государства», отмечалось на Всесоюзном археологическом совещании, состоявшемся в Москве незадолго до окончания войны. Среди участников Совещания был и П. Н. Шульц, после ренания переехавший из Ленинграда в столицу. Теоретической основой для археологических поисков предков славян академик Б. Д. Греков называл этногенетическую схему, намеченную академиком Н. Я. Марром, благодаря которой были «вскрыты глубочайшие местные корни восточного славянства, восходящие к племенам трипольской культуры и степной бронзы, скифам и, наконец, к эпохе полей погребений» (Альтман 1945: 89, 90). Правда, речь шла не о скифах в целом, а об исключительно земледельческих племенах Среднего Поднепровья скифского периода. Крымское направление поиска тогда серьезно не рассматривалось. По утверждению П. Н. Шульца, готовившего совместно с Б. Н. Граковым доклад о Каменском скифском городище на Нижнем Днепре, на этом совещании и возникла идея создания Тавро-Скифской экспедиции (ТСЭ) в Крыму для исследований столицы позднейшей Скифии (Шульц, Головкина 1951: 150).

Не следует думать, что поиск славян в Крыму, по крайней мере, на первом этапе, определялся какими-то внешними резолюциями или постановлениями. Как и в случае с «антиготской» стадияльной схемой В. И. Равдоникаса, ситуация представляется более многогранной (Юрочкин 2017: 310). Однако с течением времени крымско-славянская тема стала своего рода тестом на патриотизм.

Еще в конце войны на освобожденных территориях началось активное восстановление народного хозяйства, активизировалась научная деятельность,

включая и гуманитарные направления. В предвоенный период археологическая наука в Крыму развивалась в основном на базе Херсонесского и Керченского музеев, как за счет местных специалистов, так и за счет экспедиций из Ленинграда и Москвы. Изучались преимущественно объекты античного и византийского периода (Шульц 1950). Варварское население полуострова фактически не было ими затронуто. В 1920–1930-х гг. этот пробел в известной степени заполняли работы главного хранителя Центрального музея Тавриды Н. Л. Эрнста. Они носили преимущественно разведочный и охранно-спасательный характер. Однако именно ему принадлежит приоритет в актуализации крымско-скифской проблематики (Шульц 2004: 23–27).

В 1933–1934 гг. П. Н. Шульц, работавший в это время в ГАИМК, провел обследование западного и северо-западного побережья Крыма, где наряду с остатками античных поселений обнаружил ряд скифских (Шульц 1937; 1940б; 1941; Ланцов 2004; Смекалова 2010; Ланцов, Шапцев 2015). Во время пребывания на полуострове ленинградский ученый неоднократно осматривал городище Неаполя Скифского и даже представил в ГАИМК докладную записку с программой археологических исследований памятника и других скифских городищ Крыма (Шульц 2004: 27), но тогда план реализовать не удалось. В последующие годы П. Н. Шульц сконцентрировал свою деятельность на факультете истории и теории искусства Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры (ЛИЖСА) — наследника традиций дореволюционной Академии художеств. Основное время занимала преподавательская работа и заведование Кабинетом истории искусства. Полевую практику пришлось оставить (Щеглов 1984: 285; Махнева 2004, 241–242).

После увольнения в 1937 г. Н. Л. Эрнста из Центрального музея Крымской АССР и последовавшего затем ареста археологические исследования в Симферополе были свернуты. После освобождения Симферополя должность главного хранителя Центрального краеведческого музея Крыма занял Владимир Петрович Бабенчиков (1885–1974). Еще в 1920-х гг. он совместно с братом Павлом Петровичем Бабенчиковым (1882–1947) проводил археологические исследования в Крыму. Он стоял у истоков создания Севастопольского музея краеведения. К числу воспитанников братьев Бабенчиковых принадлежали Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий и А. Н. Бернштам (Акимченков 2012: 25, 32). Братья Бабенчиковы были участниками Эски-Керменской экспедиции ЦГРМ и ГАИМК, научным вдохновителем которой все годы оставался Н. И. Репников (Айбабин 1991: 43; Харитонов 2004: 105–106). П. П. Бабенчиков был репрессирован по так называемому «академическому делу» в связи с неудачной попыткой наладить сотрудничество с немецкими историками (Перченко 1995: 220; Юрочкин 2017: 285–287). В. П. Бабенчиков в тот момент был единственным в Симферополе, кто имел опыт археологических исследований. Одним из научно-образовательных центров Симферополя являлся в те годы Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе, но научные интересы сотрудников его исторического факультета были по большей части далеки от археологии.

После переезда в Москву П. Н. Шульц некоторое время исполнял обязанности ученого секретаря ИИМК им. Н. Я. Марра, администрация которого переместилась из Ленинграда в столицу, заведовал античным сектором ГМИИ. В начале 1945 г. П. Н. Шульц решил вернуться к не реализованной ранее программе изучения скифских древностей Крыма, предложив руководству ГМИИ организовать экспедицию для сбора археологических материалов для музейной

экспозиции. Инициатива была поддержана и в ИИМК. Экспедиция получила название «Тавро-Скифской». Вероятно, еще до прибытия в Симферополь в качестве начальника экспедиции П. Н. Шульц наладил контакт с Центральным краеведческим музеем Крыма в лице его главного хранителя В. П. Бабенчикова.

Владимир Петрович Бабенчиков. 1947 г. (НА ИАК РАН)

Историю и содержание работ первого года исследований, впечатления от послевоенного Крыма отражает документ: «“Дневник Тавро-скифской археологической экспедиции Госуд. Музея Изобразительных Искусств им. Пушкина и Инст. Ист. Материальной Культуры им. Марра АН СССР, проводимой совместно с Центральным краеведческим музеем Крыма”, составленный собственноручно П. Н. Шульцем. 13.08–24.10.1945» (далее — Дневник), хранящийся в еще не полностью обработанном личном архиве П. Н. Шульца в Институте археологии Крыма РАН в Симферополе.

16 августа 1945 г. московский поезд доставил участников экспедиции в Симферополь. В ее состав официально входили: начальник экспедиции П. Н. Шульц (зав. античным отделом ГМИИ, ст. научный сотрудник ИИМК АН СССР); зам. начальника по административно-хозяйственной части Е. А. Болотникова (реставратор ГМИИ); начальник Никопольского отряда Б. Н. Граков (зав. сектором вспомогательных дисциплин ИИМК, профессор МГУ); начальник Симферопольского отряда А. Н. Карасев (научный сотрудник ЛО ИИМК); ст. научный сотрудник В. П. Бабенчиков (ст. научный сотрудник Центрального музея Крыма); ст. научный сотрудник Н. Н. Погребова (ст. научный сотрудник ГМИИ, аспирант ИИМК); научный сотрудник О. В. Милорадович (научный сотрудник ИИМК); фотограф П. Н. Рябов (зав. фотолабораторией Института неврологии Академии медицинских наук); научный сотрудник В. Б. Гиршберг (научный сотрудник ГИМ); художник О. И. Домбровский (дипломник Всесоюзной Академии художеств) (Дневник. Л. 2; Зайцев 2015: 5).

Среди членов экспедиции, уже имевших практический опыт научно-исследовательских и полевых работ, выделяется фигура коренного крымчанина Олега Ивановича Домбровского (1914–1994). Перед войной он проходил обучение на факультете истории и теории искусств ЛИЖСА и в мастерской монументально-декоративной живописи, где, вероятно, и познакомился с П. Н. Шульцем. О. И. Домбровский прошел всю войну, несколько раз был ранен. Лишь в самом конце войны он был демобилизован и вернулся в Ленинград с намерением завершить обучение (Домбровский и др. 1975: 100–102; Кутайсов 2014: 17; Домбровский 2014: 35; Художники на фронте 2014). Приглашение П. Н. Шульца принять участие в 1945 г. в Тавро-Скифской экспедиции коренным образом изменило судьбу ленинградского студента-художника. С тех пор вся его жизнь была неразрывно связана с крымской археологией.

Судя по дневниковым записям, Б. Н. Граков не принял участия в экспедиции 1945 г., а А. Н. Карасев прибыл только в конце работ. В помощь ТСЭ из числа сотрудников Центрального краеведческого музея Крыма, помимо В. П. Бабенчикова, были выделены: Т. Я. Кобец, зав. отделом истории музея, и И. Т. Глобенко, реставратор и препаратор музея, ученый-консультант по костному материалу (Дневник, Л. 6). Участие в работе экспедиции приняла также Е. И. Леви.

П. Н. Шульц рассматривал работу ТСЭ не только как повод вернуться к полевой практической деятельности в области скифской археологии. Он планировал продолжить свою работу на полуострове и в дальнейшем. Уже на следующий день по прибытии он вместе с представителями ЦМК обсудил с секретарем Крымского обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде Прокопием Алексеевичем Чурсиным (1902–1950) вопрос о взаимодействии с ЦМК в создании впоследствии археологической станции АН СССР в Симферополе (Дневник, Л. 7). Эти планы и контакты касались, прежде всего, научно-организационной деятельности. Какие-либо особые планы относительно изучения вопросов этнической истории Крыма еще не ставились.

Симферопольская газета «Красный Крым» со слов П. Н. Шульца писала: «Основной задачей экспедиции является исследование вопросов о возникновении и развитии в Крыму скифского государства. Экспедиция также исследует вопрос о взаимосвязях культуры поздних скифов с культурой тавров с одной стороны, и греков с другой» (Красный Крым 1945).

19 августа состоялось заседание Краеведческого Совета при ЦМК, на котором П. Н. Шульц рассказал о планах работ экспедиции и представил доклад «Скульптурные портреты скифских царей», а В. П. Бабенчиков высказал свои соображения по поводу участия в работах экспедиции местных историков и краеведов (Дневник, Л. 8). По окончании заседания П. Н. Шульц записал: «Меня поразили высококвалифицированный состав аудитории: чл.-корреспондент АН Петухов, профессора В. В. Познышев, Н. А. Троицкий, редактор газеты “Красный Крым”, Председатель Крымского Союза Советских художников Я. П. Бирзгал, весь научный состав Музея и многие другие. Мой доклад о скульптурных портретах Скилура и Палака был выслушан с вниманием... Было немало вопросов (о культурной и этнической принадлежности скифов и славян задал вопросы Я. П. Бирзгал, об участии в экспедиции естественников задал вопрос профессор В. В. Познышев, о пунктах нахождения скифских памятников в Германии спрашивал проф. Н. А. Троицкий, В. П. Бабенчиков говорил о преемственной связи искусства скифов и русского художественного ремесла. Профессор (фамилия не указана. — Авт.) высказывал пожелание о повторном докладе на истфаке Педуниверситета» (Дневник, Л. 19).

Совершенно очевидно, что крымчан, помимо сугубо научной «скифской» тематики, волновала и, так сказать, «политическая составляющая» истории древних народов полуострова. Вероятно, даже в большей степени. Это заседание стало прологом к целой серии собраний-сессий по истории Крыма (Юрочкин 2016а). На следующее совместное научное заседание ЦМК и ТСЭ были намечены доклады В. П. Бабенчикова «Готы в Крыму», С. Ф. Стржелецкого «Тавры в Крыму», П. Н. Шульца «Итоги работ Евпаторийской экспедиции», а также В. В. Познышева «О геологическом строении Петровских скал». По окончании полевой деятельности экспедиции должно было состояться сообщение П. Н. Шульца «Итоги работ Тавро-скифской экспедиции в 1945 г.». Намечался план будущих научных работ по следующим темам: «Маршрут походов Диофанта в Крыму», «Фауна Неаполя Скифского (домашние и дикие животные по костным остаткам)», «Топонимика скифских городищ Крыма», «Оборонительные сооружения скифов в Крыму», «Лепная керамика скифских городищ Крыма», «Катакомбы Неаполиса», «Памятники скульптуры Неаполиса Скифского» (Дневник. Л. 20).

Благодаря новым контактам в Симферополе расширился и состав экспедиции. В качестве практика была задействована студентка III курса истфака Крымского педагогического института, дочь профессора Н. А. Троицкого Татьяна Николаевна Троицкая, впоследствии известный российский археолог, д-р ист. наук, профессор кафедры истории мировой культуры Новосибирского государственного педагогического университета. Как отметил П. Н. Шульц 25 августа: «На раскоп днем зашел канд. истор. наук капитан Вольный и кандидат истор. наук. ст. лейт. (фамилия не указана. — Авт.). Завязалась с ним интересная беседа о роли государства скифов в процессе сложения русской государственности. Капитан Вольный предложил прочитать на эту тему доклад на научном заседании Музея» (Дневник. Л. 27). Предложенный доклад был включен в программу сессии Музейно-краеведческого совета, проведение которой в здании ЦМК было поддержано как руководством музея, так и секретарем Крымского обкома ВКП(б) П. А. Чурсиным, курировавшим идеологическую работу (Вакатова 2006: 72).

На первом заседании сессии Ученого совета Центрального музея Крыма, посвященной вопросам древней истории Крыма, был заслушан доклад В. П. Бабенчикова «Готы в Крыму» (Зайцев 2015: 6). «Готский вопрос» в послевоенном Крыму хотя и воспринимался в политическом контексте сугубо в негативном ракурсе, но требовал разъяснений. Текст доклада 1945 г. неизвестен, но в научном архиве Института археологии Крыма РАН сохранилась недатированная рукопись статьи В. П. Бабенчикова «Готы в Крыму». Несомненно, она относится к более позднему периоду, и ее объем явно превышает объем доклада. Однако, надо полагать, она отражает основные позиции автора. В своей работе В. П. Бабенчиков ставил глобальную задачу «пересмотреть материал по “готскому вопросу” в противовес “пропаганде немецко-фашистских захватчиков”» и позициям некоторых ученых прошлого. При этом основной фактологический материал автор черпал из работ Ф. К. Бруна и А. А. Васильева (Брун 1880; Васильев 1921; 1927), а подбор критических аргументов — из давно устаревшей работы антинорманиста В. Н. Юргевича (Юргевич 1886), включая малообоснованное высказывание о жителях Феодоро-Мангупа как о германоязычных евреях-переселенцах. Исходным положением работы стала позднеантичная традиция отождествления «готов» и «скифов» как синонимов слову «варвар». Отсюда делался вывод, что Готия и Готская епархия это всего-навсего

административно-топографические и церковные термины, не имеющие отношения к этническим германцам. По мнению В. П. Бабенчикова, если таковые и проникли в Крым в III столетии, то составляли незначительное меньшинство, а их потомки «растворились в среде горного коренного крымского населения». Поэтому, предлагал автор, во избежание недоразумений вообще следует отказаться от «неудачного термина — готы и заменить его термином “дориты” — т. е. жители страны Дори, понимая под этим термином как автохтонов Крыма — тавров и скифов, так и осевших здесь позже сарматов, аланов, гуннов, мадьяр, русских...» (РО НА ИАК РАН Ф. «В. П. Бабенчиков». Д. 6. Л. 1–41). По замечанию П. Н. Шульца, в день заседания зал был полон. «Много вопросов. Очень оживленные прения. Заседание прошло успешно» (Дневник. Л. 107).

На следующем заседании был заслушан доклад капитана Ф. Г. Вольного «Скифы и проблемы возникновения русской государственности». Доклад обсуждали с большим оживлением, хотя он, по отзыву П. Н. Шульца, «носил характер лекции несколько догматического характера» (Зайцев 2015: 7–8). Позднее капитан Ф. Г. Вольный сообщил П. Н. Шульцу о своих планах направить в ЦК ВКП(б) докладную записку «о необходимости усиления работ над проблемой преемственной связи скифов и славян» (Дневник. Л. 229).

Сам руководитель ТСЭ сделал два доклада о своих довоенных работах в Крыму и итогах первого года деятельности на полуострове. Все заседания сессии проходили торжественно и при большом стечении слушателей, что подчеркивало интерес к древней истории и археологии края.

Таким образом, уже на первой сессии были обозначены два направления, которые в последующие годы стали определяющими в историко-археологической науке Крыма: роль скифов в сложении восточных славян и русской государственности, а также «готский вопрос». При этом инициатива их разработки возникла не в среде академической науки или партийного руководства, а стала следствием патриотических настроений в обществе.

Кроме полевых работ по исследованию городища Неаполь и его могильника, а также городища Кермен-Кыр и Залесье (на окраинах Симферополя), в следующем году предполагалось решить вопросы научно-организационного характера. В частности при поддержке директора ЦМК П. А. Олейникова и П. А. Чурсина было решено поставить перед Совнаркомом РСФСР вопрос о превращении Неаполиса в Государственный археологический заповедник (Крымскую археологическую станцию АН СССР). П. А. Чурсин настоятельно рекомендовал П. Н. Шульцу еще до отъезда подготовить статью о работах ТСЭ для альманаха «Советский Крым». Также предполагалось выступление ученого по местному радио и даже съемки цветного (!) фильма «Историко-археологическое прошлое Крыма» (Дневник. Л. 217; Шульц 1946: 103).

По ходатайству П. Н. Шульца в рамках работы по линии ЦМК за В. П. Бабенчиковым на 1946 г. была закреплена тема «Катакомбы Неаполиса», за Т. Я. Кобец — «История исследований скифских городищ Крыма за 120 лет» (Дневник. Л. 231). По окончании работ в ЦМК была устроена выставка находок ТСЭ (Дневник. Л. 225).

Под эгидой ГМИИ планировалось издание сборника «Скифы в Крыму. Материалы и исследования Тавро-Скифской экспедиции (к 120-летию юбилею со дня начала исследований Неаполиса)». В него должны были войти работы как столичных, так и местных ученых: Шульц П. Н. Памятники монументальной скульптуры Неаполиса; Бабенчиков В. П. Катакомбы Неаполиса; Карасев А. Н.

Оборонительные сооружения скифов в Крыму; Погребова Н. П. Торговые взаимосвязи скифов Крыма по данным находок в скифских городищах; Домбровский О. И. Опыт реконструкции скифской керамической обжигательной печи Кермен-Кыра; Гиршберг В. Б. Лепная керамика скифов Крыма; Гусаркина А. В. Скифские и сарматские курганы Крыма; Кобец Т. Я. Итоги исследований скифских городищ Крыма за 120 лет; Позднышев В. В., Троицкий А. Н. Природные условия местоположения Неаполя; Шульц П. Н. Отчет о работах Евпаторийской экспедиции; Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-Скифской экспедиции за 1945–1946 гг. Здесь же должна была быть представлена полная библиография о скифах и таврах в Крыму (Дневник. Л. 222). Все это свидетельствует о широких планах П. Н. Шульца по изучению Крыма, но прежде всего его скифских древностей.

В 1945 г. происходило формирование Крымского филиала Всесоюзного географического общества при Академии наук СССР, в котором П. Н. Шульц также принял активное участие (Президиум Отдела 1951: 125).

Судя по дневниковым записям, Павлу Николаевичу еще до отъезда удалось в целом завершить работу над обзором работ ТСЭ в 1945 г. Статья была опубликована в следующем году в альманахе «Советский Крым» (Шульц 1946). В издании, рассчитанном на массового читателя, автор рассказывал о скифских и таврских древностях Крыма, об открытиях, сделанных ТСЭ, подчеркивая высокую культуру скифов и важность изучения скифской государственности. Затронул он и животрепещущий «славянский вопрос», комментируя тему следующим образом: «Кто такие скифы? Этот вопрос не может не волновать русского человека. Правы ли те западные ученые, которые до сих пор склонны считать, что скифы — это первые кочевые орды монголов, проникшие с Востока в наши Причерноморские степи? Правы ли другие, пытающиеся доказать, что скифы — это иранцы и что они проникали в Причерноморье через Среднюю Азию и Кавказ? Или же наиболее близка к истине давно уже высказанная в русской науке мысль о том, что скифы — предки славян, что они являлись исконными жителями нашего юга и связаны узлами кровного родства со своими предшественниками — киммерийцами и трипольцами» (Шульц 1946: 101). Работа завершалась еще более красноречивым пассажем: «Материалы, добытые экспедицией, наглядно показывают, как много общего имеет культура поздних скифов с культурой древнейших славян (общность планов городищ, сходство землянок, посуды, росписи, орнамента, каменных изваяний, изделий художественного ремесла). Работы экспедиции убеждают в том, что Крым в древнейшее время не стоял в стороне от великого процесса формирования славянских народов. Скифы Крыма сыграли свою роль в сложении русской народности, русской культуры и государственности. Недаром же Неаполис скифский в сказании Стефана Суратского (Сурожского. — Авт.) именуется “Новгород Руський”. Итак, тавро-скифская экспедиция добыла науке немало новых данных в пользу правильности того положения, что скифы являются предками славян и что Крым, следовательно, издавна принадлежал нашим предкам» (Шульц 1946: 116).

Обратим внимание, в дневниковых записях 1945 г. П. Н. Шульц не высказывал подобную заинтересованность в изучении «славянского вопроса», но, безусловно, уловил общественные настроения по данной проблеме и сделал соответствующие вставки в текст статьи. Хотя никакой конкретики П. Н. Шульц не приводил, он понимал: славянская тема все больше сращивается со скифской. Хотя документальные подтверждения отсутствуют, но можно предположить,

что соответствующие вставки были сделаны в текст позднее, уже при редактировании и наборе альманаха.

В отношении общественных настроений и видения истории Крыма показателна статья «Урок истории» известного советского писателя и сценариста Петра Андреевича Павленко (1899–1951), опубликованная в том же номере альманаха. Рассказ ведется от имени сельского школьного учителя Георгия Константиновича Чепурнова, путешествующего по крымским горам и представляющего картины прошлого. Персонаж сетует: «Вот они рядом, таинственные холмы Сурожа, стерегущие самую изумительную из долин — Судакскую, а что в том толку, что мы знаем о славе их? Решительно ничего. О жизни эллинской, римской, византийской и итальянской археологи Крыма рассказывают нам увлекательные истории, оживляя самые неприглядные пустыри Феодосии, Керчи или Херсонеса, а дни славянского Сурожа, славянской Тьмутаракани бесследно растаяли в веках... А между тем, какие блестящие страницы русской истории записывались в этом, как будто чужом, не нашей крови, не наших традиций миру — в Таврии! «Если даже не принимать во внимание, — думал Чепурнов, — что Ахилес, герой Илиады — славянин, и, следовательно, в эпоху Гомера тавро-скифы уже занимали видное положение в древней цивилизации...»». Далее устами Чепурнова высказывал следующее соображение: «Чужое мы умеем и познать, и выгоднейшим образом подать, а свое... Нет, нет, на историю родной земли, на краеведение придется здорово нажать, иначе вырастим Иванов Непомнящих да немогузнаек. А в наших крымских условиях, где нового народу хоть отбавляй, история — основа основ, скрижаль скрижалей...». Персонаж П. А. Павленко — Чепурнов искренне любит Россию, гордится ее героическим прошлым. Ему противопоставлен нерадивый и склочный колхозник Савченко — спецпереселенец из Курской области. Он не считает Крым родной, русской землей и стремится поскорее покинуть полуостров. В итоге Чепурнов вместе со школьниками решают поставить суд-спектакль над Савченко, в котором примут участие персонажи из исторического прошлого Крыма: князь Владимир Суворов, Нахимов и т. д. (Павленко 1946: 187–198). Таким образом, идея русского Крыма подана в литературном произведении в качестве своеобразного теста на патриотизм.

Следующий, 1946 год работ ТСЭ принес замечательные результаты. На Неапольском городище был открыт мавзолеем скифской знати с погребениями, сопровождавшимися большим числом золотых украшений, В. П. Бабенчиков продолжил работы на некрополе (Зайцев 2004: 36).

К полевым исследованиям П. Н. Шульц привлек демобилизованного с Дальнего Востока Е. В. Веймарна (1905–1990), поручив ему руководство Бахчисарайским отрядом ТСЭ. Уроженец Севастополя, работавший в 1928–1941 гг. в ГИМе, Е. В. Веймарн получил хорошую практику в период экспедиций на Эски-Кермене и на других памятниках Крыма, Тамани, Поволжья (Пиоро 1990: 144–146; РО НА ИАК РАН. Д. 3 (1948). Л. 5). В 1946 г. он вернулся на работу в ГИМ, готовился к защите кандидатской диссертации, посвященной реконструкции оборонительных сооружений средневекового Эски-Кермена. Таким образом, сотрудничество с Е. В. Веймарном позволило расширить хронологические рамки работ ТСЭ до средневековой эпохи с ее пресловутым «готским вопросом». В качестве добровольного помощника присоединился к работе экспедиции и капитан Ф. Г. Вольный.

Вопросы этнической истории полуострова, вынесенные на широкую аудиторию, рассматривались на Второй научной сессии по истории Крыма, которая

проходила в период работы ТСЭ в августе — сентябре 1946 г., как и в прошлый раз при участии и в помещении ЦМК. К организаторам мероприятия присоединился еще и Крымский отдел Всесоюзного Географического Общества АН СССР.

Число докладчиков расширилось, а количество присутствовавших на заседаниях доходило до полусотни человек. Помимо сотрудников ЦМК, Пединститута и членов ТСЭ, в зале находились представители прессы и отдела пропаганды Обкома ВКП(б), преподаватели школ (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 18, 22).

Открывая сессию, П. Н. Шульц назвал центральной задачей историков, изучающих прошлое полуострова, «освещение вопросов возникновения великого русского народа и его государства и выяснение роли Крыма в этом процессе». Для этого, по его замечанию, необходимо развернуть в Крыму изучение культуры поздних скифов, их государства, поскольку без этого «нельзя раскрыть в нужной полноте проблему скифо-славянской связи» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 9), т. е. отойти от декларирования и направить изучение актуального вопроса в научное русло.

Особое место Крыма в истории страны осознавали и в столице. По решению Президиума АН СССР при ИИМК была сформирована Крымская комиссия под руководством историка-востоковеда члена-корреспондента АН СССР А. Ю. Якубовского. Комиссия планировала созвать в ноябре 1946 г. пленум в Крыму, а Е. Ч. Скржинской, как ученому секретарю Комиссии, было поручено наладить контакты с местными органами власти и научными учреждениями полуострова, а заодно и прочесть на сессии доклад «Генуэзские памятники Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 6, 22). Обзорный доклад, построенный на фактологическом материале, в частности, на эпиграфических источниках, в известной степени дисгармонировал с господствовавшей тогда тенденцией изучения роли исключительно аборигенного населения, а никак не заведомых пришельцев. На это Е. Ч. Скржинской было тут же указано. Сошлись на том, что пришедшие генуэзцы были лишь заказчиками, а непосредственными исполнителями являлись местные рабочие, так что и памятники этого периода содержат ценную информацию о местной культуре (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 22). Помимо докладов, освещающих результаты исследований Неаполя и проблемы изучения поздней скифской культуры (П. Н. Шульц, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Н. Н. Погребова, Н. А. Троицкий), ряд выступлений был посвящен фортификации Крыма в древности и средние века (А. Н. Карасев, Е. А. Столяревский, Е. В. Веймарн) (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 6).

По «славянскому вопросу» в рамках сессии прозвучали сразу три доклада: Ф. Г. Вольного «О предках и происхождении государственности восточных славян», В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму» и преподавателя истфака Крымского пединститута И. Ф. Дриги «О происхождении слов Русь и славяне» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 5).

Ф. Г. Вольный, поддерживая автохтонную версию происхождения славян, выражал решительное несогласие с позицией члена-корреспондента АН СССР А. Д. Удальцова об иранском происхождении царских скифов. Под скифами, настаивал докладчик, следует понимать коренные народы Восточной Европы — Скифии, что дает основания говорить об «исторически обусловленном праве на территорию и начале государственности восточных славян» задолго до IX в. По его мнению, на юге Скифии к I тысячелетию н. э. уже сложилось классовое общество, обособилось ремесло, образовалось государство, а восточные славяне явились прямыми наследниками этого опыта. Но этот процесс

не был прямолинейным, он затормозился в связи с «нашествием сарматов, готов-бродяг и гуннов». В деле изучения происхождения славянства и его государственных институтов Крыму отводилось особое место, как «сгустку поздней Скифии в общественно-экономическом, военно-политическом и культурном отношениях» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 131). Модернизация истории и спорность большинства данных положений для профессиональных ученых была очевидна. Однако эти недостатки компенсировал патриотический настрой докладчика, его убежденность в правильности выбранного направления. В прениях П. Н. Шульц и Е. Ч. Скржинская корректно предостерегли Ф. Г. Вольного от широких и заманчивых исторических обобщений, а также от нападков на коллег за их научную позицию. При этом отметили доклад как вдохновенный и прочувствованный, хотя декларативный, а потому требующий корректив. Но Ф. Г. Вольный не обиделся на замечания, отметив, что доклад «выдерживался мною в историко-политическом плане», а «задача доклада это — декларация и я на большее не претендую» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 24, 25). Действительно, многие годы этот декларативный «историко-политический план» постоянно присутствовал в изучении «славянского вопроса» в Крыму наряду с реальными научными попытками поиска следов славянства на полуострове.

К числу таковых, безусловно, следует отнести работы патриарха крымской археологии В. П. Бабенчикова. На сессии он предложил докладчикам обзор источников, в основном письменных, прямо или косвенно касающихся славян и Руси в Таврике. Правда при этом он не стал рассматривать памятники средневековой материальной культуры и роль Тмутараканского княжества, предполагая в будущем продолжить свою работу в этом направлении.

И. Ф. Дрига высказал интересную, хотя и довольно спорную версию происхождения наименования «Русь» от слова «рука» в свете традиции рукопожатия у славян (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 27). Славяно-русская тема в той или иной степени присутствовала при обсуждении фактически всех докладов. Схематические рисунки из неапольских skleпов сравнивались с орнаментами русских и украинских хат, а греческое название «Неаполис» предложено заменить «Неаполем», т. е. более адаптированным к русскому языку. В завершении было решено материалы данной сессии, равно как и прошлогодней, издать в печати. Это должно было способствовать «познанию Крыма новым переселенческим населением, воспитывать уважение к его истории и культуре» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1946). Л. 9).

Открытие ТСЭ в Неаполе Скифском пристенного мавзолея скифской знати с многочисленными изделиями из золота (Зайцев 2004: 36) еще больше подогрело интерес к археологии в широких кругах населения. Вокруг П. Н. Шульца начал спланироваться коллектив единомышленников. А в патриотически настроенном обществе уже сформировался запрос на выяснение роли полуострова в истории древней Руси и славянства. Возникла та редкая ситуация, когда интересы академической науки, политики и патриотических сил полностью совпали. Было бы непозволительным не воспользоваться таким историческим шансом, тем более что Крымский обком ВКП(б) и Облисполком неоднократно обращались в ЦК ВКП(б) и СМ СССР, а также в АН СССР с предложением о создании в Крыму крупного научно-исследовательского центра. Судя по документам, недавно опубликованным Т. П. Стрижовой и М. Ю. Киселевым (Стрижова, Киселев 2015), в начале января 1947 г. Председатель Крымского облисполкома Дмитрий Александрович Кривошеин (1905–1979) и секретарь Крымского

облисполкома Николай Васильевич Соловьев (1903–1950) направили письмо Начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александру и Президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову с просьбой организации в Симферополе Крымской базы Академии наук СССР. В нем отмечалось: в Крыму предстоит решение целого ряда задач общесоюзного значения, при том что на полуострове «...сосредоточено исключительное, нигде более неповторяемое, богатство объектов естественно-исторического и историко-археологического характера, имеющих крупное народно-хозяйственное и культурно-политическое значение». В отношении последних «в Крыму можно проследить на богатейшем историко-археологическом материале смену культур, почти без перерывов, от древнейших этапов существования человека до наших дней. Крым обладает большими традициями в области археологических исследований. Старейшие историко-археологические музеи Крыма (Керченский, Херсонесский) имеют богатейшие коллекции мирового значения. В Центральном архиве Крымской области хранятся ценнейшие документы по истории XVIII, XIX и XX веков, позволяющих разработать ряд актуальных проблем истории нашей Родины, как-то: "Борьба России за выход к Черному морю", "История Черноморского флота", "Крымская война 1853–1856 гг.", "История Гражданской войны в Крыму", "История Великой Отечественной войны в Крыму" и т. д. Археологические и архивные богатства Крыма еще очень мало изучены. Киммерийцы, тавры и скифы в Крыму, проблема развития скифского государства и культуры поздних скифов, своеобразие Боспорского государства, значение культурного наследия античных городов Крыма для последующей истории юга СССР, вопросы о сарматах, готах и, в особенности, славянах в Крыму, взаимоотношение крымских племен с Византией, страна Дори, Херсонес и Русь, Тмутараканское княжество, Суроужь и походы князя Бравлина — вот круг вопросов которые необходимо исследовать на месте путем широкого использования крымского археологического материала. Печенеги, половцы и татары в Крыму, история борьбы России с татарами и Турцией за Крым, за Черное море; присоединение Крыма к России и образование Черноморского флота — так же представляют собой круг тем, которые совершенно по-новому осветят вековые связи России с Черным морем и Крымом. Трудящиеся Союза должны знать многовековую историю Крыма, старинную связь его с историей России, замечательные страницы из истории революционного движения в Крыму, славные деяния города-героя Севастополя в прошлом столетии и в годы Великой Отечественной войны Советского Союза». В заключении указывалось: «По изложенным причинам обком ВКП(б) и облисполком считают вопрос об организации базы Академии наук вполне назревшим и своевременным и просят открыть ее в Симферополе в составе следующих секторов: 1) геологии, геоморфологии и геофизики; 2) океанологии; 3) химии; 4) ботаники и почвоведения; 5) зоологии; 6) историко-археологического» (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 342. Л. 1–4).

В документе вопрос о славянах в Крыму уже поставлен, но рассматривался еще оторвано от скифской темы. Готы и страна Дори также не вычеркнуты из списка народов и исторических образований полуострова. АН СССР в лице Президента академика С. И. Вавилова и академика-секретаря академика Н. Г. Бруевича в феврале того же года поддержала ходатайство, направив соответствующие документы в ЦК ВКП(б) и заместителю СМ СССР В. М. Молотову (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 342. Л. 5–6).

В результате 1 июня 1947 г. СМ СССР своим распоряжением разрешил Президиуму АН СССР приступить к созданию Крымской научно-исследовательской базы. Руководство процессом на месте было поручено П. Н. Шульцу как наиболее активному представителю академической науки на полуострове (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 14). 18 сентября 1947 г. была создана комиссия Президиума АН СССР в составе академика Б. Д. Грекова (председатель), академика И. И. Шмальгаузена, членов-корреспондентов П. И. Лебедева, А. Д. Удальцова, Н. Н. Славянова, доктора с/х наук И. Н. Антипова-Каратаева и ученого секретаря Совета филиалов и баз АН СССР Ульяновской, направленная в Симферополь с целью разработки структуры Базы, направлений ее работы и штатов (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 342. Л. 14).

К их приезду и была приурочена следующая сессия по истории Крыма, тем более что в том же году отмечался 120-летний юбилей раскопок в Херсонесе и Неаполе Скифском. По уже установившейся традиции, официальными организаторами мероприятия являлись ТЭСЭ ИИМК АН СССР, Крымское отделение Всесоюзного Географического общества АН СССР и ЦМК. С докладами, посвященными скифской культуре Крыма, выступили сотрудники экспедиции П. Н. Шульц, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Н. Н. Погребова, Е. В. Веймарн. Ряд докладов был посвящен древностям Херсонеса и его окружи (А. К. Тахтай, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон, Г. Д. Белов), а также историческим темам нового времени. Не обошли стороной и актуальное славяно-русское направление. Заместитель директора Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкий прочел доклад «Русь-дромиты», а старший научный сотрудник ЛО ИИМК А. Л. Якобсон представил результаты своих исследований по теме «Корсунь и Киевская Русь» (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 1). В своем докладе он обращал внимание на связи двух регионов в области материальной культуры и даже высказал мнение, что керамическое производство Херсона-Корсуни оказало влияние на гончарное ремесло столицы Руси. Этот тезис несколько насторожил слушателей, поскольку влияние отмечалось только со стороны византийского Херсона, а Киев оказывался в подчиненном положении (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 37).

Как готы стали аланами

На этой сессии обозначилось новое направление в изучении этнической истории полуострова, связанное с пресловутым «готским вопросом». В 1946 г. на склоне плато «пещерного города» Чуфут-Кале был обнаружен раннесредневековый могильник (Кропоткин 1958; 1965). В 1946–1947 г. на нем проведены небольшие раскопки под руководством заместителя директора Музея пещерных городов Крыма (МПГК) П. П. Бабенчикова. По погребальному обряду и составу инвентаря некрополь оказался чрезвычайно близок к известным могильникам, прежде объединенным Н. И. Репниковым и В. И. Равдоникасом в культуру Суук-Су, соответствующую «готской стадии» (Равдоникас 1932: 36–41). Естественно встал вопрос об атрибуции памятника. «Готский» вариант по понятным причинам отпал сам собой. Но помог случай, точнее, местоположение могильника: на плато Чуфут-Кале в XIV–XV вв., согласно письменным источникам, располагалась крепость Кырк-Ор, являвшаяся в тот период форпостом алан в Крыму (Герцен, Могаричев 1993: 39–43). Происхождение крымских алан XIII–XV вв. довольно туманно (Бубенок 2004: 190–229), а хронологическая

лакуна между ними и последними захоронениями нового некрополя составляла более полутысячелетия. Но в данной ситуации это было уже не столь важно, и П. П. Бабенчиков в своем докладе «Вновь открытые аланские склепы в Горном Крыму» счел возможными и единственно правильным атрибутировать некрополь как исключительно «аланский», приписав его населению загадочных Фулл (Бертье-Делагард 1920: 91; Мыц 2001: 80–83; Майко 2002: 133–145), якобы в раннесредневековый период размещавшихся на месте Кырк-Ора — Чуфут-Кале (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 46). Эту идею развил В. П. Бабенчиков в докладе «Аланы в Крыму», высказав мнение, что в сложении раннесредневековой культуры Крыма основную роль сыграли именно аланы, сохранившие «свой народный облик» до поздневизантийского периода, когда их и зафиксировали в Крыму письменные источники. Проводя автохтонную линию этногенеза, он отнес формирование крымских алан к началу III в. н. э., допуская, что под этим именем в юго-западном Крыму объединилась часть прежних скифо-сарматских племен, уже слившихся с «местными горцами — таврами». Именно они основали портовые города Ардабду (Феодосию), Сугдею (Судак, Сурож), а в горах они же создали укрепленный центр Дорос (Эски-Кермен) и Фуллы (Крык-Ор, позднейший Чуфут-Кале). Притом это были не аланы-кочевники, а оседлые жители и отнюдь не ираноязычные. В. П. Бабенчиков настаивал, что в аланском союзе были и русские-славяне, «во всяком случае, на территории Крыма». Вспомнил докладчик и об известной «Записке топарха», в то время считавшейся подлинным источником (Медведев: 2006: 15, 33–60; Хапаев 2009: 10), намекавшей на сходство между подданными крымского топарха и князем, правившим к «северу от Дуная» (Святославом по В. П. Бабенчикову). Ранее данный пассаж использовался для доказательств родства крымских готов и норманнской Руси (Гедеонов 1862: 70; Ламбин 1874: 82). Теперь же ситуация представлялась с точностью до наоборот, как свидетельство слияния крымских алан с русскими. В итоге крымские аланы были зачислены в разряд протославянского населения полуострова (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 41, 43). Совершенно очевидно, что предложенная гипотеза содержала множество противоречий, фактических и логических нестыковок, а самое главное не находила никакого подтверждения в письменных источниках, более тысячи лет замечавших лишь готов, но странным образом игнорировавших алан. Вместе с тем это крайне смелое предположение наносило мощнейший удар по «готскому вопросу», выбивая из-под него подоснову в сфере материальной культуры. Все известные раннесредневековые могильники юго-западного Крыма (Суук-Су, Эски-Кермен, Узень-Баш и т. д.) из разряда «готских» просто переводились в разряд «аланских». «Готский вопрос» казался решенным, по крайней мере, в области археологии. Поначалу участники форума не вполне оценили важность «аланской версии», хотя и поддержали направленность доклада (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 46). Еще одним ударом по «готскому вопросу» стал доклад заведующего кафедрой Крымского медицинского института профессора Виктора Владимировича Бобина «К вопросу о деформированных черепках». Выступающий указывал, что обычай деформации имеет в Крыму древние, доготские корни, в частности, мог быть связан древнейшими аборигенами — таврами (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 92). Гораздо большую осторожность в освещении результатов своих исследований проявлял Е. В. Веймарн. Он лишь констатировал находки объектов, воздержавшись от их этнокультурной и даже хронологической атрибуции, за что получил легкий упрек (РО НА ИАК РАН. Д. 2 (1947). Л. 91).

А ведь именно от него, специалиста по крымской медиевистике, ждали решающего слова в «готском вопросе». Но он лучше других был осведомлен о перипетиях, подчас трагических, вокруг проблемы и, учитывая свое социальное происхождение и этнические корни (Пиоро 1990: 144), предпочитал отмалчиваться. Вероятно, поэтому он всецело принял «аланскую» гипотезу братьев Бабенчиковых. Это нашло отражение в отчете о раскопках могильника Чуфут-Кале, который ему пришлось заканчивать ввиду скоропостижной смерти П. П. Бабенчикова (Веймарн 1948. Л. 30).

Первое академическое учреждение Крыма

Тезис «Крым — русская земля» первоначально принадлежал не историкам и не областному партийному руководству, а стал откликом на общественные настроения. Свидетельство тому — сообщение директора Областного лекционного бюро Л. И. Кондрашова. Выясняется, что для жителей полуострова была составлена лекция об историческом прошлом Крыма, отправленная на рецензию профессиональным историкам. Рецензенты (не названные по имени два доктора и один кандидат исторических наук) предлагали «изъять из лекции основной тезис о том, что Крым является исконно русской землей», считая его преждевременным и недоказанным. Л. И. Кондрашову пришлось отстаивать его сначала в обкоме комсомола, а затем ехать в Москву в ЦК комсомола и ЦК ВКП(б). В защите тезиса крымские историки существенной поддержки не оказали. И только когда удалось привлечь на свою сторону А. Д. Удальцова, лекция, равно как и сам тезис, были приняты (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 21).

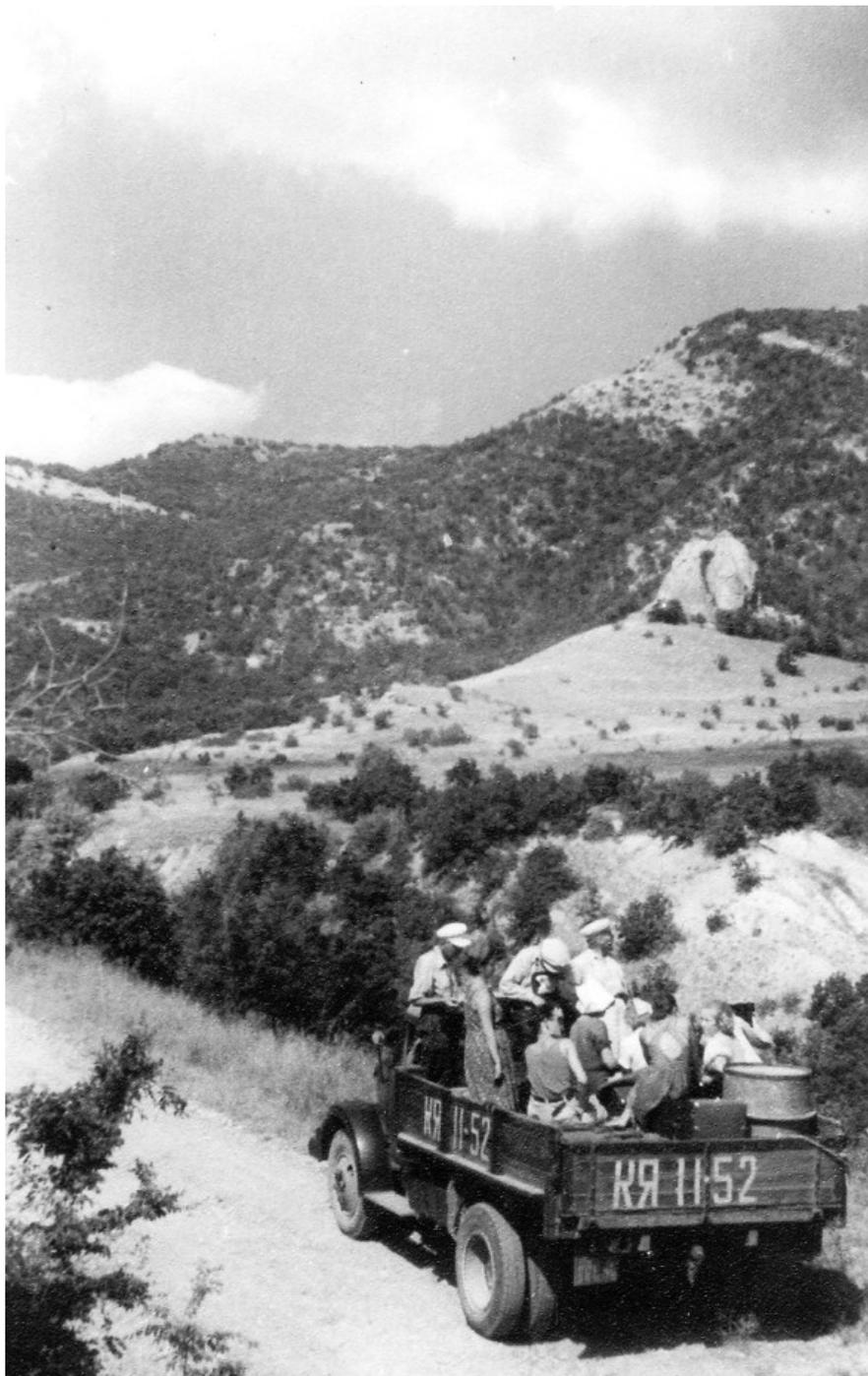
23 декабря 1947 Президиум принял решение о создании Крымской научно-исследовательской базы АН СССР (КНИБ), утвердил структуру и направления ее деятельности. В ее структуру должно было входить шесть секторов: геологии, почвоведения, ботаники, зоологии, химии, а также истории и археологии. Что касается последнего, то в его составе предполагалось наличие двух археологических станций — Керченской и Бахчисарайской. Кроме того, в систему Академии наук СССР для включения в состав КНИБ планировалось передать Евпаторийскую солевую станцию (Министерства химической промышленности СССР) и Херсонесский археологический музей (Комитет по делам культпросветучреждений при СМ РСФСР). В числе направлений деятельности КНИБ в области истории и археологии было указано «изучение истории Крыма, как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории; в частности разработка следующих проблем: древнейшее аборигенное население Крыма, Крым в скифо-сарматскую эпоху, Крым в эпоху средневековья (славяне в Крыму, Крым и Московская Русь, борьба России за выход к Черному морю, история Азовской флотилии Черноморского флота, Крымская война, Севастопольская кампания); Советский Крым, Крым в период Гражданской войны, Крым в годы Великой Отечественной войны, новое население Крыма и перспективы народно-хозяйственного и культурного развития Крымской области в послевоенное время, антропологические исследования останков крымского населения древнего и средневекового времени; памятники архитектуры Крыма, монументальная живопись Крыма» (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 62. Л. 203–205, 211–215; РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 1). Хотя в утвержденном направлении работы Сектора и присутствовала определенная политическая составляющая (вполне

обоснованная, учитывая крымские реалии), но славяне упоминались только в связи со средневековой историей Крыма (что вполне справедливо). Никаких намеков на исследование относительно происхождения славян от скифов в документе нет, что же касается преувеличенного значения «аборигенного населения», то иного и быть не могло, учитывая господство теорий Н. Я. Марра в гуманитарных направлениях науки.

В это же время были утверждены заведующие секторами, заместитель директора КНИБ — доктор геолого-минералогических наук Яков Дмитриевич Козин (1896–1974), правда, остались вакантными должности директора и ученого секретаря. Заведующим сектором истории и археологии был утвержден П. Н. Шульц. В составе Сектора предполагалось сформировать две группы: истории и археологии. КНИБ в значительной степени являлась координирующим центром. Большинство сотрудников секторов совмещали работу с преподавательской деятельностью. Только в конце зимы 1948 г. в должности директора КНИБ был утвержден заместитель академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР, директор ИИМК им. Н. Я. Марра, член-корреспондент АН СССР Александр Дмитриевич Удальцов (1883–1958) (Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 67. Л. 25). Тот факт, что КНИБ возглавил именно авторитетнейший историк, конечно, не случайность. В столице сознавали важность исторического направления в жизни и науке полуострова (Юрочкин 2016б).

Наиболее активным структурным подразделением КНИБ, как и следовало ожидать, стал Сектор истории и археологии (СИА КНИБ) под руководством П. Н. Шульца. Первыми научными сотрудниками СИА КНИБ стали члены ТСЭ: Е. В. Веймарн, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Г. Д. Белов, В. В. Бобин (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 3–4) и молодой специалист Элла Исааковна Соломоник (1917–2005), только что защитившая кандидатскую диссертацию по истории Древней Греции и распределенная на работу в Крым (Кутайсов 1994: 4). Предполагалось привлечь к работе и ведущего специалиста по аланской археологии Кавказа Татьяну Максимовну Минаеву (1896–1973) (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3), но в отчетном списке личного состава за 1948 г. ее фамилия отсутствует (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 3, 4).

В составе СИА КНИБ наиболее хорошо была укомплектована группа археологии, чего не скажешь о группе истории. Ее руководителем и единственным сотрудником стал Павел Наумович Надинский (1894–1961). Бывший первый секретарь Симферопольского горкома ВКП(б) П. Н. Надинский еще до войны был вынужден по болезни оставить партийную работу, посвятив себя краеведческой деятельности (Петров, Шамко 1982: 72–143; Ломакин 2009а: 72–79). В прежние годы П. Н. Надинский, загруженный партийно-хозяйственной работой, а затем сраженный болезнью, не получил фактически никакого специального образования. Но любознательность и природное трудолюбие, сопряженное с большевистской убежденностью, бойцовским характером, общительностью и искренней любовью к Крыму компенсировали отсутствие опыта научной работы. Одним из важнейших направлений его деятельности стала лекционная работа. Результатом его домашней работы стали статьи в местной прессе, лекции по истории полуострова новейшего времени и небольшая книга «Страницы из жизни крымского комсомола» (1938). В начале Великой Отечественной войны он познакомился с будущим командующим партизанским движением Крыма А. В. Мокроусовым. Симферопольский Горком ВКП(б) поспособствовал эвакуации семьи Надинских в тыл, в Уфу к родственникам.

Тавро-Скифская экспедиция на выезде (НА ИАК РАН)

Здесь он не прекращал переписку со старыми товарищами по партийной работе, с А. В. Мокроусовым. От одного из раненых крымских партизан, прибывших на лечение в Уфу, Павел Наумович получил номер оккупационной газеты «Голос Крыма» со статьей о крымских готах. Как позднее отмечали биографы П. Н. Надинского, именно после ее прочтения у него возникла идея создания обобщающего труда по истории Крыма, выдержанного в духе большевизма и опровергающего различные политически мотивированные манипуляции такого рода. (Петров, Шамко 1982: 96–110). После возвращения в Крым в декабре 1944 г. основным и закономерным направлением научной деятельности П. Н. Надинского стала работа по сбору материалов о крымском партизанском движении в годы Отечественной войны, чтение лекций. Возможно, именно ему принадлежала упоминавшаяся Л. И. Кондрашовым историческая лекция о русском Крыме (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 21). Скорее всего, зачисление П. Н. Надинского в штат КНИБ не обошлось без рекомендации партийных органов. Несмотря на официальную скромную должность младшего научного сотрудника, он исполнял обязанности руководителя группы историков. П. Н. Надинский с присущей ему активностью тут же включился в работу.

Планом научно-исследовательской работы СИА КНИБ на 1948–1950 гг. предусматривались довольно обширные задания по разработке трех проблем. Первая из них, «Аборигенное население Крыма в древности», включала ряд тем. «Киммерийцы и тавры в Крыму» — исполнителями темы планировались П. Н. Шульц и И. М. Минаева. Предполагалось «исследование поселений киммерийской эпохи, открытых в Симферопольском и Белогорском районах в 1947–1948 гг. с целью выяснения их хронологии, культуры, быта, связей и уточнения вопроса о периодизации исторического развития тавров в Крыму». По итогам должны были быть опубликованы статьи в сборнике трудов Сессии по истории Крыма. Следующая самая обширная тема озаглавлена как «Скифы в Крыму». К ее исполнению привлекался основной костяк СИА: П. Н. Шульц, В. П. Бабенчиков, О. И. Домбровский, Э. И. Соломоник. В рамках темы рассматривались вопросы «о периодизации исторического развития скифов в Крыму, о государстве и культуре поздних скифов». Подводились итоги исследований ТСЭ, планировалась статьи о раскопках на могильнике Неаполя Скифского и саркофаге, обнаруженном в мавзолее города, а также о скифском царе Атее. Менее конкретно выглядела тема «Славяне в Крыму», хотя ее руководителем формально (учитывая важность) значился директор КНИБ А. Д. Удальцов, но единственным исполнителем указывался В. П. Бабенчиков, окончательно перешедший на работу в КНИБ на скромную должность младшего научного сотрудника. Планировалось «освещение вопроса о славянах в Крыму в эпоху средневековья по письменным источникам и археологическим данным». С методикой поисков археологических следов славянства в Крыму в СИА тогда еще точно не определились. Тему «Исследование древнего и средневекового населения Крыма в антропологическом отношении» вел В. В. Бобин с целью выяснения «вопроса об этническом составе древнего и средневекового населения Крыма по антропологическим данным и постановки вопроса о так называемых деформированных черепках». В результате работ предполагалось сделать обзор историографии вопроса (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3). Последняя составляющая, надо полагать, была связана с распространенными представлениями, приписывающими такие черепа в эпоху Великого переселения народов готам.

Несколько абстрактно выглядела и тема Е. В. Веймарна, возглавлявшего Бахчисарайскую археологическую станцию: «Аборигенные культуры юго-западного Крыма». Исследование касалось «состава населения и культуры юго-западного Крыма в эпоху поздней античности и средневековья». Кроме того, планировалось «осветить этот вопрос на материале Инкерманского могильника» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3). Данному объекту придавалось особое значение по следующей причине. Могильник случайно был обнаружен еще в 1940 г. на правом берегу р. Черной в районе Инкермана (пригород Севастополя). Во время строительных работ здесь провалился склеп. Выехавший на место С. Ф. Стржелецкий произвел его зачистку, а также раскопал могилу с инвентарем III–IV вв. В следующем году земляные работы здесь были продолжены. Неизвестно, сколько было разрушено погребальных сооружений в результате народнохозяйственной деятельности, но сотрудникам Бахчисарайского историко-археологического музея, наблюдавшим за работами, удалось собрать интересную коллекцию предметов. Среди них была и сероглиняная лощеная миска с орнаментом в виде треугольников, внешне походившая на сосуды из могильников «полей погребений» черняховского типа (Юрочкин 1999: рис. 1, 13). Материалы предвоенных исследований были опубликованы заместителем директора по научной части Государственного Херсонесского историко-археологического музея С. Ф. Стржелецким в 1947 г. (Стржелецкий 1947). Атрибуция материала была подана в соответствии с господствующей автохтонной моделью. Автор обращал внимание, что обнаруженный здесь склеп IV в. имеет аналогии, с одной стороны, в некрополе Херсонеса, с другой — в так называемых «готских могильниках» Эски-Кермена и Суук-Су. В то же время он призывал рассматривать «готскую культуру» как комплекс памятников «местной материальной культуры, которая складывалась в результате синтеза культур двух активно взаимодействовавших обществ: местного — таврского, позднее тавро-скифского, с одной стороны и греко-римского (Херсонес) с другой». Все это, согласно С. Ф. Стржелецкому, звенья «чисто местного процесса». Форма инкерманского склепа, имеющего аналогии на Северном Кавказе, свидетельствует не о влиянии на Горный Крым и тем более не о миграции населения с востока, а указывает на процессы, параллельно протекавшие в этих двух регионах. Не отрицая реальности «готов» Крыма, автор подчеркивал, что так именовалась лишь «господствующая верхушка, меньшинство». При этом в них, по его мнению, нельзя видеть «нечто целостное и монолитное». По заключению С. Ф. Стржелецкого «одни “готы” это население восточной части Крыма на Боспоре, где их местной основой были сарматы, совершенно иное “готы” в юго-западном Крыму, где их основой были тавро-скифы». Следовательно, это «конкретные исторически сложившиеся этнические образования, которые, хотя и шли в своем общем развитии одинаковым путем (находились на одной стадии. — В. Ю.), оставались разными “народами”, разными “готами” в Крыму» (Стржелецкий 1947: 298–300). Таким образом, Инкерманский могильник имел прямое отношение к пресловутому «готскому вопросу» и был связующим звеном между древностями позднескифской эпохи и памятниками типа Суук-Су, Эски-Кермена и Чуфут-Кале, принадлежащими, согласно новой версии братьев Бабенчиковых, крымским аланам, имевшим, по их мнению, отношение к древним славянам. Еще осенью 1947 г. комиссия, проводившая обследования археологических объектов, находящихся в ведении МПГ, в лице Уполномоченного Крымской базы Академии наук СССР П. Н. Шульца, ст. научного сотрудника ЛО ИИМК АН СССР

А. Л. Якобсона, ст. научного сотрудника ГИМ Е. В. Веймарна, ученого-реставратора ГМИИ Е. А. Болотниковой, и. о. начальника Сектора охраны памятников областного Отдела по делам архитектуры Крыма О. Я. Ковалевой, заместителя директора по научной части Государственного Херсонесского историко-археологического музея С. Ф. Стржелецкого, директора МПГ Э. А. Дубинской, заместителя директора по научной части МПГ П. П. Бабенчикова и архитектора-художника А. П. Припускова установила, что в следующем году на месте могильника предполагаются масштабные строительные работы. Начальнику треста «Севастопольстрой» и директору ИИМК АН СССР А. Д. Удальцову было направлено срочное письмо «Об обнаружении сарматского склепа в Инкермане» и об угрозе разрушения древнего некрополя. В нем, между прочим, отмечалось «важное научное значение Инкерманского могильника, связанное с актуальной темой сарматизации племен Северного Причерноморья, или этнических элементов, давших со временем восточных или русских славян» (РО НА ИАК РАН. Д. 3 (1949). Л. 119). Ситуация благополучно разрешилась. К мнению ученых строители прислушались, и на 1948 г. были назначены раскопки этого некрополя силами СИА КНИБ АН СССР и МПГ (Веймарн 1963: 115).

Следующая проблема, включенная в план работы СИА КНИБ АН СССР, была сформулирована как «Античные и средневековые города в Крыму». Она включала две темы. Первая из них, «Некрополь античного Херсонеса», предполагала «исследование некрополя античного Херсонеса по основным периодам его исторического развития в целях выяснения состава населения и особенностей культуры античного Херсонеса». Руководителем и исполнителем темы был утвержден сотрудник Эрмитажа Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979). Ученый вел активные исследования в Херсонесе начиная с 1925 г., был заместителем директора по научной работе, а в 1931–1933 гг. даже исполнял обязанности директора Херсонесского музея. В 1947 г. П. Н. Шульц планировал назначение Г. Д. Белова на должность руководителя Херсонесского историко-археологического заповедника, который должен был быть включен в состав КНИБ (РО НА ИАК РАН. Д. 3 (1948). Л. 14). Однако проект передачи Херсонеса в ведение АН СССР не был реализован, и Г. Д. Белов по совместительству стал сотрудником СИА КНИБ, сохранив за собой направление прежних научных изысканий. Как, впрочем, и Е. В. Веймарн, которому совместно с архитектором А. П. Припусковым была поручена тема «Фортификационные сооружения эпохи средневековья в юго-западном Крыму». Исследование подразумевало научно обоснованную реконструкцию «стен и башни Эски-Кермена и Сюрени на основании археологических данных». В итоге должна была быть написана статья и выполнены новые обмеры, зарисовки и фотоснимки памятников (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 3).

Третье направление касалось истории советского Крыма и включало три темы. Результатом выполнения первой из них должен был стать составленный «Сборник документов: изгнание германских и англо-французских интервентов из Крыма». Работой руководил П. А. Чурсин, и в ней должны были использоваться документы из Областного архива МВД. Вторая тема, «История партизанского движения в Крыму», предполагала сбор материалов о партизанском движении в период Гражданской и Отечественной войн, составление альбома фотодокументов. Третья тема, «Земельный вопрос в Крыму (1917–1928 гг.) — исследование, имеющее целью осветить историю земельного вопроса в Крыму в советское время и дать развернутую картину борьбы партии большевиков против

татарских буржуазных националистов в земельном вопросе». Разработку двух последних тем взял на себя П. Н. Надинский (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1948). Л. 4).

Историко-археологическая наука на полуострове в 1948 г. вышла на новый качественный уровень, и очередная сессия по истории Крыма, организованная КНИБ АН СССР, была призвана подтвердить этот статус.

П. Н. Шульц планировал пригласить на сессию ведущих археологов, тематика исследований которых связана с Крымом, а также влиятельных советских историков: Б. Д. Грекова, А. П. Смирнова, М. И. Артамонова и др. (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 9–55). В частности было направлено приглашение заведующему ЛО ИИМК, члену-корреспонденту АН СССР В. И. Равдоникасу с просьбой сделать доклад «К вопросу о готах в Крыму». Однако Равдоникас от подобного выступления предпочел воздержаться, сославшись на состояние здоровья (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 7–9). Не приехал и М. И. Артамонов (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 22).

В программе сессии, проходившей 20–24 сентября 1948 г. в здании Дома офицеров в Симферополе, значились 37 докладов по истории и археологии Крыма, а также по истории Октябрьской революции и Великой Отечественной войны (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 1, 2). «Славянскому вопросу» был посвящен блок докладов А. Д. Удальцова, А. Л. Якобсона и В. П. Бабенчикова. К ним тематически примыкали выступления профессора А. С. Башкирова и преподавателя Крымского пединститута С. А. Секеринского (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1948). Л. 1, 2).

Планарное заседание открыл А. Д. Удальцов докладом «Происхождение славян», в котором изложил различные версии этого сложного процесса. Его позиция устроила не всех присутствующих. От него требовали ответить на вопросы о том, «являлись ли скифы племенами славян?», «можно ли говорить, что Крым русский?» и каково происхождение и роль готов в отечественной истории. Ответ ученого был подчеркнуто уклончивым: «Скифы понятие собирательное, в него входили племена различного этнического происхождения», а «предками славян частично являлись не все скифы», а только «земледельческие племена Правобережной Украины автохтоны — сколоты». Что же касается готов, то они «являлись одним из бедных племен и малокультурными и находились на более низкой ступени развития, чем более развитые причерноморские племена... готы восприняли, придя сюда, местную причерноморскую культуру», которая «имела свои корни еще со скифских времен», в результате они «археологически... не различались от всего остального населения Причерноморья». Вообще же «готы оказались собирательным именем», «в Крыму их было маленькое количество», их имя «распространилось на более широкий комплекс — готаланов...» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 4–6). Тем самым А. Д. Удальцов своим авторитетом закрепил ранее озвученные В. П. Бабенчиковым положения, включая «аланскую» версию происхождения средневековой культуры Таврики, а также тезис о малочисленности и археологической неуловимости крымских готов (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 4–6). Отвечая на политически актуальный вопрос о русском Крыме, он дал пояснения, хотя и довольно туманные, что «до татарского периода Крым был русским, что касается последних племен, когда были другие племена — скифы, которые не были славянами, там были аланы и другие племена. Правильно говорить, что Крым издревле — русский, т. е. уже был славяно-русским до татарской жизни» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 7). Стоит обратить внимание еще на один аспект: А. Д. Удальцов предпочитал уже говорить о конкретных исторических народах, а не абстрактных «автохтонах», тем

самым выходя за рамки прежних стадияльных построений, основанных на учении Н. Я. Марра.

В центре доклада А. Л. Якобсона был Корсунский поход князя Владимира, наиболее яркое событие, политически соединившее в Таврике Русь и Византию. Вероятно, желая подчеркнуть масштабность этого военного контакта и силу русского князя, А. Л. Якобсон расширил рамки корсунского эпизода и говорил о разрушениях, произведенных не только в Херсонесе-Корсуни, но и на всей территории византийских владений в юго-западной Таврике. А вот о массовом населении Крыма славянами высказался крайне осторожно, точнее даже скептически (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 28). Тогда к докладу А. Л. Якобсона особых претензий не возникло, дискутировали только о дате крещения дружины Владимира (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 7–8).

О содержании указанных докладов и восприятии их слушателями приходится судить по протоколам заседаний. Рукопись же В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму» сохранилась в его личном архиве, хранящемся в Институте археологии Крыма РАН (Акимченков 2012: 112–113). Точнее, это вариант доклада, расширенный до объемов статьи, планировавшийся к изданию в сборнике трудов сессий по истории Крыма.

Анализируя византийскую и восточную письменную традицию о славянах и их успешных военных действиях на Балканах, В. П. Бабенчиков подчеркивал, что в раннесредневековый период славяне уже были могущественным народом, а следовательно, их этногенез восходил к более ранним временам. В то же время славяне занимали и земли, соседствующие с Причерноморьем, в частности проживали на территории Хазарии. Традиционно автор напоминал о «славянских» и «русских» названиях порогов у Константина Багрянородного, о «росьскы писмены» из Херсонеса времен св. Константина Философа, сообщение Масуди об обитании русов на берегу Черного моря, о «епархии росов» патриарха Фотия, об истории «новгородского князя Бравлина» из Жития Стефана Сурожского и т. д. Все эти факты достаточно хорошо были известны благодаря обширной дореволюционной историографии, отражавшей дискуссию норманнистов и антинорманнистов, и не раз обсуждались в связи с идеей Черноморской Руси и зарождения Тмутараканского княжества.

«Таким образом, — отмечал В. П. Бабенчиков, — имеются все основания предполагать, что славяне жили и в Северном Причерноморье и в частности в Крыму, который являлся очень удобным плацдармом для сношений и с Византией через Корсунь и с народами М. Азии и с востоком и с Подоньем и с районами низовьев Днепра и Дуная, играл в то же время и стратегическую роль при походах в Византию. И, по всей видимости, этой объединяющей властью были славяне русские... Сопоставление этих фактов дает нам право уверенно говорить о том, что русские славяне бытовали в Крыму в начале IX века». Наиболее интригующей в связи с данной темой представлялась византийская практика именовать древних русов тавро-скифами. В. П. Бабенчиков, в общем-то, не сомневался, что за этим стоит литературная традиция, показатель греческой учености. Однако задавался вопросом: «Нет ли в сопоставлении русских именно с тавроскифами, а не просто со скифами, или, как у Кедрина — со скифами “около Тавра”, намек локального характера на то, что русские напали на побережье М. Азии с такого удобного плацдарма как Таврида-Крым, с полуострова, глубоко вдающегося в Черное море?». Обращал он внимание и на факт, в свое время подмеченный Н. П. Ламбиным, что «Константин Багрянородный в сочинении

“О городе Херсоне и городе Боспоре” ни разу не упоминает о Боспоре и говорит о каком-то “властодержце Алании”. Очевидно, под этим властодержцем Алании он подразумевает властителя Тмутаракани — русского князя. Константин Багрянородный не называет его “рос”, видимо, не желая, как и Лев Диакон, нарушать литературные традиции и портить стиль своего произведения простонародными терминами. Но Константин Багрянородный сделал роса аланом, а не тавром, во всяком случае, властителем Алании, страны, лежавшей по ту сторону Боспора Киммерийского, связанного с Таврией в одно целое со временем глубокой древности. Все это дает исследователю основания для рассмотрения вопроса о взаимосвязи между скифами, аланами, таврами и восточными славянами — русскими, и именно в Крыму, где эта взаимосвязь всего естественней могла зародиться». Автор доклада-статьи пошел дальше, предположив, что не только Восточный Крым, пограничный Тамани-Тмутаракани, но и «часть Крыма (примыкающая непосредственно к его юго-западному нагорью, то есть, к стране Дори) была истари заселена русскими, а может быть и сама страна Дори». В качестве подтверждения этой догадки В. П. Бабенчиков приводил договор Византии с князем Игорем (941 г.) и конечно пресловутую «Записку Топарха». Кроме того упоминались известия (правда, гораздо более поздние) о русских купцах в Суроже-Судаке. Русский анклав в этих местах, по мнению В. П. Бабенчикова, мог сложиться еще во времена, когда «в начале IX века, после смерти Стефана Сурожского (он умер в конце VIII века) в Сурож “прииде рать велика русская из Новгорода — князь Бравлин силен зело, плени от Корсуня до Корча”». Отсюда следовал вывод: «С полным правом можно утверждать, базируясь на человеческой практике, которая в таких случаях является лучшим критерием, что какая-то часть “рати великой русской” здесь осела и на побережье и в горах», а «Бравлина, пришедшего в Крым, поддерживало местное русское население. Благодаря этому он и покорил все прекрасно укрепленные города греков на побережье Крыма». Отсюда и «села, города и замки, встречающиеся на разных картах средневековья Ρως, Cosal di Rosia, Ρωσίδ, Rossa (Тендровская коса) Rossofar, Rossoca (близ Евпаторийского озера), селение Rosso и т. д. Потомков их мы находим здесь даже в конце XIV века. Таким образом, имеются все основания утверждать, что славяне русские истари жили в Крыму, или, вливаясь в портовых городах в пестрое местное население, или имея свои отдельные области, села и города в западной части Крыма, а также и в восточной, в бывшем Боспорском царстве». Учитывая замечания, прозвучавшие по отношению к прошлому варианту доклада, В. П. Бабенчиков остановился на археологических следах славян и русских в Крыму. Он справедливо отмечал, что археологическим поиском славян на полуострове «до сих пор еще никто не занимался специально. Исследователи изучали только случайно попавший в их руки материал». При этом приводились два примера: «В 1929–1931 годах Н. С. Барсамов копал средневековое городище в Коктебеле и нашел типичную славянскую керамику. Часть черепков была им поднята на поверхность и зарегистрирована, как подъемный материал, но большая часть этих “славянских горшков” была выкопана и преимущественно — в нижних горизонтах культурного слоя при раскрытии фундамента древнего храма». «В 1937 г. у башни Зенона в Херсонесе открыли склеп (№ 4) с материалом VI–VII веков, где среди находок оказался “славянский горшок” с характерной волной, горизонтальным рифлением и крестообразной розеткой на дне, составленной из пересекающихся дуг четырех окружностей, заключенной в рамку

из концентрических кругов». В завершение ученый предложил свою версию появления славян в Крыму: «После падения в Крыму скифского государства Скилура и Палака... в крымских степях и нагорье происходят новые перегруппировки племен, в силу которых преобладающим в Крыму народом оказывается сарматское племя аланы, родственное скифам. Аланы основали в начале III века н. э. Сугдею (Сурож, Судак) и Ардабду (Феодосию) — крупные портовые города, выстроили внутри страны сильные крепости (Фуллы — Чуфут-Кале, м. б. Дорос — Эски-Кермен). Аланы, как скифы-сколоты и как некоторые другие сарматские племена (роксоланы) являлись, как полагают современные исследователи, одним из компонентов славян — восточных, в частности — русских славян. Может быть, уже к VI веку н. э. в Крыму появляются русские области, которые позднее крепнут настолько, благодаря связи со славянами Поднепровья, что в IX веке, хотя и на время овладевают греческими городами Крымского побережья (новгородский князь Бравлин, позднее — князь Владимир)... Сила эта, конечно, не исключительно пришлая, внекрымская. И Бравлин, как мы уже высказывались выше, и Владимир — несомненно, опирались на местные племена, которые помогли в снабжении огромных армий, и вливались в них в качестве бойцов... Само Тмутороканское (здесь и далее — орфография В. П. Бабенчикова. — Авт.) княжество выросло и развилось не на инородческой местной основе, а на основе аборигенного русско-славянского населения, так как мы не знаем в истории случаев покорения здесь русскими князьями не-русского населения, а с другой стороны здесь славяне бытуют со времен Олега и Святослава, что не подлежит уже сомнению. Понятно также и то, что у византийских писателей русские славяне слывут под именем «скифов у Тавра», «тавроскифов», «тавров», понятно потому, что русские являлись прямыми наследниками древних тавров и скифов, исконных хозяев Крымской земли — Тавриды, и здесь на почве Крыма издревле стали хозяевами значительной части полуострова. Поэтому мы теперь с уверенностью можем сказать, что Крым — издревле русская земля, и все другие народы — печенеги, половцы, генуэзцы, татары, турки, вливавшиеся в Крым и остававшиеся здесь в течение более или менее длительного периода — являлись захватчиками, пользовавшимися затруднениями в жизни русских княжеств до их объединения в монолитное русское государство вокруг Москвы» (РО НА ИАК РАН. Ф. «В. П. Бабенчиков». Кн. 1. 7/7. Л. 1–31).

В. П. Бабенчиков был абсолютно прав: тема не только имеет право на существование, но требует углубленного анализа. Поскольку же открытий новых письменных источников вряд ли стоило ожидать, то в поиске следов древних славян решающее слово должна была сказать археология. Немногочисленность известных на тот момент фактов — не аргумент, учитывая достаточно неравномерную изученность полуострова, который действительно мог еще преподнести массу неожиданностей. Самым перспективным объектом для этого выглядело поселение на плоской вершине г. Тепсень в пос. Планерское (бывшем Коктебеле).

Против столь категоричных и широких обобщений выступили гости сессии А. Л. Якобсон и Е. Ч. Скржинская, призывая быть осторожными при обращении с письменными источниками и не преувеличивать число славянского населения в средневековом Крыму. Однако, отвечая на замечания, докладчик предпочел остаться при своем мнении, настаивая, что «Крым не мог не войти в круг интересов славян», и даже инициировал создание особого отряда, который займется изучением славян в Крыму (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 119–121).

Интерес вызвал и доклад известного антрополога, автора методики портретной реконструкции М. М. Герасимова «Этнический состав населения Неаполя Скифского». Подчеркнув «чрезвычайную смешанность» в антропологическом отношении скифов Неаполя, ученый в итоге констатировал: «В основном весь этот комплекс... вошел составным субстратом в очень сложный комбинат наших славянских племен» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 36–39). О «местном смешанном населении» говорили и другие докладчики, особенно когда это касалось наиболее спорных аспектов истории, не вписывавшихся в формирующуюся парадигму. Так, судя по выступлению Е. Ч. Скржинской, в княжестве Феодоро и генуэзских поселениях обитало население, «в котором растворились и древние — тавры и скифы», а также «армяне, греки, славяне, аланы, евреи, татары» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 107). О смешанном населении Сурожа и особой роли в нем русских говорил С. А. Секеринский. Сотрудник Академии художеств СССР профессор Н. Б. Бакланов, характеризуя архитектуру средневекового Крыма, подчеркивал, что не стоит смотреть на нее как на «татарщину», которую «следует смахнуть», ибо, кто бы ни выступал заказчиком, истинным создателем их был народ — «остатки древних народов, так же скифов...», поэтому крымская архитектура демонстрирует, прежде всего, «суммарные усилия народов Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 108–115). Таким образом, именно «автохтонистская» модель развития народов Крыма, не противоречащая идеям Н. Я. Марра и соответствующая общественным настроениям, в этот период стала наиболее приемлемой и востребованной.

Е. В. Веймарн подчеркнуто стремился дистанцироваться от этноисторических атрибуций, особенно когда речь шла об Эски-Кермене, лишь отметив в своем докладе, что оборонительная система города была уничтожена «хазарами в VIII в. в обстановке неудачного восстания Иоанна Готского путем специального разрушения оборонительных стен». Но слушателей, конечно, интересовали не столько чертежи и реконструкции фортификационных сооружений городища. Сразу же последовал вопрос о строителях Эски-Кермена и народах, обитавших в городе (подразумеваемая имевшая место готскую или византийскую атрибуцию объекта). Однако попытка втянуть его в дискуссию успехом не увенчалась. К провокационным вопросам коллег Е. В. Веймарн был явно готов, потому ответил четко: «Из общих пленарных докладов это уже известно. Жило местное аборигенное население, сложившееся в результате общего исторического процесса. Мы не ошибемся, если назовем его тавро-скифским. Много рассуждать не приходится. О культурном влиянии Рима и Византии не будем говорить, оно было. Но Византия не строила здесь. Конструктивные элементы уведят нас к таврским сооружениям. Использовались местные конструкции. Никаких особенностей наземные сооружения не имеют, они те же что и в Херсонесе» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 116). Из документов этого времени складывается впечатление, что Е. В. Веймарн, возглавлявший Бахчисарайскую станцию КНИБ и являвшийся, по сути, вторым лицом в СИА после П. Н. Шульца (в его отсутствие Е. В. Веймарн исполнял его обязанности), держался (как и его учитель Н. И. Репников в ГАИМК) несколько обособленно от основного ядра крымских коллег и разрабатываемых ими проблем. Видимо, сказывался опыт прошлых лет работ, связанных с городищем Эски-Кермен и перипетиями вокруг «готского вопроса». Еще со времен Мангупской экспедиции 1938 г. его оппонентами оставались ленинградские археологи А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова (Юрочкин 2017: 324–325).

Павел Николаевич Шульц (второй слева) и Евгений Владимирович Веймарн (второй справа). 1950-е гг. (НА ИАК РАН)

В этот период «краеугольным камнем истории Крыма» считались памятники кизил-кобинской культуры Крыма, вопросы ее хронологии, точнее соотношение с историческими таврами. Вопросу было посвящено отдельное заседание, на котором были представлены материалы раскопок поселений в окрестностях Балаклавы (А. К. Тахтай), в урочище Ашлама-Дере на окраине Бахчисарая (Х. И. Крис), а также доклад П. Н. Шульца «Кизил-кобинская культура и периодизация исторического развития тавров» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 65–67).

Вероятно, самой большой неожиданностью стал доклад профессора ЛГУ С. Я. Лурье «Декрет в честь Диофанта». На основании историко-эпиграфического анализа он пришел к заключению, что в 108–107 г. до н. э. на Боспоре произошли волнения свободных скифов, а никак не восстание рабов, как утверждал в свое время С. А. Жебелев (Жебелев 1938). Учитывая новые тенденции в освещении скифов (наличие у них, якобы, мощного государства, развитой культуры и экономики и т. п.), интерпретация событий, предложенная С. Я. Лурье, первоначально была принята почти безоговорочно положительно (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 81–84). Об идеологическом значении работы С. А. Жебелева почему-то забыли.

В заключительном слове А. Д. Удадьцов подвел итоги и охарактеризовал первоочередные задачи крымских историков и археологов. В «славянском вопросе» он призвал «расширить в первую очередь археологическое исследование в этой области» и «продолжить изучение славянства в Крыму на основе письменных источников, на основе критического пересмотра и анализа этих источников». Кроме того, направить усилия на исследование памятников скифской культуры, с центром в Неаполе, и государства скифов одного «из древнейших государств, возникших на территории нашего Советского Союза». В отношении античных памятников ставилась задача их изучения с уклоном на смешение жителей городов с местным населением. Такой подход позволял бы «превратить» крым-

ские центры из эллинско-византийских в памятники аборигенных обитателей полуострова. Для средневекового периода намечалась «аланская проблема» в связи с историей Сурожа и др. пунктов. Не менее значимыми представлялись исследования истории Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн в Крыму, в частности «разоблачение той роли, которую играли татарские националисты в истории Крыма». В этой связи был высоко оценен доклад П. Н. Надинского «Партия большевиков в борьбе против татарских буржуазных националистов в Крыму», прозвучавший на сессии (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 59–61). В очередной раз озвучивалась насущная необходимость издания серии трудов и научно-популярных очерков по истории полуострова и в первую очередь по истории города-героя Севастополя. В единогласно принятой резолюции отмечалось: «...важнейшая задача, стоящая в настоящее время перед советской исторической наукой, состоит в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии и партийность в науке против объективизма, скрывающего за собой реакционные, идеалистические, буржуазно-националистические, враждебные советской идеологии тенденции» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1948). Л. 63). Жесткая формулировка, адресованная историкам — «бойцам идеологического фронта», прозвучала не случайно.

Стоит отметить и такой малоизвестный факт: в 1948 г. был снят короткометражный научно-популярный фильм «Новгород-Скифский», консультантом которого выступил П. Н. Шульц (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 73). В том же году Инкерманская экспедиция КНИБ АН СССР совместно с МПГК провела масштабные по тем временам раскопки в Инкермане на территории могильника, которому угрожало разрушение в ходе строительства. Помимо некрополя «времени перехода от античности к средневековью» была обнаружена и раннетаврская (кизил-кобинская) стоянка (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 11). На могильнике открыты захоронения в склепах, подбойных и грунтовых могилах III–IV вв. В одном из захоронений, сопровождавшихся оружием, находилась трехручная ваза, типичная для черняховской культуры (Веймарн 1963: 18). В предварительном отчете о результатах работы отмечалось: «В инвентаре погребений большой интерес представляет смешение позднеатавских, позднескифских и сармато-аланских элементов. Вопрос об этническом составе инкерманского населения требует исследования, но, во всяком случае, ясно, что это туземное население городского типа, связанное очевидно с Инкерманом» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 12). Параллельно В. П. Бабенчиков провел обследование Коктебельского городища, «давшее славянскую керамику» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1948). Л. 11).

Патриотизм и космополитизм. П. Н. Надинский

1948 г. выдался непростым в жизни страны и советской науки. Нарастало противостояние между СССР и его бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. На этом фоне разворачивалась борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед буржуазным Западом (Александров 1948). Летом того же года состоялась печально известная сессия ВАСХНИЛ. Разногласия между агробиологами, приобретавшие политическую окраску, вскоре коснулись и гуманитариев. К концу 1948 г. компания по борьбе с космополитизмом и объективизмом в СССР добралась и до исторической науки. А. Д. Удальцов на публичном заседании в Институте истории АН СССР 15–18 окт. 1948 г., посвященном

обсуждению ошибок Института, подал тревожный сигнал: «...советские византиноведы проявляют склонность чересчур расширительно толковать влияние Византии на Русь. Проявляется тенденция представлять дело таким образом, что вся русская культура была заимствована из Византии», а это уже могло толковаться как проявление космополитизма в исторической науке (Мосина 1948: 44). В декабрьском номере журнала «Вопросы истории» была опубликована статья «Против объективизма в исторической науке». Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4.04.1949 был сменен состав редколлегии журнала «Вопросы истории», главным редактором издания назначен А. Д. Удальцов.

Новые политические акценты не преминули отразиться и на исторической науке в Крыму. В начале 1949 г. по этому поводу состоялось внеочередное заседание СИА КНИБ под председательством Е. В. Веймарна (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1949). Л. 1–4). Коснулись они и планируемых к изданию трудов сессии по истории Крыма 1948 г. под редакцией А. Д. Удальцова при участии членов редколлегии: Я. Д. Козина, П. Н. Шульца, П. Н. Надинского (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1949). Л. 25). В частности, это было связано с изменившейся позицией по отношению к культурно-политическому наследию Византии, на которую проецировался образ «империалистической державы» прошлого, чье влияние уmaßало роль славянских племен и Руси.

Эти тенденции были замечены В. П. Бабенчиковым при рецензировании подготовленной к печати статьи А. Л. Якобсона о походе князя Владимира на Херсонес. Правда, замечания скорее касались стилистики, нежели носили концептуальный характер. Крымский ученый отмечал: «В некоторых местах идет речь о властвовании Византии в Тавриде», упоминается «Корсунь как центр византийских владений в Крыму», «неприятное впечатление производит подчеркивание варварства русских». Но в итоге был сделан жесткий вывод: «В таком же виде работа напечатана быть не может» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 48–50). Скрытый подтекст усмотрел и Е. В. Веймарн, давший отрицательный отзыв, аргументировав это тем, что А. Л. Якобсон «стал на неверную точку зрения и расценил все события, протекавшие в Крыму и в Северном Причерноморье, не в связи с историей народов СССР и великого русского народа, а с точки зрения внешних факторов, с точки зрения Византии». По мнению рецензента не стоило относить разрушения в Херсонесе к X в., т. е. связывать их с походом Владимира, это означало бы, что великий русский государственный деятель представлялся в образе «погромщика» Крыма. К числу отрицательных сторон рецензент отнес и отсутствие упоминаний о «тружениках, классовых отношениях». Обратил он внимание и на такой пассаж статьи А. Л. Якобсона: «Уже в начале 9 в., по крайней мере, в первой его половине, Таврида оказалась в орбите экономической и политической активности Руси», следовательно, делал вывод рецензент, ранее в эту орбиту Таврика не входила и стала «родной» только с 9 в.». Кроме того А. Л. Якобсон не упоминал «фактологический славянский материал в Крыму», «в работе... ни звука не упоминается о раскопках Барсамова в Коктебеле, о Тмутараканском камне... о находках в Херсонесе (гривны, кресты, горшок) и наконец антских фибул в Суук-Су (см. работу Б. А. Рыбакова “Ремесло древней Руси”)». И снова последовал неутешительный вывод: «Работа А. Л. Якобсона должна быть в корне переработана, вернее должна быть написана наново. В таком виде не может быть опубликована ни в одном издании нашей страны» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 52–56). Итог подвел заместитель директора КНИБ АН СССР Я. Д. Козин в письме А. Л. Якобсону. Аргументирую

отказ в публикации, он писал: «Главный недостаток Вашей работы заключается в том, что Вы методологически неправильно подходите к изучению вопросов из истории Крыма. Вы средневековый Крым, по примеру некоторых старых буржуазных историков целиком отдаете Византии, а русских в Крыму изображаете в роли агрессоров и пришельцев. С таким положением согласиться нельзя. Тем более Вам, безусловно, известно, что согласно решениям Президиума АН СССР о направленности работы Крымской базы, история Крыма должна изучаться как неотъемлемое звено истории народов СССР, русской истории» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 86). В списке критикуемых за «византизм» А. Л. Якобсон оказался не одинок. Те же огрехи нашли и в докладе С. А. Секеринского, не была принята к печати статья Е. Ч. Скржинской (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 38). Доклад же В. П. Бабенчикова, критиковавшийся на сессионных заседаниях, получил положительные, хотя и краткие отзывы. П. Н. Надинский особенно высоко оценил поддержку тезиса «Крым — издревле русская земля» и лишь порекомендовал «сильнее политически заострить критику неправильных взглядов авторов на историю Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 36, 37). В итоге ни в 1949 г., ни в последующие годы труды трех сессий по истории Крыма так и не были опубликованы в печати.

К лету 1949 г. Крымская научно-исследовательская база АН СССР была преобразована в Крымский филиал АН СССР (КФ АН СССР). П. Н. Шульц в этой связи даже ставил вопрос о реформировании Сектора истории и археологии в Институт истории и археологии (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 1).

В стране борьба с «буржуазным объективизмом», «космополитизмом» и «низкопоклонничеством перед Западом» приобретала все большие масштабы (Тихонов 2016: 131–263). На этом фоне В. И. Равдоникас попытался воспользоваться ситуацией для укрепления самостоятельности ЛО ИИМК в научно-административной сфере. Позиции московских коллег подверглись критике в его докладе «О положении в археологической науке» за якобы имевшие место формалистические подходы. Но блицкриг не удался. «Красный демон археологии» в марте 1949 г. был отстранен от руководства ЛО ИИМК (Клейн 2010: 382–383; Платонова 2013: 33). В 1949 г. из ЛГУ был уволен С. А. Лурье. Еще более трагическая участь постигла А. К. Тахтая. Ему припомнили работу в Херсонесском музее в период оккупации, уволили с работы, завели уголовное дело. К делу А. К. Тахтая был приложен доклад П. Н. Надинского «Против извращений исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков», материалы которого стали дополнительным аргументом в пользу обвинения А. К. Тахтая в космополитизме и коллаборационизме (Граб В. И., Супруненко 1991: 46–50).

Гиперпатриотические настроения очень ярко проявили себя в творчестве известного советского писателя и литературоведа, одного из переводчиков «Слова о полку Игореве» Алексея Кузьмича Югова (1902–1979). В очерке-эссе «Родина Ахиллеса» (Югов 1949; 1975) он, как убежденный автохтонист, считавший бесспорно «прарусскими» трипольцев, киммерийцев, тавров, скифов, ссылаясь на мнения М. В. Ломоносова, В. Г. Васильевского, В. В. Хвойки и т. д., предлагал «отодвинуть... в древность саму русскую народность», а появление славян в Причерноморье относить еще к временам Троянской войны. Писатель упрекал современных ученых, пребывающих в плену у «немецких концепций» и не решающихся заявить об истинной древности славянства и русской культуры, представителем которой был, по его мнению, легендарный Ахиллес.

Последнего он считал «владыкой скифской земли», урожденным тавро-скифом. Из эссе следовало, что «мы, “народ Рос”, были создателями средиземноморской культуры наравне с греками», а Киевская Русь берет свое начало от государства поздних скифов в Крыму. В облике скифского царя из мавзолея Неаполя он видел «гордое, но в то же время юношески доверчивое лицо... крымского славянина». Керченский полуостров представлялся А. К. Югову как родина металлургии, благодаря развитию которой Ахиллес и получил неуязвимые доспехи. Отсюда следовало, что русские являлись исконным населением Крыма, где греки, римляне, готы, гунны, татары, турки были лишь пришлыми варварами, способными лишь грабить полуостров и разрушать наследие «древнерусской тавроскифской культуры» (Югов 1949: 182–190).

Как уже указывалось, данные идеи принадлежали не самому А. К. Югову, точнее, не только ему. У него в литературной пафосной форме изложена квинт-эссенция представлений о древности славянства и его роли в Крыму, сформировавшаяся в послевоенный период.

Этим же представлением следовал и П. Н. Надинский, ставший неформальным «комиссаром» СИА. Учитывая свой опыт работы на партийных должностях, он воспринимал научные публикации не как форму изложения частных мнений и результатов исследований, а прежде всего как средство печатной пропаганды. Действительно, за прошедшие годы в литературе по истории Крыма накопилась довольно много противоречивых суждений, как ему представлялось, не отвечающих задачам социалистического строительства и генеральной линии ВКП(б). П. Н. Надинский вполне искренне считал своим долгом очистить научную литературу от подобного рода «извращений».

Дабы привлечь внимание к проблеме, П. Н. Надинский направил соответствующее письмо в ЦК ВКП(б). Оно и стало основой доклада, прозвучавшего 23 июня 1949 г. в Парткабинете Симферопольского Горкома ВКП(б). На заседании присутствовало более 100 человек: преподаватели крымских вузов, Областной партийной школы, техникумов и школ г. Симферополя, сотрудники музеев Крыма, Областного архива, представители печати, партийных и общественных организаций (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 113–116).

Заседание открыл Я. Д. Козин, указав, что после войны «в Крым вернулись исконные владельцы из различных областей СССР, подлинные хозяева Крыма — русские люди, они хотят знать историческое прошлое своей области», но, как выясняется, во многих работах по истории полуострова «отрицалось в развитии народа все местное, самобытное и преувеличивалось, раздувалось все пришлое — чужеземное». Крым рассматривался как «очаг непрерывных вторжений, оккупаций, завоеваний... имя этого направления — космополитизм» (РО НА ИАК РАН. Д. 8 (1949). Л. 2, 3). Эту мысль и развил П. Н. Надинский в своем докладе. Называя Крым исконно славянской землей, докладчик указывал: «Космополитизм в науке, в литературе и искусстве означает не что иное, как стремление подорвать национальные корни, национальную гордость свободлюбивых народов, потому, что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места и продать в рабство американскому империализму... нам предстоит немалая борьба и огромная работа по очищению исторической литературы о Крыме от имеющихся в ней крупных ошибок и извращений» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 62). Далее П. Н. Надинский постарался привести конкретные примеры. По понятным причинам он был недостаточного глубоко знаком с историографией, поэтому в центре внимания оказались работы участников

сессий по истории Крыма прошлых лет. В. Д. Блаватский критиковался за преувеличение эллинского влияния на местных жителей, подразумевавшее, якобы, что «предки русских не были способны создать свою самобытную культуру, а заимствовали все из-за границы». Те же нотки П. Н. Надинский уловил в трудах Г. Д. Белова и Н. В. Пяташевой, которые не «усвоили неоспоримую истину, что тавро-скифы были хозяевами Крыма, а греки, римляне и другие иноземные народы были захватчиками, агрессорами» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 68). Среди космополитов назван уволенный из ЛГУ профессор С. Я. Лурье, чей доклад на прошлогодней сессии дал основания «отрицать факт восстания рабов в древнем Боспоре под руководством скифа Савмака» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 95). Критика коснулась и медиевистов за их увлечение Византией, в частности А. Л. Якобсона, из прошлогоднего доклада которого можно было сделать вывод, что во времена Владимира «войска Киевской Руси вторглись в Крым подобно диким кочевым ордам, сея вокруг себя смерть и разрушение», а «армия Владимира, якобы кормилась в Крыму, грабя местное население» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 70). Конечно же, не обошел П. Н. Надинский вниманием и «готский вопрос». По его заключению, наиболее видными «теоретиками и пропагандистами крымских готов в советское время» были эмигрант А. А. Васильев, покойный Н. И. Репников, репрессированные Н. Л. Эрнст и А. И. Полканов, а также А. С. Башкиров, которые «с ученым видом пропагандировали сказки о крымских готах», проникшие в Малую и Большую Советскую энциклопедию, вузовские учебники и антропологические исследования, в частности, в книгу Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 76, 77–83). Турецко-татарская эпоха в докладе названа «самым мрачным периодом истории Крыма». П. Н. Надинский убеждал, что авторы довоенных краеведческих изданий, указывавших на тяжелую жизнь татар при царизме, находились под влиянием «татарских националистов», таким образом выбивавших себе преференции по сравнению с другими народами полуострова, а в действительности боровшихся против Советской власти в Крыму и сотрудничавших с немецким оккупантами (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 83–93). Сотрудничество с оккупантами ставилось в вину и А. К. Тахтаю. По словам докладчика, «изменник Тахтай» еще в «1936–37 годах... почти открыто пропагандировал расистские теории» и благодаря ему «фашистские захватчики пытались превратить Херсонесский музей в гнездо фашистской пропаганды» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 95–97). Оправдывая свою позицию во время оккупации, А. К. Тахтай позднее заявлял: «Наука не имеет границ... стоит над политикой и работал он не на немцев, а на Херсонес» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 95). В этом П. Н. Надинский также усмотрел проявления космополитизма и преступной аполитичности, равно как и в недостаточно четкой этнической атрибуции горшка славянского типа из Херсонеса (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 101; Тахтай 1948: 42–43). Как неопровержимый и доказанный факт П. Н. Надинский преподносил скифскую версию происхождения славян, ссылаясь в ее подтверждение на «замечательные результаты археологических раскопок Тавро-Скифской экспедиции» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 71). Он подверг критике не только сомневавшихся в ее истинности, но даже тех, кто открыто не высказывался в ее поддержку. Среди таковых оказались и историки кафедры истории СССР Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, возглавляемой Федором Степановичем Загородских (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 105–110). Эти сотрудники не проявляли особого интереса к данной теме,

разве что за исключением И. Ф. Дриги. В свое время он подготовил статью «О южных предках восточных славян» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 40–41), но зная о скептическом отношении коллег по кафедре, обсуждать в своем научном коллективе не стал и передал работу для рецензии и разбора в Областное лекционное бюро, с которым активно сотрудничал П. Н. Надинский (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 21).

Выступая в ответ на критику, Ф. С. Загородских назвал доклад П. Н. Надинского поверхностным, но подтвердил, что «безраздельно поддерживает мнение о важной роли скифов в сложении славян» и посоветовал больше популяризировать в печати открытия ТЭС. Сотрудникам СИА КНИБ он рекомендовал, в конце концов, представить работу, разоблачающую «готский вопрос», а для участия в своих конференциях более тщательно подбирать докладчиков (имея в виду критикуемых А. Л. Якобсона, С. Я. Лурье и т. д.) и не сваливать свои просчеты на историков Пединститута. В итоге Ф. С. Загородских призвал к сотрудничеству между историками различных учреждений (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 4–7, 16, 17). Но в пляде выступавших в прениях по докладу Ф. С. Загородских осталась в меньшинстве. Среди поддерживавших «целенаправленность и партийную направленность доклада» П. Н. Надинского: старший преподаватель истории Крымского Пединститута А. А. Прудников, В. П. Бабенчиков, И. Ф. Дрига, зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма Крымской областной партийной школы Ю. Д. Спиртус, Л. И. Кандрашев, заведующий лекционным бюро г. Ялта тов. Макаров, профессор ЛГУ К. М. Колобова и др. (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 113–116).

П. Н. Шульц также продемонстрировал солидарность с П. Н. Надинским. В своем выступлении он отмечал: в литературе прошлых лет Крым зачастую «распродавался космополитами разного толка оптом и в розницу и римским оккупантам и готам и генуэзцам и татарам и туркам и немцам», это происходило на фоне преуменьшения роли местного населения, прежде всего тавров, которые «трактовались как “крымские троглодиты”». Напомнил и об ошибках, допущенных В. Н. Дьяковым, распространившим «римскую оккупацию на всю Тавриду» (Дьяков 1941) и принявшим таврские укрепления на Медведь-Горе и г. Кошка за укрепления римского лимеса. Коснулся П. Н. Шульц и освещения «готского вопроса». То, что эта тема изначально была «отравлена готифильским духом» — очевидно. Проблема в том, что в статье, опубликованной в профашистской газете «Голос Крыма» (Шевелев 1942), имелись ссылки на отечественных ученых, в частности на результаты экспедиции ГАИМК на Эски-Кермене. И уж совершенно одиозным на этом фоне выглядел сборник ГАИМК под редакцией В. И. Равдоникаса (Равдоникас 1932). Хотя В. И. Равдоникас «этнос превращает в стадию», но писал о готах как о «безусловной исторической реальности» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 53). Тем более явно это проявилось в его ранних статьях (Равдоникас 1929; Ravidonikas 1929a; 1929b). В связи с этим П. Н. Шульц заключил: «В работах Равдоникаса по готскому вопросу, мы сталкиваемся с ярко выраженными проявлениями космополитических извращений истории Крыма, сыгравших на руку немецко-фашистским варварам». Тем самым он озвучил крайне жесткую позицию, учитывая положение ленинградского ученого в этот период (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 53).

Критике со стороны П. Н. Шульца, как это ни странно, подверглись и активные сторонники скифо-славянского родства и исконно русского Крыма капитан Ф. Г. Вольный, И. Ф. Дрига и писатель А. К. Югов. В их произведениях

П. Н. Шульц усмотрел рецидив «покровщины», поскольку данные авторы «строят свои исторические обобщения не из фактологического материала, но опрокидывают в прошлое сложившиеся в их голове предвзятые теории, искусственно подтягивая к ним факты». Так, по его мнению, Ф. Г. Вольный и И. Ф. Дрига, минуя многовековой процесс развития, утверждали преемственность культуры Киевской Руси от скифов, а А. К. Югов в первом варианте своей статьи «Родина Ахиллеса» утверждал, что Ахиллес — русский князь. «Нельзя, — отмечал П. Н. Шульц, — недопустимо сложнейшую, хотя и неотложную проблему о роли древнего и раннесредневекового Крыма и его коренных народов в этногенезе славян, проблему, кстати сказать, требующую накопления и исследовательской обработки громадного фактического материала, решать скондачка, путем лозунгов, логическим путем. Этим мы только дискредитируем нужную, животрепещущую проблему и ослабим энергию исследователей, работающих над вопросами происхождения восточных славян и истории древнего и средневекового Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 56, 57). Не поддержал он и огульного отрицания роли античного и византийского наследия в культуре Киевской Руси, заметив, что «в борьбе с космополитизмом не следует впадать в его кажущуюся противоположность — в национальную ограниченность и шовинизм» (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 57). Даже несмотря на политическую конъюнктуру, профессиональные ученые всегда прохладно относились к работам дилетантов, одним росчерком пера решающих глобальные проблемы, не утруждая себя ни сбором материала, ни анализом фактов. Такой подход значительно обесценивал скрупулезную работу ученых. А возможно, это был косвенный посыл самому П. Н. Надинскому, недалеко ушедшему в своих декларациях от критикуемых. Однако он явно не был услышан.

В резолюции по итогам собрания отмечалось: «Необходима коренная перестройка в работе историков Крыма. История Крыма должна изучаться как неотъемлемое звено истории народов СССР, русской истории. Историю Крыма необходимо освещать как историю русского Крыма, как историю исконной русской земли», сам же доклад П. Н. Надинского получил наивысшую оценку (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 133–137). Было принято решение выпустить текст доклада отдельной брошюрой. Однако издание по непонятным причинам так и не состоялось (РО НА ИАК РАН. Д. 6 (1949). Л. 117–118; РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 21, 102, 105). Последний факт еще раз доказывает: критический доклад П. Н. Надинского не был инспирирован сверху, хотя и поддержан партийным руководством области.

Вероятно, тогда же П. Н. Надинский искренне пришел к убеждению, что именно ему уготована роль формирования новой парадигмы истории полуострова. Идея написания монографии «Очерки по истории Крыма» в целом была поддержана на заседании СИА КНИБ. Правда, Е. В. Веймарн настаивал на коллективном выполнении работы, но остался в меньшинстве (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1949). Л. 49–50). П. Н. Надинский с присущей ему энергией в мае 1950 г. приступил к работе над первым томом (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 15).

Брошюра-доклад П. Н. Надинского, имевшая, прежде всего, идеологический характер, возможно, не была опубликована еще и вот по какой причине. В 1949 г. развернулось так называемое «Ленинградское дело», обусловленное внутривнутрипартийной борьбой в ВКП(б). В деле образовался и крымский след. Первый секретарь Крымского обкома Н. В. Соловьев сразу после войны был председателем Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся.

Естественно, он и впоследствии контактировал с руководством региона, теперь попавшего под шквал репрессий. В начале августа 1949 г. Н. В. Соловьева вызвали в Москву, отстранили от должности, а затем и арестовали. По «делу Соловьева» было привлечено более 100 человек. В числе арестованных был и секретарь Крымского Обкома П. А. Чурсин (Амосова 2016). Партийные руководители Крыма, имевшие непосредственное отношение к созданию КНИБ АН СССР, были репрессированы как «враги народа», а ново назначенному Первому секретарю Обкома Павлу Ивановичу Титову (1907–1990) в это время было явно не до вопросов истории полуострова.

В итоге брошюра П. Н. Надинского «Против извращений исторического прошлого Крыма» пролежала у редактора шесть месяцев, а затем попала в Крымиздат, но ходу ей так и не дали. Аналогичная картина была и с Трудом Сессии по истории Крыма. Рукописи сначала находились в Крымиздате около полугода, затем их отправили на рецензирование в Институт Истории АН СССР и в ИИМК АН СССР, но московские коллеги не спешили прислать свои отзывы (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 20–21).

Загадка Коктебельского городища

В 1949 г. Коктебельский (славяно-русский) отряд Тавро-Скифской экспедиции КФ АН СССР, при участии Областного краеведческого и Ялтинского музеев, под руководством В. П. Бабенчикова приступил к раскопкам на г. Тепсень. В результате был обнаружен один из крупнейших в средневековом Крыму трехапсидный христианский храм (Майко 2004: 7, 254–267).

О результатах работ ученый доложил на пленуме в ИИМК, а к концу декабря предполагал закончить статью «Находки славянских археологических памятников в Крыму». В отчете за 1949 г. отмечалось: «Получены новые данные о бытовании славян в Крыму и поставлен вопрос об участии Крыма в общем процессе этногенеза славян с Северном Причерноморье. В раскопной части (городище. — Авт.) дано возможность констатировать наличие близ б. Коктебеля на плато Тепсень большого славянского городища. Поселение лишено оборонительных сооружений. Раскопан жилой дом, собрано большое количество керамики славянского типа, черепицы с клеймами. Материал датирует поселение с VI по XII в... открыт ряд жилых каменных зданий, одно из них имело печь русского типа. Посуда носит славянский характер». Подчеркивалось своеобразие «аборигенной культуры Юго-Западного Крыма», а на основании обработанного Е. В. Веймарном материала из могильников Чуфут-Кале и Инкермана «выяснилось деятельное сохранение в обряде погребения и вещественных материалах... элементов поздней таврской культуры, что говорит о сохранении у населения раннесредневекового Крыма таврских элементов. Ярko представлены в материале могильников обрядовые формы и вещественный материал алан» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1949). Л. 1–32).

В первый же рабочий день нового 1950 г. состоялось пленарное заседание Музейно-краеведческого совета и СИА КФ АН СССР. По поводу доклада В. П. Бабенчикова «Остатки славянских поселений в Крыму» возникла дискуссия, хорошо отражающая напряженную обстановку вокруг «славянского вопроса» и путей его разрешения. Приводим ее в том виде, в котором она зафиксирована в соответствующем протоколе заседания.

Первым в прениях выступил С. Ф. Стржелецкий: «Я ехал в Симферополь после того, как увидел Коктебельские раскопки. Коктебельский материал явно выделяется, во-первых, глина специфичная, обработка с характерными чертами; второе, что интересно в Коктебельском материале — это ранняя датировка. Я целиком и полностью согласен с В. П. Бабенчиковым, что материал близок к Салтовскому материалу. Однако слушая здесь В. П. Бабенчикову, я не могу согласиться с датировкой коктебельского материала до VI в. (вероятно, опечатка: “до VIII в.”. — *Авт.*). Керамика удревлена до VI в. Мне кажется, что славян таких как на Днепре и антов таких как на Днепре мы не найдем в Крыму. Надо искать специфику. Надо искать славян крымских. Надо доказывать общность культуры Поднепровья и Крыма. В отношении салтов, Бабенко, описывая материалы, прямо говорит, что аналогию этого материала мы имеем в Крыму. Материал в Коктебеле, по-моему, славянский, а специфика его — за счет крымских особенностей. Коктебельские раскопки всколыхнули нас в Херсонесе. Мы отстаем в изучении славянских проблем. В этом году Херсонесский музей занимается славянским вопросом. Я просмотрел археологический материал, накопленный в течение десятков лет и выбрал славянский материал. Собралось большое количество материалов. Уже в середине прошлого столетия в науке прочно установлена специфика славянских орнаментаций на сосуде. В Херсонесе нет славянского орнамента до VIII в. Он появляется после VIII века. В эпоху средневековья мы встречаем большую группу этой керамики. Многочисленные интересные пряслица русских мастеров, найденные в Херсонесе относятся ко времени X–XII вв. Одновременно подтверждается большое влияние Руси на Корсунь. Аналогичные примеры мы можем проследить на энколпионах, кольчугах, стеклянных браслетах и др. материалах. Я ставлю вопрос, что за материал из Корсуни? Можно твердо сказать, что влияние Руси на Корсунь колоссально. Я считаю необходимым изучить: Коктебель, Тьмутаракань, Корсунь для решения славянской проблемы в Крыму».

К. Ф. Соколова отметила, что «отсутствии антропологического материала в Коктебеле очень снижает достоинство всей работы».

Следующим слово взял П. Н. Шульц: «Вопрос о Тании, Атании, Арта (“Арсания” или “Артания” арабских источников X в. — *Авт.*) до сих пор не решен. Существует целый ряд мнений. Пархоменко считает, что Атания может быть Таманью. Данные об Атании относятся к VIII веку. Было бы чрезвычайно важно поставить вновь вопрос о месте нахождения Атании. Мавродин подчеркивает, что местонахождение Атании — загадка. Над этим вопросом должны работать археологи Крыма. Второе свидетельство, что Русь находится на острове. В нем говорится о болотистости и о том, что Русь имеет царя. Мавродин высказал утверждение о наличии где-то в Таврии населения русской дружинной вольницы — работорговцев, купцов для которых меч был средством установления власти и влияния. Насонов выдвинул точку зрения, что остров Руссов это Крым. Русский каганат, которым интересуется Рыбаков, достаточно ясно датируется IX–X в. Свидетельство о скифском народе Росс через море прорвавшимся. Храм в Тепсене примыкает по своему виду к Киевским храмам. Этот храм датируется VIII–X веком. Встает вопрос об Атании. Может быть Атания есть Крымско-Таманский каганат, предшествующий Тьмутараканскому княжеству. Изучение Тепсена может быть и положит начало постановке вопроса о Тании. Необходима совместная работа археологов, историков, антропологов. В этом году надо провести раскопки погребений в Тепсене. Вопрос о датировке Тепсеньского материала самый

важный. Мне кажется, он относится к VIII веку. Тепсеньский горшок типично русский (хочется есть из него гречневую кашу)».

Несколько эмоционально относительно выступления С. Ф. Стржелецкого высказался заместитель директора КНИБ Я. Д. Козин, вероятно не вполне правильно понявший смысл дискуссии: «Все выступление Стржелецкого сводится к тому, чтобы доказать, что славян здесь до VIII века не было. Мы должны рассмотреть археологический материал. Осторожность Стржелецкого — отрывка буржуазного объективизма. Считаю, что у Вас нет материалов, опровергающих Бабенчикова. У нас в Крыму и на Кавказе работают 10 экспедиций, а славянами не занимается ни одна из них. Я был недавно в Краснодаре и поставил перед тамошними археологами вопрос о Тьмутараканском княжестве. Считаю, что проблеме славянства надо решать крымским историкам в первую очередь».

С. Ф. Стржелецкий в свою очередь попытался объяснить свою позицию: «Я не против славян, но коктебельский материал не подтверждает датировки VI в. Выступление Я. Д. Козина — явное недоразумение, потому что мое выступление было направлено на решение тех же задач, к выполнению которых призвал Яков Дмитриевич. Принципиально я считаю, что в Крыму мы найдем славян не только в IX–X веках, но и в предшествующие эпохи, что поможет нам выявить генетику крымских славян. Что же касается керамики Коктебеля, то она не имеет черт VI–VII вв». (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1950). Л. 1–2).

Из вышеприведенной дискуссии следует, что связь поселения в Коктебеле с древностями салтово-маяцкой культуры (безотносительно к ее этнической атрибуции) в целом признавалась. Однако предметом дискуссии стала хронология памятника. В. П. Бабенчиков пытался удревнить его до VI столетия, тем самым приблизив к финалу скифской культуры, и ликвидировать образовавшийся хронологический hiatus. С. Ф. Стржелецкий справедливо отмечал, что крымских славян не стоит пытаться непременно вписать в существующие рамки представлений о материальной культуре славянского мира Поднепровья. Однако он наткнулся на критику Я. Д. Козина, вероятно, не вполне понявшего смысл дискуссии археологов и посчитавшего, что С. Ф. Стржелецкий, поднимая вопрос о датировке керамики, ставит под сомнение крымско-славянскую проблему в целом.

«Объяснительная записка к плану научно-исследовательской работы» СИА Крымского филиала АН СССР на 1950 г., подготовленная Е. В. Веймарном, касалась тематики работы и была составлена с учетом обстановки в науке и проблем, поднятых в докладе П. Н. Надинского. Проблема «Аборигенные населения Крыма в древности» была призвана «разрешить вопрос о происхождения и развитии коренного населения полуострова». Отмечалось, что «старая история и археология почти совершенно не уделяли этому вопросу внимания. В советский период до Великой Отечественной войны, этот вопрос также мало разрабатывался, так как темы древнего Крыма искусственно завуалировались, а подчас нарочито искажались татарскими буржуазными националистами. Только создание в 1948 году научно-исследовательской Базы АН СССР в Крыму сделало возможным планомерно начать разработку этой проблемы, создать в Крыму ведущее, руководящее начало, вокруг которого смогут объединиться исследователи Крыма, музейные работники и педагоги историки области». Включенная в состав проблемы тема «Скифы в Крыму» была рассчитана на срок до 1952 г. и должна была завершиться монографией, отражающей все основные вопросы истории скифов в Крыму. «Главным разделом должно быть освещение роли

Крымских скифов в процессе этногенеза славян и формирования древнеславянской культуры». «Решение скифского вопроса в истории Крыма поможет правильно подойти и к решению вопроса появления и существования древнегреческих поселений на берегах полуострова, исследование которых без глубокого понимания истории аборигенного населения будет односторонним». По теме «Славяне в Крыму» к 1952 г. также должна была быть написана монография, тематически сопряженная с монографией о скифах и являться ее логическим продолжением. «В этой работе на письменных источниках и памятниках материальной культуры должен быть разработан вопрос об этногенезе славян в Крыму и роли Крыма в общем процессе этногенеза восточных славян». Также отмечалось, что «для правильного изучения, актуального для русского Крыма, вопроса необходимы большие полевые археологические исследования целого ряда городищ и их могильников (в первую очередь городище в Коктебеле и в Суроже) и письменных источников — русских летописей и византийских писателей», а «разработка этой темы и нахождение в Крыму значительного количества реальных памятников материальной культуры славян полностью докажут положение о том, что Крым является издревле русской землей. Эти реальные материалы необходимы для культурно-просветительной работы в Крыму и для создания основных исторических музейных экспозиций в музеях Крымской области». Тема «История древнего и средневекового населения Крыма в антропологическом отношении» должна была «помочь в вопросе этногенеза племен и народов, населявших Крым... способствовать решению вопроса о том, какие племена и народы, какие социальные их прослойки придерживались обычаям искусственной деформации черепов».

Тему «Аборигенные культуры юго-западного Крыма» Е. В. Веймарн планировал завершить уже в 1950 г. Она касалась преимущественно вопросов истории крымского средневековья. В этой связи ученый отмечал, что «особенно вредны и тенденциозны две буржуазные концепции в отношении юго-западного Горного Крыма, возникшие еще в конце прошлого столетия это: 1. Стремление враждебных нам групп историков доказать, что в III в. готы-германцы проникли в Крым и овладели полуостровом. Остатки, якобы, этих готов просуществовали в Крыму до XVIII столетия; 2. Преклонение перед византийским влиянием на историю Крыма в результате чего, даже в работах некоторых советских ученых, это влияние и политическое господство Византии над горным Крымом изображалось как многовековое, безраздельное господство. До сих пор эти две вреднейшие концепции в научной литературе серьезно не разоблачены, поэтому еще очень часто в практике культурно-просветительной работы история Крыма эпохи средневековья освещается совершенно не верно» (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 11–20).

Крымские археологи в период борьбы с «марризмом»

Подготовка «Очерков по истории Крыма» (объемом 10 п. л.) П. Н. Надинским решением Ученого совета Крымского филиала АН СССР в 1949 г. была выделена в отдельное мероприятие, рассчитанное на 1950–1951 гг. (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 89). В аннотации (безусловно, составленной самим П. Н. Надинским, но за подписью П. Н. Шульца) указывалось: «Создание научно-популярного очерка по истории Крыма диктуется насущной необходимостью. Население

Крымской области и, в первую очередь, переселенцы хотят знать историю края, в котором они живут и трудятся. У нас же сейчас нет ни одной книги, в которой было бы последовательно, в научно-популярной форме, освещено историческое прошлое Крыма с древнейших времен и до наших дней и которую можно было бы рекомендовать советскому читателю. В работах буржуазных историков при освещении истории Крыма допускались крупные ошибки и извращения фактического и методологического порядка. Как правило, история Крыма освещалась оторвано от истории русского государства, русского народа. Воссоединение Крыма с Россией расценивалась как колониционный захват русскими чужой, никогда, якобы принадлежащей им земли. В то же время обычно восхвалялась роль греков, римлян, генуэзцев, татар, турок. Особенно популяризировались так называемые «Крымские готы». К сожалению, эти ошибки и извращения еще до сих пор и некоторыми советскими историками, работающими над вопросами Крыма в прошлом. Поэтому издание научно-популярного очерка по истории Крыма, в котором история населения полуострова была бы изложена как неотъемлемое звено истории народов СССР, русского государства, является чрезвычайно важной задачей. Работа будет вестись в направлении суммирования всех последних научных исследований в областях касающихся истории Крыма».

П. Н. Надинский начал работу над монографией в мае 1950 г. К концу года первая часть книги, освещающая историю Крыма от палеолита до 1783 г., была уже готова. Предполагалось, что она ляжет в основу экскурсионной, лекционной и туристической работы, будет использована в качестве пособия по изучению истории края пропагандистами, агитаторами, учителями, преподавателями и студентами крымских вузов. (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1950). Л. 62). Новое издание должно было «иметь большое политическое значение для агитационно-массовой, краеведческой работы среди переселенцев. Очерки будут прививать любовь к Крыму у новоселов и воспитывать у них благородные чувства советского патриотизма» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 94–96).

В том же году была опубликовано 3-е переработанное издание научно-популярной книги П. Н. Надинского «Суворов в Крыму» (Крымиздат, 1950 г.) объемом в 5 п. л. Учитывая активность П. Н. Надинского, не приходилось сомневаться, что книга по истории Крыма будет закончена в срок.

Но 20 июня 1950 г. произошло неожиданное событие, потрясшее всю советскую гуманитарную науку. На страницах «Правды» И. В. Сталин выступил против «учения Н. Я. Марра», признав его не марксистским (Сталин 1950). Ученым-гуманитариям пришлось спешно отказываться от этого наследия (Юрочкин 2013: 399–400). По стране прошла волна «разоблачений» и «саморазоблачений» в научной среде (Алпатов 2004: 191–211; Тихонов 2016: 285–291). Одним из первых в процесс включился П. Н. Третьяков, подвергший критике за «марризм» ряд коллег, в том числе и П. Н. Шульца в связи с идеей происхождения крымских славян от скифов (Третьяков 1950: 17). Автохтонная линия происхождения славян от скифов фактически утратила право на существование.

Июньский 1950 г. выпуск литературно-художественного альманаха «Крым» вышел с опозданием, вероятно, из-за статьи П. Н. Шульца, подводившей итоги археологических исследований на полуострове за годы советской власти. Касаясь «пещерных городов», П. Н. Шульц все еще подчеркивал аборигенный характер оставившего их населения и отсутствие здесь следов готской культуры. Но, сообразуясь с велениями времени, уже сделал ряд выпадов в адрес

«вульгарной теории Н. Я. Марра о “стадиальности”» и в адрес позиции В. И. Равдоникаса (Шульц 1950: 154).

В отчете Сектора за 1950 г. отмечалось: «...громадное значение имеют исторические указания тов. Сталина, изложенные в его трудах по языкознанию. Эти указания имеют прямое, непосредственное отношение к разработке вопросов происхождения и развития племен и народностей древнего и средневекового Крыма, над которыми работает сектор. Работники сектора осознавали, что их неотложной задачей является критический пересмотр трудов по истории Крыма, в частности и работ сектора за предшествующие годы в свете положений, изложенных в произведениях И. В. Сталина о языке и языкознании. Антимарксистские положения, воспринятые из работ Н. Я. Марра, вульгаризация их, упрощение, догматизм и начетничество, имевшее место среди научных и популярных работ о Крыме, должны быть полностью искоренены в работах крымских историков и археологов. В связи с этим на юбилейной сессии организованной Крымским филиалом АН СССР в ноябре 1950 г., посвященной 30-летию установления Советской власти в Крыму, П. Н. Шульц прочел доклад “Историко-археологические исследования в Крыму за 30 лет”, в котором “были вскрыты извращения и ошибки в освещении истории Крыма, навязанные работами Марра, имевшие место в частности в статье В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья»» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 1, 2). Кроме того, П. Н. Шульц подготовил доклад в связи с публикацией статьи П. Н. Третьякова «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании» (Третьяков 1950). В упомянутой статье П. Н. Третьяков раскритиковал позиции ряда авторов, писавших о скифах, в том числе и П. Н. Шульца. Последний, естественно, с критикой не согласился и готовил свой ответ оппоненту.

Одной из проблем крымской археологии было соотношение кизил-кобинской археологической культуры с историческими киммерийцами и таврами. Раньше данный вопрос, учитывая автохтонную парадигму развития народов Крыма, не имел принципиального значения. Однако теперь и он подлежал ревизии. Было предложено считать, что кизил-кобинская культура на Керченском полуострове связана с киммерийцами, тогда как на южном побережье и горном Крыму является отражением культуры ранних тавров. При этом высказывалось мнение «в пользу этнического родства тех и других» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 4).

В 1950 г. Инкерманской археологической экспедицией МПГК и КФ АН СССР под руководством Е. В. Веймарна и В. П. Бабенчикова на р. Черная в районе с. Хмельницкое произведены исследования могильника «Инкерман-II» (Чернореченского). Некрополь II–IV вв. был во многом близок Инкерманскому. Однако здесь помимо традиционных для Крыма ингумаций был обнаружен целый участок с кремациями, помещенными в лепные сосуды и амфоры (Бабенчиков 1963). Кремации III–IV вв. на полуострове уже находили в 1930-х гг. на м. Ай-Тодор. Но тогда этому необычному для Крыма обряду не придали особого значения, поскольку он был зафиксирован в непосредственной близости от стен римской крепости Харакс II–III вв. (Блаватский 1938). Несмотря на несколько более позднюю датировку, связь оставившего их населения с римлянами казалась очевидной.

Иное дело находки из Черноречья, сделанные в начале 1950-х гг. Особый интерес вызвал сероглиняный гончарный лощеный кувшин, аналогичный сосудам

черняховской культуры. Как представлялось, он указывал направление поиска истоков населения, оказавшегося в III–IV вв. в Инкерманской долине, и, конечно же, приводил в Поднепровье, в ареал черняховской культуры. В эти годы она считалась исключительно славянской, а ее носители практиковали как ингумацию, так и кремацию. В 1950 г. уже не имело смысла вписывать данные находки в «автохтонную схему». Казалось, что найдены самые ранние следы славян в Крыму, относящиеся как минимум к III в. Открытия в Черноречье вызвали интерес в Крыму и за его пределами. Репортаж о них был даже представлен на крымском радио.

Авторы научного отчета СИА КФ АН СССР за 1950 г. писали, что в результате раскопок в Инкерманской долине: «доказано: 1) наличие в юго-западном Крыму, в районе Инкермана и нижнего течения р. Черной могильников с находками вещей раннеславянского характера, посуды и изделий из металлов, тождественных с древностями антов Приднепровских районов (культура “полей погребенных”); 2) Доказано наличие в этих районах погребений с сожжением в урнах (поля погребальных урн близ с. Чернореченского). Эти данные ставят вопрос о связях населения Крыма с антами в дофеодальный период» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 5, 6). По мнению авторов раскопок «систематизированный материал позволяет установить теснейшие связи юго-западного Крыма с Приднепровьем в эпоху раннего средневековья и доказывает безусловное преобладание среди населения этих районов местного таврского и сармато-аланского элемента. Наличие находок в этих могильниках, генетически связанных с культурой поздних скифов, а также наличие вещей раннеславянского типа (в Инкерманском и Чернореченском могильниках) позволяют ставить вопрос о проникновении в среду позднескифского и раннеславянского элемента» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 9). По их заключению «могильник дает яркую картину социальной и имущественной дифференциации. Культура своеобразна. Она включает в себя вещи: позднетаврского, сармато-аланского, позднескифского и раннеславянского происхождения. Имеются и привозные вещи из Херсонеса. Особый интерес представляет поле погребальных урн (43 урны) и сосуды антского типа, тождественные раннеславянским, антским сосудам из полей погребальных урн Среднего Поднепровья. Могильник, таким образом, доказывает связи Крыма в III–V вв. н. э. с антами» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 29–30).

На территории г. Алушта в 1950 г. был обнаружен средневековый некрополь. Совместной экспедицией Алуштинского краеведческого музея и КФ АН СССР под руководством Н. В. Пятышевой, а затем Е. В. Веймарна произведены его раскопки. Обнаружены руины храма X–XII вв., а также плитовые погребения X–XVIII вв. Наиболее богатое погребение в церкви дало 86 золотых изделий в виде разнообразных подвесок и украшений тончайшей филигранной работы, найдено значительное число серебряных и бронзовых изделий и несколько монет. В 1951 г. раскопки продолжил Ю. В. Кухаренко (Махнева 1968: 160–166). Раскопкам данного объекта придавалось большое значение, поскольку он свидетельствовал, что «еще до появления здесь генуэзцев имелось средневековое поселение с церковью и могильником местного населения», а сама «Алуштинская церковь имеет общие черты с Черниговскою Ильинскою церковью времен Киевской Руси» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 33). Последнее замечание не случайно. С 1950 г. совместно с КФ АН СССР на полуострове начал работу Историко-архитектурный отряд Академии архитектуры УССР под руководством Юрия Сергеевича Асеева (1917–2005). Основной задачей отряда

было изучение связей средневековой архитектуры Крыма с архитектурой Киевской Руси (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 31). Помимо Алуштинской церкви и храмов на Коктебельском городище (Тепсень) обследовался прекрасно сохранившийся крестово-купольный храм Иоанна Предтечи в Керчи. Проведенные работы, как отмечалось, позволяли «выдвинуть вопрос о вкладе средневекового Крыма в процессы формирования архитектуры Киевской Руси» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 34).

По окончании сезона итоги работ ТСЭ были представлены на Пленум ИИМК по итогам полевых исследований в 1950 г. При обсуждении докладов возникла дискуссия по вопросу оценки Коктебельского городища: является ли оно славянским поселением или относится к памятникам салтово-маяцкой культуры. Мнения разделились. Значительная часть выступавших, в том числе и Б. А. Рыбаков, все же поддержали В. П. Бабенчикова, отмечая, что «славянский материал в Коктебельском городище представлен» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 23–24), хотя было очевидным, что памятник лишь хронологически сопряжен со славянской эпохой. Но В. П. Бабенчиков решил не отступать от славянской атрибуции. В отчете по теме «Славяне в Крыму» указывалось: «Установлено распространение в Крыму, особенно в его восточных районах так называемой культуры “салтово-маяцкого типа”... поставлен вопрос о связи крымского варианта “салтово-маяцкой культуры” с аланами и россами. Доказано наличие в Херсонесе и Коктебельском городище славянского материала, свидетельствующего о наличии здесь славянского населения. Установлено наличие общих черт в храмах, открытых в Коктебеле, с памятниками храмовой архитектуры Киева и Чернигова. Археологические данные подкрепляют сведения письменных источников и данные топонимики о наличии росссов в Крыму» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 6). Действительно, на Тепсене были обнаружены фундаменты большого христианского храма (превосходившего размерами Десятинную церковь в Киеве), датированного В. П. Бабенчиковым IX–X вв. н. э. Это позволило высказать мнение, что «здесь находится один из значительных центров восточного Крыма в период непосредственно предшествующий возникновению Тмутараканского княжества и его владений в Крыму (VIII–IX вв.)» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 34). Также обращалось внимание: «Выводы имеют не только научное, но и политическое значение, т. к. вводят в науку новый материал, доказывающий наличие в Крыму славянского населения в эпоху средневековья» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 6).

Разъяснений, касающихся этнического состава населения Крыма, ждали и от антропологов. Эстафету исследований от В. Б. Бобина приняла м. н. с. СИА АН СССР К. Ф. Соколова, работавшая на постоянной основе под руководством известного советского антрополога проф. Г. Ф. Дебеца. На основании материала из захоронений, исследованных сотрудниками СИА АН СССР, они пришли к следующим выводам: «Таврское население с характерными широкоголовыми черепами, представленные в погребениях раннетаврского поселения близ Инкермана продолжает бытовать в районе р. Черной в первые века н. э. Таврский элемент представлен Чернореченском могильнике, в котором встречаются черепа сарматского облика с особенностями близкими к сарматскому населению нижнего Поволжья и Украины. Сходные группы прослеживаются в значительно позже в средневековых могильниках. Они генетически связаны с позднетаврским и позднесарматском населением Алушты и “Каламиты”. Однако в этих районах в это позднее время состав населения несколько более

сложен: небольшое количество черепов средиземноморского облика, очевидно — греков, а также круглоголовые черепа, связь которых еще не установлена. Монголоидных черепов во всех перечисленных могильниках не обнаружено. Вывод о том, что местное таврское и сармато-аланское население юго-западного Крыма и южного побережья, бытовавшее в первые века, смешиваясь между собой, продолжало существовать и в средневековое время. В какой мере в этом населении представлен скифский элемент установить пока еще не удалось» (РО НА ИАК РАН. Д. 12 (1950). Л. 6).

Следует также отметить, что все сотрудники СИА КФ АН СССР активно участвовали в лекционной и просветительской работе Общества по распространению политических и научных знаний. А лекция Э. И. Соломоник «Раскопки Неаполя Скифского — столицы скифского государства в Крыму» по инициативе общества даже была издана в виде отдельной брошюры (Соломоник 1950), став основным пособием для лекционной работы на данную тему. Таким образом, все открытия и гипотезы крымских археологов оперативно становились достоянием общественности.

Идею создания Института истории и археологии в составе Крымского филиала АН СССР не удалось воплотить в жизнь. Но статус все же был повышен: Сектор преобразовали в Отдел (ОИА КФ АН СССР). Во многом это было связано с задачами историко-археологического изучения трассы Северо-Крымского канала, который должен был служить для переброски днепровской воды из Украины на полуостров. Канал обеспечивал развитие сельского хозяйства в Крыму, а местным археологам давал возможность расширить территорию своих полевых исследований.

Некоторые изменения в этот период претерпели и направления работы, точнее не сами направления, а их формулировка. Количество проблем сократилось до двух: «Значение аборигенного населения в историческом развитии древнего и средневекового Крыма» и «История Советского Крыма». (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 1). Но и здесь не обошлось без проблем. В отзыве на план научно-исследовательских работ (равно как и рецензии на отчет СИА за 1950 г.) В. Н. Граков указывал на «неясность» выражения «аборигенное население», поскольку «скифы и тем более сарматы являются в Крыму в какой-то мере пришлым населением». Не вызвала одобрения и ставшая традиционной задача выяснения «значения культурного наследия крымских скифов в процессе формирования культуры восточных славян». Тема охарактеризована как «частная» (РО НА ИАК РАН. Д. 10 (1951). Л. 21). «Незначительность добытых до сего времени данных в этом направлении и весь ход пополнения сведений в этом смысле из одного археологического сезона в другой, скорее всего, говорят о ничтожном значении скифского периода в истории Крыма в этом отношении. Думаю, что такую задачу можно себе поставить только между прочим, не вводя ее в полной мере в аннотацию. Иначе это может оказаться обещанием без средств к его осуществлению. Скорее всего придется констатировать, что роль крымских скифов в формировании восточно-славянских племен незначительна, или равна очень малой величине» (РО НА ИАК РАН. Д. 10 (1951). Л. 22). П. Н. Шульцу пришлось отстаивать свою позицию (РО НА ИАК РАН. Д. 1 (1951). Л. 130–133).

Поскольку стадильно-автохтонистский подход (в частности, для решения «славянского вопроса») после развенчания теорий Н. Я. Марра уже не мог быть применен в полном объеме, тематика теперь строилась по хронологическому признаку и включала «Киммерийский и скифо-сарматский периоды истории

Крыма», «Возникновение и развитие феодальных отношений в Крыму» (страна Дори, Сурож, Коктебель, Корчев, Тмутараканские владения в Крыму и т. д.) (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 1). К ним присоединялись работа по составлению истории Севастополя (сотрудниками группы истории) и исследования по трассе Северо-Крымского канала.

Особое внимание уделялось идеологической работе внутри научного коллектива. За год деятельность Отдела проверили четыре комиссии: Президиума АН СССР, Обкома ВКП(б), Горкома ВКП(б) и Крымского филиала АН СССР (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 2). Впрочем, ничего удивительного здесь не было. Борьба с «марризмом» развернулась по всей стране, а историкам — «бойцам идеологического фронта» уделялось особое внимание. Поскольку же «марризмом» была заражена вся гуманитарная наука (иного и быть не могло), ученые стремились поскорей отмежеваться от «вредных идей и извращений».

Еще в начале года доклад заведующего ОИА КФ АН СССР П. Н. Шульца «О некоторых вопросах истории племен и народностей Северного Причерноморья, в свете произведений И. В. Сталина «О марксизме и языкознании» был прочитан сначала на заседании Отдела, а затем на открытом заседании Ученого совета филиала. Поводом к докладу стала опубликованная ранее статья П. Н. Третьякова (Третьяков 1950). Доклад на аналогичную тему старшего научного сотрудника группы истории, канд. ист. наук Алексея Ивановича Неделина (перешедшего в КФ АН СССР на постоянную работу) «Историческое значение трудов товарища Сталина по языкознанию» был заслушан на расширенном заседании Президиума КФ АН СССР в связи с годовщиной опубликования работы тов. Сталина «О марксизме и языкознании» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 2).

По инициативе ОИА КФ АН СССР в «целях развертывания творческих дискуссий» был проведен ряд совещаний историков Крыма, на которых выступили с докладами А. И. Неделин («Труды тов. Сталина о марксизме и языкознании и их значение для исторической науки») и Э. И. Соломоник («О скифском государстве»). Также прозвучал доклад Н. А. Константинова «Новые данные о происхождении древне-русской письменности» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 3).

Доклад историка А. И. Неделина дала повод к основательному спору по «крымско-славянскому вопросу». С. Ф. Стржелецкий, дискутируя с Л. И. Кондрашовым, настаивал, что отнюдь не согласен с мнением о скифо-славянском единстве. «Среди крупных советских ученых, — говорил он, — нет таких, которые утверждали бы, что скифы — предки славян. Не решен даже вопрос, единый или смешанный народ скифы (может быть даже конгломерат племен). Мы же в Крыму просто решили, что скифы — предки славян. Где найдет выступавший здесь т. Кондрашов вещественные доказательства того, что скифы — предки славян, что скифы — исконное население Крыма? Нет таких доказательств. Легко было тов. Кондрашову утверждать, что скифы — предки славян и русских, но он не доказал это положение... Надо отказаться от вульгаризированных, марровских позиций в скифском вопросе. Установка киммерийцы-скифы-славяне идет в разрезе марровской теории стадильности. Положение о том, что Крым — исконно русская земля, основывается на неверной марровской теории стадильности». При этом С. Ф. Стржелецкий утверждал, что он целиком поддерживает совершенно бесспорное положение — «Крым издревле русская земля», однако предлагает не навязывать, а изучать этот вопрос и разоблачить

тех, кто извращает его с точки зрения “марровских установок”» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 64, 65). К нему присоединился и С. А. Секеринский, доказывая, что «наблюдающееся среди историков Крыма чрезвычайное преувеличение и выпячивание истории полуострова является вульгаризацией. В трудах историков Крыма есть элементы “покровщины”, особенно в трудах популяризаторов. В частности в работах Надинского П. Н., особенно в “Очерках по истории Крыма” имеется преувеличение Крыма в истории юга, что является глубоко ошибочной точкой зрения, как с методологической, так и политической стороны. Нельзя упрощать и вульгаризировать исторический процесс, как это делал Покровский. Вопрос о связях славян со скифами требует тщательного изучения и дополнительного письменного и вещественного материала, особенно письменного» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 65). У Е. В. Веймарна также возник целый ряд замечаний к положениям «Очерков...», в частности в связи с ролью и периодизацией скифского государства. Он обратил внимание, что в настоящее время существуют три основные точки зрения по поводу «крымско-славянского вопроса»: «1. Славяне зафиксированы как колонисты в Крыму с IX в. (старая теория); 2. Славяне происходят от скифов (точка зрения, усиленно разрабатываемая крымскими учеными-историками); 3. Славяне проникают в Крым в период раннего средневековья» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 66, 66). Что касается последнего, то Е. В. Веймарн предлагал усматривать проявления материальной культуры славян в Инкерманской долине (предметы черняховской культуры и трупосожжения) и в захоронениях из Суук-Су (фибулы так называемого «днепровского типа»). В заключение заседания П. Н. Шульц отмечал: «Нельзя упрощать историю. Никогда не говорили историки... о мощной праславянской державе в лице скифского государства... имело место постепенное широкое расселение славянских племен в Северном Причерноморье и в Крыму... Необходимо... научные предположения подкреплять новыми вещественными доказательствами. Ученым не следует забывать, что наука требует доказательств. Среди историков Крыма есть такие, работы которых содержат элемент ура-крымского патриотизма, как здесь верно отмечали выступавшие. Эти историки злоупотребляют термином “Крым — искони русская земля”. Все это вредит делу правильного освещения и разработки вопросов истории Крыма. Вопрос о прогрессивном характере воссоединения Крыма с Россией связан с активно обсуждаемым на сегодняшнем заседании вопросом о связи славян со скифами. Президиум АН СССР подтвердил, что Крым — издревле русская территория. Если признать это положение правильным, то справедливо и воссоединение Крыма с Россией в конце XVIII в. Правда большим недостатком обсуждения и изучения этих вопросов является то, что подняты и разрабатываются силами крымских ученых. Это создает односторонность в решении вопросов. В скором времени состоится археологическое совещание в Крыму, на котором будут присутствовать академик Греков и д. и. н. Третьяков. Тогда они лицом к лицу столкнутся с теми идеями и научными предположениями, которые выдвинуты и разрабатываются историками Крыма, т. е. выросли на местах. Надо тщательно подготовить изложение новых точек зрения. Следует твердо понимать, что участие крымских ученых-историков на предстоящем совещании является первым выходом на линию огня, на борьбу за защиту справедливых исторических идей. На пути подготовки к совещанию надо тщательно вскрыть и ликвидировать пережитки марризма среди историков Крыма» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1951). Л. 68).

В необработанной части личного архива П. Н. Шульца, хранящегося в ИАК РАН, находится рукопись доклада «О статье П. Н. Третьякова “Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании”» (далее — Шульц 1951). Вступить в заочную дискуссию заставил не только тот факт, что П. Н. Шульц с подачи П. Н. Третьякова попал в число приверженцев «учения Марра». В своей программной статье П. Н. Третьяков отказался рассматривать скифские племена Крыма и всего Левобережья Днепра в качестве участников этногенеза восточного славянства, называя подобные версии порождениями «стадиальных» построений Н. Я. Марра. Вопрос о «местных процессах формирования славянства был снят одним росчерком пера», проще говоря — перечеркивались итоги многолетних работ коллектива, возглавляемого П. Н. Шульцем. Проигнорировать ситуацию, конечно, было нельзя. Как указывалось прежде, П. Н. Шульц когда-то сам критически относился к идее скифо-славянского родства, точнее, к упрощенческо-вульгаризированному толкованию проблемы. Когда вопрос не стоял столь остро, П. Н. Шульц публично не озвучивал свою позицию либо делал это с большой осторожностью. Но теперь ситуация касалась целого направления научной работы ОИА КФ АН СССР, поскольку в связи с публикацией трудов И. В. Сталина «одной из самых неотложных задач изучений истории Крыма является разработка и решения о том какую роль племена и народности, населявшие древний и средневековый Крым сыграли в процессах формирования южных ветвей славянства. Стоял ли Крым, как это утверждают некоторые исследователи, в стороне от великого процесса образования русского народа или же нет» (Шульц 1951: 1). От наследия «учения Марра» П. Н. Шульц, конечно же, сразу отстранился. В очередной раз критически высказавшись по поводу известной статьи В. И. Равдоникаса, не преминул заметить, что и сам П. Н. Третьяков (Третьяков 1941; 1948) в прежних работах был не чужд идеям «марризма» и «стадиальности». Кроме того, он несколько раз менял свои позиции о территориальных очагах формирования древнего славянства, хотя теперь окончательно перешел на позиции миграционизма (Шульц 1951: 10–15). Особое неприятие вызвала позиция П. Н. Третьякова относительно этнического состава населения Скифии, вся восточная часть которой была отнесена к ираноязычному кочевому миру, т. е. не могла быть причислена к протославянскому. П. Н. Шульц писал: «Нарисованная П. Н. Третьяковым картина упрощает, а поэтому и искажает историческую действительность. Здесь мы сталкиваемся с традиционным противопоставлением Запада и Востока. Западная Скифия это протославянский-земледельческий мир, связанный по Третьякову с Средней Европой, а Восточная Скифия это и разноязычный, кочевой мир, связанный с Азией и впоследствии влившийся в гуннский массив и в другие союзы азиатских племен. Рубежом этого оседлого Европейского и полуазиатского кочевого мира, по Третьякову, является Днепр. Так ли было на самом деле?» (Там же: 19). С этим можно еще было согласиться, когда речь шла о Скифии времен Геродота, но ведь в Крыму с III–II вв. до н. э. обитало земледельческое оседлое население, к тому же имевшее свое государство, которое «является древнейшим государством из созданных народами нашей страны на территории Восточной Европы» (Там же: 25). «Государство поздних скифов имело свою экономическую базу, оно опиралось на земледельческое производство многочисленных скифских селищ Крыма, Приднепровья и Приазовья, оно имело обширную систему укреплений как в Крыму, так и на Днепре

и просуществовало по меньшей мере пять веков, о чем достаточно ясно говорит археологический материал, подкрепленный нумизматическими данными. Состав племен, входивших в государство поздних скифов был, по всей видимости, значительно более однородным, чем при Атее. Территория государства была меньшей и в нем, безусловно, доминировали скифские племена, языки которых превратились в диалекты, мало по малу, вероятно уступали место формирующемуся общенародному скифскому языку. В позднюю скифскую пору, очевидно, шел процесс объединения скифских племен в скифский народ», — отмечал П. Н. Шульц, при этом указывал: «Когда встает речь об истоках государственности и культуры восточных славян отмахиваться от местного наследия, в частности от наследия скифо-сарматской эпохи, как это делает П. Н. Третьяков в своей последней статье, не следует» (Там же: 27–30). В докладе подчеркивалось: идея скифо-славянского родства среди ученых Крыма, вопреки мнению П. Н. Третьякова, не навеяна старыми работами И. Е. Забелина и Д. И. Иловайского, а уж тем более не связана с воззрениями Н. Я. Марра, рассматривавшего скифский мир как единое «яфетическое» целое, с высшими слоями, подвергшимися иранизации. В действительности она основывалась на авторитетном мнении М. В. Ломоносова, наряду с трудами которого «работы И. Н. Забелина, В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова, А. А. Спицына по скифскому вопросу заложили основание тем точкам зрения на вопросы происхождения скифских племен и восточного славянства, которые противостояли и противостоят теориям монгольского и иранского внеевропейского происхождения скифов. Русская наука, начиная с Ломоносова в скифском вопросе стояла впереди западной науки и ее положительные достижения и боевые патриотические традиции в частности и в данном вопросе, образуют золотой фонд советской исторической науки» (Третьяков 1951: 30–32). Не приемля исключительно миграционный подход в решении крымско-славянской проблемы, П. Н. Шульц настаивал: «Прав ли П. Н. Третьяков, считая, что славяне осваивали черноземные области юго-востока нашей страны, в частности и Таврический полуостров только в порядке военной колонизации вооруженных до зубов дружин, за которыми следовали северо-славянские племена. Не было ли не только на севере и западе, но и на юге и юго-востоке Восточной Европы очагов формирования восточного славянства, в частности и в первую очередь росов. Не свидетельствуют ли об этом многочисленные данные топонимики. Ведь именно на юге и юго-востоке Восточной Европы больше всего наименований “Рось”, “Руссия”, “Россика”, “Русская река”, “Русский пролив”, “Русское море”. Пришли ли Россы с севера? Быть может росы формировались не на севере, а на юге и юго-востоке нашей страны, в частности и там, где впоследствии прочно обосновалась Азово-Черноморская Русь с Тмутараканским княжеством. Не создали ли в первую очередь и именно росы, наряду с другими племенами и народами этих районов, местные предпосылки для последующего успешного расселения славянства в районе Приазовья, Тамани и Крыма» (Шульц 1951: 40). «Надо надеяться, — заключал П. Н. Шульц, — что... новый, обильный фактический материал и его осмысление, в свете положений тов. Сталина о языке и языкознании, внесут существенные коррективы в точки зрения П. Н. Третьякова на роль скифских и сарматских племен в этногенезе восточных славян, в частности антов и россов» (Там же: 33). Учитывая наличие в рукописи ссылок на литературу, надо думать, что данный доклад П. Н. Шульц предполагал опубликовать, чего, однако, не произошло.

Павел Николаевич Шульц на празднике в крымских горах (НА ИАК РАН)

В феврале 1951 г. Крымским филиалом АН СССР совместно с Крымским областным отделом культурно-просветительной работы была проведена сессия, посвященная итогам археологических исследований 1950 г. в Крыму. В отличие от сессий прошлых лет, здесь не было докладов по глобальным вопросам истории полуострова. Ученые ограничились сообщениями об исследованиях конкретных памятников: Инкерманского и Чернореченского могильников и крепости Каламита (Е. В. Веймарн), Коктебельского городища (В. П. Бабенчиков), Илурата (В. Ф. Гайдукевич), Киммерика (Л. И. Чуистова), хоры Херсонеса на Герacleйском полуострове (С. Ф. Стржелецкий), Неаполя Скифского (П. Н. Шульц и А. Н. Карасев), таврского поселения в Инкерманской долине (Х. И. Крис), таврского поселения на г. Кошка, позднескифского городища «Красное» (О. И. Домбровский), Керкинитиды и Калос-Лимена (М. А. Наливкина), Асандрова вала (И. И. Бабков), средневекового храма и могильника в Алуште (Н. В. Пятыева). Средневековые храмы Иоанна Предтечи в Керчи, алуштинский и коктебельский, в свете генезиса древнерусской архитектуры стали предметом доклада Ю. С. Асева.

В упомянутом докладе В. П. Бабенчикова отмечались своеобразие обнаруженных на Тепсене «древнейшего» (VII–VIII вв. н. э.), «большого» (VIII–IX вв. н. э.) и «позднейшего малого храма с сырцовой апсидой» (X в. н. э.), принадлежавших, по мнению автора, «местному населению». Ставился вопрос о наличии в составе населения городища «славянского и аланского элементов» и о их соотношении в крымском варианте салтово-маяцкой культуры. При этом звучал вывод о том, что «до образования на Тамани и в Восточном Крыму Тмутараканского княжества на территории Восточного Крыма имело место славянское население, быть может связанное с россами». Само же поселение «являлось крупным торговым и культурным центром Восточного Крыма, непосредственно предшествующим образованию Тмутараканского княжества» и синхронным ему (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 11, 48).

В подготовленной Е. В. Веймарном итоговой работе по теме «Аборигенные культуры юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья», над которой ученый работал все эти годы, рассматривались вопросы археологии средневекового населения района «пещерных городов». Как и стоило ожидать, «разоблачалась» (преимущественно в декларативной форме) «ложная теория о якобы крупной роли готов в истории раннесредневекового Крыма», а также «ошибочная теория о преобладающей роли Византии в исторических судьбах местного населения Горного Крыма в эпоху раннего средневековья». Феномен «пещерных городов» предлагалось рассматривать с точки зрения «внутреннего процесса возникновения и развития феодальных отношений в местной среде, но не как следствие постройки Юстинианом якобы “Византийской линии обороны”». (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 13–14). Если причина критических высказываний в адрес одиозного «готского вопроса» вполне очевидна, то неприятие Е. В. Веймарном роли Византии в судьбах жителей предгорного Крыма обусловлено давней дискуссией. Начало ей положил спор Н. Л. Эрнста и Н. И. Репникова относительно приоритетов исследования Эски-Кермена в конце 1920-х гг. В этом противостоянии, подчас принимавшем жесткие формы, на стороне Н. Л. Эрнста (настаивавшего на византийской атрибуции памятника) выступала Крымская комиссия ГАИМК (М. А. Тиханова, Е. Ч. Скржинская и др.), а Н. И. Репникова (защищавшего готскую, т. е. местную, версию «нового Дороса») поддерживал В. И. Равдоникас — тогда начинающий археолог (Юрочкин 2017: 249–285). Цепная реакция от этого, казалось бы, второстепенного эпизода научной полемики известна: В. И. Равдоникас выступил с программным докладом, критикующим всю дореволюционную археологию за ее немарксистские подходы (Равдоникас 1930). Следствием стала кардинальная перестройка всей советской археологической мысли начала 1930-х гг. Впоследствии заочная дискуссия продолжилась, и «чаша весов» склонялась то в сторону «византинистов» (М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон), то в сторону «автохтонистов» (Н. И. Репников, В. И. Равдоникас). Закономерно, что Е. В. Веймарн, многолетний участник Эски-Керменской экспедиции, принял сторону своего покойного учителя Н. И. Репникова. Учитывая тенденции в науке второй половины 1940-х гг. (господство «марризма», борьба с космополитизмом и т. п.), «антивизантийская» позиция вновь укрепила позиции. При этом Е. В. Веймарн явно тяготился «готским наследием» в области своих научных интересов, а поэтому вслед за своим учителем В. П. Бабенчиковым выдвинул «новое толкование вопроса об этнической принадлежности могильника близ Артека (быв. Суук-Су)», прежде считавшегося эталонным памятником «области Крымских готов»

(Репников 1906; 1907). Е. В. Веймарн обращал внимание, что «в могильнике найдено свыше 30 пальчатых фибул, которые проф. Б. А. Рыбаков связывает с антами» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 14; Рыбаков, 1948: 57–70).

Таким образом, был «поставлен вопрос о проникновении славянского антского элемента в юго-западный Крым, в частности на южное побережье» и «намечена картина перехода от рабовладельческого строя, от государства поздних скифов к зарождению до-феодальных и феодальных отношений» в регионе (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 14). Выполненная Е. В. Веймарном работа должна была лечь в основу «перестройки экспозиции по раннему средневековью в музеях Пещерных городов и в других музеях Крыма», а также дать материал для лекционной и экскурсионной работы по данной теме.

Ученые ОИА КФ АН СССР сознавали: крушение «марризма» и версии прямой преемственности скифов и славян отнюдь не означали свертывание поисков древнеславянских древностей на полуострове. Пусть не аборигенных, пусть пришлых, но реальных славян. Недавние находки из Инкерманской долины, как казалось, давали к этому веские основания. Теперь к ним прибавились и древности типа Суук-Су.

Сходные суждения демонстрировала и антрополог К. Ф. Соколова, работавшая с материалами из раскопок могильников юго-западного Крыма. Они относились к периоду от первых веков н. э. до позднесредневековых серий черепов из некрополя крепости Калимита в Инкермане. «Население юго-западного Крыма времени раннего средневековья, — отмечала исследовательница, — по своим морфологическим признакам имеет большое сходство с населением Крыма первых веков н. э., чем с позднесредневековым населением. В позднесредневековых могильниках поздне-таврский, поздне-сарматский и поздне-скифский этнические типы уже отсутствуют, однако отдельные антропологические признаки этих типов в различных сочетаниях между собой — прослеживаются. Это доказывает, что процесс формирования поздне-средневекового населения базировался на остатках раннесредневекового и древнего населения Крыма. Налицо признаки смешения и скрещивания поздне-таврских, поздне-скифских и поздне-сарматских этнических групп. Таким образом, население юго-западного Крыма в поздне-средневековое время в антропологическом отношении дает крайне сложную картину длительных этнических скрещиваний... Черепов готского облика в краниологическом материале средневекового Крыма из раскопок последних десятилетий, не обнаружено. Имеющиеся антропологические данные опровергают ложное представление о преобладании византийского и готского населения в юго-западном Крыму в эпоху средневековья» (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 16). Обращает внимание тезис о «смешении и скрещивании», о сложном этническом составе населения. Вероятно, такой подход стал своеобразной реакцией на неопределенность в отношении групп населения, отношение к которым менялось по конъюнктурным соображениям. Этот тезис в скором времени переняли и археологи в отношении формирования археологических культур и стоящих, как казалось, за этим этнических процессов. Обычно за основу принимались некие «этнически значимые признаки», будь то характерные формы керамики, типы погребальных сооружений, формы обряда и т. д. Далее из них путем «скрещивания» складывалась этноисторическая мозаика, претендующая на объективность. Появлялись гибридные формы этнонимов типа тавро-скифы, скифо-сарматы, сармато-аланы, гето-даки и т. д. Если некоторые из них (например «тавро-скифы») имели соответствия

в письменных источниках древности, то другие носили условный, искусственный характер. Но со временем и они стали восприниматься как объективная этноисторическая реальность.

Вот как, например, реконструировал этническую историю обитателей Инкерманской долины Е. В. Веймарн: «Культура этого населения, как очевидно и этнический его состав являлись результатом многовекового процесса этнического скрещивания и культурных взаимодействий коренных жителей горного Крыма — тавров с племенами и народами остального Крыма и Северного Причерноморья — скифами, сарматами, аланами и может быть и антами... но преобладала и господствовала культура местная — сармата-аланская. За последнее говорит и наиболее распространенный тип погребений — подбойная могила. Возможно, что здесь, в процессе ассимиляции различных племен и их культур, происходило и скрещивание языков, и что у населения Инкерманской долины во II–IV вв. н. э. а возможно и позднее преобладал аланский язык, так как “при скрещивании (языков), — как об этом говорит И. В. Сталин (Марксизм и вопросы языкознания), один из языков обычно выходит победителем”. Победу аланского языка, во всяком случае в данной местности, косвенно подтверждает сообщение епископа Феодора (XIII в.), который будучи в Херсонесе, встретил недалеко от него значительное количество алан и, будучи сам по происхождению аланом, объяснялся с ними на их языке» (РО НА ИАК РАН. Д. 7 (1951). Л. 16–17).

Развенчание «марризма», долгие годы загонявшего советских гуманитариев в «прокрустово ложе» автохтонных схем, большинством ученых, надо думать, было воспринято положительно. Сообразуясь с духом эпохи, научные сотрудники спешили откеститься от «вредных идей», хотя и понимали, что в силу обстоятельств все они недавно были «марристами», кто в большей, кто в меньшей степени.

Важным направлением политико-воспитательной работы среди жителей страны была популяризация знаний в русле новых взглядов, освященных авторитетом И. В. Сталина. В 1951 г. началось издание сборника «По следам древних культур» под редакцией Г. Б. Федорова. Сборник должен был демонстрировать важнейшие открытия советских археологов, культурное соцветие древних народов на территории СССР. В первый же выпуск был включен очерк «Неаполь Скифский», подготовленный П. Н. Шульцем в соавторстве с женой и соратницей Валентиной Алексеевной Головкиной. В работе в популярной форме излагалась история открытия Неаполя Скифского, работ Тавро-Скифской экспедиции и т. д. Представлен общий очерк истории скифского государства и культуры Крыма. И только в конце статьи, фактически вне связи с предыдущим текстом, декларировалось: «Но особенно важно то, что в характере скифских поселений и жилищ, в погребальном обряде (обычай хоронить в курганах и закалывать боевого коня), в скифских росписях, в предметах ремесла, в частности в посуде, деревянной резьбе, орнаменте, в одежде, мы находим все больше и больше общих черт с культурой и бытом древних славян. Становится все яснее и яснее, что скифские земледельческие племена, наряду с другими народностями и племенами Восточной Европы, сыграли свою роль в процессах формирования восточного славянства и что древнерусская культура вовсе не создана варягами или пришельцами из Византии, как об этом твердили заграничные псевдоученые. Русские народность и культура имеют глубокие местные корни, уходящие в глубь веков, и тут уместно вспомнить слова М. В. Ломоносова о том, что среди “древних родоначальников нынешнего российского народа... скифы не последнюю часть составляют” (Шульц, Головкина 1951: 167–168).

Выше речь шла о научных позициях крымских ученых, высказанных в рукописях или в докладах на сессиях по истории Крыма. К сожалению, печатных трудов сотрудников ОИА КФ АН СССР за этот период было издано крайне мало, и результаты работ не могли оценить коллеги. А в данном случае мнение ученых, прежде всего из столичных научных учреждений, было крайне важно. Собранные и подготовленные к печати рукописи Трудов сессий по истории Крыма, переданные в ИИМК на рецензирование, пролежали там полтора года без движения. Ситуация изменилась только после того, как в 1951 г. рукописи были переданы новым рецензентам, профессорам А. П. Смирнову и В. Ф. Гайдукевичу, к концу года приславшим в КФ АН СССР свои отзывы (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 31).

В. Ф. Гайдукевич, рецензировавший статьи сборника «Трудов сессии по истории Крыма», посвященные античному периоду и смежным вопросам (Г. Д. Белова «Эллинистическая мозаика в Херсонесе», Н. В. Пяташевой «Скифы и Херсонес», Н. Н. Погребовой «Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского», М. М. Худяка «Работы Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1939–1941 и 1946–1948 гг.», О. И. Домбровского «Деревянный саркофаг из мавзолея скифского Неаполя», В. В. Познышева «Природные условия Неаполя Скифского», Н. А. Троицкого «Растительный покров территории Неаполя Скифского» и А. Ф. Слудского «Древние долины Салгира»), в целом оценил их положительно и, сделав замечания преимущественно технического характера, рекомендовал к печати (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 93–104).

Павел Николаевич Шульц (слева) и Олег Иванович Домбровский (справа). Херсонес. 1957 г. (НА ИАК РАН)

Иначе дело обстояло со статьями, касавшимися «узловых вопросов истории Крыма» и попавшими на рецензию А. П. Смирнову. Свою статью, посвященную реконструкции оборонительной системы Эски-Кермена, Е. В. Веймарн снабдил пространном предисловием, касающимся основных вопросов средневековья в Тавриде, отметив, в частности, «ошибочность в трактовке готского и византийского вопросов во многих исторических работах». Однако рецензент хотя и согласился с данным положением, постановку проблемы, изложенную в статье, назвал «упрощенной и поверхностной». Между тем, писал А. П. Смирнов, «после выхода в свет работы товарища Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” нельзя расценивать положительно труд В. И. Равдоникаса “Пещерные города Крыма и готская проблема”, написанный на основе нового учения о языке акад. Н. Я. Марра. Нет никаких оснований эту глубоко порочную работу называть “интересной” — “интереснейшей» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 85). В то же время А. П. Смирнов отрицательно оценил гиперкритичную позицию Е. В. Веймарна в отношении крымских готов: «Отбрасывая мнения о наличии готов в Крыму и необоснованно заявляя: “Мы считаем, что с готским вопросом необходимо раз и навсегда покончить. Раз нет в Крыму памятников материальной культуры и следов языка, которые можно отнести к готам, значит таковых в Крыму, как народа никогда и не было”, автор никак не оценил ни свидетельства Рубрука, ни автора XVI в. (в рукописи пробел — вероятно, О. Бусбека. — Авт.), отметивших среди многих языков Крыма и готский. Эти сведения свидетельствуют о том, что какая-то небольшая группа готов сохранилась в то время. Точно также поверхностно дана критика положений, связанных с ролью Византии в Крыму». В итоге рецензент рекомендовал данный раздел перенести во введение к сборнику и ни в коем случае не основываться на «антиисторической работе В. И. Равдоникаса». Вторую же часть, касающуюся непосредственно стен Эски-Керменского городища, признал интересной, весьма необходимой и рекомендовал к публикации. Не вызвала возражений и вторая статья Е. В. Веймарна, посвященная раскопкам Инкерманского могильника в 1948 г. (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 86–87).

Статья С. А. Секеринского «Сурож и задачи его исследования», по мнению рецензента, «хотя и не вносит ничего нового в наши знания по истории Суροжа, заслуживает опубликования, как ставящая ряд вопросов истории этого города в связи с историей Руси» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 88).

Критике подверглась и статья В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму». Как и в случае с работой Е. В. Веймарна, А. П. Смирнов счел, что анализ привлеченных письменных источников «сделан поверхностно, а выводы слабо аргументированы». «Нельзя признать удачным разбор термина “Рус”; нельзя согласиться с положением, что понятие тавро-скифы идентично понятию русские; нельзя признать правильным разбор средневековых сказаний о человеческих жертвоприношениях и делать отсюда вывод о родстве тавров с русскими». «Недостаточными» и «противоречивыми» признаны также выводы, сделанные на основании археологического материала. В заключение А. П. Смирнов сделал вывод: «Являясь сторонником точки зрения о раннем проникновении славян в Крым, на что указывает ряд фактов, в частности Инкерманский могильник и некоторые вещи из Коктебельского городища, я не думаю, что рецензируемая работа В. П. Бабенчикова внесет ясность в этот вопрос. Учитывая большую политическую актуальность этой проблемы и некоторую спорность ее, считаю, что выступать в печати можно только с хорошо обоснованными и документированными

положениями. В таком виде опубликовать статью В. П. Бабенчикова нельзя» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 88, 89).

Выводы, предложенные П. Н. Шульцем в статье «Кизил-Кобинская культура и вопрос о ее связях с поздними киммерийцами и ранними таврами», были признаны убедительными, за исключением тезисов об отношении тавров к славянскому этногенезу и близости кизил-кобинской культуры к лужицкой культуре (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 90). Не вызвали возражений и положения статей Х. И. Крис «Поселение Кизил-Кобинской культуры в балке Ашлама-Дере» и «Раннее таврское поселение в Инкермане по раскопкам 1948 года»; С. Н. Бибилова «Основные вопросы первобытной истории Крыма», а также работа В. Ф. Гайдукевича «Археологические исследования Илурата» (РО НА ИАК РАН. Д. 9 (1951). Л. 89–91).

Если суммировать сказанное, выяснялось: при всей важности и значимости проведенных исследований наиболее острые для древней истории Крыма «готский» и «славянский» вопросы далеки от разрешения, особенно теперь, после разрушения автохтонно-марровской парадигмы. Декларации и широкие обобщения, не подкрепленные источниками и конкретным материалом, все меньше воспринимались наукой. А ведь именно на них и была построена первая часть книги П. Н. Надинского «Очерки по истории Крыма».

Между тем, к концу 1951 г. П. Н. Надинским была завершена рукопись 1-й части «Очерков...». Как отмечалось в Отчете ОИА КФ АН СССР, «в очерках дано развернутое обоснование исторического права русского народа на Крым, как на свою исконную землю». Работа обсуждалась на заседании ОИА и была прорецензирована рядом крымских историков. Кроме того, с ней ознакомились академик Б. Д. Греков и секретарь Крымского отдела культуры ВКП(б), канд. ист. наук В. А. Горин. Со стороны всех участников обсуждения были даны положительные отзывы (РО НА ИАК РАН. Д. 13 (1951). Л. 20–22).

При всем при этом было очевидно, что в освещении вопросов истории и археологии Крыма накопилось множество проблем и противоречий, расхождений позиций между крымскими учеными и их коллегами из ведущих центров страны, особенно в период борьбы с «марризмом».

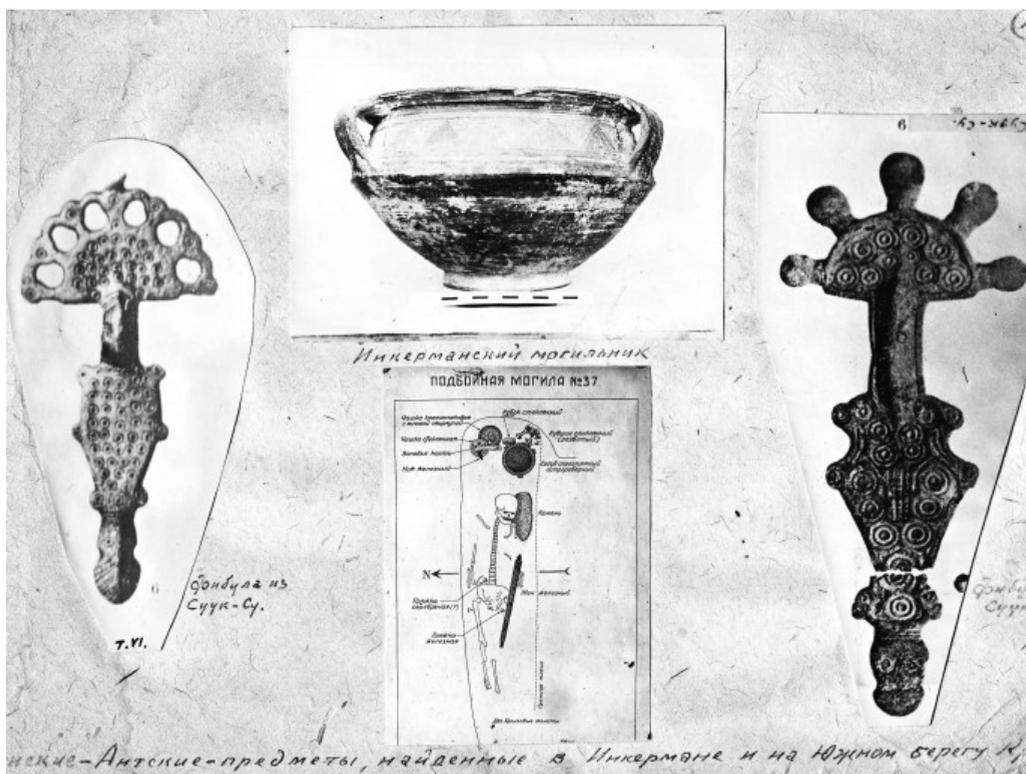
Славяне в Крыму: попытка нового подхода

Официальные документы ОИА КФ АН СССР нигде не упоминают еще об одной научной работе, подготовленной с участием Е. В. Веймарна. История, развернувшаяся вокруг нее, хорошо характеризует противоречия между крымскими учеными в период «борьбы с марризмом» и поиск новых путей решения «славянского вопроса» (Юрочкин 2013: 401; 2015). Обнаруженные в Инкерманской долине С. Ф. Стржелецким, Е. В. Веймарном и В. П. Бабенчиковым предметы черняховского типа и кремации позднеантичной эпохи давали основания утверждать: данные артефакты свидетельствуют о проникновении на полуостров славянского населения из Поднепровья на рубеже античности и средневековья. До 1950 г. подобная «миграционистская» трактовка казалась невозможной. Теперь же некогда осужденное «буржуазное течение» вновь обрело право на существование. Свои соображения по данному вопросу С. Ф. Стржелецкий и Е. В. Веймарн изложили в работе «К вопросу о славянах в Крыму», подготовленной сверх плана ОИА КФ АН СССР. Статья, минуя

обсуждение с коллегами по Отделу, была направлена авторами в журнал «Вопросы истории» для публикации. Несмотря на новаторский подход к трактовке «славянской проблемы» и аргументы, по тем временам казавшиеся довольно вескими, идею публикации статьи или даже доклада П. Н. Шульц воспринял холодно и настороженно. Дело в том, что помимо концептуально-содержательной части там присутствовала открытая критика в его адрес, обвинения в приверженности «марризму». Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий, удачно выбрав момент, направляли огонь критики не только против руководителя крымской археологии, но и против П. Н. Надинского, завершавшего работу над своими «Очерками...». Адресат был выбран не случайно. В это время редколлегию «Вопросов истории», ведущего печатного органа советских историков, возглавлял П. Н. Третьяков, в начале года критиковавшийся П. Н. Шульцем. Несмотря на это, П. Н. Шульц 3 августа 1951 г. отправил в редакцию журнала письмо, в котором назвал статью «голословно-декларативной», и «недобросовестной», корректно предложив, что если она все же будет опубликована, предоставить ему, Шульцу, возможность на страницах того же издания высказать свои соображения и замечания. Публикацию статьи удалось приостановить, но теперь Е. В. Веймарну и С. Ф. Стржелецкому предстояло обсудить ее содержание с крымскими коллегами и всеми заинтересованными лицами. Доклад под названием «О роли славян в истории Крыма» в рамках совещаний историков при ОИА КФ АН СССР был запланирован на 9 января 1952 г., но был заменен докладом А. И. Неделина «Труды И. В. Сталина по языкознанию и их значение в развитии исторической науки» и перенесен на 12 марта. Но докладчики не склонны были дожидаться положенного срока. Внеплановое совещание историков было назначено на 23 января и должно было состояться не в помещении ОИА КФ АН СССР, а малом зале Парткабинета Симферопольского горкома ВКП(б). Дело в том, что на заседание авторы планировали пригласить более двухсот человек: сотрудников музеев, архивов, преподавателей школ, техникумов и вузов, представителей крымского отделения Союза советских писателей (РО НА ИАК РАН. Ф. «Е. В. Веймарн». Д. 5. Л. 26, 34).

Совершенно очевидно, что докладчики рассматривали его не просто как отчет о научной работе, а как важное общественно-политическое мероприятие. Доклад прочел С. Ф. Стржелецкий. В своем выступлении он привел три основных мнения о славянах в Крыму.

Согласно первому, славяне пришли в Крым в IX–X вв. Это мнение докладчик назвал устаревшим и свойственным «буржуазной исторической науке», хотя и поддерживаемым отдельными советскими учеными (например А. Л. Якобсоном). «Диаметрально противоположная точка зрения (автохтонное происхождение славян в Крыму), — говорилось в тезисах доклада, розданных участникам, — оформилась в послевоенные годы среди некоторых историков и археологов Крыма. В свете этой концепции древнее население Крыма — тавры и скифы — превращаются в славяне и русь. Эта точка зрения является конкретным проявлением вульгаризаторских, упрощенческих взглядов Н. Я. Марра, перенесенных из языкознания в область истории. Эта точка зрения развивалась П. Н. Шульцем, который и по настоящий день не признал своих ошибок в этом вопросе». Далее докладчики предлагали свою версию. По их мнению, археологический материал дает основания говорить о расселении славян в Крыму только с III в. Об этом свидетельствуют материалы, прежде всего, Инкерманского и Чернореченского могильников, где обнаружена черняховская

«Славянские — Антские предметы, найденные в Инкермане и на Южном берегу Крыма». Вероятно, это иллюстрация к докладу С. Ф. Стржелецкого и Е. В. Веймарна «О роли славян в истории Крыма» (Симферополь 23 января 1952 г.) (НА ИАК РАН)

посуда и погребения, совершенные по обряду кремации, казавшиеся сходными с захоронениями «славянских» культур полей погребений. Это расселение славян прослеживается и позднее, в VI–VII вв., о чем свидетельствуют могильники Суук-Су, Артек, Херсонес, Боспор. Здесь имелись в виду находки женских украшений типа пальчатых фибул, действительно в этот период характерных для антских древностей Поднепровья. «С образованием Киевского государства, — отмечали докладчики, — расселение славян и руси в Крыму получило дальнейшее развитие, которое засвидетельствовано многочисленными археологическими памятниками и письменными источниками. Цепь непосредственно следующих друг за другом крупнейших событий в истории Крыма, связанных с военными и дипломатическими мероприятиями русских князей, полностью подтверждает положение К. Маркса о том, что Крым уже при Владимире Святославовиче временно входил в состав Киевского государства, а русское Тмутороканское княжество (в которое входила восточная часть Крымского полуострова) существовало еще в течение всего XI века, вплоть до половецкого нашествия». В заключении делался традиционный вывод, что это было началом исторического процесса, «в силу которого Крым неизбежно вошел в состав земли русского государства и составил неотъемлемую часть, свидетельствуют о том, что Крым есть издревле русская земля» (Там же. Л. 39, 40).

Обсуждение было крайне эмоциональным. Мнение докладчиков, основанное на миграционной версии появления славян в Крыму, безусловно, было интересным и заслуживающим внимания. Но дело, конечно, было не только в представлении новой версии. Возможно, самым значимым для присутствующих пунктом было прямое обвинение П. Н. Шульца в «марризме». Первым в прениях по докладу выступил П. Н. Надинский, доказывая, что «т. т. Веймарн и Стржелецкий не справились с задачами, стоявшими перед ними». Он все еще продолжал держаться за автохтонную версию, искренне недоумевая: если историки до сих пор не отрицают, что приднепровские скифы участвовали в формировании славянства, так почему же нужно отказывать в этом скифам крымским. Его поддержал и О. И. Домбровский. Он назвал затеянную дискуссии неподготовленной, а в отношении С. Ф. Стржелецкого даже выразил сомнение в его патриотичности, в том, что он искренне поддерживает «положение, что Крым издревле русская земля», а заключительная фраза доклада — это просто умелая маскировка и сам «Стржелецкий этому не верит». Пришлось высказаться и самому П. Н. Шульцу. Он признал, что у него имели место ошибки, он действительно назвал Неаполь «Новгородом Русским», а Коктебельское поселение — славянским. Но затем исправил эти положения. Он и не утверждал, что в Крыму скифы сыграли ведущую роль в формировании славянства, они лишь «внесли свой вклад» в этот процесс, а уж тем более не считал, что славяне автохтонно возникли в Крыму. Хотя П. Н. Шульц и охарактеризовал доклад как недостаточно глубокий, но счел его своевременным и необходимым. С заключительным словом выступил С. Ф. Стржелецкий. По его мнению, дискуссия удалась, и он добился своего. Обращаясь к П. Н. Шульцу, он заявил: «Павел Николаевич, вы правильно признали свои ошибки. Ваши ошибки и есть марризм. Из одного народа не может возникнуть другой народ. Вы фактически являетесь марристом». Е. В. Веймарн выступать не стал, а лишь присоединился к мнению автора. Для него первостепенной задачей было привлечь внимание к новому археологическому материалу, позволяющему решить «славянский вопрос», а не накалять вокруг него обстановку (Там же. Л. 27–30).

Среди еще ждущих обработки рукописей личного архива П. Н. Шульца присутствуют листы с заметками к докладу С. Ф. Стржелецкого и Е. В. Веймарна «О славянах в Крыму», составленными к январскому совещанию. Были ли они озвучены на заседании, сказать сложно, но они глубже официальных протоколов раскрывают суть возникших противоречий и всю сложность и даже трагичность ситуации, в которой оказался П. Н. Шульц в эти годы. Выясняется, что Павел Николаевич данное выступление воспринимал как маневр, предпринятый не с целью оживления научной дискуссии, а призванный отстраниться от марризма и объявить его приверженцами своих оппонентов. Он писал: «При этом ясно и другое, что меня Стржелецкий и Веймарн пришили к докладу, чтобы бить по другой цели, которую из трусости докладчики не решаются назвать», а доклад «ничто как артподготовка для предстоящего нападения на “Очерки по истории Крыма”», которые в феврале 1952 г. планировались к изданию. Но эти завуалированные нападки на П. Н. Надинского и его книгу несправедливы и являются нападками не столько на него, сколько «на ту благородную и открытую борьбу, которую последовательно и неутомимо, еще с довоенных времен ведет Павел Наумович Надинский...». Но из дальнейших записей следует, что и П. Н. Шульц против полного отождествления своей позиции с высказываниями П. Н. Надинского, допустившего в своей работе «перегибы», в частности

абсолютизовавшего свою формулу «Крым — исконно славянская земля». Ведь для ученых это была всего лишь гипотеза, а автор «Очерков...» преподнес ее как решенный вопрос, некую истину, не требующую обсуждения. Однако для аргументации еще нет достаточного материала, поэтому она и выглядит декларативной и уязвимой для критики. Эта якобы доказанная формула, по мнению руководителя крымских археологов, «ослабляет энергию исследователей». Об этом П. Н. Шульц уже говорил в прежние годы, но не был услышан. Таким образом, ученый попытался дистанцироваться от явного «марризма» П. Н. Надинского. Появление новой работы о славянах именно сейчас, в разгар борьбы с «марризмом», Павел Николаевич также связывал с прежними позициями авторов. «Они заключаются в том, что испуг Веймарна, в прошлом приверженца Равдоникаса, перед Марром и желание Стржелецкого следовать за Третьяковым привел их к переоценке миграционных построений, к утверждению что скифы и славяне, наряду с сарматами и аланами пришли в Крым...» (Юрочкин, Емельянова 2012: 73–75; Юрочкин 2015).

«Очерки по истории Крыма» и Сессия 1952 г.

Еще осенью 1951 г. секретарь Крымского обкома ВКП(б) П. И. Титов направил в Отдел науки при ЦК ВКП(б) докладную записку, связанную с имевшими место «извращениями в освещении истории Крыма», в основе которой, вероятно, был упоминавшийся, хотя и не изданный доклад П. Н. Надинского двухлетней давности. Реакцией стала записка на имя М. А. Сулова, подготовленная в начале 1952 г. сотрудниками Отдела. В ней предлагалось опубликовать в журнале «Вопросы истории» (редактором которого являлся П. Н. Третьяков) статью с анализом состояния исторической науки на полуострове и задачами разработки истории Крыма (Тихонов 2016: 300–301). Естественно, чтобы правильно разрешить эти проблемы, было бы недостаточно заочного обсуждения. Безусловно, назрела необходимость встречи крымских и ведущих столичных ученых в рамках крупного научного мероприятия.

В разрешении назревших вопросов крымской истории или, по крайней мере, их обсуждении были заинтересованы и сами ученые, и партийное руководство области. Поэтому по инициативе Обкома ВКП(б) было принято решение о созыве в 1952 г. «совещания по вопросам истории Крыма с участием ведущих историков страны, для борьбы с извращениями в истории Крыма». ОИА КФ АН не только поддержал идею мероприятия, но и инициировал постановку вопроса о созыве в Крыму в 1952 г. третьей Всесоюзной конференции археологов СССР, приуроченной к 125-летию юбилею открытия Херсонеса и Неаполя. На конференцию помимо отечественных археологов планировалось также пригласить коллег из стран народной демократии (РО НА ИАК РАН. Д. 10 (1951). Л. 103–109, 125–129; Д. 13 (1951). Л. 57).

Уже в начале 1952 г. ОИА КФ АН СССР под руководством П. Н. Шульца активно включился в работу по подготовке сессии по истории Крыма. Общая направленность сессии была очевидна: следовало отмежеваться от наследия «марризма» и определиться, на каком методологическом базисе строить дальнейшее изучение актуальных вопросов, включая «скифский», «готский» и «славянский». Конечно, здесь нельзя было обойтись без критики и самокритики, а также без привлечения к обсуждению ученых из ведущих научных центров

страны. Вопреки ожиданиям, предполагалось, что программный доклад «О задаче изучения истории Крыма в Советский период» сделает не руководитель ОИА, а П. Н. Надинский. Сам же П. Н. Шульц взял на себя более частное выступление «Об ошибках в освещении истории скифов». Было также решено поручить доклад по «славянскому вопросу» Е. В. Веймарну. А вот освещение политического аспекта готской проблемы решил взять на себя П. Н. Надинский (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1952). Л. 17–19).

В январе 1952 года Крымиздат подписал к печати первый том «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского. Саму книгу можно было бы охарактеризовать как нечто среднее между учебником и научно-популярным изданием. Но парадокс в том, что работа была, по сути, первой за весь послереволюционный период попыткой освещения истории Крымского полуострова с древнейших времен до 1917 г. Несомненно, такой широкий исторический охват не мог не импонировать потенциальным читателям, что повышало степень доверия к авторскому видению проблем.

Как и следовало ожидать, П. Н. Надинский в преамбуле к очеркам критиковал «буржуазных» историков, главная ошибка которых заключалась в том, что в их трудах «история Крыма рассматривалась и освещалась оторвано от истории народов СССР, точнее — от русской истории» (Надинский 1951: 23). Хотя имя Н. Я. Марра уже не упоминалось, представленная П. Н. Надинским модель исторического развития народов Крыма подавалась в соответствии с автохтонной парадигмой, касающейся, в том числе, и скифо-сарматского родства. Вот как ее понимал автор: «Скифы, по свидетельству Геродота, сами себя называли Сколотами. Некоторые ученые-лингвисты видят в корне “скло” корень слов “склавины”, “словены”, “славяне”»; «...славянские племена известны были под именем сколотов, склавинов, споров (Прокопия), спалов (Иордана) и антов»; «среди предков славян были и скифские племена, и тавроскифы, жившие на Крымском полуострове» (Там же: 23–45). «Некоторые лингвисты», это, конечно же, Н. Я. Марр и его последователи, упоминание имен которых без должной критики было уже неуместно.

П. Н. Надинский не обошел вниманием и готов. Но это уже не «автохтоны Равдоникаса», характеризующие некую «стадию» крымской истории, а чуждые пришельцы, которых следует «поставить на место». В этой части работы прозвучал тезис о «растворении и ассимиляции» мигрантов коренными жителями, в данном случае — тавро-скифами, о чем писал в неопубликованной статье В. П. Бабенчиков. Вслед за П. Н. Шульцем автор «Очерков...» рубежным этапом назвал гуннское вторжение IV в., которое привело к гибели скифского государства и оттеснению тавро-скифов к горам. В результате этого у местного населения стали развиваться феодальные отношения, которые иллюстрируют «пещерные города». Правда, автор допускал, что «среди оседлого населения, кроме тавроскифов, находились родственные им племена, оттесненные к горам Крыма кочевыми ордами, в частности, аланы» (Там же: 40). И все же, по его мнению, «крымские готы» лишь историографический миф — дело рук германского нацизма. «Вот эту-то группу наемников-готов, осевшую в Крыму и полностью растворившуюся среди местного населения, немецкие буржуазные историки и их подпевалы пытались, грубо фальсифицируя историю, изобразить “народом”, якобы “оплодотворявшим” своей готской культурой население Крыма. Больше того, они приписывали этой группке готов создание самостоятельного в Крыму государства, которое будто бы просуществовало здесь вплоть до XIV–XV вв.

и даже далее... Советскими историками сказки о «крымских готах» полностью разоблачены. Но все же кое-где на страницах исторических работ по старой литературной традиции до сих пор проскальзывают неверные взгляды по вопросу о «крымских готах» (Там же: 43). Высказывания П. Н. Надинского подкупают честностью. Он не маскировался под «академизм» и четко излагал суть проблемы в духе настроений и задач времени. «Византийцы содержали здесь (в Крыму. — Авт.) свои вооруженные отряды и, несомненно, пресловутые «крымские готы», пользовавшиеся заботой и вниманием императора, являлись наемниками Византии, выступая против тех, кто восставал против византийского господства» (Там же: 44). Отсюда следовало: готы не только наемники-чужеземцы, но и классовые враги — пособники эксплуататоров в лице «византийского империализма». Несмотря на приверженность скифо-славянской концепции, автор выделял крымско-славянский вопрос в отдельный раздел. На первый взгляд это кажется несколько искусственным. Но ведь первоначальная работа базировалась на автохтонной теории, а в новых условиях кроме теорий и деклараций следовало подтверждать ее конкретным материалом. В археологии таких фактов было пока немного, и П. Н. Надинский иллюстрировал свою книгу керамикой из Чернореченского могильника, почему-то проигнорировав инкерманские находки (Там же: 46–48, рис. 18–20). Публикуя фото черняховского кувшина, П. Н. Надинский замечал: «...коренные жители Крыма сумели сохранить свои отличительные черты в общественно-культурном развитии, роднящие их со славянами Приднепровья», а следовательно, «наши предки славяне, начиная со скифской поры вплоть до татарского нашествия, непрерывно проживали в Крыму» (Там же: 48).

Читателю «Очерков...» следовало сделать однозначный вывод: Крым изначально принадлежал славянам и их предкам, крымские готы — выдумка буржуазных историков и германских нацистов, а выселение захватчиков-татар является не только политической необходимостью, но и «торжеством исторической справедливости». Остается добавить, что за «Очерки по истории Крыма» П. Н. Надинскому без защиты диссертации ученым советом Института истории АН СССР была присуждена степень кандидата исторических наук (Петров, Шамко 1982: 124). Однако в действительности книга среди ученых была принята не столь благожелательно.

Если с «готским вопросом» было все более или менее ясно, он оставался предметом критики, то в «славянском вопросе» к весне 1952 г. четко наметились два: традиционный «автохтонный» и новый «миграционный». Заочно дискуссия уже началась и, как указывалось, переходила на личности. Вероятно, большинство специалистов осознавало, что версия о пришлых славянах выглядит куда более аргументируемой и доказуемой, нежели скифо-славянская, основанная на допущениях и точках «соприкосновения». К тому же последняя явно отдавала «душком марризма». П. Н. Шульц оказался в сложном положении: на протяжении четырех лет возглавляемый им коллектив занимался поисками местных основ славянства. Отказ от всех результатов исследовательской работы мог иметь самые негативные последствия как для ОИА, так и для него лично. С другой стороны, продолжать держаться автохтонных взглядов означало бы заявить себя как убежденного «марриста». Одно было не лучше другого. Ограничиться выступлением о действительно явных достижениях в области скифской археологии Крыма явно не получалось. Поэтому в преддверии сессии историков, намеченной на конец мая, следовало продумать свои позиции для

публичного обсуждения, расставить соответствующие акценты. Учитывая научное и политическое значение общего собрания, было решено перед началом работы издать типографским способом тезисы важнейших докладов.

Для сотрудников ОИА наиболее актуальным был доклад заведующего отделом, который он предлагал назвать «О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма». Учитывая противоречивость ситуации, П. Н. Шульц предполагал представить в докладе критический анализ прежних позиций, показать, что изучать ведущую роль местного населения не означает быть «автохтонистом», при этом акцентировать внимание на реальных достижениях сотрудников отдела. П. Н. Шульц отмежевывался от утверждения, что скифы являются протославянскими племенами, а отмечавшиеся прежде сходные черты в культуре тех и других есть свидетельство их родства, и вообще высказывал сомнение в возможности решения проблем этногенеза археологическими методами. Участвовавший в обсуждении сотрудник ОИА И. В. Новиков из группы истории напрямую попросил П. Н. Шульца высказать личную точку зрения по «славянскому вопросу». Тот ответил: «Я считаю, что в Крыму не происходил этногенез славян. Славяне проникли в Крым в ранний период. Но этногенез славян не было» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1952). Л. 65 об.). Поднимался вопрос и об аборигенах — таврах. Можно ли считать их единым народом со скифами (тавро-скифами)? «Утверждение, что тавры есть скифы — неверно, — ответил П. Н. Шульц, — тавры были ассимилированы скифами в первые века н. э.» (РО НА ИАК РАН. Д. 5 (1952). Л. 65 об.).

Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма (далее — Сессия), открывшаяся в Симферополе 23 мая 1952 г., была одной из кампаний, направленных на очищение гуманитарных направлений советской науки от пережитков «марризма» (Брайчевский 2002; Ломакин 2009б). К сожалению дискуссии этого периода по сугубо научно-теоретическим вопросам зачистую становились полем для борьбы между различными научными школами, отдельными авторитетными учеными за приоритеты и т. п. Методы такой борьбы не всегда имели строго академический характер. Но в Крыму была своя специфика. Отдельная научная школа здесь еще не сформировалась, ученые находились в стадии поиска, особых противоречий со столичными центрами тоже не наблюдалось, а потому повода к разгрому целого структурного подразделения АН СССР не было. И так уж сложилось, что квинтэссенцией всех исследований крымских археологов последних лет стал соответствующий раздел книги малоизвестного в академических кругах, по сути, краеведа-самоучки П. Н. Надинского. Тот факт, что публикационная активность других сотрудников (на основе исследований которых формировал свои позиции П. Н. Надинский), включая и руководителя П. Н. Шульца, в эти годы была довольно скромной, в какой-то мере спасал ситуацию. С другой стороны, основной позицией, высказанной в «Очерках...», был вполне конкретный политический лозунг: «Крым — исконно русская земля». Поэтому осудить концепцию книги в целом значило бы отвергнуть и его. В условиях того времени вряд ли кто-либо на это решился бы.

В период борьбы с «марризмом» на первые роли в советской археологии, в частности, в связи со «славянским вопросом», вышел Б. А. Рыбаков. По мнению В. В. Тихонова, это объясняется тем, что именно Б. А. Рыбакову наиболее удалась попытка на археологическом материале обосновать замечание И. В. Сталина о курско-орловском и полтаво-киевском секторах формирования

древнерусской народности путем привязки к древностям «венедов и антов» — черняховской культуре, полянам и роси (Тихонов 2016: 292–293, 255–297). Но в этой конструкции (Рыбаков 1952в) вовсе не находилось места древним крымским славянам, равно как и теории происхождения славян от скифов. Именно Б. А. Рыбакову и было поручено на предстоящей Сессии направить крымскую археологию в правильное русло.

Сессии придавалось большое значение не только в Москве, но и на местном уровне. Мероприятие проходило под эгидой первого секретаря Крымского обкома П. И. Титова. Чтобы с положениями, выдвигаемыми к обсуждению, ознакомилось наибольшее число жителей полуострова, Крымиздат еще до ее открытия отпечатал тезисы основных докладов тиражом в 800 экземпляров каждый. А накануне сессии в газете «Крымская правда» (печатном органе Крымского обкома ВКП(б)) за 21 мая 1952 г. была опубликована статья Б. А. Рыбакова, указывающая на ошибки в освещении истории Крыма, допущенные П. Н. Надинским и его непосредственным руководителем П. Н. Шульцем. Свои замечания Б. А. Рыбаков развил на Сессии в докладе «О серьезных недостатках и задачах в изучении истории Крыма» и в докладе «Славяне в Крыму и на Тамани». К сожалению, стенограммы самих докладов отсутствуют, а в переплетенном томе материалов Сессии, хранящемся в библиотеке ИАК РАН (далее — Стенограмма 1952), в обоих случаях сделаны приписки: «Стенограмма доклада Б. А. Рыбакова докладчиком не выправлена и не возвращена...» (Стенограмма 1952: 8). Вместо них вшиты тезисы, отпечатанные Крымиздатом типографским способом (Рыбаков 1952; 1952а).

Б. А. Рыбаков, конечно, не отрицал давних и прочных связей Северного Причерноморья и Крыма со славянскими, а затем и древнерусскими областями Приднепровья и Подонья, но настаивал, что до «той поры, пока у восточных славян не сложилось своего мощного государства, способного разбить Хазарию и обуздать кочевников, нельзя было говорить о прочных взаимоотношениях между Крымом и всей Русью» (Стенограмма 1952: 6). Т. е. реальный отсчет времени таких взаимоотношений обозначался примерно периодом Тмутараканского княжества X–XII вв. Что же касается предыдущих эпох, то ставить вопрос, так как это делали крымские историки, выводя крымских славян от скифов, по его мнению, абсолютно неправильно, и эти ошибки связаны, в первую очередь, с «учением Н. Я. Марра», а также с позицией В. В. Мавродина, изложенной еще до войны (Мавродин 1939). «К сожалению, — отмечал докладчик, — эти вредные взгляды нашли себе место и в работах П. Н. Шульца и П. Н. Надинского. В «Очерках по истории Крыма» П. Н. Надинского, вышедших в свет после трудов т. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», проводится ошибочный марровский взгляд на превращение скифов и тавроскифов в славян» (Рыбаков 1952а: 11; 1952б: 3–6). Что же касается реальных археологических свидетельств появления славян на полуострове, Б. А. Рыбаков предпочел говорить примерно о III в., «когда они стали одним из компонентов крымского населения» (Рыбаков 1952а: 6; 1952б: 14). Тем самым он фактически поддержал миграционную версию С. Ф. Стржелецкого и Е. В. Веймарна.

На следующий день было предоставлено слово П. Н. Шульцу. Смысла защищать автохтонистско-марровские построения, конечно, не было. Оставалось лишь констатировать порочность «упрощенческих теорий» Н. Я. Марра о «стадиальных перевоплощениях» на основе «скрещиваний», путем «взрыва», путем «скачка», в результате «чудодейственного превращения одних племен

и народов в другие» и признать тот факт, что «делать выводы об этнической принадлежности того или иного племени или народности, исходя только из археологического материала, без учета имеющихся письменных свидетельств, языковых и антропологических данных — нельзя» (Стенограмма 1952: 79, 80). Относительно ставшей теперь одиозной формулы «скифы — предки славян» приходилось признать, что она «ошибочна, так как исходит из двух неверных предпосылок: о том, что скифские племена, якобы, являются хронологическими предшественниками славянских племен и о том, что на основании только археологических памятников можно делать вывод об этническом родстве тех и других» (Там же: 85). Однако, стараясь объяснить мотивы появления такой формулы в Крыму и почти безусловное ее принятие местными историками и археологами, П. Н. Шульц обращал внимание на то, что она не столько родилась из учения Н. Я. Марра, сколько стала продолжением традиционной отечественной историографии и берет начало в трудах М. В. Ломоносова, И. Е. Забелина, В. В. Хвойко и т. д. (Мавродин 1941: 7), а многие из присутствующих на сессии (Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков) также ранее высказывались в подобном ключе (Стенограмма 1952: 97–98). Выступающий полностью присоединился к критике «Очерков...» П. Н. Надинского, опубликованной на страницах «Крымской правды», пожелав, чтобы последний поскорее «от этих ошибок отказался», хотя и не считает их «вредными», полагая, что в дальнейших исследованиях следует уделять еще больше внимания роли местных племен Крыма (Там же: 100–101).

П. Н. Надинского в какой-то мере поддержал заведующий Сектором скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР А. П. Смирнов, выступивший в прениях по докладу Б. А. Рыбакова. Но сделал он это скорее в плане патриотических настроений крымского коллеги, но никак не концепции скифо-славянского родства. Нисколько не отрицая отмеченных Б. А. Рыбаковым ошибок, среди которых наиболее существенной казалась прямая линия происхождения славян от скифов, А. П. Смирнов со свойственной ему корректностью предлагал выход из создавшегося затруднительного положения: «Древние славяне (культура полей погребений. — Авт.), попав в северную часть степной и Левобережной Украины, встретили там сарматские племена, с которыми и ассимилировались... общение между этими племенами привело к появлению общих черт культуры... хотелось бы обратить внимание на то, что древние славяне, попав в III–IV вв. в южный Крым и на Тамань, оказались в другой среде, которая оказала влияние на дальнейшее сложение их культуры» (Там же: 41–44). Несмотря на находки Инкерманской экспедицией отдельных сосудов черняховской культуры и трупосожжений, ученых, надо думать, все же смущала их немногочисленность и в целом иной облик культуры, распространенной на полуострове, не свойственный «классическому» славянскому миру.

Слово для ответа получил и П. Н. Надинский. Вопреки ожиданиям, он не спешил оправдываться и «саморазоблачиться», хотя, вероятно, впервые оказался в роли критикуемого. П. Н. Надинский честно объяснил, что присутствующие в его работе положения — это отнюдь не результат приверженности «марризму». Просто это реакция на тенденциозную и «антирусскую» подачу фактов из истории полуострова учеными прошлого, неприемлемую в советском Крыму, большинство населения которого составляют переселенцы-славяне. Павел Наумович закончил свою пламенную речь словами: «Мы должны повести решительную борьбу против холодного и равнодушного изложения исторических фактов. Идеиная направленность, большевистская партийность должны быть

непременным правилом в нашей научной работе. Все мы должны работать так, как нас учит великий Сталин!» Последовали аплодисменты (Там же: 135–150; Колтухов, Юрочкин 2004: 115–117; Юрочкин 2017: 393–395). Нетрудно заметить, что выступление по духу и текстуально во многом напоминает упоминавшийся доклад «Против извращений исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков», прочтенный им в период борьбы с космополитами. Как бы там ни было, но и в период борьбы с «марризмом» П. Н. Надинский остался верен своим принципам в понимании «высших» исторических истин, хотя его позиции теперь уже явно ослабли.

В связи с «готским вопросом» интересно выступление К. Ф. Соколовой. В основном оно традиционно сводилось к несоответствиям антропологических серий древних германцев и средневековых жителей Крыма. Но некоторые эмоциональные пассажи ее выступления характеризуют общий тон и стиль собрания. Они проявились, например, в оценке результатов раскопок упоминавшегося средневекового могильника Алушты в 1951 г. (Махнева 1968: 160–162). Оказывается, автор раскопок Ю. В. Кухаренко в отчете о могильнике, предоставленном в Алуштинский музей, назвал его «готским». Из доклада следовало, что Ю. В. Кухаренко был просто обязан пересмотреть вопрос об этническом составе раннесредневековых жителей окрестностей Алушты, а не объявлять его готским. В результате — обвинение: «Укоренившееся мнение, унаследованное от буржуазных историков и археологов, мешает углубленному научному исследованию истории Крыма и направляет историков по ложному пути», поскольку «исследуемые нами черепа принадлежат не готскому, а сармато-аланскому населению» (Стенограмма 1952: 45). Оставались, правда, письменные источники о крымских готах. Докладчик предлагала не менее оригинальный выход из этой неудобной ситуации: ведь можно допустить, что эти готы не были германцами, представителями «северо-европейского типа». Тут же выяснялось: характерный для некоторых черепов из Крыма «центрально-европейский брахикранный (широкоголовый) тип широко распространен по всей центральной Европе. Он встречается в Румынии, Албании, Болгарии, Боснии, Герцеговине (т. е. в дружественных странах народной демократии) и составляет один из основных компонентов южных славян, прослеживающийся также в могильниках Крыма...» (Там же: 45–47).

Председательствующий на заседании академик Б. Д. Греков (он был знаком с рукописью «Очерков...» еще до их публикации и в какой-то степени нес за них ответственность) в заключительном слове занял достаточно мягкую позицию по отношению к П. Н. Надинскому и его книге. Он справедливо отметил: «Все мы хорошо понимаем, что проблема Крыма — это не просто краеведческий вопрос, что Крым в истории нашей Родины играл и играет большую роль, что от освещения различных сторон истории Крыма зависят и ответы на многие вопросы истории всей нашей страны» (Там же: 321). Поддержав критический доклад Б. А. Рыбакова, обозначившего перспективы дальнейшего поиска следов славян в Крыму, он обратил внимание на еще недостаточную разработанность в науке проблем, связанных со скифами и их происхождением, похвалив П. Н. Надинского за его жесткую позицию по отношению к «готскому вопросу» (Там же: 322–328). Свою речь академик закончил словами: «Как справедливо здесь указал П. Н. Надинский, у нас не должно быть деления на москвичей, ленинградцев и крымчаков. Мы все дети нашей общей советской Родины, мы все работаем для ее процветания, и этот лозунг всех объединяет (Там же: 329).

После окончания работы 25 мая 1952 г. Сессия приняла решение, в котором, в частности, отмечалось: «Новым замечательным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма является гениальный труд И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, представляющий боевую программу для всех работников идеологического фронта, в том числе для советских историков... Задачей настоящей сессии... является координация работ всех советских историков и археологов, исследующих историю Крыма, подведение итогов проделанной работы, выявление путем критики и самокритики ошибок и недостатков в работе и преодоление этих ошибок для обеспечения правильного марксистско-ленинского изучения истории Крыма, как неотъемлемого звена истории СССР, и прежде всего русской истории... Крымские археологи приступили к изучению важной проблемы — истории проникновения славян в Крым, установив наличие славянских памятников в Крыму уже III–IV вв. н.э... В изучении истории Крыма наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III–VI вв. незначительную часть пришедшего населения Крыма постепенно ассимилированные, объявлялись создателями никогда не существовавшего “готского государства”. Эта реакционная теория, созданная для оправдания немецкой империалистической агрессии, проникла в отдельные работы советских археологов (В. И. Равдоникас)... В научной и популярной литературе встречалось преувеличение исторической роли Византии (А. Л. Якобсон), хазар (М. И. Артамонов), гуннцев, татар и турок... Особенно большой вред изучению истории Крыма нанесла антимарксистская теория Н. Я. Марра, подменившая конкретный исторический процесс развития народов вульгарно-схематической “стадиальностью”. Схоластическая антинаучная концепция Марра в вопросе этногенеза славян проникла в работы некоторых историков и археологов (Н. С. Державин, М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов, П. Н. Третьяков и др.). В опубликованных в 1950–1951 гг. работах П. Н. Шульца и П. Н. Надинского имеются ошибочные положения по этногенезу славян» (Там же: 333–337). Отмечалась необходимость на «основе глубокого изучения разоблачать фальсификацию истории готов, как варианта реакционной норманнской теории», а также ставилась задача «широко и разносторонне изучить историю проникновения славян и славянских поселений в Крым». Предполагалось «развернуть работы Тмутараканской экспедиции по изучению славянских древностей Таманского полуострова и Крыма» (Там же: 338–339). Тезис о малочисленности пришедших готов и их культурной ассимиляции местными жителями, звучавший на сессии, на долгие годы стал основной формулой при подходе к «готскому вопросу», своего рода новой парадигмой. Не оставили без внимания и, мягко говоря, спорную книгу П. Н. Надинского, рекомендовав КФ АН СССР совместно с ИИМК и Институтом истории АН СССР «подготовить на основе учета критических замечаний и рецензий второе издание “Очерков по истории Крыма”» и «просить академика-секретаря Отделения Истории и Философии АН СССР академика Б. Д. Грекова выделить в помощь автору П. Н. Надинскому специального консультанта по древней и средневековой истории Крыма» (Там же: 340).

Послесловие

В результате компании борьбы с «марризмом» никто из крымских археологов фактически не пострадал, если не считать запутанной истории с участием П. Н. Надинского и Е. В. Веймарна, надо полагать, имевшей опосредованное

отношение к борьбе за лидерство в изучении «славянского вопроса» (Юрочкин, Емельянова 2012; Юрочкин 2013: 404).

Как бы там ни было, но в разрешении проблемы появления славян в Крыму миграционная парадигма окончательно возобладала. Вызвавшая столь бурную дискуссию статья «К вопросу о славянах в Крыму» в конце 1952 г. все же была опубликована в журнале «Вопросы истории» (Веймарн, Стржелецкий 1952).

Поскольку сколь-нибудь значимые следы древних славян отыскать в Таврике так и не удалось, центр по изучению вопроса о причерноморских славянах и Руси переместился в Москву. В 1952–1955 гг. экспедицией под руководством Б. А. Рыбакова были начаты планомерные раскопки Таманского городища — летописной Тмутаракани (Чхаидзе 2008: 10). В Крыму же активно продолжалось изучение позднескифских и средневековых древностей, уже без оглядки на их связь со славянским миром. Созданная П. Н. Шульцем научная школа до сих пор существует на полуострове.

В 1953 г. умер И. В. Сталин, а через год Крымская область была передана в состав Украинской ССР. Вскоре коллектив крымских археологов в прежнем составе продолжил работу в составе Института археологии АН УССР, пользуясь в научном плане определенной автономией (Баран, Беляева та ін. 1994: 96). В результате упразднения Крымского филиала АН СССР задача изучения истории полуострова как неотъемлемой части русской истории утратила свою значимость. Постепенно сошла на нет и проблема поиска древних славян в Крыму. Хотя ее отголоски еще слышались в конце 1950-х гг., но звучали они уже не столь актуально (Веймарн 1957). Тем не менее, решения Сессии 1952 г. по «готскому вопросу» определяли отношение к проблеме как минимум до начала 1990-х гг. По иронии судьбы при смене научных парадигм в этот период и последовавшем затем возвращении готов на этноисторическую карту полуострова немалую роль сыграли открытие Инкерманской экспедицией в 1948–1950 гг. следов некоего северного миграционного потока, связанного с черняховской культурой, а также новая этнокультурная атрибуция кремаций Ай-Тодоровского некрополя (Колтухов, Юрочкин: 2004: 137–186; Юрочкин 2017: 420, 439).

Литература и архивные материалы

- Айбабин А. И. 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ 2, 43–51.
- Акимченков В. В. 2012. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев, Симферополь: Антиква.
- Александров Г. Ф. 1948. Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // Вопросы философии 3, 176–178.
- Алпатов В. М. 2004. История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука.
- Альтман В. 1945. Всесоюзное археологическое совещание // Исторический журнал 5, 88–95.
- Аморт Ч. 1966. Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера) // История СССР 2, 163–188.
- Амосова А. А. 2016. Политические репрессии в Крымском партийном аппарате конца 1940-х — начала 1950-х годов: хронология, историография, источники // Непомнящий А. А. (ред). Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 19–28.

- Андросов С. А. 2004. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма 6–7, 171–180.
- Бабенчиков В. П. 1963. Чорноріченський могильник // АП УРСР 13, 90–123.
- Баран В. Д., Беляева С. О. та ін. 1994. 60 років Інституту археології НАН України. Київ: Київська Академія Євробізнесу.
- Бертъе-Делагард А. Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК 57, 1–108.
- Блаватский В. Д. 1938. Раскопки Харакса в 1931, 1932, 1935 гг. // ВДИ 2(3), 321–335.
- Бойцов М. А., Васильева Т. А. 1998. Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941–1942. М.: МГУ.
- Брайчевський М. Ю. 2002. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica 1, 175–184.
- Брун Ф. К. 1880. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России 2. Одесса, 189–241.
- Бубенок О. Б. 2004. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев: Истина.
- Буров Г. М. 2006. Энциклопедия крымских древностей. Киев: Стилос.
- Быковская Н. В. 2001. Фондовые коллекции Керченского музея во второй половине XX века // Иваненко П. И. (ред.). 175 лет Керченскому музею древностей. Мат-лы междунар. конф. Керчь, 2001, 114–117.
- Вакатова Л. П. 2006. Судьба семьи «врага народа» // Удовина О. М. (ред.). Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым 3. Киев; Симферополь: Антиква.
- Васильев А. А. 1921. Готы в Крыму // Известия РАИМК 1, 1–80.
- Васильев А. А. 1927. Готы в Крыму // Известия ГАИМК 2, 179–282.
- Васильченко А. В. 2008. Оккультный миф III Рейха. М.: Яуза-Пресс.
- Веймарн Е. В. 1948. Отчет об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. и Приложение к отчету об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1947 г. (РО НА ИАК РАН). 32 л.
- Веймарн Е. В. 1957. Крим у середні віки // Бібіков С. М. (ред.). Нариси стародовньої історії Української РСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 580–597.
- Веймарн Е. В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР 13, 15–42.
- Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф. 1952. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ 4, 94–99.
- Виноградов Ю. А. 2012. Страницы истории Боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии (1859–1917) // БИ 27.
- Гадло А. В. 2004. Предыстория Приазовской Руси: очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: СПбГУ.
- Гедеонов С. А. 1862. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Записки Императорской академии наук 1.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1993. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврида.
- Греб В. І., Супруненко О. Б. 1991. Археолог Олександр Тахтаї. Полтава: ПКМ.
- Гриневиц К. Э. 1927. Сто лет Херсонесских раскопок (1827–1927 гг.). Севастополь: Государственный Херсонесский музей.
- Домбровский О. И. 2014. Автобиография // Проценко А. В. (ред.). Его называли Шеф: к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Нижняя Орианда.
- Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. 1975. Аю-Даг — «Святая гора» [Археологические памятники Крыма]. Симферополь: Таврия.
- Дьяков В. Н. 1941. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ 1, 14–20.
- Ейхкоф М. 2010. «Романтика 1001 ночи» за Восточным фронтом? Микроисторическое исследование раскопок СС-Аненербе в Соленом (Украина, 1943) // Археология 2, 108–114.

- Жебелев С. А. 1938. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ 3, 43–71.
- Зайцев Ю. П. 2004. История изучения Неаполя Скифского // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: КФ ИА НАНУ, 36–40.
- Зайцев Ю. П. 2015. Начало. По страницам дневника П. Н. Шульца «Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. (ред.). 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Мат-лы науч. конф., посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь, 6–8.
- Зинич М. С. 1999. Деятельность оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Отечественная история 4, 116–125.
- Зубарь В. М. 2009. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Симферополь: Б. и.
- Иванов Е. Э. 1912. Херсонес Таврический // ИТУАК 46, 170–174.
- Кашеварова Н. 2014. Діяльність Оперативного штабу Розенберга з вивчення нацистами «східного простору» (1940–1945). Київ: Інститут історії України НАНУ.
- Кизилов М. Б. 2015. Крымская Готия: история и судьба. Симферополь: Наследие тысячелетий.
- Клейн Л. С. 2010. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 1. М.: Ломоносовъ, 372–383.
- Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. 2004. От Скифии к Готии. Очерки изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. — VII в. н. э.). Симферополь: Сонат.
- Красный Крым. 1945. 21 августа.
- Кропоткин В. В. 1958. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА 28, 207–210.
- Кропоткин В. В. 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА 100, 108–115.
- Кутайсов В. А. 1994. К 75-летию Эллы Исааковны Соломоник // Кутайсов В. А. (ред.). Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 3–6.
- Кутайсов В. А. 2014. Патриарх крымской советской археологии // Проценко А. В. (ред.). Его называли Шеф: к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Нижняя Орианда, 12–33.
- Ламбин Н. П. 1874. О Тмутараканской Руси. Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи» // ЖМНП 1, 58–95.
- Ланцов С. Б. 2004. П. Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н. э. // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: КФ ИА НАНУ, 58–68.
- Ланцов С. Б., Шапцев М. С. 2015. Новые материалы к истории исследования греко-скифского городища Кара-Тобе из «Коктебельского» архива П. Н. Шульца // Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. (ред.). 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Мат-лы науч. конф., посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь, 12–13.
- Леус П. М. 2008. Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // Радюш О. А., Скворцов К. Н. (ред.) Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград: Янтарный сказ, 220–231.
- Ломакин Д. А. 2009а. Павел Наумович Надинский: типичный представитель партийной номенклатуры или ученый-краевед? // Література та культура Полісся 49. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 72–79.

- Ломакин Д. А. 2009б. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века // Питання історії науки і техніки 2(10), 10–17.
- Ломоносов М. В. 1766. Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.
- Мавродин В. В. 1939. Образование русского национального государства. Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз.
- Мавродин В. В. 1941. Образование древнерусского государства. Л.: ЛГУ.
- Майко В. В. 2002. О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Юрочкин В. Ю. (ред.). Православные древности Таврики. Киев: Стило-с, 133–145.
- Майко В. В. 2004. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика.
- Марр Н. Я. 1933. Избранные работы в 5 томах. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР.
- Марр Н. Я. 1935. Избранные работы (том 5). Л.: Изд-во АН СССР.
- Марті Ю. Ю. 1926. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь: Государственный Керченский археологический музей.
- Махнева О. А. 1968. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Домбровский О. И. Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 155.
- Махнева О. А. 2004. Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Эвксинского. Симферополь: КФ ИА НАНУ, 241–243.
- Медведев И. П. 2006. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб.: Алетейя.
- Мосина З. 1948. О работе Института истории Академии наук СССР // ВИ 11, 143–145.
- Мыц В. Л. 2001. О локализации Фулл и Фулльской епархии // Иваненко П. И. (ред.). 175 лет Керченскому музею древностей. Мат-лы междунар. конф. Керчь, 80–83.
- Надинский П. Н. 1947. Суворов в Крыму. Симферополь: Крымиздат.
- Надинский П. Н. 1948. Л. Н. Толстой в Крыму. Симферополь: Крымиздат.
- Непомнящий А. А. 2005. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Непомнящий А. А. 2012. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стило-с.
- Павленко П. А. 1946. Урок истории // Советский Крым 2, 187–198.
- Первольф И. 1874. Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб.
- Перченко Ф. Ф. 1995. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Куманев В. А. (ред.). Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 201–235.
- Петров В., Шамко Е. 1982. Восхождение к подвигу. Симферополь: Таврия.
- Піоро І. С. 1990. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія 4, 144–148.
- Платонова Н. И. 2013. Владислав Иосифович Равдоникас // Носов Е. Н. (ред.). Академическая археология на берегах Невы. СПб.: ИИМК РАН, 31–34.
- Президиум Отдела 1951. Крымский отдел Географического общества Союза ССР за пять лет его существования // Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР 1, 125–126.
- Против объективизма в исторической науке. 1948 // ВИ 12, 28–31.
- Равдоникас В. И. 1929. Пещерный город Эски-Кермен: готская проблема (Новейшие археологические исследования в Крыму) // Вестник знания 7, 13–16.
- Равдоникас В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК 7 (3–4).
- Равдоникас В. И. 1932. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Известия ГАИМК 12, 5–106.

- [Равдоникас] 1937. О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий // СА 3, 1–10.
- Репников Н. И. 1906. Некоторые могильники области крымских готв // Известия ИАК 19, 1–80.
- Репников Н. И. 1907. Некоторые могильники области крымских готв // ЗООИД 27, 101–148.
- Романько О. В. 2009. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944 гг.). Симферополь: Антиква.
- Рыбаков Б. А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР.
- Рыбаков Б. А. 1952а. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат.
- Рыбаков Б. А. 1952б. Славяне в Крыму и на Тамани. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Крымиздат.
- Рыбаков Б. А. 1952в. Проблемы образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // ВИ 9, 42–51.
- Смекалова Т. Н. 2010. П. Н. Шульц — первооткрыватель археологических памятников Тарханкутского полуострова // МАК 3, 1–6.
- Соломоник Э. И. 1950. Раскопки Неаполя Скифского — столицы Скифского государства в Крыму [популярная лекция]. Симферополь: Крымиздат.
- Сталин И. В. 1950. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании // Правда, 20 июня.
- Стенограмма объединенной науч. сессии Отделения Истории и Философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая. 1952 г. Симферополь (машинопись, библиотека ИАК РАН).
- Стржелецкий С. Ф. 1947. Раскопки в Инкермане в 1940 // СА 9, 281–301.
- Стрижова Т. П., Киселев М. Ю. 2015. «Крым с давних времена привлекал к себе внимание выдающихся деятелей науки». Документы об организации Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. 1947–1948 гг. // Исторический архив 1, 66–79.
- Тахтай А. К. 1948. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // ХС 4, 42–45.
- Тихонов В. В. 2016. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). СПб.: Нестор-История.
- Третьяков П. Н. 1941. Северные восточнославянские племена. Л.: Изд-во АН СССР (МИА 6).
- Третьяков П. Н. 1948. Восточно-славянские племена. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Третьяков П. Н. 1950. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании // ВИ 10, 3–18.
- Тунманн И. 1936. Крымское ханство. Пер. с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской; примеч., предисл. и приложения Н. Л. Эрнста. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР.
- Хапаев В. В. 2009. К истории изучения так называемой «записки греческого топарха» // Культура народов Причерноморья. 172 (2), 10–16.
- Харитонов С. В. 2004. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Художники на фронте. 2014. Переписка О. И. Домбровского с Б. Д. Сурисом // Проценко А. В. (ред.). Его называли Шеф: к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Нижняя Орианда, 47–64.
- Чхаидзе В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус.
- Шевелев А. А. 1942. Готское государство в Крыму // Голос Крыма, 5 марта.
- Шестаков С. А. 2014. Керченский музей во время Великой Отечественной войны // Мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. «Военно-исторические чтения» (17–19 февраля 2013 г.). Керчь: Бизнес-Информ, 236–240.

- Щеглов А. Н. 1984. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА 3, 285–287.
- Шульц П. Н. 1929. Портретная скульптура Антониновской эпохи // Античный портрет. Л.: Academia.
- Шульц П. Н. 1937. О работах Евпаторийской экспедиции // СА 3, 252–254.
- Шульц П. Н. 1940а. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева // КСИИМК 5, 71–75.
- Шульц П. Н. 1940б. Каменные изваяния воинов из курганной группы «Чокрак» // Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея Красной Армии 1. Л.: Гос. техн. изд-во машиностроит. лит., 36–44.
- Шульц П. Н. 1941. Евпаторийский район: 1933–1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 265–277.
- Шульц П. Н. 1946. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым 2, 97–116.
- Шульц П. Н. 1950. Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950 гг.) // Крым 6, 145–157.
- Шульц П. Н. 1951. О статье П. Н. Третьякова «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании» (Вопросы истории. № 10. 1950 г.). 12-го января 1951 г. Симферополь. Засед. Сектора истории и археологии (рукопись, НА ИАК РАН).
- Шульц П. Н. 2004. История исследования Неаполя Скифского (1827–1941 гг.) // Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Пуздровский А. Е. (ред.). У Понта Эвксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь: КФ ИА НАНУ, 12–35.
- Шульц П. Н., Головкина В. А. 1951. Неаполь Скифский // Федоров Г. Б. (ред.). По следам древних культур. М: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 143–168.
- Щеколдин С. Г. 2009. О чем молчат львы. Крым. Алупка. 1941–1944. Симферополь: Нижняя Орианда.
- Эрнст Н. Л. 1931. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) // ИТОИАЭ 4, 72–92.
- Югов А. К. 1949. Родина Ахиллеса // Крым 3, 180–192.
- Югов А. К. 1975. Думы о русском слове. М.: Современник.
- Юргевич В. Н. 1886. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД 14, 5–11.
- Юрочкин В. Ю. 1999. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХС 10, 257–284.
- Юрочкин В. Ю. 2013. «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // Сорочан С. Б. (ред). *Byzantina Ukrainensis*. 2. Харьков: Майдан, 392–412.
- Юрочкин В. Ю. 2015. П. Н. Шульц в годы борьбы с «марризмом» // Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. (ред.). 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Мат-лы науч. конф., посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь, 31–32.
- Юрочкин В. Ю. 2016а. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // ИАК 4, 187–204.
- Юрочкин В. Ю. 2016б. Создание сектора истории и археологии Крымской базы АН СССР // Ишин А. В. (ред). Мат-лы IV науч.-практ. конф. «Военно-исторические чтения» (24–27 февраля 2016 г.). Симферополь: Бизнес-Информ, 41–44.
- Юрочкин В. Ю. 2017. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ.
- Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. 2012. «Инкерманское дело» Е. В. Веймарна: «славянский след» // Науменко В. Е. (ред.). I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Междунар. науч. конф. (5–7 сентября 2012 г.). Бахчисарай, 73–75.
- Ravdonikas W. I. 1929a. Doros Feodoro, die Hauptstadt der Goten // Umschau in Wissenschaft und Technik 22, 22–23.

- Ravdonikas W. I.* 1929b. Die Hauptstadt der Goten in der Krim // *Wochebericht der Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande* 5, 13–14, 25.
- Frauenfeld A. E.* 1942. Die Krim. Potsdam.
- Tomaschek W.* 1881. Die Goten in Taurien [Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nord-Asien]. Wien: Alfred Hölder.
- Loewe R.* 1896. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle: M. Niemeyer.
- Loewe R.* 1901. Jakob Ziegler über die Krimgoten // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 26, 561–568.
- Loewe R.* 1902/1903. Die Krimgotenfrage // *Indogermanische Forschungen* 13, 1–84. Wir kämpfen auf der Krim 1941/1942. Kertch-Sevastopol.
- Stampfuß R.* 1942. Germanen in der Ukraine // *Germanen Erbe* 7, 9, 10, 130–141.
- Yurochkin V.* 2014. The «Gothic Issue» in the Soviet Union // *Mordvintseva V. (ed.). Archaeological and Linguistic Research. Materials of the Humboldt-Conference (Simferopol-Yalta, 20–23 September, 2012)*. Kyiv: Stilos, 57–65.

Глава 9

Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг.

Резюме. В главе рассматривается проблема начала археологических раскопок средневековой Сугдеи в юго-восточном Крыму в 1925–1931 гг. Несмотря на масштабность исследований, которую не удастся повторить до сегодняшнего дня, эти работы по большей части только упоминались в литературе и являлись неизвестными страницами археологического изучения этого уникального памятника. На осно-

вании использования всех сохранившихся архивных материалов и археологических коллекций сделана попытка впервые обобщить все проведенные работы и показать их значимость не только для Сугдеи, но и для всей крымской медиевистики.

Ключевые слова: Сугдея, раскопки 1925–1931 гг., экспедиция ГАИМК, экспедиция ГИМ, полевые материалы, археологические коллекции.

Раскопки средневековой Сугдеи второй половины 20-х — начала 30-х гг. XX в. не только стали настоящим прорывом в археологическом изучении этого археологического памятника, но и оказали огромное влияние на развитие всей крымской медиевистики. В ходе этих работ вырабатывалась и методика раскопок таких сложных памятников, как средневековые крымские города. Однако масштабные результаты этих работ в научной и краеведческой литературе опубликованы чрезвычайно кратко и до сих пор не обобщены.

Предваряя масштабные работы в средневековой Сугдее, Н. Д. Протасов и А. И. Полканов в 1926 г. дали короткую характеристику основных сохранившихся архитектурных объектов памятника (Протасов 1926: 95–107; Полканов 1926).

После первого года раскопок по горячим следам материалы исследований 1927 г. были упомянуты в докладах Ю. В. Готье и А. А. Фомина на Второй конференции археологов СССР, проходившей в Севастополе в сентябре 1927 г., и в тезисном плане опубликованы в материалах форума (Готье 1927: 47–48; Фомин 1927: 47). Сообщение Ю. В. Готье касалось только работ в Георгиевской башне крепости, А. А. Фомин в нескольких строках описал основные исследованные его экспедицией объекты. В следующем, 1928 г. Ю. В. Готье в небольшой заметке чрезвычайно кратко описал основные итоги работ этого года (Готье 1928: 501–502). Раскопанные и разведанные к этому времени объекты Сугдеи были упомянуты и в путеводителе Н. Лапина (Лапин 1928). Итоги работ, проводившихся Н. Д. Протасовым в 1928 г. на территории так называемого храма на консолях, были изложены исследователем в небольшой работе (Протасов 1929: 86–97). В 1929 г. участница экспедиции А. А. Фомина Л. Новикова достаточно полно опубликовала раскопанный в 1926 г. некрополь Судак-ХI (Новикова 1929: 131–137). Вместе с тем, к сожалению, в этой

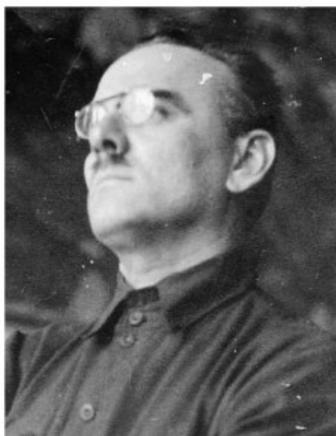
*Александр Алесандрович
Фомин*

*Елена Чеславовна
Скржинская*

*Юрий Владимирович
Готье*

*Алесандр Иванович
Полканов*

*Мария Александровна
Тиханова*

*Александр Юрьевич
Якубовский*

*Евгений Владимирович
Веймарн*

публикации отсутствовал план объекта, не было указано его месторасположение и совершенно отсутствовал погребальный инвентарь. Результаты наиболее масштабных раскопок 1929 г. их участниками так и не были подготовлены к печати. Только в 1931 г. раритетная находка резной костяной пластины из шурфа 4 1929 г. была упомянута в статье М. А. Тихановой (Тиханова-Клименко 1931: 21–25). Краткие итоги раскопок в Судаке в 1926–1929 гг. в нескольких абзацах без каких-либо иллюстраций были подведены в обобщающей статье Л. Н. Эрнста (Эрнст 1930: 72–92). Еще более кратко они упоминались и в более поздней статье Н. Д. Протасова (Протасов 1938: 162–169). Этим мизерным перечнем публикации организаторов и участников раскопок исчерпываются.

В большинстве послевоенных публикаций, посвященных археологическому изучению Сугдеи, работы 1926–1929 гг. только упоминались, как происходившие. В лучшем случае повторялась краткая информация из указанных выше заметок. Только в 1991 г. впервые в монографии Е. И. Лопушинской, посвященной архитектурным памятникам крепости, были приведены план и фотография раскопа 1929 г. в так называемой Полукруглой башне.

Ситуация изменилась в 2006 г. При подготовке монографии Е. Ч. Скржинской, посвященной изучению генуэзской Сугдеи, Л. Г. Климанов и А. В. Джанов использовали архивные материалы Санкт-Петербургского института истории РАН, в основном из личного архива исследовательницы, коротко осветили работы 1928 г. и более полно — 1929 г. На основании рукописных докладов и заметок Елены Чеславовны были даны краткие описания раскопок внутрикрепостной территории, приведены планы раскопов и архивные фотографии (Скржинская 2006: 138–157). Но поскольку сама Е. Ч. Скржинская не ставила задачу их публикации, они, конечно же, носили конспективный характер и не отражали всех проведенных исследований. Полностью отсутствовал в этой работе и сам археологический материал. В этом же издании А. В. Джанов в обширном послесловии кратко суммировал итоги раскопок 1925–1931 гг. (Джанов 2006: 324–325).

Интересные документы о подготовке и начале раскопок в Судаке в 1925–1926 гг. и роли в этом Крымского комитета по делам музеев и охране памятников истории (КрымОхрИс) были приведены в издании документов под редакцией А. В. Хливнюка и А. А. Непомнящего (Охрана и изучение памятников... 2008: 93, 178). Очень полезным оказалось и исследование Т. А. Мордкович, тщательно проанализировавшей самое начало археологических исследований в Судаке в 1925 и 1926 гг. и роль в этом А. А. Фомина (Мордкович 2013: 218–234).

Отдельные эпизоды раскопок 1926–1929 гг., в частности, раскопки Н. Д. Протасовым храма на консолях, исследование некрополя Судак-ХI, городских некрополей на посаде Сугдеи, были проанализированы в недавних публикациях (Кирилко 2012: 191–194; Майко 2007: 205; Майко 2016а: 163–167). Практически все работы, проводившиеся в Судакской крепости и ее округе в 1926–1931 гг., были упомянуты, правда, в чрезвычайно сжатой форме, в обобщающей монографии, посвященной археологическим памятникам Судакского региона республики Крым (Майко, Джанов 2015). С привлечением новых архивных материалов были подведены и краткие итоги раскопок 1927–1931 гг. (Майко 2016: 66–72). Однако и в этих работах археологический материал не приводился.

Таким образом, для продвижения вперед необходимо было проанализировать источниковую базу исследований, сложившуюся на сегодняшний день¹. К сожалению, вся полевая документация, наверняка передававшаяся в виде копий, а частично, может быть, и оригиналов, в архив музея «Судакская крепость» оказалась в годы Великой Отечественной войны утерянной. Такая же ситуация с архивами и фондами Центрального музея Тавриды, принимавшего участие в раскопках.

Наиболее полная коллекция отчетов и полевой документации хранится в архиве Института истории материальной культуры. Однако они, с одной стороны, далеко не исчерпывают весь перечень проводившихся работ и охватывают период раскопок 1927–1929 гг., проводившихся сотрудниками ГАИМК. С другой стороны, исходя из существовавших в те годы требований к отчетной документации, эти отчеты далеко не полные и, конечно же, не отражают всей проделанной работы. Дополнительная информация содержится и в научно-ведомственном архиве ГИМ, где хранятся дубликаты полевой документации 1929 гг., но, самое главное, полевые материалы раскопок 1930–1931 гг., отсутствующие в ИИМКе. Часть документов о раскопках 1928–1929 гг. находится и в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН в архиве Е. Ч. Скржинской. К сожалению, какие-либо полевые материалы о раскопках А. А. Фомина 1926–1928 гг. обнаружить не удалось. Они ограничиваются отдельными фотографиями и кратко опубликованными результатами раскопок некрополя Судак-IX.

Намного хуже ситуация с полученными археологическими материалами. Почти все артефакты из раскопок 1926–1928 гг. и небольшая часть находок 1929–1931 гг. передавались в фонды музея «Судакская крепость» и были полностью утеряны в период оккупации Судака фашистами. В обрывках полевой документации не удалось обнаружить даже их рисунков. Отметим при этом, что требования к отчету того времени не предполагали зарисовки массового археологического материала. Только чудом в фондах ГИМ сохранились отдельные вещи из раскопок упоминавшегося некрополя Судак-IX, а в фотоархиве ИИМК — фотографии единичных раритетных находок.

Единственное, чем мы располагаем, это коллекция из раскопок 1929–1931 гг., хранящаяся в фондах ГИМ. Полностью сохранились материалы из раскопок 1929 г. на площади квадратов 4 и 15–17, в Полукруглой башне и в районе башни Фредерико Астагуэрро. Присутствуют и материалы раскопок 1930–1931 гг. в портовой части Сугдеи (описи № 2624, 1807 и особенно наиболее полные описи № 697–699). Общее количество предметов, большую часть которых образуют мелкие фрагменты керамики, составляет 7503 единицы.

Согласно выписке 76191 из Главной инвентарной книги ГИМ, только в 1933 г., спустя четыре года после окончания раскопок, находки из ГАИМа были переданы в ГИМ. Всего на хранение поступило 6264 предмета, причем не только из раскопок Судакской экспедиции 1929 г., но и подъемных материалов из Балаклавы и Чобан-Куле, где в 1929 г. экспедиция проводила разведочные работы. Лишь спустя шесть лет, в 1939 г., все эти материалы, очевидно после

¹ Выражаю искреннюю признательность заведующей Научным архивом Института истории материальной культуры РАН М. В. Медведевой, сотруднице этого же архива Д. А. Кутиной, сотруднице отдела письменных источников Государственного исторического музея И. В. Ключкиной и сотруднице Отдела фондов Государственного исторического музея Е. М. Болдыревой за консультации и помощь в работе.

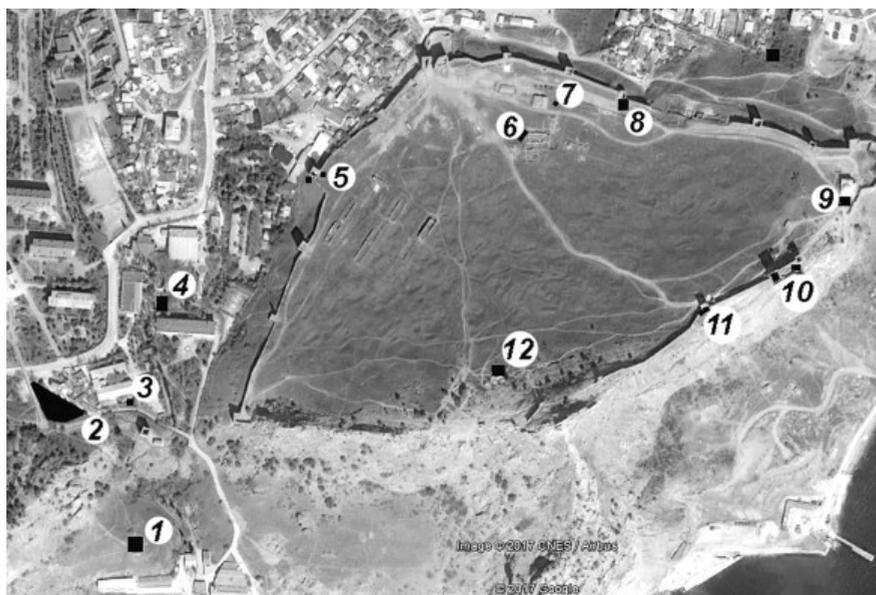
камеральной обработки Н. Д. Протасова, наконец, были переданы в III археологический отдел ГИМ. В результате этих перемещений образовалась неизбежная путаница. Мало того, по нашему мнению, в данную коллекцию попали и находки, никакого отношения к Крыму не имеющие. Это вещи в основном среднеазиатского происхождения, неизвестные в средневековых горизонтах Сугдеи и других крымских городов. К сожалению, в главной сохранившейся описи № 697–699 после номера 4267 все остальные 1733 номера значатся как подъемный материал и не сопоставляются с конкретными раскопами и объектами.

Такова в настоящий момент источниковая база исследования. Тем не менее, попытаемся суммировать всю доступную на сегодняшний день информацию.

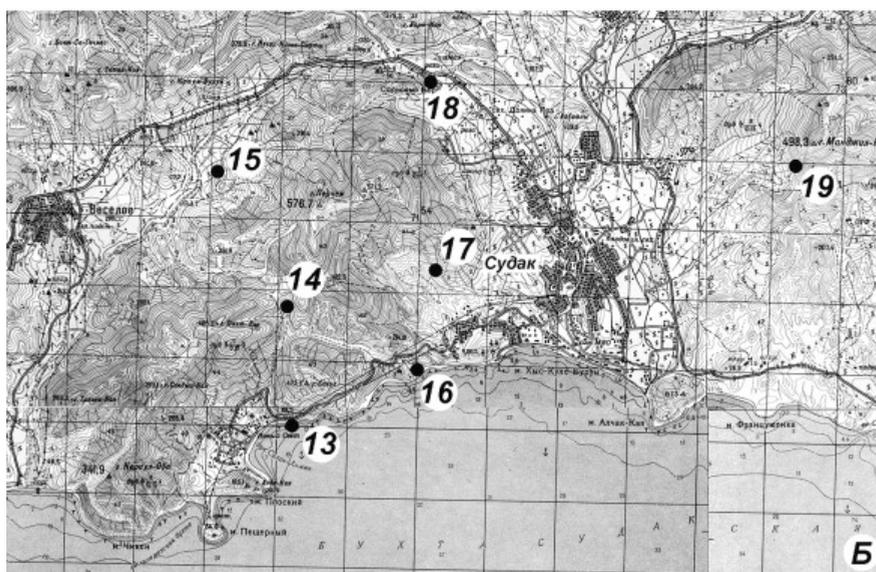
Сразу после установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 г. при отделе народного образования Крымревкома была образована секция по охране памятников старины и искусства (Крымохрис). В ноябре 1921 г., после образования АССР, Крымохрис был выделен в самостоятельный отдел при Крымнаркомпросе. Именно этой организации и непосредственно Центральному музею Тавриды с 1924 г. и была поручена охрана Судакской крепости. Активные деятели Российского общества по изучению Крыма (РОПИК) А. И. Полканов и Н. В. Лезин ходатайствовали о направлении в Судак с целью изучения памятников истории известного историка литературы и искусств профессора А. А. Фомина, на тот момент занимавшего должность руководителя Отдела истории домашнего обихода в Государственном историческом музее.

Датой начала систематического изучения Сугдеи следует признать лето 1925 г. Именно тогда по заданию исторического музея и РОПИК А. А. Фомин впервые совершил разведочную поездку в Судак. Осмотр крепости и собранный подъемный материал позволили сразу определить перспективность и насущную необходимость скорейших археологических исследований. До этого времени эпизодические шурфовки на территории Судакской крепости проводил директор музея Р. И. Гафнер, но ни он, ни другие случайные раскопщики никаких отчетов о своих работах не оставили. Вернувшись из поездки, уже в сентябре 1925 г. А. А. Фомин выступил с отчетным докладом в Архитектурно-реставрационном отделении Музейного отдела Главнауки и Государственной академии истории материальной культуры (Мордкович 2013: 226). Вероятно, тогда и было принято решение о начале планомерных исследований крепости (Мордкович 2013: 227; Охрана и изучение... 2008: 93). Благодаря усилиям А. А. Фомина с 1926 г. музей «Генуэзская крепость» уже находится в ведении Главнауки РСФСР и Государственного Исторического Музея в Москве.

Работы 1926 г. А. А. Фомина носили все же ограниченный характер. Наиболее масштабные раскопки были проведены с южной стороны Храма с аркадой (рис. 1: 9), где открыто основание михраба, перевязанного с первоначальной кладкой стены, и частично изучены фундаменты последней. Кроме одной архивной фотографии (рис. 2: 14), никакой полевой документации об этих раскопках пока обнаружить не удалось. Кроме того, в нижней части северного склона горы Полвани-Оба на бывшем участке Н. В. Холодовской на значительной площади был раскопан средневековый некрополь Судак-ХI, согласно современной нумерации (рис. 1: 2). В процессе работ было зафиксировано девять плитовых могил, сложенных, с небольшими исключениями, из тесаных камней. В углах могил зачищены остатки дерева и железных гвоздей, предполагающие наличие деревянных гробовин. Погребальный инвентарь оказался достаточно многочисленным и представлен был стеклянными браслетами, бусами, бубенчиками,

А

Б

Рис. 1. Основные участки раскопок и разведок 1926–1931 гг. на территории средневековой Сугдеи (А) и памятников ее ближайшей округи (Б).

1 — раскоп 1929–1931 гг. в портовой части; 2 — некрополь Судака-ХI; 3 — раскоп 1929 г. на участке Гартмана; 4 — баня; 5 — шурфы 1928 г. возле башни Джованни Марионе; 6 — квадраты 15–17 1929 г.; 7 — квадрат 4 1929 г.; 8 — раскоп 1929 г. у полукруглой башни; 9 — раскоп 1926 г. у Храма с аркадой; 10 — раскопки 1927–1928 гг. Консульского замка; 11 — раскопки 1927–1928 гг. у Георгиевской башни; 12 — раскоп 1928 г. храма на консолях; 13 — пещерный монастырь; 14 — Анастасиевский монастырь; 15 — таврский некрополь; 16 — монастырь Димитраки; 17 — двухапсидный храм на г. Перчем; 18 — храм Ай-Савы; 19 — Георгиевский храм

подвесками, раковинами каури. Единственной документацией об этих раскопках является статья Л. Новиковой, участницы экспедиции А. А. Фомина (Новикова 1929: 131–137). К сожалению, как уже отмечалось (Майко 2007: 205), в этой статье отсутствует план некрополя, его четкая привязка к местности, а самое главное, совершенно не представлены сами находки. По счастливой случайности в фондах ГИМ удалось обнаружить только некоторые вещи из многоярусного долговременного захоронения 1. Они представлены бронзовым крестиком с ромбовидным средокрестием и шариками на концах лучей (рис. 2: 6). Подобные изделия в Сугдее традиционно датируются в рамках первой половины XII в. Для датировки нижнего горизонта интересно и сохранившееся ожерелье, в составе которого присутствуют мелкие глазчатые «бугорчатые» (рис. 2: 5а) и редкие для Сугдеи крупные удлиненные расписные бусы (рис. 2: 5б), которые четко датируются первой половиной — серединой XI в. Остальные сохранившиеся предметы, представленные бронзовыми височными кольцами (рис. 2: 7) и фрагментами бронзовых браслетов (рис. 2: 8, 9), не имеют узких хронологических рамок бытования. Таким образом, учитывая упоминавшиеся и сохранившиеся предметы погребального инвентаря, некрополь можно датировать в рамках второй половины X — XII в.

Кроме этих двух объектов, в 1926–1927 гг. экспедицией была расчищена от завалов цистерна Консульского замка и начаты пробные шурфовки в районе Портовой башни Фредерико Астагуэрра. В ближайших окрестностях Сугдеи производится повторная расчистка храма монастыря Димитраки («храм Дианы»), продолжавшаяся до 1928 г. Экспедицией также был предпринят ремонт наиболее аварийных объектов в крепости. Каких-либо полевых материалов об этих исследованиях обнаружить пока не удалось.

С 1927 г. наступил новый этап археологического исследования Сугдеи. Именно в этом году к исследованиям подключилась экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) во главе с известным историком-архивистом Ю. В. Готье, совмещавшим в то время свою деятельность в Румянцевской библиотеке с должностью руководителя отдела истории России XVIII в. в ГИМ. В составе экспедиции работали М. А. Тиханова, Е. Ч. Скржинская, А. Ю. Якубовский, Н. Б. Бакланов. Сохранившийся в архиве ИИМК отчет позволяет в целом представить ход работ (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1927. Д. 110. Л. 42–61. Д. 198. Л. 1–20).

Наиболее значимым объектом исследований в 1927 г. были работы в заполнении храма на первом ярусе так называемой Георгиевской башни и примыкающей к нему территории. В течение первого года работ сразу были открыты субструкции церковного амвона и алтарной преграды. На основании добытых артефактов было даже высказано предположение о ее догенуэзском происхождении. Безусловно, наиболее ценной находкой, обнаруженной при исследовании нижних горизонтов заполнения, является византийская иконка с золотой основой и изображением, выполненным в технике перегородчатой эмали (Готье 1927: 48; 1928: 502). По свежим следам эта уникальная находка активно обсуждалась на Второй конференции археологов СССР в Херсонесе в сентябре 1927 г. В прениях по докладу Н. Е. Макаренко, А. И. Некрасовым, Д. П. Гордеевым была подчеркнута высокая техника исполнения и высказана точка зрения о возможной связи изделия с византийскими иконками Грузии (Вторая конференция... 1927: 49). Еще в 1930 г. Л. Н. Эрнст подчеркивал, что данная иконка является одной из наиболее ценных находок, сделанных на территории Крыма

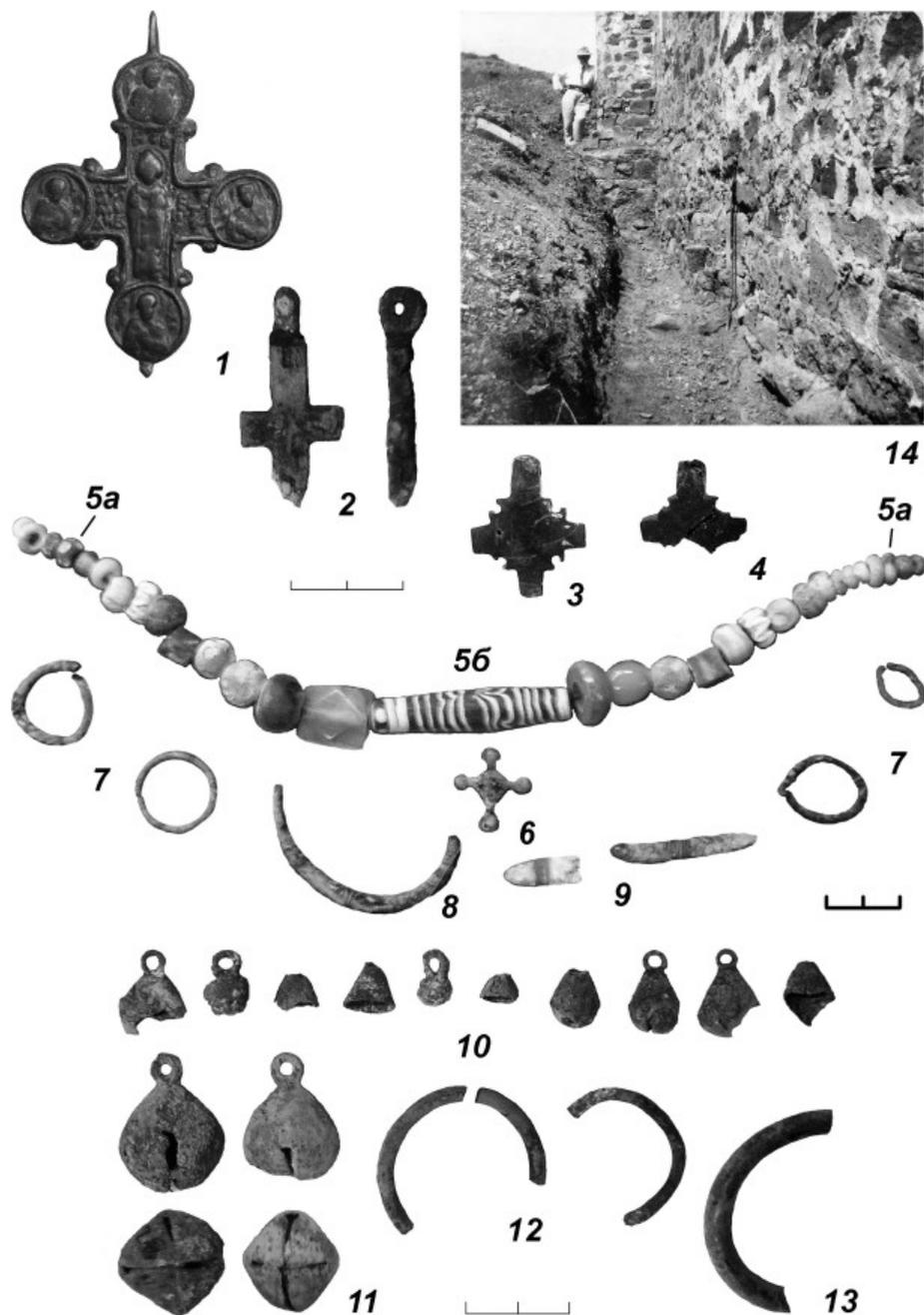

Рис. 2. Погребальный инвентарь из раскопок 1926–1929 гг. некрополей Сугдеи. 1–4, 10–13 — некрополь Судак-V, 1929 г.; 5–9 — некрополь Судак XI, 1926 г.; 14 — общий вид раскопа 1926 г. у храма с аркадой (по https://sandro.life/90_let_sudak_genuezskaya_krepost/). 1, 2, 6–12 — бронза; 3, 4 — янтарь; 5, 13 — стекло

за 1917–1927 гг. (Эрнст 1930: 76, 84). К сожалению, несмотря на отдельные упоминания о находке этого уникального изделия (Баранов 1989: 55; Майко 2014: 175), нигде она опубликована не была. Пока не удалось установить не только место хранения раритета, но и обнаружить какое-либо его изображение или хотя бы описание. О нумизматических находках 1927 г. некоторое представление дает сохранившийся в архиве ГИМ их список (Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–2).

Помимо раскопок в Георгиевской башне, проводятся разведочные работы и в ближайших окрестностях средневекового города. Так, на участке Д. М. Гегельмана, который располагался к северо-западу от дороги Судак — Новый Свет, примерно на месте 1-го спального корпуса пансионата «Крымская весна», были отмечены разрушенные погребения, в том числе со стеклянными браслетами. Судя по всему, это был некрополь Судак-I, полностью исследованный в 1963 г. М. А. Фронджуло и верно датированный второй половиной X — XIII в.

В 1927 г. экспедицией проводятся и масштабные разведки памятников в окрестностях Судака и с. Кутлак (рис. 1: Б). Детально осмотрен комплекс известных к тому времени памятников в окрестностях пос. Новый Свет. Это остатки храма в урочище Димитраки, пещерные храмы по дороге в поселок, Анастасиевский монастырь. Кроме того, были осмотрены остатки двухапсидного храма на склонах горы Перчем, причем отмечены остатки двух построек, входящие в комплекс монастыря, храма в Ай-Савской долине на участке Шальбург, где зафиксирован колодец и каменное корыто для водопоя, храма на склонах горы Ай-Георгий. В Солнечной долине произведена фотофиксация храма, а к северо-востоку от с. Кутлак зафиксирован могильник раннего железного века, состоявший из каменных ящиков.

Получив необходимый опыт и информацию, экспедиция развернула в 1928 г. более масштабные работы, продолжавшиеся в течение июля и августа. К исследователям, работавшим в предыдущем году, присоединился заведующий византийским отделом и ученый секретарь Государственного исторического музея Н. Д. Протасов, более известный в области искусствоведения и истории средневековой живописи. Наличие общего экспедиционного отчета Ю. В. Готье (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1928. Д. 104. Л. 28–39), а также отчетов Н. Д. Протасова о раскопках храма на консолях (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Д. 113. Л. 11–36об.) и общих кратких заметок Е. Ч. Скржинской, обнаруженных в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и опубликованных в 2006 г. (Скржинская 2006: 138–145), так же позволяет восстановить ход исследований. Дополняют их и некоторые документы, в основном полевые чертежи из архива ГИМ (Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Дело № 341. Л. 1–3. Оп. 2. Дело № 84. Л. 1–57).

Задачи экспедиции были комплексными. Предстояло впервые произвести тахеометрическую съемку крепости и составить обмеры большинства архитектурных объектов. Кроме того, в план работ входила и фотографическая съемка памятников Судака, для чего, как отмечает Е. Ч. Скржинская (Скржинская 2006: 138), экспедиция получила в свое распоряжение один из лучших аппаратов Академии, которым и было произведено более ста снимков. Одной из главных задач была, конечно же, и организация разведочных шурфовок на разных объектах Сугдеи и окончание начатых в 1927 г. раскопок.

Прежде всего была завершена расчистка храма на первом ярусе Георгиевской башни. В целом, раскопками были открыты остатки каменной алтарной

преграды и изучено заполнение объекта (рис. 3: 2). Оно было разобрано на глубину до 1,5 м и при этом зафиксировано три разновременных пола. Наиболее раннюю вымостку из плитняка на известковом растворе исследователи датировали второй половиной X — XI в.

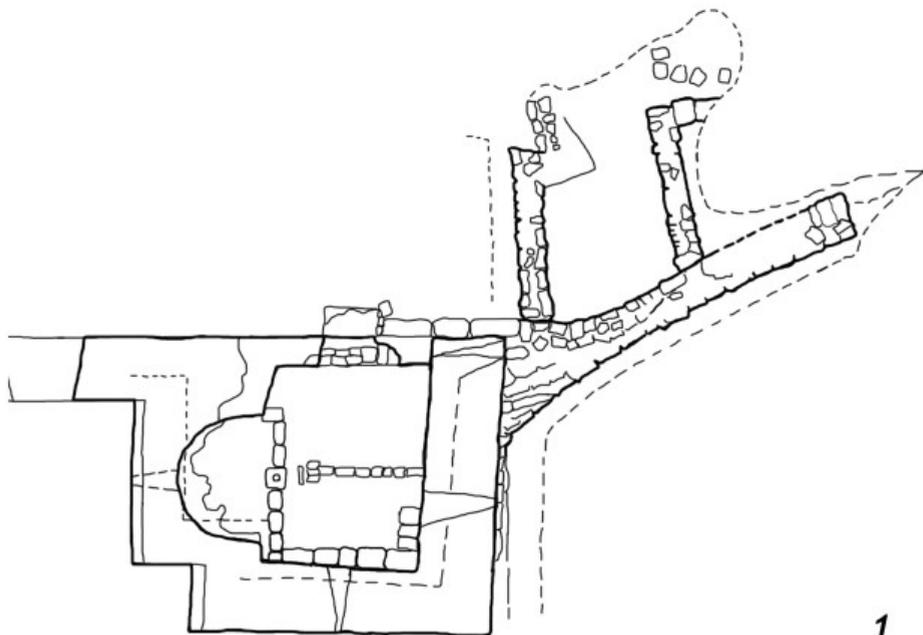

Рис. 3. Раскопы у Георгиевской башни 1928 г.

1 — план раскопа к юго-западу от башни; 2 — общий вид раскопа внутри башни

В целом на территории цитадели Сугдеи-Солдайи было заложено 12 разведочных шурфов. Выбор их мест определялся необходимостью датировки сооружений цитадели генуэзским или догенуэзским временем. Работами непосредственно в цистерне Донжона было установлено, что его фундаменты возведены частично на скале, частично на слое бута, залитого раствором. Была зафиксирована и гончарная труба, выходящая из цистерны. Помимо этого были заложены шурфы внутри угловой башни Консульского замка и у внешнего панциря северной стены так называемого консульского дворика. С внешней и внутренней стороны изучались фундаменты куртины между Донжоном и Георгиевской башней. Фундаменты всех трех стен последней также подверглись шурфовке. Был, в частности, изучен сложный фортификационный узел привязки куртины, отходящей к западу от Георгиевской башни. Помимо этого возле южной стены башни было впервые отмечено скопление черепов и костей, которые, несомненно, были связаны с прихрамовым некрополем, раскопанным в 1989, 2009 и 2013 гг. Помимо этого на участке, непосредственно прилегавшем к Георгиевской башне с юга, были зафиксированы кладки жилых построек генуэзского времени, примыкавших к линии оборонительных сооружений (рис. 3: 1).

В этом же году были заложены два разведочных шурфа № VIII и IX с внешней и внутренней стороны башни Джованни Марионе, на месте соединения куртины с северной стеной башни. Было установлено, что внешний панцирь северной стены стоит на небольшом цоколе, который покоится на предматериковой глине.

В 1928 г. Н. Д. Протасовым, великолепным специалистом в области христианской архитектуры, были проведены и археологические раскопки так называемого храма на консолях. Отчетная документация (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Д. 113. Л. 11–36об.) и краткая публикация итогов исследований (Протасов 1929: 86–97; 1938: 162–169) по единодушному мнению специалистов являются образцом скрупулезного подхода к работе. В настоящий момент эти и последующие исследования объекта практически полностью опубликованы В. П. Кирилко (Кирилко 2012: 191–194).

Наибольший масштаб археологических раскопок пришелся уже на следующий, 1929 г. Как и в предшествующие годы, Судакская экспедиция была организована Государственной академией истории материальной культуры с участием Государственного исторического музея. Однако в связи со значительным расширением задач исследований к работе были подключены Таврическое общество истории, археологии и этнографии и Центральный музей Тавриды, которые представлял А. И. Полканов. В целом экспедиция насчитывала восемь специалистов (Ю. В. Готье, Е. Ч. Скржинская, М. А. Тиханова, Н. Д. Протасов, А. И. Полканов, архитектор Н. Б. Бакланов, М. П. Румянцева, А. Н. Савинов) и пять студентов-практикантов. Работы продолжались с 18 августа по 29 сентября.

Сохраняющаяся отчетная документация, включающая общий (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Д. 113. Л. 183–206) и краткий (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Д. 114. Л. 67–70) отчет экспедиции, а также дневники (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Д. 114. Л. 21–26об) и отчеты Е. Ч. Скржинской о раскопках в целом и исследованиях на территории Полукруглой башни, Н. Д. Протасова о раскопках храма на горе Святого Георгия (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Д. 113. Л. 38–43) и А. И. Полканова о шурфовке в портовой части (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Д. 256), позволяют полностью восстановить весь ход исследований. Существенно дополняют эти материалы и документы из архива ГИМ.

Это, прежде всего, дневники (Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Д. 372. Л. 1–230), чертежи (Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 2. Д. 84. Л. 1–57) и, самое главное, описание археологического материала (Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Д. 373. Л. 1–243), позволяющая сопоставлять находки, хранящиеся в фондах, с конкретными горизонтами и объектами на раскопах. В 2006 г. был опубликован и доклад Е. Ч. Скржинской в ГАИМК об итогах работ 1929 г., хранящийся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Скржинская 2006: 146–155).

Планы, поставленные участниками работ 1929 г., были грандиозными. Прежде всего, предстояло изучить систему фортификации, выяснить ее строительную историю. Было закончено выполнение тщательных обмеров оборонительных сооружений Судака, открыты некоторые оборонительные узлы, до этого полностью скрытые под землей. Исследователями справедливо ставился вопрос о догенуэзском возрасте отдельных элементов и субструкций.

Следующей задачей было раскрытие системы городской застройки и выяснение основных направлений городских улиц. Как отмечала Е. Ч. Скржинская, (Скржинская 2006: 145), от центральных въездных ворот средневекового города три центральные городские улицы располагались в обе стороны вдоль нижних стен и башен и наверх к замку и донжону. К моменту раскопок они представляли собой слабо различимые тропинки. С целью обнаружения улицы, которая вела к цитадели, в центральной части городища была размечена разведочная траншея, разделенная на 40 квадратов размерами 5 × 5 м. Эта траншея должна была пройти и через резкое возвышение в центральной части памятника, в толще которого была видна мощная кладка. Начало траншеи было определено несколько восточнее башни Паскуале Джудичи, сама же она была размечена в юго-западном направлении между большой цистерной и казармами прямо на возвышении и дальше внутрь города.

В 1929 г. были начаты исследования пяти квадратов. Первый из них (№ 4 согласно выбранной нумерации) был заложен к востоку от большой цистерны на месте предполагаемого прохождения средневековой улицы (рис. 4: 3). Работами на квадрате руководила М. А. Тиханова. Общая глубина культурных напластований составила 4,08 м. Методика работ полностью соответствовала и сегодняшним требованиям. Работы велись по штыкам с последующим объединением их в выделенные культурные горизонты. Всего в стратиграфии было отмечено семь культурных горизонтов. Наиболее поздний, толщиной до 0,67 м, подстилала каменная вымостка, сложенная из 15 камней. Среди них были отмечены три мраморных фрагмента. Большой фрагмент представлял собой нижнюю часть надгробья с рельефным резным мальтийским крестом с прочерченным по центру крестом с раздваивающимися концами (рис. 5: 5). Датировать его затруднительно, но, вероятно, он относится к позднесредневековым западным образцам.

В этой же вымостке, согласно дневниковым записям М. А. Тихановой, подтвержденным в докладе Е. Ч. Скржинской (Скржинская 2006: 138–139), было зафиксировано два других мраморных фрагмента с остатками латинской надписи. На самом деле в фондах ГИМа их оказалось три, подходящих один к другому (рис. 6: 10). Нет сомнения в том, что перед нами нижний правый угол закладной генуэзской плиты с однострочной надписью и тремя геральдическими гербами. Сохранилась только нижняя часть правого герба, разделенного на две равные половины. Между ним и центральным гербом прочерчена крупная буква инициалов консула, вероятнее всего «Т». За исключением материала изготовления,

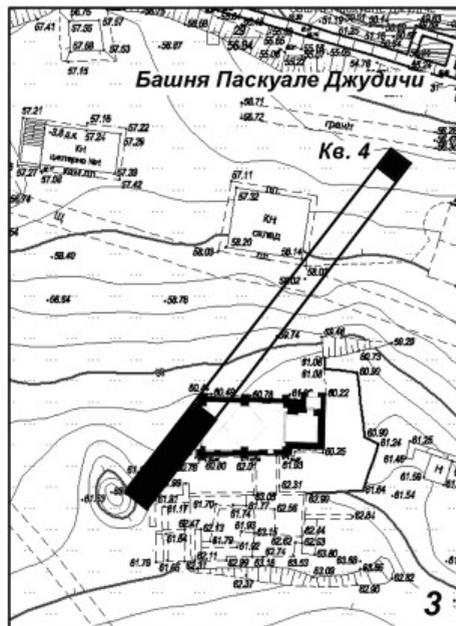
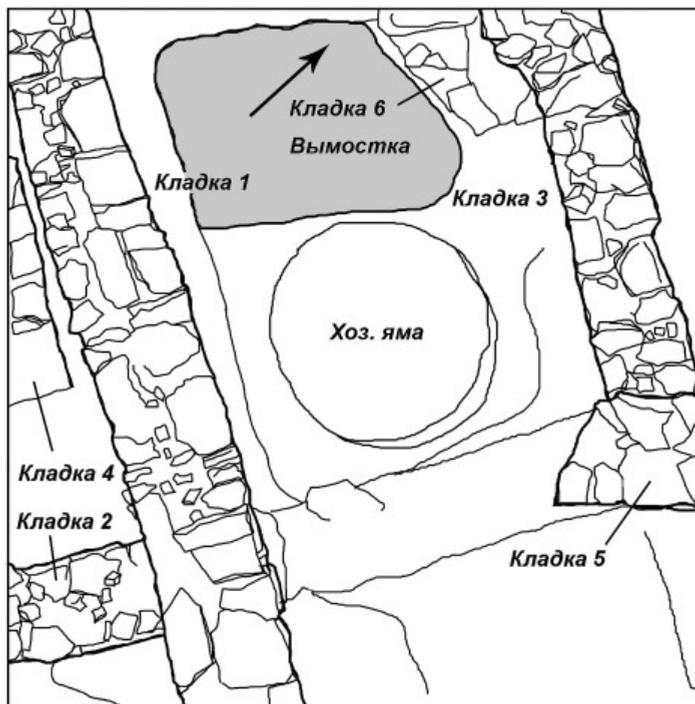

Рис. 4. Квадрат 4, раскопки 1929 г.

1 — план квадрата (по: Скржинская 2006: 149); 2 — общий вид кладок 1 и 2; 3 — месторасположение квадрата 4 и размеченной траншеи на современной топоъемке Судакской крепости

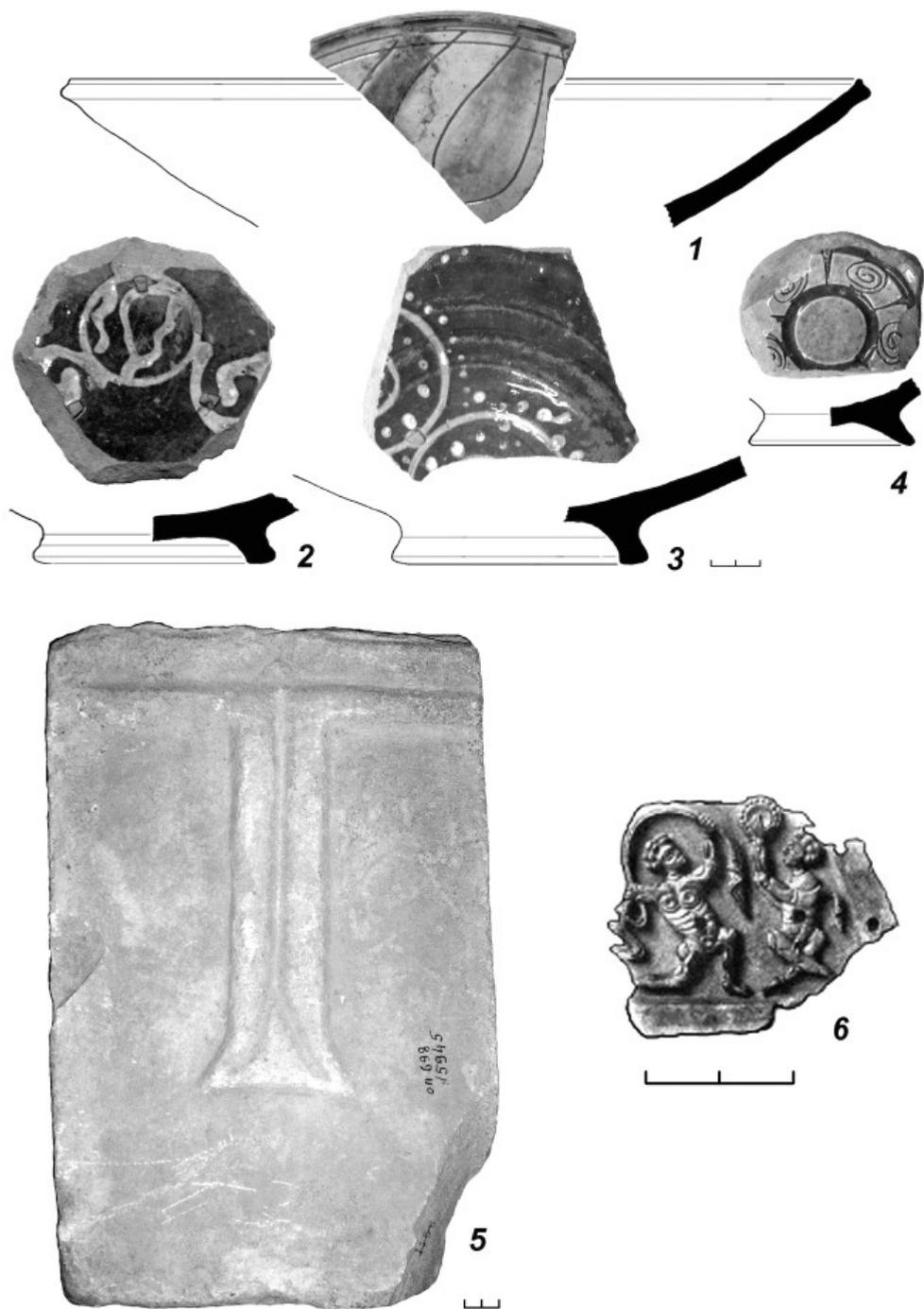

Рис. 5. Археологический материал из заполнения хозяйственной ямы в квадрате 4

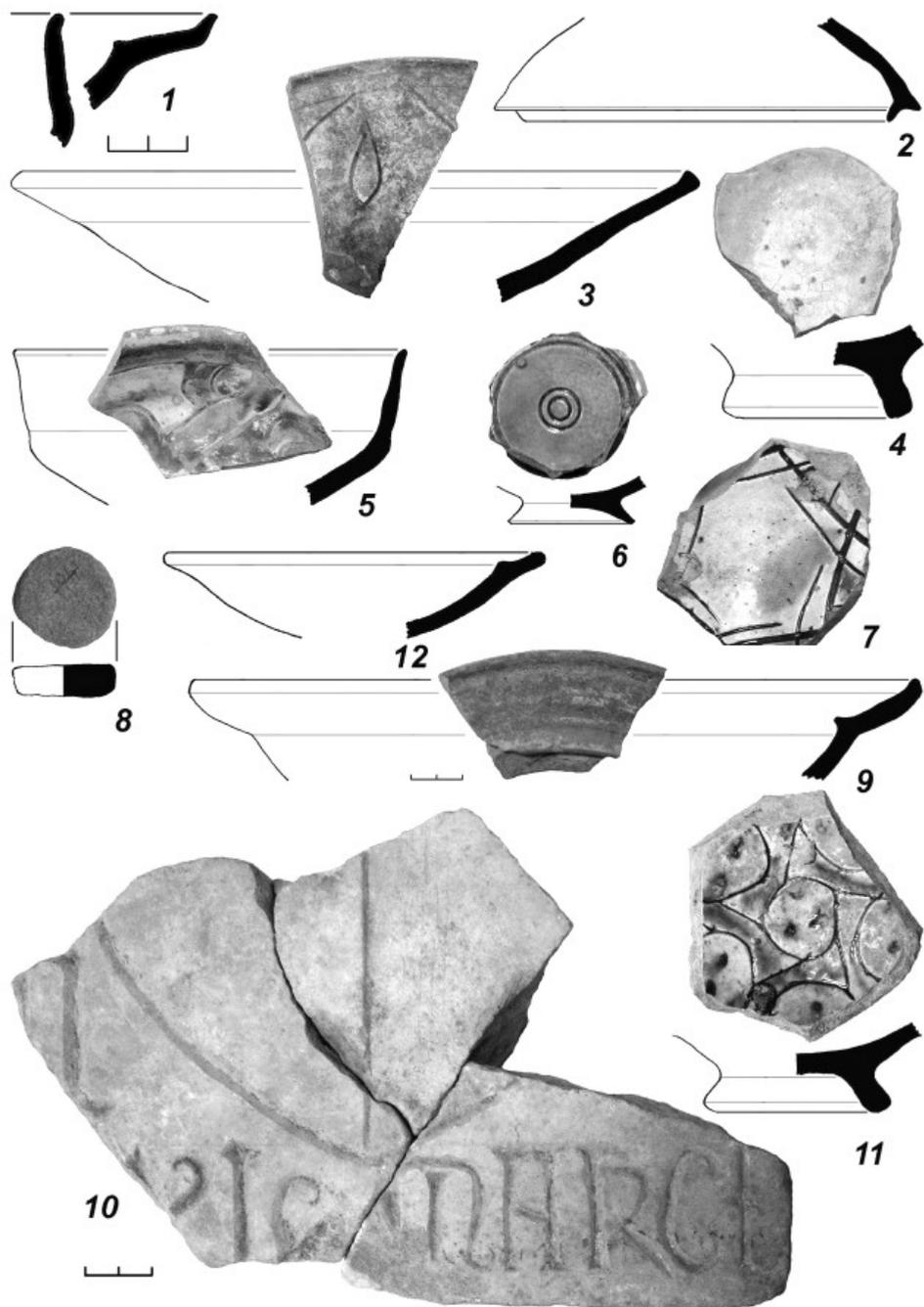

Рис. 6. Археологический материал из заполнения квадрата 4.

1, 2 — штык 5; 10 — штык 7; 3 — штык 8; 4, 7 — штык 9; 5 — штык 13; 6 — штык 16; 8 — штык 22–25; 9 — штык 28; 11 — штык 35–37

по размерам, высоте букв и манере исполнения она близка хорошо известной геноузской плите с датой 1451 г. консула Бартоломео Джудичи с однострочной надписью, содержащей только год и число месяца (Скржинская 2006: 251–254). Таково, вероятно, было содержание и нашей надписи, от которой сохранились только последние две буквы даты: марта («Marci»). Судя по длине надписи, цифра была двухзначная. Странно, что на эту находку не обратила внимания Е. Ч. Скржинская, и она так и осталась неопубликованной и непроанализированной.

К нижележащему стратиграфическому горизонту была отнесена кладка 4 (рис. 4: 1) выполненная из белых тесаных камней, от которой сохранился только один ряд. Предшествующий слой связан с кладками 1 и 2 (рис. 4: 1), перевязанными между собой (рис. 4: 2). Вероятнее всего, это фрагмент северной стены крупной постройки с кладкой, разделяющей ее на два помещения. К предшествующему слою была отнесена нижняя часть кладки 1, а к расположенному под ним — кладки 3 и 5 (рис. 4: 1). Наиболее ранними строительными остатками оказались фундаменты кладки 1 и кладка 6.

Керамический комплекс, сопоставляемый с первым и вторым слоем, представлен мелкими фрагментами венчиков поливной и кухонной керамики (рис. 6: 1), в том числе поливной красноглиняной крышкой (рис. 6: 2), и может быть датирован в рамках второй половины XV в. Набор посуды из следующих трех горизонтов состоит из фрагментов различной по морфологии поливной керамики без орнамента или с разнообразным геометрическим орнаментом сграффито (рис. 6: 3–5, 7, 9, 11). В целом он характерен для комплексов Сугдеи второй половины XIV в. С кладками 3 и 5 связаны находки поливной византийской керамики типа Новый Свет (рис. 6: 6) первой половины — середины XIII в., а с первоначальными кладками — фрагменты белоглиняной поливной керамики второй половины X — XII в. (рис. 6: 12). Судя по дневниковым записям, во всех горизонтах заполнения было встречено довольно большое количество индивидуальных находок, представленных фрагментами стеклянных сосудов и изделий из металла. Отметим небольшую коричневоглиняную крышку (рис. 6: 8).

На уровне кладок 3 и 5 по центру квадрата была зафиксирована почти круглая в плане хозяйственная яма диаметром 1,72–1,78 и глубиной 0,3 м (рис. 4: 1), заполненная большим количеством фрагментированного железа и бронзы. Из заполнения ямы происходит достаточно однородный керамический материал, представленный византийской поливной керамикой с рельефным концентрическим орнаментом, нанесенным желтым ангобом по коричневому фону (рис. 5: 2, 3). Встречена и византийская керамика с растительным орнаментом в технике сграффито (рис. 5: 1, 4). В целом комплекс может быть датирован второй четвертью XIII в. В этой же яме обнаружен и фрагмент костяной накладки на византийскую шкатулку (рис. 5: 6), неоднократно проанализированный в отдельных работах (Тиханова-Клименко 1931: 21–25; Майко 2014: 457, рис. 189, 5).

В разбитой траншее раскопки были продолжены только еще в четырех квадратах. На площади квадратов 18 и 17, расположенных к югу от искусственного всхолмления (рис. 7: 1), предполагалось зафиксировать следы улицы, ведущей в сторону цитадели. Работами на этих квадратах руководила Е. Ч. Скржинская. Заполнение квадрата 18 было вскрыто только на полметра. На этой глубине почти по всей площади был зафиксирован слой утрамбованного бута, окаймленного двумя параллельными кладками (рис. 7: 3). Было высказано предположение о том, что данный объект трудно считать улицей средневекового города.

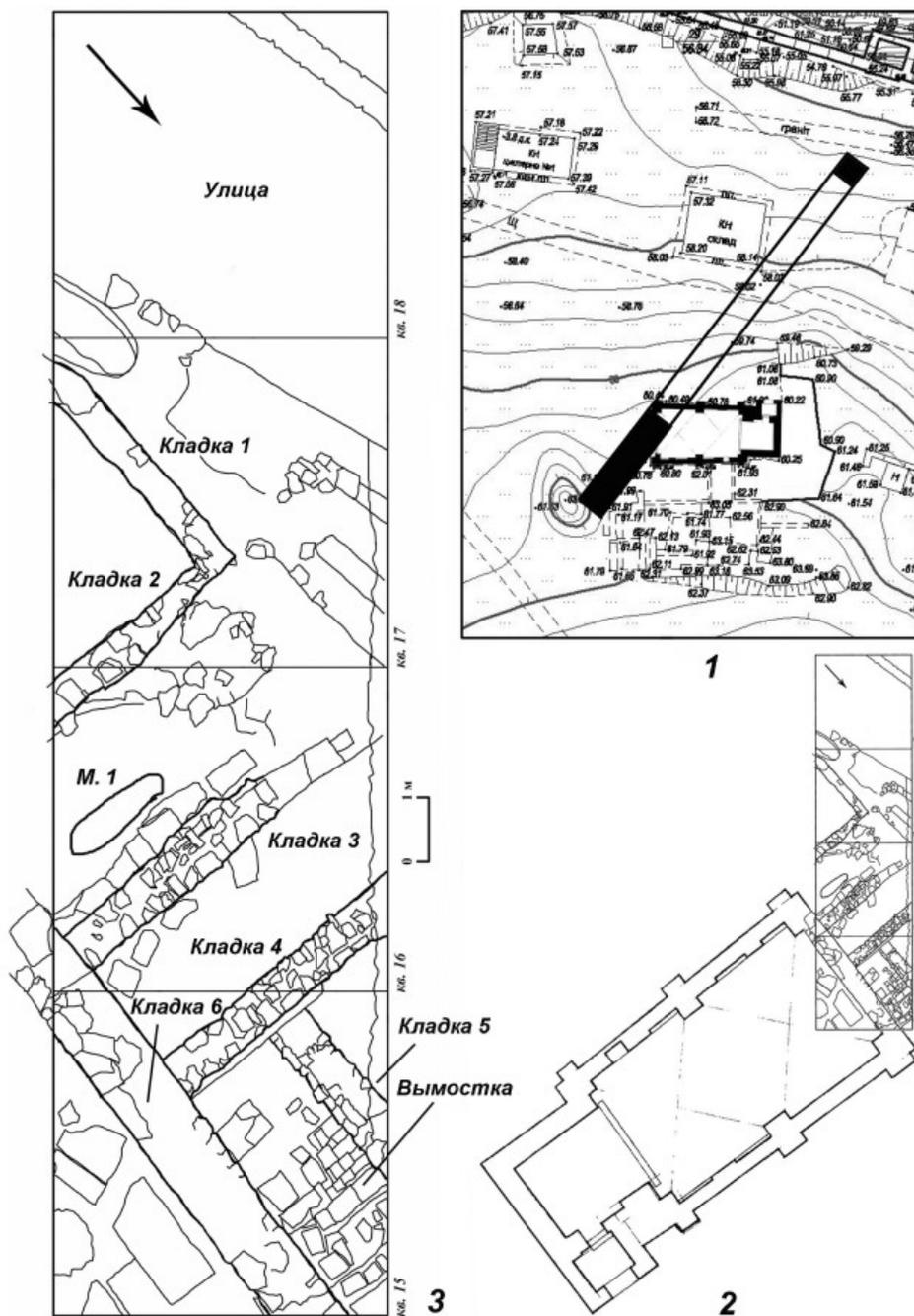

Рис. 7. Квадраты 15–18, раскопки 1929 г.

1 — месторасположение квадратов 15–18 и размеченной траншеи на современной топоъемке Су-даской крепости; 2 — план квадратов 15–18 1929 г. по отношению к храму Девы Марии, раскопан-ному в 1985 г.; 3 — план квадратов 15–18 (по: Скржинская 2006: 150)

Как показали раскопки 2004–2005 гг. В. Г. Тура, улицы действительно проходили в другом месте, а обнаруженный на квадрате 18 слой связан, вероятно, с функционированием казарм русского гарнизона конца XVIII в.

На площади квадрата 17, доведенного до глубины 1,5 м, помимо слоя утрамбованного бута были прослежены кладки, в том числе угол постройки, образованный кладками 1 и 2 (рис. 7: 3). Как показали упоминавшиеся раскопки 2004–2005 гг., они наверняка связаны с турецким периодом истории города. Все эти стены находились непосредственно на кладках золотоордынского и генуэзского времени и полностью повторяли их направление. На площади квадрата было обнаружено много разрозненных человеческих костей. Сейчас их происхождение совершенно понятно, поскольку раскопки 1983–1985 и 2004–2005 гг. подтвердили наличие здесь крупного прихрамового некрополя генуэзского времени. Археологический материал, происходящий из слоя, подстилающего указанные кладки, сильно перемешан и представлен как изделиями второй половины XV в. (рис. 8: 4, 5, 7, 8), так и фрагментами второй половины XIV в. (рис. 8: 2, 3). Выделим археологически целую красноглиняную миску с геометрическим орнаментом сграфито византийского производства (рис. 7: 1), фрагмент кольцевого поддона византийской посуды типа Новый Свет (рис. 8: 6) и крупный фрагмент белоглиняной расписной керамики (рис. 8: 9), относящиеся ко второй четверти XIII в. Среди индивидуальных находок можно отметить литейную форму для отливки русских нательных крестов XVIII в. Обнаружить ее в фондах ГИМ пока не удалось.

Работами на квадрате 15 руководил Н. Д. Протасов. Раскоп был заложен непосредственно на вершине упомянутого выше всхолмления возле выступающей верхней части внешнего панциря массивной кладки. Ученые еще до начала раскопок предполагали, что в данном случае речь идет о крупном городском сооружении. Раскопки 1983–1985 гг. полностью это подтвердили. Фрагмент кладки оказался западной стеной католического собора Св. Девы Марии (рис. 7: 2). В отличие от предыдущих, этот квадрат был доведен до глубины 4 м, до уровня вымостки из плинфы (рис. 7: 3). В нем открыта достаточно массивная кладка 4 толщиной 0,7 м, сложенная на извести и перекрытая под прямым углом западной стеной храма Девы Марии (кладка 6). В свою очередь, к кладке 4 под прямым углом пристроена кладка 5, параллельная кладке 6. Именно между кладками 4 и 5 расположена вымостка из небольших, примерно одинаковых блоков тщательно обработанной плинфы (рис. 9: 1). К сожалению, этот объект не был раскопан полностью, полевой документации также не хватает, и судить о его функциональном назначении тяжело. Отметим только, что подобное (правда, почти квадратное в плане) помещение, вымощенное плитами сланца, было раскопано в 1985 г. и с внешней стороны прямоугольной алтарной части (Майко, Джанов 2015: 408, рис. 209, 3, 4). И на этом квадрате были зафиксированы разрозненные человеческие кости и несколько целых костяков прихрамового некрополя.

Археологический материал, происходящий из квадрата 15, представлен мелкими фрагментами разновременной керамики и фрагментами штукатурки с росписью. Среди находок, связанных со слоем функционирования храма, выделим достаточно многочисленные фрагменты железных кованых гвоздей (рис. 9: 2), крупный железный ключ с круглой бронзовой головкой (рис. 9: 3), хорошо сохранившееся деревянное изделие с двумя отверстиями с несомкнутыми краями (рис. 9: 5) и три бронзовые круглые пряжки с остатками ткани (рис. 9: 4). Помимо этого в южной стенке, примыкающей к квадрату 16, была

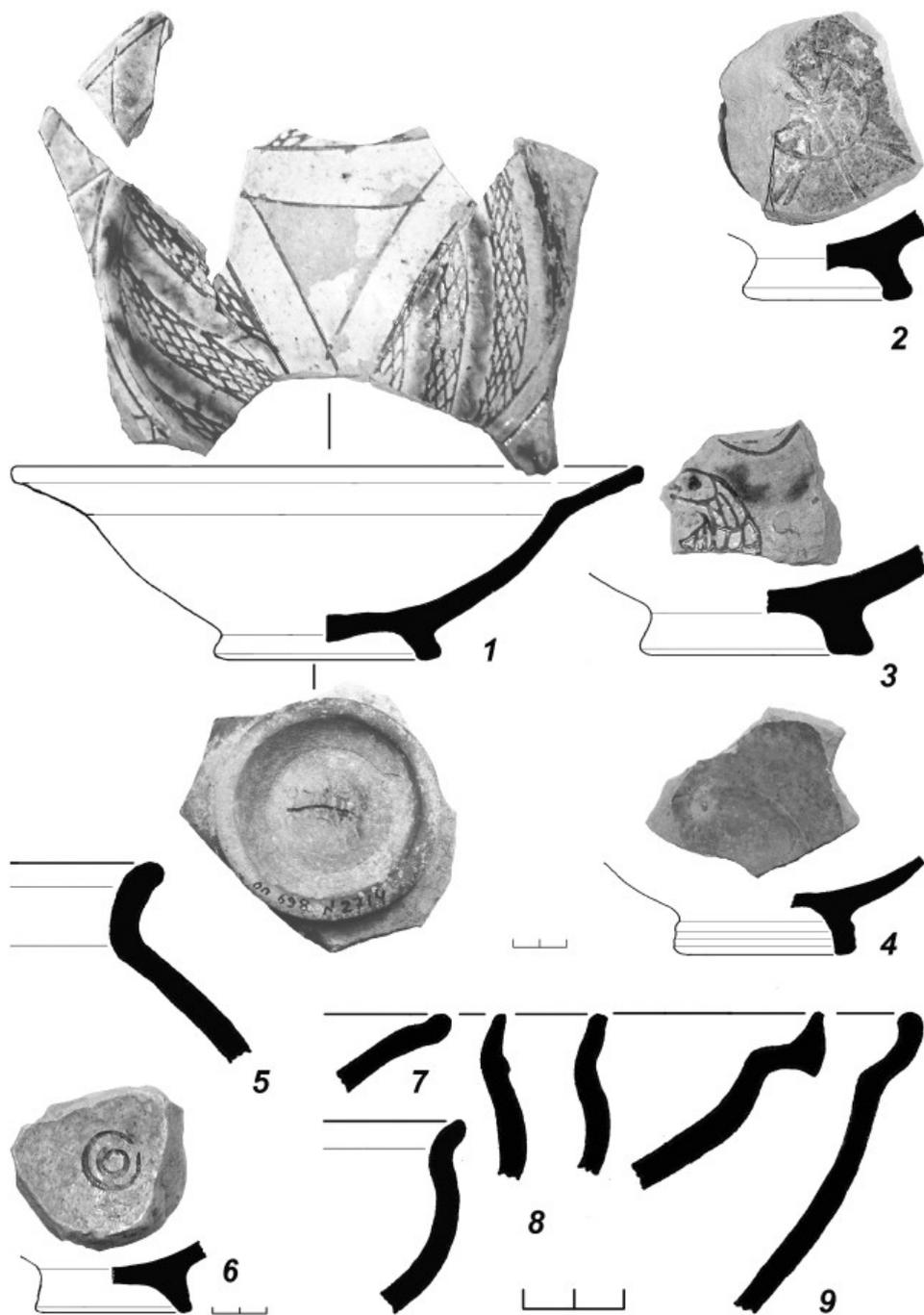

Рис. 8. Археологический материал из заполнения квадрата 17.
1 — слой 1а 1с; 3 — слой 7; 2 — слой 9; 4 — слой 11; 5-9 — без обозначения слоя

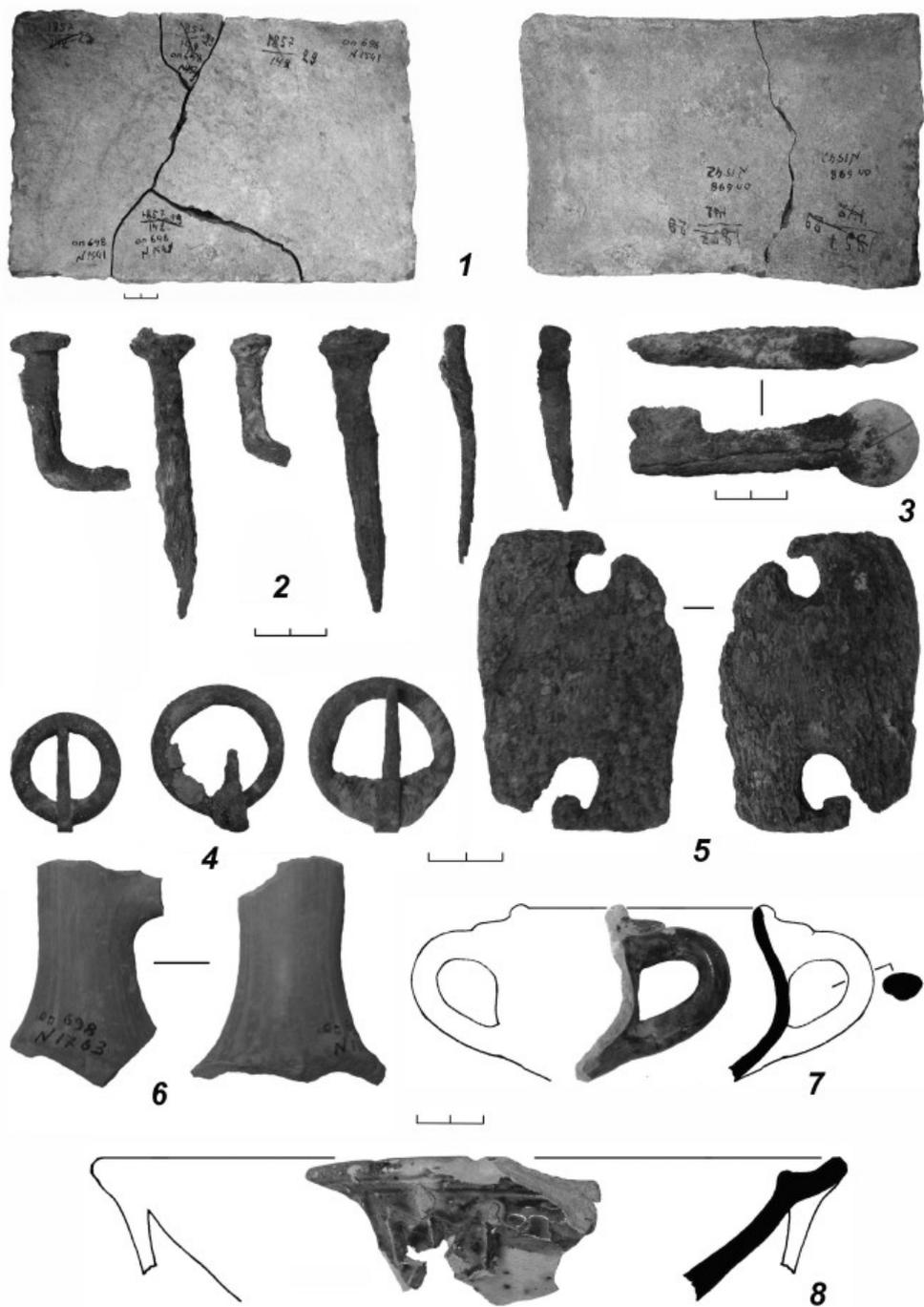

Рис. 9. Археологический материал из заполнения квадрата 15.

1 — слой 1; 2, 3, 5 — слой 10; 4 — слой 12; 6 — слой 17; 7 — слой 33; 8 — слой 35

найдена каменная двусторонняя формочка, одна сторона которой служила для отливки крестов, а другая — для отливки свинцовых колец, использовавшихся чаще всего в качестве грузил для рыболовных сетей. К сожалению, обнаружить ее в фондах ГИМ пока не удалось.

В этом квадрате четко выделяется горизонт, связанный с заполнением пола, вымощенного плинфой. Он представлен фрагментом горла бежевоглиняного краснолощеного кувшина (рис. 9: 6), белоглиняного поливного кубка (рис. 9: 7) и курильницы с рельсовидным венчиком (рис. 9: 8). Все три находки надежно датируются второй половиной X — XI в.

После окончания работ на квадрате 15 был заложен еще один, квадрат 16, соединивший все четыре. Одним из поводов к его закладке послужил обнаруженный в квадрате 15 археологический материал византийского времени. На квадрате 16 работами руководила М. А. Тиханова и довела его также до глубины 4 м. По диагонали квадрата была открыта кладка 3, параллельная кладке 4 и перекрытая западной стеной храма Девы Марии. Соотношение кладок 3 и 4 и вопрос об их синхронности раскопками решен не был. На этом квадрате также были открыты несколько погребений прихрамового некрополя. Для датировки данной кладки важное значение имеет археологический материал. В верхнем слое зафиксированы мелкие фрагменты поливной керамики под одноцветной поливой (рис. 10: 1, 5). Большая часть керамического материала, происходящего из слоя на уровне фундамента кладки, представлена разнообразными фрагментами поливной посуды группы Новый Свет (рис. 10: 3, 4, 6–9, 11, 12). В этом же слое зафиксированы и фрагменты поливной керамики с орнаментом, нанесенным желтым ангобом по темно-коричневому фону (рис. 10: 13, 14). Встречены и единичные фрагменты византийской керамики с орнаментом сграффито (рис. 10: 2, 10, 15). К последней группе можно отнести и тарелки, в том числе и археологически целые формы с орнаментом сграффито и росписью желтой, зеленой и коричневой красками (рис. 11: 1, 3–5). Индивидуальные находки представлены фрагментами железных ножиц (рис. 11: 2). Таким образом, кладку 3 и верх кладки 4 можно достаточно уверенно датировать серединой — третьей четвертью XIII в. В этом же квадрате, согласно полевой документации, были обнаружены куски мрамора, большое количество шлака и небольшой жернов.

Направление кладок 3, 4 и 5, а также кладок 1 и 2, подстилающих стены турецкого времени, свидетельствуют о том, что, вероятно, еще со второй половины X в. здесь возникает упорядоченный городской квартал средневизантийского времени. В последующем, при достройке первоначальных кладок строители не меняли их направления, сохраняя планировку этого городского квартала.

Важнейшим объектом раскопок 1929 г., проводившихся в период с 5 по 17 сентября, была так называемая Полукруглая башня. Этими работами руководила Е. Ч. Скржинская. Наличие полевой документации и, самое главное, публикация материалов раскопок исследовательница (Скржинская 2006: 152–154) позволяют избежать повторений и в общих чертах суммировать ход работ, сконцентрировав внимание на стратиграфии и археологическом материале. Общая мощность культурных напластований составила более 4,5 м, а раскопанная площадь превысила 25 кв. м (рис. 12: 2). В верхних горизонтах заполнения была зафиксирована каменная вымостка, выполненная из крупных камней, и кладка, сложенная на глине и загораживающая внутреннюю поверхность башни и затем поворачивающаяся на юг (рис. 12: 1, 6). Под этими конструкциями была обнаружена

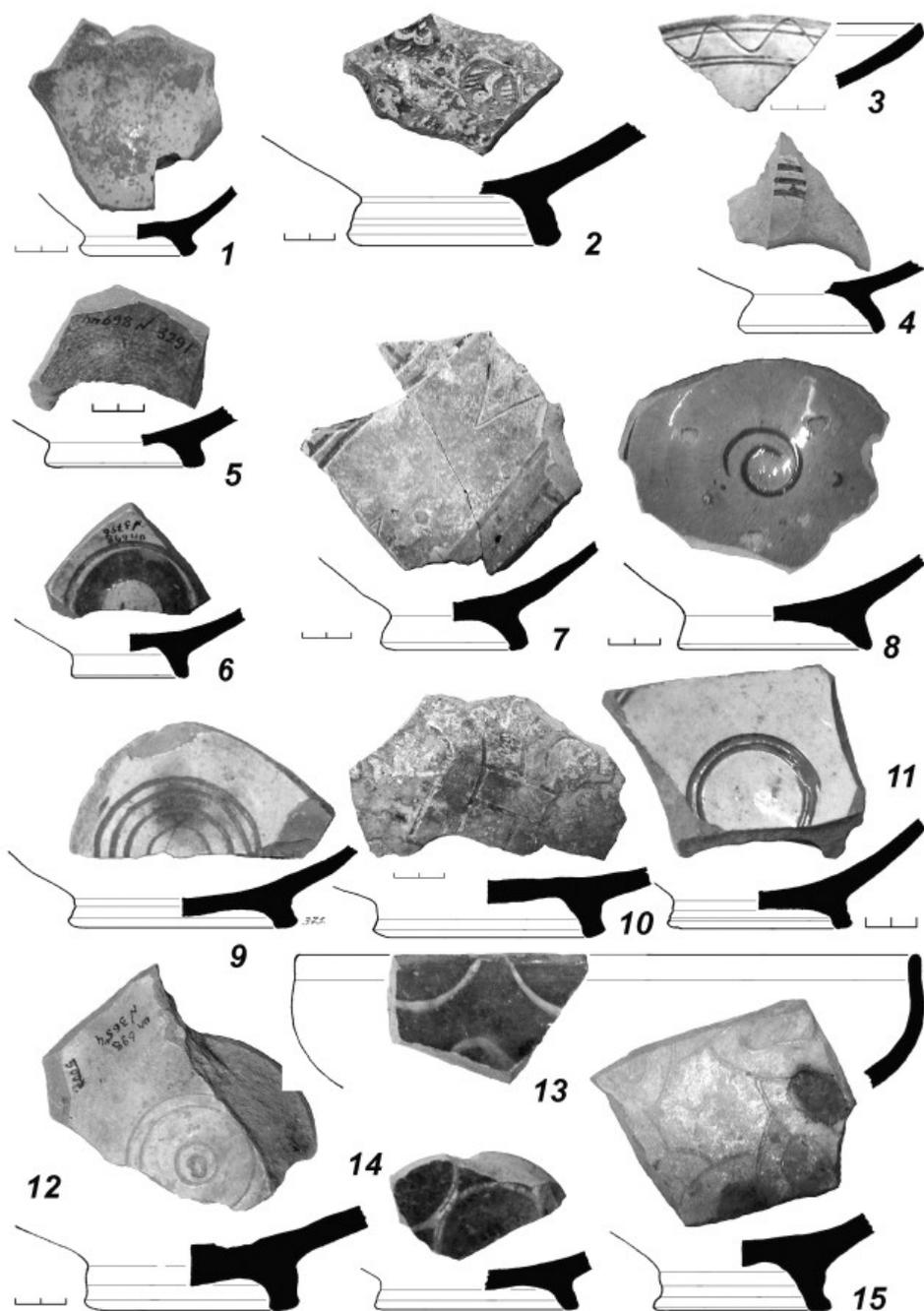

Рис. 10. Археологический материал из заполнения квадрата 16.
 1–3 — шт. 6; 4,5 — шт. 8; 8 — шт. 13; 12, 13 — шт. 17; 15 — шт. 18; 6, 7, 9, 11, 14 — шт. 19 юго-восток;
 10 — шт. 21 юго-восток

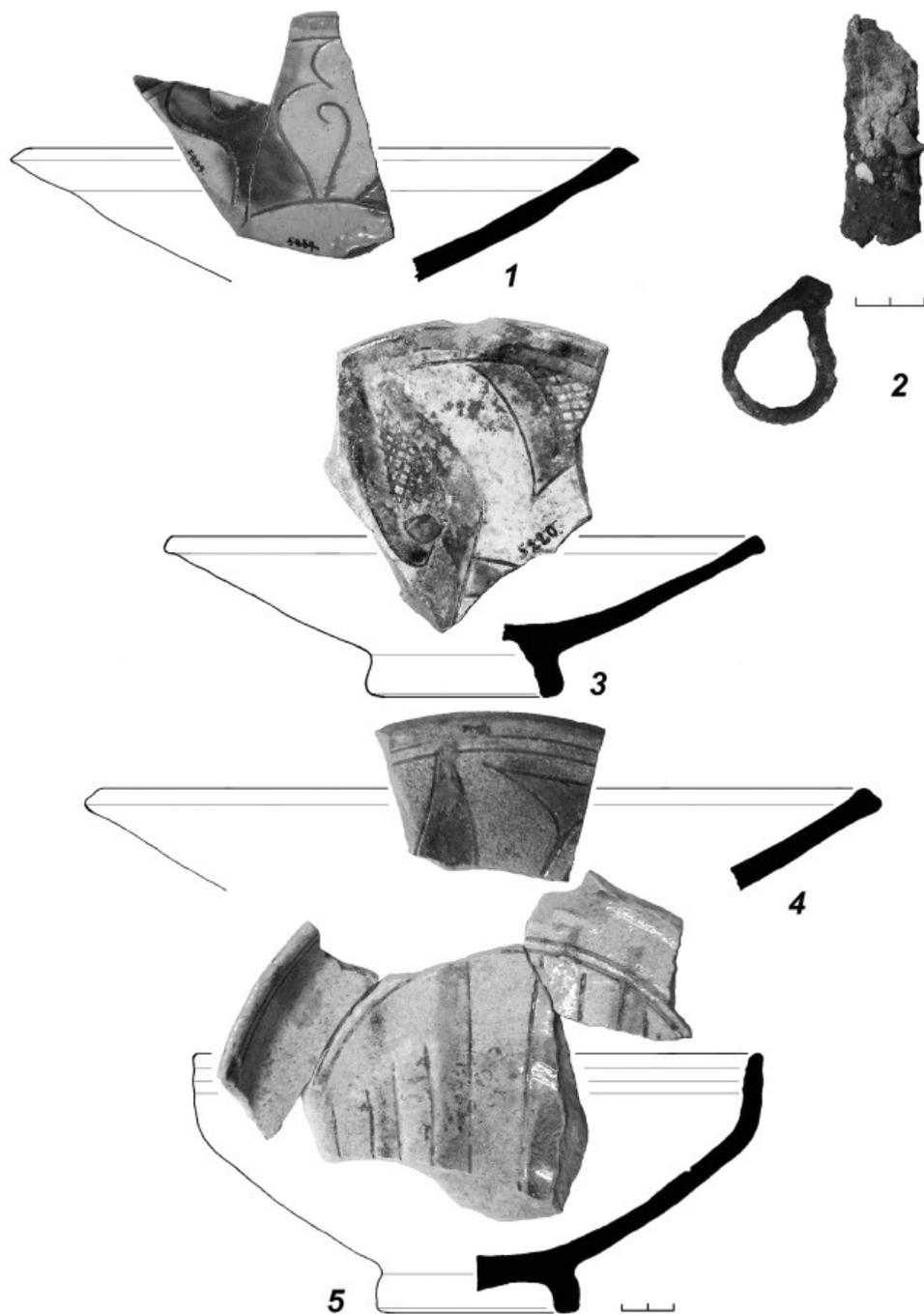

Рис. 11. Археологический материал из заполнения квадрата 16.
2 — шт. 1; 4, 5 — шт. 18 юго-восток; 1, 3 — шт. 19

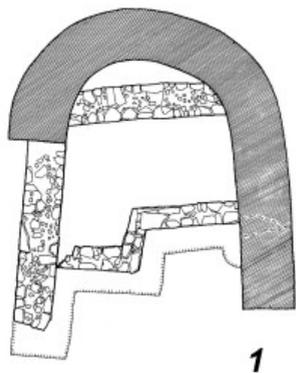

Рис. 12. Раскопки 1929 г. Полукруглой башни.

1 — план раскопа 1929 г.; 2 — общий вид раскопа; 3, 4 — общий вид полукруглой башни; 5 — кладка первоначальной башни; 6 — общий вид позднесредневековых кладок

довольно массивная кладка шириной около 1 м (рис. 12: 1, 5), протянувшаяся в направлении «запад — восток» и примыкавшая вперевязь к зафиксированной ранее западной стене башни. Внешний панцирь этой стены был покрыт местами ровной, толстой штукатуркой. Таким образом, была полностью раскрыта в плане первоначальная трехстенная башня, перекрытая более поздней полукруглой. Восточную стену этой башни образовывала кладка, идущая от реставрированного восточного угла, западную — кладка, идущая прямой линией на юг, северную — поперечная стена, примыкающая к восточной стене башни и перевязанная с западной стеной. Е. Ч. Скржинской был сделан правильный вывод о том, что перед нами две геноуэзские башни, причем появление полукруглой башни является результатом перестройки первоначальной трехстенной, пришедшей в середине XV в. в упадок. Все остальные предложенные в докладе Е. Ч. Скржинской гипотезы не подтвердились археологическим материалом.

Последний достаточно многочислен. С турецкими строительными остатками, представленными вымосткой и кладкой, можно связать находки многочисленных мелких фрагментов столовой и кухонной керамики, а также две керамические курительные трубки разной морфологии (рис. 13: 5, 6). Под горизонтом турецкого времени был зафиксирован слой функционирования полукруглой башни третьей четверти XV в. Наиболее яркими керамическими находками из него являются почти археологически целая тонкостенная поливная тарелка византийского производства с растительным орнаментом (рис. 13: 4), а также венчик люстровой испанской керамики с прекрасно сохранившимся псевдокуфическим орнаментом (рис. 13: 8). Наибольшее количество находок связано со слоем функционирования первоначальной башни. Они представлены разнообразной красноглиняной поливной керамикой с орнаментом сграффито (рис. 13: 1–3, 10) второй половины XIV в. Индивидуальные находки малочисленны и представлены бронзовой пряжкой (рис. 13: 7), заготовкой для косяного изделия (рис. 13: 11) и фрагментом керамического поливного орнаментированного изразца (рис. 13: 12). Безусловный интерес представляет обнаруженный в этом слое фрагмент литейной формы для изготовления лунниц: пряжек — на одной стороне, пуговиц-подвесок, колец и треугольных накладок — на второй (рис. 13: 9). Судя по дневниковым заметкам Е. Ч. Скржинской, в заполнении башни была найдена и часть греческого надгробия с грубо нацарапанным крестом, обнаружить которое в фондах ГИМ не удалось. Нумизматическая коллекция из заполнения башни состояла из 26 монет, отсутствующих в фондах ГИМ. Раскопки Полукруглой башни были остановлены на уровне фундаментов первоначальной трехстенной башни и до материковой поверхности доведены не были.

Чрезвычайно важными оказались небольшие разведочные исследования 1929 г. в районе портовой башни Фредерико Астагуэрро. Они были проведены под руководством Н. Д. Протасова. В саду В. Г. Гартмана, который располагался примерно в 15 м к северо-востоку от башни в районе речки Делен-Бах (рис. 14: 10), были обнаружены северо-западный угол и части северной и западной стен большого здания, сложенного на качественном известковом растворе (рис. 14: 9, 11). Судя по дневниковым записям ученого, это здание немецкие колонисты обнаружили еще в 1919 г. и к началу раскопок 1929 г. слой был сильно перекопан. К тому же участок неоднократно подвергался плантажной вспашке под виноградник. Толщина западной стены составила 0,9 м. С внутренней стороны к ней примыкали ступени. Не исключено, что обнаруженное

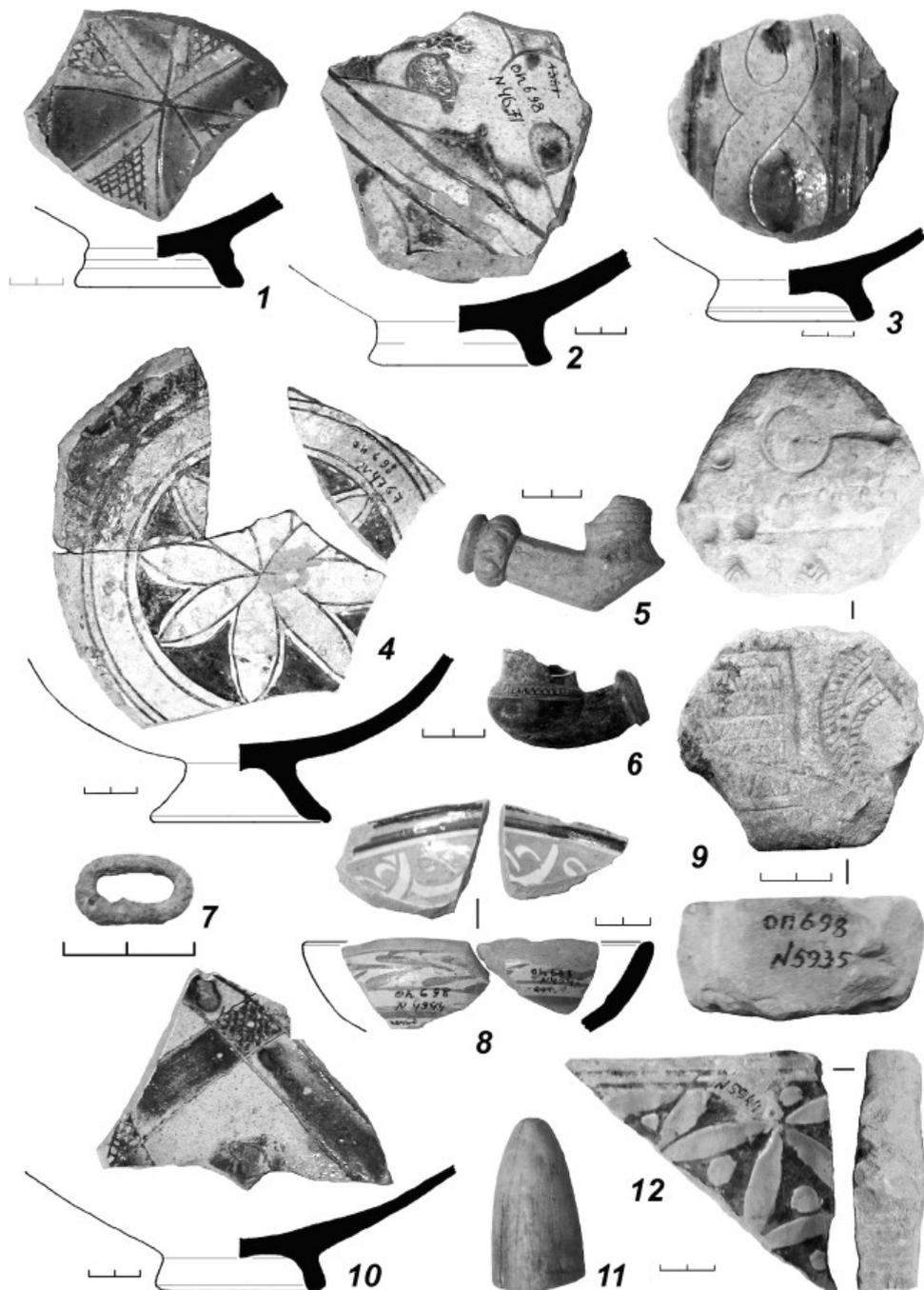

Рис. 13. Археологический материал из заполнения Полукруглой башни.
1–6, 8, 10, 12 — керамика; 7 — бронза; 9 — камень; 11 — кость

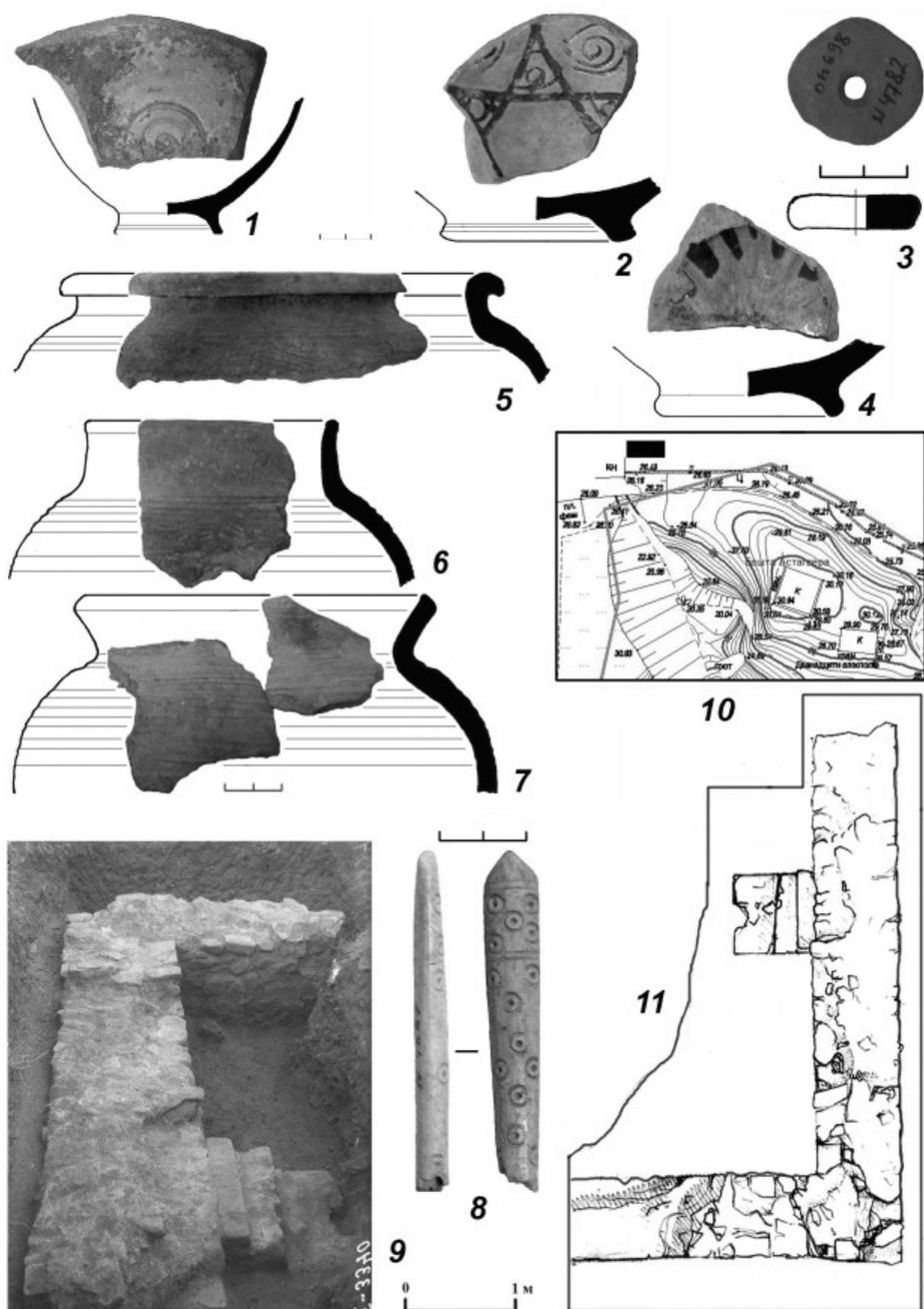

Рис. 14. Раскопки 1929 г. на участке Гартмана. 1–4 — слой 7; 5–8 — слой 15; 9 — общий вид постройки на участке раскопа; 10 — примерное месторасположение раскопа на современной топооснове; 11 — план постройки на участке раскопа (по: Скржинская 2006: 154)

сооружение являлось храмом. На этом же участке была зафиксирована и часть двора, примыкавшего к данному сооружению. К сожалению, датировать постройку затруднительно.

На уровне кладки был обнаружен фрагмент рифленой амфоры, а в засыпи — большое количество известнякового раствора. Обнаруженный археологический материал разновременен. В верхних горизонтах заполнения объекта основную массу находок составили мелкие фрагменты кухонной и столовой керамики, в том числе поливная керамика с орнаментом сграффито (рис. 14: 2, 4) второй половины XIV — XV в., встречены и фрагменты керамики группы Новый Свет середины — третьей четверти XIII в. (рис. 14: 1). Индивидуальные находки были представлены керамическим пряслон из амфорной стенки (рис. 14: 3). На уровне фундаментов обнаруженных кладок найден был материал раннесредневекового времени, представленный кухонной посудой крымского варианта салтово-маяцкой культуры середины — второй половины IX в. (рис. 14: 5–7). Датируют ли они обнаруженную постройку, сказать сложно. Не исключено, что они происходят из слоя, подстилающего данный объект. Индивидуальные находки представлены орнаментированной концентрическими окружностями костяной ручкой для ножа (рис. 14: 8). Узкая ее датировка затруднена.

В этом же году Н. Д. Протасовым для выяснения направления водопровода, питавшего баню, были произведены разведочные шурфовки в районе бани на территории МРЦ «Сокол». Последняя была полностью раскопана в 2004–2005 гг. Чрезвычайно ценными являются сохранившиеся фотографии этого уникального для Сугдеи объекта (рис. 15: 1, 5). Они позволяют проследить его сохранность до начала послевоенных строительных работ. В частности, хорошо видна восточная стена центрального помещения и характер его заполнения (рис. 15: 1). Полностью просматривается и ныне полностью уничтоженное помещение, примыкавшее к центральному с юго-запада (рис. 15: 5). В ходе разведочных работ 1929 г. удалось проследить сам водопровод, подводивший воду к бане, и собрать коллекцию керамических труб, разнообразных по морфологии (рис. 15: 2–4, 6). К сожалению, в отчетных материалах не удалось найти каких-либо упоминаний о направлении самого водопровода.

Важной составной частью работ 1929 г. явилось и изучение городских некрополей. В частности, на участке Гросса в 100 м к северу от башни Коррадо Чигала были отмечены разрушенные погребения с погребальным инвентарем, представленным стеклянными браслетами, бусами и древнерусским энколпионом. Последний после окончания раскопок украшал довоенную экспозицию Судакского музея. Впоследствии он был утрачен, но в архиве ИИМК сохранилась его фотография (рис. 2: 1). Это типичный древнерусский энколпион первой половины XIII в. с так называемыми обратными славянскими надписями. В этом же году был исследован каменный прямоугольный склеп, содержащий до 25–30 погребенных, расположенных несколькими ярусами. Судя по отрывочным записям в отчете, погребальный инвентарь был представлен 17 бубенчиками. В фондах ГИМ сохранилась коллекция 1929 г., состоящая из 12 бубенчиков и пуговиц-подвесок. Десять предметов относятся к пуговицам-подвескам разной морфологии, в том числе литым, спаянным из двух половинок и с прорезью в нижней части (рис. 2: 10). В этот комплекс входят и два крупных бубенчика с крестообразной щелью (рис. 2: 11), которые для Сугдеи уверенно датируются второй половиной X — XI в. Среди погребального инвентаря либо склепа, либо разрушенных погребальных сооружений присутствуют

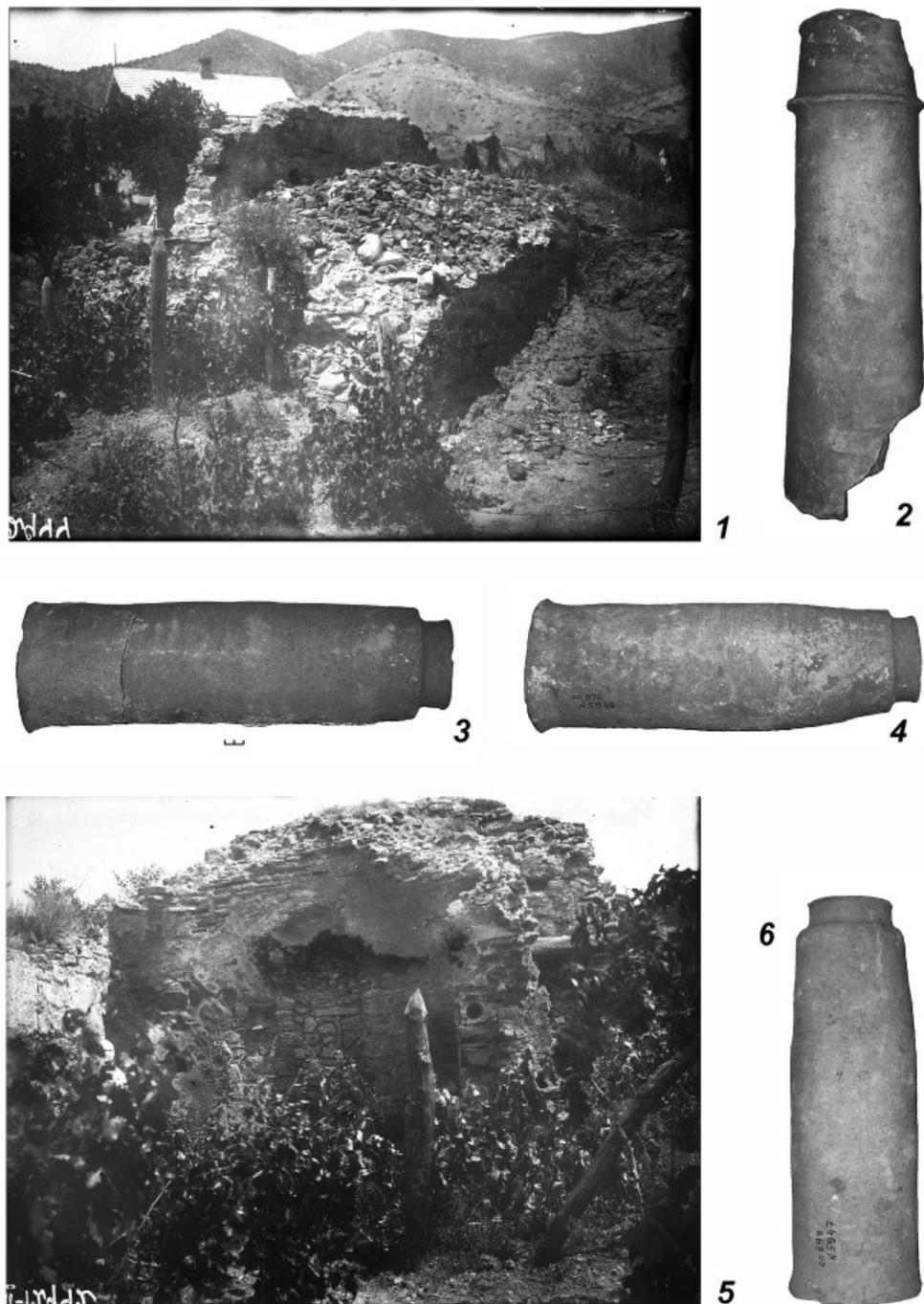

Рис. 15. Разведки 1929 г. на территории бани в МРЦ «Сокол». 1, 5 — общий вид бани в 1929 г.; 2–4, 6 — керамические трубы, обнаруженные при расчистках бани

фрагменты бронзовых колец (рис. 2: 12) и фрагмент стеклянного браслета (рис. 2: 13).

Особый интерес представляют один бронзовый и два четырехконечных янтарных креста с криновидными концами, происходящие из этой же коллекции. К сожалению, в отчетной документации они нигде не упоминаются. Не исключено, однако, что и они составляли погребальный инвентарь либо указанного склепа, либо разрушенных погребальных сооружений. Бронзовый нательный крест характеризуется удлинённым верхним лучом и крупной петлей для подвешивания (рис. 2: 2). Один янтарный крест сохранился полностью, у другого обломан нижний луч (рис. 2: 3, 4). Нам известны только древнерусские аналогии подобным изделиям, происходящие, например, из коллекции Владимиро-Суздальского заповедника и полученные во время раскопок Владимира, Ярополка Залесского и на селище Весь (Родина 1998: 196–201). В Новгороде янтарные кресты данного типа встречаются только в слоях XII в. (Колчин 1982: 171–174), на других территориях они известны и в первой половине XIII в. (Розенфельд 1978: 206).

К сожалению, каких-либо чертежей открытых погребальных сооружений обнаружить пока не удалось. Не исключено, что открытые погребальные сооружения, обнаруженные на участках немецких колонистов Д. Гегельмана и Р. Гафнера, составляли северную часть прихрамового некрополя Судак-V, расположенного в 20 м к западу от верхнего уровня лестницы, спускающейся с Рыбачьей ул. на Морскую ул., и раскопанного в 1965 и 1999 гг. (Майко 2007: 148–152).

Среди археологических работ 1929 г. важное место занимали раскопки Н. Д. Протасовым храма на горе Ай-Георгий. Эти работы оказались надолго забытыми и впервые были упомянуты только в 2015 и 2016 гг. (Майко, Джанов 2015: 152–153; Майко 2016: 68). В настоящее время они практически полностью опубликованы (Майко 2017). Коротко суммируя ход этих работ, отметим, что раскопками удалось зафиксировать остатки трех стен, сложенных на извести (рис. 16: 1). В западной стене прослежен вход с остатками арочного перекрытия (рис. 16: 2), а в южной — прямоугольная ниша, за которой располагалась поперечная кладка (рис. 16: 3). С северной стороны храма была зафиксирована линия водопровода с сохранившимися гончарными трубами, тянущаяся к кооптированному источнику. Был повторно зафиксирован и камень с греческой надписью, хорошо известный еще А. Л. Бертье-Делагарду и опубликованный В. В. Латышевым (рис. 16: 4). Однако никаких упоминаний о работах предшественников Н. Д. Протасов не приводит. В северной части сооружения зафиксирован фрагмент вымостки пола, сложенной на известковом растворе. Интересно, что Н. Д. Протасов упоминал о находке в перемешанном заполнении объекта свечи начала XX в. и предполагал проведение синхронных находке работ. Однако о том, что это были работы А. Л. Бертье-Делагарда, ничего не упоминает. Несмотря на публикацию В. В. Латышева и несомненные свидетельства в пользу того, что исследованный объект является храмом, Н. Д. Протасов в отчете без какой-либо серьезной аргументации отверг культовую принадлежность сооружения.

«Надежно забытыми» оказались и раскопки 1929 г. в портовой части средневековой Сугдеи. Тем не менее, эти работы, организованные Н. Д. Протасовым и А. И. Полкановым и проводившиеся в течение сентября, были первыми исследованиями этой части средневекового города. Площадь разведочного шурфа составила всего 12 кв. м, а максимальная глубина — 2,15 м. Шурф был заложен на склоне холма, лежащего у подножия горы Полвани-Оба, примерно на половине

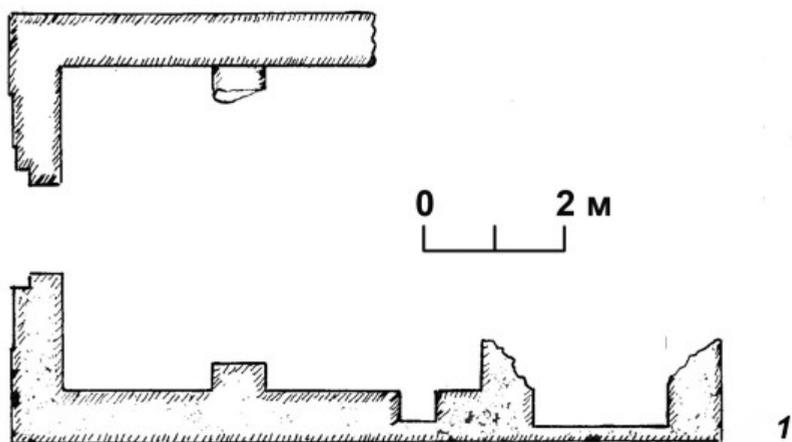

Рис. 16. Раскопки 1928 г. Георгиевского храма.

1 — план сохранившейся части храма; 2 — общий вид западной стены; 3 — общий вид внутреннего панциря южной стены в процессе работ; 4 — общий вид наружного юго-западного угла

его высоты, на небольшой площадке с возвышением и большим количеством лежащего вокруг строительного камня, напоминающего развал построек.

Сверху под слоем дерна располагался слой рыхлого мергелистого суглинка с примесью крупного щебня и отдельных камней. В этом слое были встречены отдельные фрагменты неполивной керамики. На расстоянии 1,1 м от линии АВ и 0,8 м от линии АД на глубине 0,2 м зафиксирован слой пепла с примесью золы. В этом слое обнаружены фрагменты поливной керамики под зеленой поливой с орнаментом сграффито и фрагменты тонкостенной кухонной керамики. На расстоянии 0,2 м от угла А раскопа была обнаружена кладка шириной 0,6 м (кладка 8), идущая в южном направлении (рис. 17: б). Прослежена она была в длину на 1,25 м. Под прямым углом к данной кладке зафиксирована еще одна кладка (кладка 6), перевязанная с предыдущей (рис. 17: б), идущая на восток и понижающаяся согласно рельефу склона. Интересной особенностью, характерной для средневековой Сугдеи, является наличие под фундаментом этой кладки деревянной нивелировочной балки. В углу между этими кладками располагался очаг, под которого был небрежно выложен небольшими плитками сланца. Таким образом был зафиксирован юго-западный угол постройки.

В слое заполнения постройки был обнаружен фрагментированный археологический материал, в том числе и фрагмент черепицы. Поливная керамика представлена экземплярами с орнаментом сграффито в виде птицы. Выделим находку венчика белоглиняной византийской поливной тарелки. Зафиксированы также кости животных, фрагменты железного шлака и стеклянных браслетов. А. И. Полканов отмечал, что слой, перекрывающий кладки, был насыщен большим количеством камня. Между кладкой 6 и линией АВ найдены фрагменты расслоившегося железного предмета. В углу между линией АД и кладкой 6 недалеко от угла Д обнаружено скопление археологического материала, представленного фрагментами поливной и кухонной керамики, фрагментами плохо сохранившихся железных изделий и обломком бронзовой ручки от сосуда. В углу Д зафиксирован плотный завал черепицы толщиной 0,2 м и длиной 0,3 м. В слое на уровне фундаментов кладок на глубине 1,35 м от нулевой линии отмечены были две джучидские монеты. Учитывая характерные особенности постройки и археологический материал, данный дом можно достаточно уверенно датировать в рамках второй половины XIV — первой половины XV в.

Своим юго-западным углом описанная выше постройка перекрывала мощную кладку толщиной около 1,1 м (кладка 7), уходившую в западный борт шурфа (рис. 17: б). На уровне верхних рядков этой стены был прослежен слой пожара, насыщенный фрагментами углей и разнообразным фрагментированным археологическим материалом. В дневнике упоминаются и приводятся схематические рисунки фрагментов поливных сосудов второй половины XIV в., фрагмент белоглиняной поливной тарелки византийского производства и фрагмент красноглиняного сосуда, вероятно, амфоры, со следами клейма. В дневнике А. И. Полканова приведен четкий стратиграфический разрез под кладкой 6. Под слоем пожара отмечен горизонт, содержащий фрагменты керамики группы Новый Свет середины — третьей четверти XIII в. Не исключено, что этим временем и следует датировать указанную кладку. К сожалению, этот разведочный шурф не был доведен до материка.

На этом работы 1929 г. были закончены. Еще более масштабные раскопки экспедицией ГАИМК планировалось организовать в 1930 г. В настоящее время опубликованы организационные документы по подготовке экспедиции

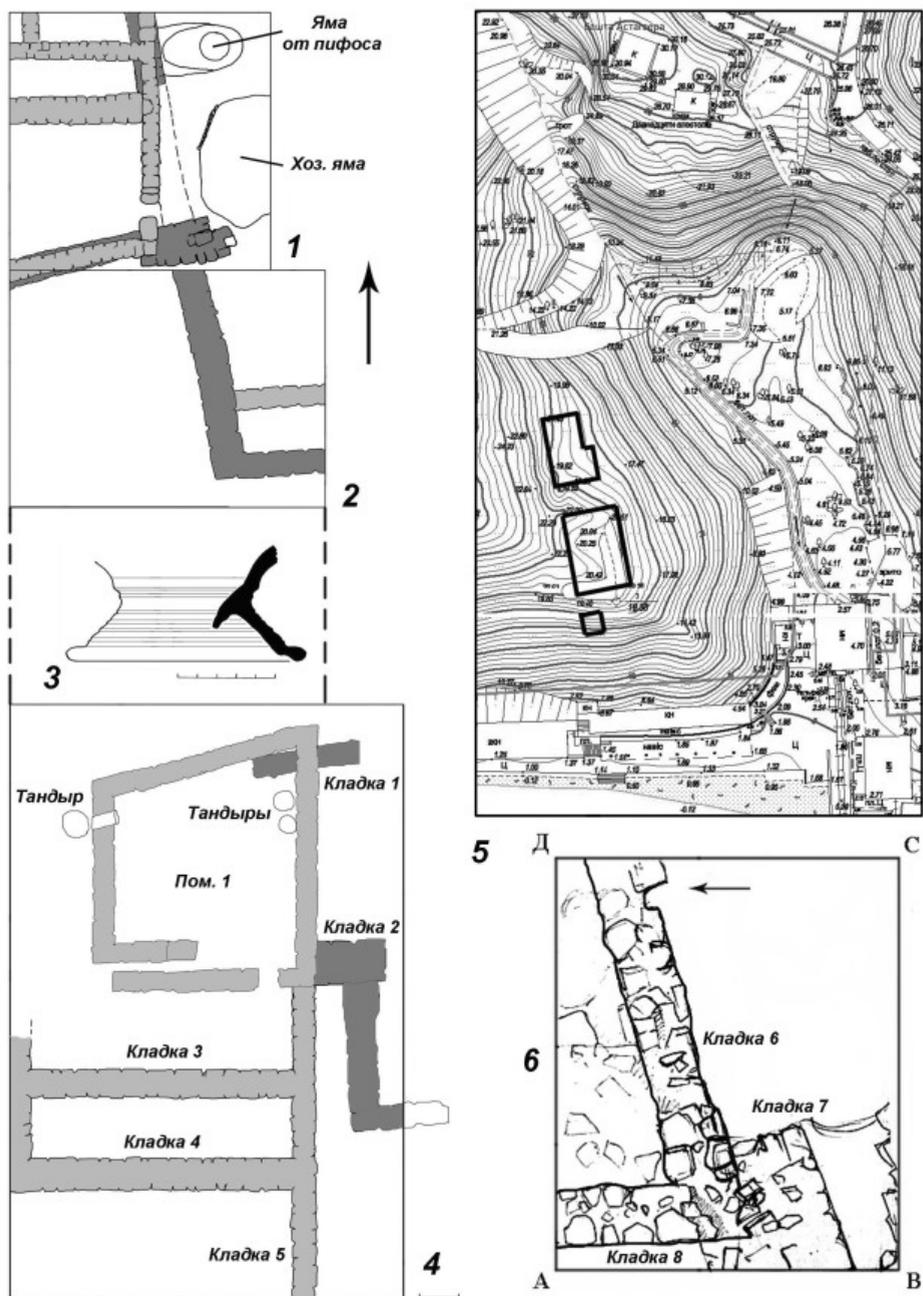

Рис. 17. Раскопки 1929–1931 гг. в портовой части Сугдеи.
1 — план раскопа Е. В. Веймарна 1931 г.; 2, 4 — схематический план раскопа Н. Д. Протасова 1930 г.; 3 — керамика византийского времени из раскопок 1931 г.; 5 — месторасположение раскопок на современной топооснове портовой части Сугдеи; 6 — план шурфа 1929 г. А. И. Полканова (по: Скржинская 2006: 154)

(Скржинская 2006: 156–158), но состояться ей было не суждено. Помешала политическая ситуация в стране и постепенное сворачивание краеведческой работы, в том числе и в Крыму. Каким-то чудом Н. Д. Протасову удалось доказать перспективность раскопок в портовой части Сугдеи, аргументировав это тем, что раскапывается портовая ремесленная слобода, населенная исключительно средневековым пролетариатом. Такие раскопки сочли возможными, и в 1930 г. исследования были продолжены экспедицией ГИМ именно в портовой части. Работы проводились в июле — августе и при минимальном финансировании носили ограниченный характер.

К сожалению, в отчетной документации не удалось обнаружить план раскопа с локализацией его на местности. Тем не менее, на современной спутниковой карте из ресурса Google просматриваются края этого раскопа. Более того, в дневнике Н. Д. Протасова есть четкое указание на то, что расстояние от кромки моря до южного борта раскопа составило 63,9 м. Все это позволяет достаточно уверенно локализовать раскоп 1930 г. в центре западного склона горы Полвани-Оба (рис. 17: 5).

Общая площадь исследований к моменту окончания раскопок составила 150 кв. м, длина раскопа по оси «север — юг» равнялась 15 м, а по оси «запад — восток» — 10 м. В настоящий момент в архиве ОПИ ГИМ удалось обнаружить только дневник Н. Д. Протасова, в котором помещены исключительно общие схемы раскопок, отличающихся один от другого направлением и длиной кладок. Окончательного общего плана раскопа обнаружить не удалось, как и всех стратиграфических разрезов. Все это, безусловно, затрудняет описание открытых сооружений и их датировку. Тем не менее, реконструировать ход работ можно. Учитывая, что раскопки 1930 г. ни разу не публиковались, остановимся на них подробнее.

На площади раскопа была открыта сложная в плане постройка, состоявшая из нескольких помещений (рис. 17: 4). В ходе работ было исследовано только два из них. Помещение 1 представляло собой в плане неправильный прямоугольник. Все стены были сложены из бутового разномерного камня на глинистом растворе. Тщательностью кладки отличалась только восточная стена, камни которой, как отмечал исследователь, были обтесаны и подогнаны один к другому.

В кладке южной стены в центральной ее части зафиксирована была плита неправильной формы, положенная на растворе. Автор раскопок предполагал, что она могла являться основанием оконного проема. На месте плиты кладка обрывалась, и расстояние от ее восточного конца до восточной стены составляло не менее 3 м. Этот широкий проход, образовавшийся, вероятно, вследствие разрушения стены, был перекрыт параллельной кладкой более позднего времени, пристроенной в западной части к сохранившейся первоначальной кладке южной стены. В этой новой кладке непосредственно возле ее юго-восточного угла располагался вход в помещение 1. На площади помещения 2 непосредственно возле внешнего панциря западной смежной стены помещения 1 был открыт под печи-тандыра, выложенный фрагментами керамики. От этого пода в толще западной стены было специально проделано отверстие, в которое вставлены две секции водопроводных гончарных труб. Судя по описанию и схематическим чертежам, эти трубы шли далее непосредственно в помещение 1 по каменному дымоходному каналу, перекрытому и выложенному по бокам плитами. Об этом свидетельствовали и находки фрагментов гончарных труб под

плитами вымостки. Таким образом, совершенно ясно, что в данном случае мы имеем дело с использованием отопительного сооружения типа суфы. Именно такой принцип обогрева помещений получил распространение в средневековой Сугдее со второй половины XIII в.

Из-за отсутствия на то время аналогичных раскопанных сооружений в портовой части Сугдеи Н. Д. Протасов не понял эту конструкцию, посчитав под печитандыра рабочей площадкой, а конструкцию суфы — потревоженной вымосткой пола помещения.

Возле северо-восточного угла помещения были зафиксированы две последовательно сменявших друг друга печи-тандыра (рис. 17: 4), действовавших до сооружения наиболее позднего, описанного выше. Ширина северного тандыра составила 0,38 м, южного — 0,33 м. Как указано в отчете, оба тандыра располагались на одном уровне, были поставлены на каменную вымостку, сложены из мелкого битого кирпича и обмазаны глиной изнутри. Вероятнее всего, и в этом случае имеется в виду глинобитная конструкция и остатки вымостки дымоходных каналов. Рядом с очагом, расположенным ближе к восточной стене, в последней имелось аналогичное отверстие, предназначенное для размещения глиняной дымоходной трубы. В северном тандыре сохранилась квадратная конструкция, составленная из каменных плиток, являвшаяся, вероятнее всего, составной частью дымоходного канала.

У северной стены постройки была зафиксирована хозяйственная яма, заполненная золой. К югу от нее располагалась аналогичная яма, плоское дно которой было обмазано глиной.

Западная, восточная и обе кладки южной стены были установлены непосредственно на культурный слой предшествующего времени. Как отмечается в отчете Н. Д. Протасова, нижняя часть северной стены была сложена техникой кладки «в елку». К сожалению, в отчете не приведена фассировка панцирей этой стены, но, вероятнее всего, исследователь столкнулся с типичным для портовой части Сугдеи приемом возведения более поздней кладки на остатках предшествующей — раннесредневековой. Эта ранняя кладка, в отличие от поздней, продолжалась далее и в западном, и в восточном направлении, что хорошо видно даже на приведенных в отчете схемах раскопа. Вероятнее всего, и ее направление не совсем совпадало с более поздней стеной. Полностью эта кладка так и не была расчищена.

В заполнении помещения у северной стены были зафиксированы обработанные камни ракушечника, входившие, скорее всего, в конструкцию свода.

В юго-восточной части раскопа за линией восточной стены обнаружена была каменная кладка, расположенная по оси «север — юг» (кладка 2) (рис. 17: 4). Эта кладка, пристроенная к стене, являвшейся продолжением южной стены помещения 1, поворачивает на восток, образуя угол. Вероятно, кладка не синхронна южной стене данного помещения, а относится к предшествующему строительному периоду. Как и северная стена помещения 1, описываемая стена в нижней части была сложена техникой кладки «в елку». Скорее всего, данная кладка также не синхронна наиболее позднему раскопанному сооружению и относится к предшествующему периоду. Однако, ввиду отсутствия ее фассировок и соотношения с более поздними кладками, это только предположение. Под этой кладкой был зафиксирован сильно раздавленный пифос с пальцевым орнаментом на шейке.

Северная стена помещения 3 представляла собой кладку, пристроенную к внешнему панцирю южной стены помещения 1. Как уже указывалось выше,

это, вероятно, было вызвано необходимостью ремонта первоначальной южной стены этого помещения. Южная стена помещения 3 (кладка 3) (рис. 17: 4) располагалась на расстоянии не более 2,10–2,15 м от северной. Ширина ее составляла 0,58–0,62 м при максимальной сохранившейся высоте не более 3–4 рядков кладки. Восточной стенкой являлась кладка, пристроенная с юга к восточной стене помещения 1 и являвшаяся ее прямым продолжением. Данная стенка сохранилась на высоту только 2–3 рядков, сложенных из плоских камней, также лежащих на культурном слое предшествующего времени. Западная стена помещения 3 в отчете не описана. Однако, как следует из схемы раскопа, она была параллельна западной стене помещения А, но располагалась примерно на 1,5 м западнее. Судя по всему, эта стена, за исключением фрагмента внутреннего панциря, так и не была расчищена и зафиксирована полностью. Как она примыкала к западной стене помещения 1, из приведенных в отчете схем непонятно. Судя по схеме Н. Д. Протасова, она продолжалась и в южном направлении.

На расстоянии 1,50 м к югу от южной стены помещения 3 располагалась еще одна параллельная кладка толщиной 0,60–0,66 м при максимальной сохранившейся высоте не более 3–4 рядков (кладка 4) (рис. 17: 4). Данная кладка сохранилась фрагментарно и в отличие от параллельной стены, описанной выше, продолжалась в западном направлении. Восточный ее конец примыкал к перпендикулярной кладке, являвшейся, вероятно, продолжением восточной стены помещения 2. Перекрывала ли она западную стену помещения 2 — не ясно. Н. Д. Протасов высказал предположение, что данные вытянутые прямоугольные помещения являются хозяйственным двором помещения 1. Однако насколько это соответствует действительности, сказать сложно.

К сожалению, отсутствие каких-либо стратиграфических разрезов в отчете Н. Д. Протасова делает невозможным правильное соотнесение всех открытых кладок этого сложного, но типичного для портовой части средневековой Сугдеи комплекса. Так же сложно соотносить со стратиграфическими слоями обнаруженный археологический материал.

Можно только предполагать, что находки, происходящие из слоя, перекрывающего стены постройки, представлены немногочисленными сильно фрагментированными фрагментами керамики. Среди этих находок следует отметить железный наконечник копья, отсутствующий в коллекции ГИМ.

В заполнении самого же помещения 1 в отчете отмечены многочисленные фрагменты керамики, кухонный сосуд с 10 железными гвоздями и сильно коррозированная железная ручка сабли. На площади помещения 2 отмечены находки каменного жернова и нижней части вкопанного в пол пифоса.

Главный вывод Н. Д. Протасова, сделанный в отчете, сводится к тому, что обнаруженный комплекс является мастерской гончара и датируется XIII–XIV вв. Однако имеющиеся в нашем распоряжении многочисленные материалы, прежде всего из портовой части Сугдеи, говорят о том, что этот вывод не соответствует действительности. Перед нами сложный строительный комплекс, в истории функционирования которого наверняка можно было бы выделить несколько строительных периодов. Сделать это сейчас, исходя из сохранившегося отчета, невозможно. Ясно только, что на последнем этапе функционирования помещения 1 и примыкающие к нему с юга два других помещения являлись типичным жилым комплексом с системой отопления в виде суфы, который можно датировать второй половиной XIV — первой половиной XV в.

На расстоянии 5 м к северу от проанализированного выше раскопа 1 в этом же году был заложен раскоп 2. Площадь его составила 48 кв. м (рис. 17: 2).

В этом раскопе была зафиксирована кладка, расположенная по оси «северо-запад — юго-восток», сложенная из крупного камня. Длина ее составляла не менее 5,5 м. Южный ее конец образует угол с параллельной кладкой, идущей в восточном направлении и уходящей в борт раскопа. Северный конец был пристроен к перпендикулярной кладке, зафиксированной в северном борту раскопа. Эта стена, идущая в западном направлении, тоже уходила в борт раскопа. Н. Д. Протасовым было четко отмечено два строительных периода возведения северной стены. Наиболее поздняя кладка, связанная с вышеописанными, покоилась на более ранней стене, образуя небольшой цоколь. Общая высота ранней и поздней северной стены составила около 1,82 м. Основная часть этой кладки уходила в северный борт раскопа, и зачищен был только южный ее панцирь. Под ней исследователем была зафиксирована нижняя часть пифоса. Возле кладки, расположенной по оси «север — юг», были раскопаны под печи-тандыра, выложенный фрагментами пифоса, и две хозяйственные ямы.

Без какой-либо серьезной аргументации Н. Д. Протасов считал этот частично исследованный комплекс кузней. Однако скорее всего и в данном случае была открыта небольшая часть жилого комплекса с системой отопления в виде суфы.

На уровне пифоса, судя по описанным основным находкам, располагался слой раннесредневекового времени. Об этом свидетельствует как археологический (рис. 17: 3), так и нумизматический материал. Отметим обнаруженную херсоно-византийскую монету Василия I с монограммой «В».

Несмотря на ограниченный характер работ, Н. Д. Протасову удалось доказать перспективность раскопок в портовой части Сугдеи. В итоге раскопки были продолжены в 1931 г., но руководил ими уже Е. В. Веймарн, бывший в то время заведующим кабинетом нумизматики ГИМ. Работы проводились в июне — июле и носили еще более ограниченный характер. Кроме руководителя раскопа экспедиция состояла всего из трех человек. Необходимо отметить, что целью раскопок было уточнение данных, полученных Н. Д. Протасовым, и, прежде всего, стратиграфии. Действительно, раскопки 1931 г. были проведены на высоком научном уровне, характерном для Евгения Владимировича Веймарна. Общая площадь раскопа, представлявшего собой прирезку непосредственно к северному борту раскопа 2 1930 г. (рис. 17: 1), составила 24 кв. м.

Под слоем гумуса толщиной до 0,15 м был зафиксирован слой рыхлого сероватого суглинка мощностью тоже до 0,15 м. В этом слое была зафиксирована кладка, идущая в направлении на восток с небольшим отклонением к северу. Эту кладку подстилала стена предшествующего строительного периода, зафиксированная в 1930 г. Н. Д. Протасовым. Более поздняя кладка образовывала угол с кладкой, идущей на север, и была с ней перевязана. В этой восточной стене возле юго-восточного угла был зачищен и дверной проем, на уровне порога которого было отмечено большое количество фрагментированного археологического материала. Изучена была и северная стена этого помещения и открыто смежное с ним помещение 2. Под полом этих двух помещений зафиксированы еще две перпендикулярные друг другу кладки, относящиеся к предшествующему строительному периоду. Таким образом, раскопом 1931 г. была исследована часть постройки, состоящей, как минимум, из двух помещений. Западные их стенки остались за пределами раскопа и исследованы не были. Возле восточной стены

помещения 1 на глубине 0,68 м был зафиксирован очаг размерами 0,68 × 0,25 м, выложенный по радиусу тремя рядками фрагментов пифоса. Возле юго-восточного угла помещения 1 были зафиксированы также остатки вымостки, расположенной на уровне фундамента южной стены. Исходя из конструкции сооружения и археологического материала, поздняя постройка может быть датирована в пределах второй половины XIV — первой половины XV в.

В северной части восточная стена обоих помещений частично покоилась на кладке более раннего времени, синхронной стене, подстилающей южную стену помещения 1. Эти кладки, сложенные в отличие от более поздней постройки из обработанного камня, образовывали остатки другой крупной постройки, состоящей, как минимум, из двух помещений и связанной с кладкой, зафиксированной в раскопе 2 1030 г. Ее ориентация не совпала с более поздним домом.

С этими ранними кладками связан слой рыхлого суглинка мощностью до 0,45 м, насыщенного мелкими фрагментами керамики. В заполнении самой ранней постройки прослежено три строительных горизонта, датирующихся, согласно археологическому материалу, от второй половины X до середины XIII в. В целом характер археологического слоя к востоку от поздней постройки отличается значительно меньшим количеством археологических находок. Возле восточной стены более раннего сооружения отмечена большая хозяйственная яма, западная стенка которой была обмазана глиной и выложена плитками сланца. К северу от нее зафиксирована была и яма для установки пифоса.

Следует отметить, что совмещение раскопов 1930 и 1931 гг. свидетельствует о плотной застройке всей террасы западного склона портовой части начиная со второй половины X в. Как и на восточном склоне портовой части, эта застройка носит следы квартальной планировки.

Работы 1931 г. не ограничивались только раскопками в портовой части. Е. В. Веймарном были обследованы также остатки водопроводов на южных склонах горы Перчем, расчищена небольшая цистерна-колодец неподалеку от «храма на консолях», повторно осмотрены остатки «храма Дианы» в урочище Димитраки и отмечены неудачные раскопки, проведенные А. А. Фоминым, обследованы двухабсидный храм на южных склонах горы Перчем, храмы близ Анастасьевского источника, на горе Ай-Георгий, в Ай-Савской долине и пещерный монастырь близ пос. Новый Свет. Результаты этих работ частично опубликованы (Майко, Джанов 2015: 195). Позднее, вплоть до начала 50-х гг. XX в., раскопки средневековой Сугдеи не производились.

Таким образом, раскопки 1926–1931 гг. впервые дали обширный материал для понимания материальной культуры средневековой Сугдеи на протяжении всех периодов ее существования. Они явились основанием для продолжения исследований этого уникального памятника.

Литература и архивные материалы

Баранов И. А. 1989. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI вв. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 46–62.

Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10–13 сент. 1927 г. 1927. Севастополь: Херсонесский музей.

- Веймарн Е. В.* Дневник раскопок в портовой части Судака в 1931 г. // Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Дело № 418. Л. 1–36.
- Готье Ю. В.* Отчет об археологических разведках в Судаке летом 1927 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1927. Дело № 110. Л. 42–61. Ф. 2. Оп. 1/1927. Дело № 198. Л. 1–20.
- Готье Ю. В.* Отчет о работах экспедиции Государственной академии Истории Материальной Культуры в Судаке летом 1928 года // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1928. Дело № 104. Л. 28–39.
- Готье Ю. В.* Отчет о работах экспедиции Государственной академии Истории Материальной Культуры в 1929 г. в Судаке // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Дело № 113. Л. 183–206.
- Готье Ю. В.* 1927. Расчистка базилики в «Георгиевской» башне Судакской крепости // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10–13 сент. 1927 г. Севастополь: Херсонесский музей, 47–48.
- Готье Ю. В.* 1928. Археологические работы в Судаке // Новый Восток 20–21, 501–502.
- Джанов А. В.* 2006. Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История, археология, эпиграфика. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 322–357.
- Документы археологических раскопок в г. Судаке (списки, чертежи, обмеры) в июле 1928 г.* // Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Дело № 341. Л. 1–3.
- Документы археологических раскопок в г. Судаке (дневники) в августе-сентябре 1929 г. Т. 1* // Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Дело № 372. Л. 1–230.
- Документы археологических раскопок в г. Судаке (опись) в августе-сентябре 1929 г. Т. 2.* // Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Дело № 373. Л. 1–243.
- Документы археологических раскопок Микриновского могильника в г. Судак (списки, чертежи, обмеры) в 1928–1929 гг.* // Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 2. Дело № 84. Л. 1–57.
- Кирилко В. П.* 2012. Двухабсидные храмы Таврики // Археологический альманах 28, 191–223.
- Колчин Б. А.* 1982. Хронология новгородских древностей // Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 156–177.
- Краткий отчет о работах Судакской экспедиции Государственной академии Истории Материальной Культуры в августе-сентябре 1929 г.* // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Дело № 114. Л. 67–70.
- Лапин Н.* 1928. Сугдея-Солдайя-Судак. М.: ВХУТЕМАС.
- Лопушинская Е. И.* 1991. Крепость в Судаке. Киев: Будивэльнык.
- Майко В. В.* 2007. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академперіодика.
- Майко В. В.* 2014. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Видавець Олег Філюк.
- Майко В. В.* 2016. Неизвестные страницы археологического изучения византийской Сугдеи в 1926–1929 гг. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Мат-лы науч. конф. VIII, 66–72.
- Майко В. В.* 2016а. Древнерусский энколпион из раскопок средневековой Сугдеи 1929 г. // Майко В. В., Яшаева Т. Ю. (ред.). Владимирский сборник. Мат-лы междунар. науч. конф. «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград: РОС-ДОАФК, 163–167.
- Майко В. В.* 2017. Раскопки храма монастыря Святого Георгия на горе Ай-Георгий близ Судака // ТГЭ LXXXIX, 177–189.
- Майко В. В., Джанов А. В.* 2015. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: ЧП Исламов.
- Мордович Т. А.* 2013. Вся жизнь — деятельность: Александр Александрович Фомин и его вклад в отечественную культуру // Колганова А. А. (сост.). Документирование театрального наследия. Междунар. науч. конф. К 90-летию Российской государственной библиотеки искусств. М.: Новое издательство, 218–234.

- Новикова Л.* 1929. Могильник на горе «Болван» в Судаке // ИТОИАЭ, III (60), 131–137.
- Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы.* 2008. Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ.
- Полканов А. И.* Дневник о раскопках в порту в 1929 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Дело № 256.
- Полканов А. И.* 1926. Судак. Историко-краеведческий очерк. Симферополь: Крымохрис.
- Протасов Н. Д.* Дневник раскопок т. н. «Храма на кронштейнах» в Судакской крепости. 13 сент. 1928 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Дело № 113. Л. 11–36об.
- Протасов Н. Д.* Дневник пробной раскопки на Георгиевской горе близ Судака // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Дело № 113. Л. 38–43.
- Протасов Н. Д.* Отчет об археологических раскопках в г. Судаке летом 1930 г. // Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Дело № 391. Л. 1–28.
- Протасов Н. Д.* 1926. Памятники Судака // Крым 2, 95–107.
- Протасов Н. Д.* 1929. Раскопки в Судаке летом 1928 г. // Крым 10, 86–97.
- Протасов Н. Д.* 1938. Раскопки в городе Судаке // Историк-марксист 5, 162–169.
- Родина М. Е.* 1998. Янтарные украшения из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника // К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 196–201.
- Розенфельдт Р. Л.* 1978. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Коропоткин В. В., Матюшин Г. Н., Петерс Б. Г. (ред.). Проблемы советской археологии. М.: Наука, 197–208.
- Скржинская Е. Ч.* К общему отчету о раскопках в Судаке летом 1929 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Дело № 114. Л. 21–26об.
- Скржинская Е. Ч.* Дневник о раскопках в Судаке авг. — сент. 1929 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1929. Дело № 256.
- Скржинская Е. Ч.* 2006. Судакская крепость. История, археология, эпиграфика. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика.
- Список монет*, найденных при археологических раскопках в г. Судак 3-м археологическим отделом ГИМ в 1927 г. // Научно-ведомственный архив ОПИ ГИМ. Оп. 1. Дело № 321. Л. 1–2.
- Тиханова-Клименко М. А.* 1931. Резная костяная пластинка из Судака // Сообщения ГАИМК 3 март, 21–25.
- Фомин А. А.* 1927. Обзор предварительных разведочных работ в Судаке // Вторая конф. археологов СССР в Херсонесе, 10–13 сент. 1927 г. Севастополь: Херсонесский музей, 47.
- Эрнст Л. Н.* 1930. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) // ИТОИАЭ IV, 72–92.

Глава 10

Глава об археологических памятниках долины реки Качи из неопубликованной работы Н. И. Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма»

Резюме. В главе публикуется фрагмент рукописи Николая Ивановича Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма», хранящейся в РО НА ИИМК РАН (ф. 10, д. 9, 10). Публикуемый отрывок посвящен памятникам долины р. Качи (Бахчисарайский район). Это памятники разного возраста, разной культурной принадлежности и различного функционального назначения: стоянки каменного века, поселения

и погребения эпохи бронзы, укрепления периода поздней античности, «пещерные города», средневековые могильники и церкви. Текст Н. И. Репникова дается с дополнениями и комментариями публикаторов.

Ключевые слова: Н. И. Репников, Крым, долина р. Качи, «пещерные города», таврские ящики, могильники типа Суук-Су, стоянки каменного века, курганы эпохи бронзы.

Среди недостаточно изученных массивов источников по археологии Крыма заметное место занимает научное наследие советских археологов 20–30-х гг. XX в. Это особый специфический корпус документов, остававшийся до недавнего времени недооцененным и мало востребованным. Важное место в нем занимают неопубликованные архивные материалы Николая Ивановича Репникова (1882–1940) — археолога, видного организатора полевых исследований на северо-западе России и в Крыму (рис. 1). Имея профильное археологическое образование, ученый начал свои штудии еще в досоветский период: к этому времени относятся раскопки средневековых памятников Ладоги, исследования памятников античного и раннесредневекового времени в Крыму (Партенит, Гурзуф, Херсонес, могильник Суук-Су, памятники юго-западной части горного Крыма и Байдарской долины). Благодаря этим работам Н. И. Репников приобрел устойчивую репутацию квалифицированного археолога-полевика, способного эффективно организовывать раскопки различных памятников любой исторической эпохи.

В середине 20-х гг. XX в. в советской археологической науке стал активно разрабатываться «готский вопрос», который кроме научного интереса имел и определенную идеологическую (а позже и политическую) подоплеку (см. главу

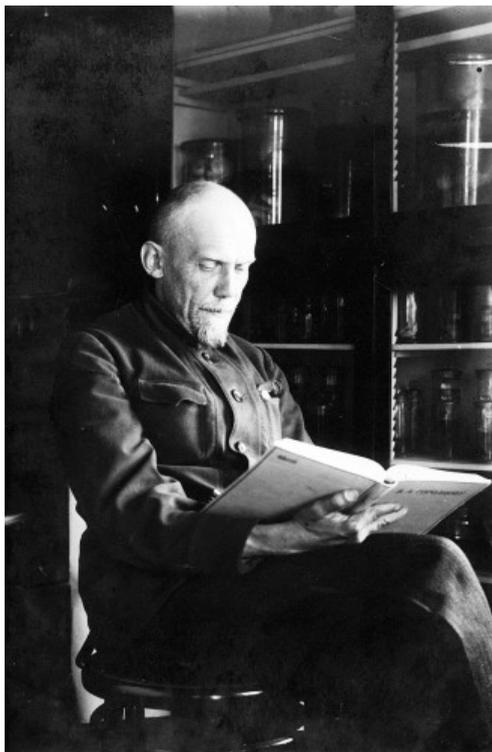

Рис. 1. Н. И. Репников, 1939 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

В. Ю. Юрочкина и В. В. Майко в этом сборнике). Наличие значительного количества недостаточно исследованных или совсем неисследованных археологических памятников на ограниченной территории юго-западного Крыма открывало значительные перспективы для любого организатора подобных исследований. Авторитет Н. И. Репникова, который был подкреплен выигрышной идеологической позицией, позволил ему возглавить с 1928 г. постоянные раскопки на одном из главных памятников средневекового периода в юго-западном Крыму — городище Эски-Кермен. Благодаря высокой квалификации исследователя эти раскопки, продолжавшиеся почти десять лет, дали богатый археологический материал, проливающий свет на прошлое как данного конкретного района, так и Таврики в целом. Особенно большую роль работы Н. И. Репникова имели для изучения так называемых «пещерных городов» Крыма и его средневековой истории. Однако в связи со скоропостижной смертью ученого, последовавшей в 1940 г., отсутствием среди его опубликованных работ обобщающих или концептуальных исследований по крымской тематике (его публикации носят преимущественно отчетный или краткий обзорный характер, вводят в научный оборот новый археологический материал, но не содержат исторических обобщений), и, главное, в связи с изменением идеологической оценки сюжетов средневековой истории Крыма, связанных с «готским вопросом», научное наследие Н. И. Репникова оставалось мало востребованным вплоть до второй половины 80-х гг. XX в.

Рукопись Н. И. Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма», отрывок из которой публикуется ниже, представляет собой первую и пока единственную попытку дать обобщенное описание археологических памятников на обозначенной территории, произвести их фиксацию и учет. Эта рукопись является ключевой среди работ, отложившихся в личном фонде ученого в научном архиве ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН, Ф. 10, д. 9, 10). Вероятно, он трудился над ней в 1938–1940 гг., но полностью завершить не успел. «Материалы...» представляют собой исчерпывающий на то время каталог археологических памятников разных исторических эпох, сосредоточенных в юго-западной части горного Крыма. Эта работа может рассматриваться как итоговая для всей научной деятельности Н. И. Репникова, связанной с Крымом.

Текст работы состоит из трех частей. Публикуемая здесь часть содержит сведения об археологических памятниках, находящихся в долине р. Кача на всем ее протяжении. Поскольку за годы, прошедшие после смерти автора «Материалов...», в этом районе было открыто большое количество новых памятников, мы сочли уместным дополнить текст Н. И. Репникова сведениями об этих объектах. Дополнения выделены курсивом. Текст рукописи «Материалов...» дается с сохранением авторской орфографии, пунктуации и всех встречающихся в нем опечаток и неточностей. Сноски в авторском тексте Репникова приведены к современным стандартам. Несколько внутритекстовых ссылок не удалось установить, поэтому они оставлены в первоначальном виде. Справочный аппарат публикации содержит список литературы, использованной ученым, отдельный список литературы и архивных материалов, которыми пользовались публикаторы, а также словарь встречающихся в тексте топонимов. Дополнения и справочный аппарат подготовлены Н. А. Абрамовой.

Течение р. Кача

Низовье реки

1. В 1934 году близ устья реки, при размежевании земель бывших имений Млинарича и Мичуриной, «при проведении пограничного рва» обнаружили могилы, крытые плитами, найдены: стеклянный бальзамарий, бронзовая фибула, подвески и т. п. Вблизи могильника на возвышенности — фрагменты черепиц и «остатки водопровода» (ИТУАК 51, 306).

2. В имении быв. А. И. Иванова «следы каких-то древних сооружений». Здесь в 1910 году найдено надгробие, поздне-римского времени. С изображением «трапезы». Возлежащая мужская фигура и двое предстоящих. Стела поступила в музей ТУАК (ИТУАК 45, 107 и ИТУАК 47, 15).

I. Мамашай

II. Эски-Эли

1. При работах по рытью окопов 1914 г. обнаружены древние погребения, найдены: железный меч, стеклянные и глиняные сосуды и бусы (сообщение рабочего А. П. Доведюка).

III. Аранчи

1. В 1910 г. при земляных работах в имении быв. М. С. Мышковского найдена амфора (ИТУАК 47, 46).

IV. Шурхайлово

V. Эфенди-кой

1. К северу от поселения, в клм от реки — П. И. Кёппен видел несколько «домообразных» надгробий с двускатной крышей, покрытых разными орнаментами и надписями. Последние он счел восточными (Кёппен 1837: 34).

Дополнения:**Позднеантичное поселение (с. Айвовое, Тенистовское с/п¹).**

Поселение находится на левом берегу р. Качи, на северо-восточном склоне возвышенности, господствующей над селом Айвовым (быв. Эфенди-кой). Площадь его составляет 200×150 м, территория распахана. В культурном слое содержалось большое количество лепной и гончарной посуды позднеантичного времени. В 1972 г. при археологических работах под руководством М. Я. Чорефа были обнаружены фрагменты двух одинаковых терракотовых статуэток, изображавших обнаженных женщин. Помимо этого были найдены другие женские терракотовые статуэтки, обломки стеклянных бокалов, каменных зернотерок и плоской черепицы. Поселение датируется I в. до н. э. — II–III вв. н. э. (Чореф 1970; 2012: 13–21).

VI Тас-Тепе

VII Калантай

1. По дороге от поселения в Отелшь на перекрестке из Агтачи в Отелшь П. И. Кёппен видел каменную бабу на кургане (Кёппен 1837: 39).

Дополнения:**Поселение и могильник (с. Тенистое (быв. Калымтай), Тенистовское с/п).**

Поселение и могильник позднеантичного времени в с. Тенистом находятся на левом берегу р. Качи, на юго-западной окраине села. Поселение располагалось на плоской вершине и склонах горы Таз-Тепе, господствующей над окружающей местностью. Многочисленные обломки краснолаковой посуды, а также фрагменты привозных амфор свидетельствуют об интенсивной жизни этого поселения в I–III вв. Данный тезис подтверждает погребальный инвентарь находящегося в 300 м к западу от Таз-Тепе позднеантичного могильника. Судя по археологическому материалу, поселение и могильник возникли в I–III вв. и просуществовали до V в. (Чореф 1970).

Курган (с. Тенистое (быв. Калымтай), Тенистовское с/п).

Курган расположен на возвышенности, господствующей над правым берегом р. Кача, в 2,5 км к северо-востоку от с. Тенистое. Диаметр кургана до 40 м, высота около 2 м. Вершина снесена, на ней был вырыт окоп во время Великой Отечественной войны. В западной части кургана обнаружены следы землянки. Полы кургана распаханы. Курган был обнаружен в 1976 г. во время паспортизации памятников, однако его исследования не проводились. Он датирован условно эпохой бронзы III–I тыс. до н. э., однако в нем возможны более поздние впускные погребения (Веймарн, Дьяченко 1976б).

VIII Голумбей

¹ Здесь и далее сокращение с/п означает сельское поселение, то есть единицу административного деления.

Дополнения:

Курган (с. Некрасовка (быв. Гёлюмбей), Тенистовское с/п).

Курган расположен в 1,5 км от села на возвышенности, господствующей над правым берегом р. Качи, и находится в 150 м от дороги, идущей по возвышенности с востока на запад. Диаметр кургана до 40 м. Высота менее 2 м. Вершина снесена. Полы кургана распаханы. Он обнаружен во время паспортизации памятников в мае 1976 г. Раскопок кургана не проводилось. Он условно датирован эпохой бронзы (III–I тыс. до н. э.), однако в нем возможны более поздние впускные погребения (Веймарн, Дьяченко 1976а).

IX Ак-Шейх

Х. Чоткара

1. К югу от поселения, на левом берегу реки, урочище «Керменчик» (т. е. укрепление) (Кёппен 1837: 308).

Дополнения:

Городище Керменчик (с. Красная Заря, Тенистовское с/п).

Городище расположено в 3 км к югу от с. Красная Заря (образовано при слиянии сел Чоткара и Ак-Шейх). Открыто в 1970 г. М. Я. Чорефом. Городище представляет собой небольшое укрепление площадью 80×60 м, в центральной части которого находилась башня. Укрепление расположено на юго-восточной оконечности горы Керменчик, где сохранились следы дороги, ведущей на ее вершину. Раскопок на его территории не проводилось. На основании собранного керамического материала городище датируется I в. до н. э. — I в. н. э. Коллекция находок находится в Бахчисарайском музее (Чореф, Пащенко 1976).

2. У поселения древнее кладбище «Казак-мезарлык» (казацкие могилы). В 1916 году здесь найдена надгробная плита с изображением воина и греческими буквами фов². Стела поступила в музей ТУАК (ИТУАК 56, 288 и 374).

Дополнения:

Городище Краснозоринское (с. Красная Заря, Тенистовское с/п).

Городище расположено на левом берегу р. Качи в нижнем ее течении, в 3 км на юго-восток от села Красная Заря, на плато небольшой возвышенности с крутыми скатами, общая площадь городища 3,2 га. Плато со всех сторон было обнесено оборонительной стеной. Городище возникло в I в. до н. э. как убежище от кочевников и просуществовало до III в. н. э. Оно было открыто в 1954 г. Е. В. Веймарном. В этом же году им были осуществлены разведки. В 1964 г. Т. Н. Высотской были проведены раскопки части поселения. В 1972 г. М. Я. Чореф вновь провел разведки на городище. Коллекция находок хранится в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике и Институте археологии Крыма РАН (Веймарн 1954; 1960: 109; Высотская 1968: 185; 1972: 17).

Группа из пяти курганов (с. Красная Заря, Тенистовское с/п).

Группа находится в 2,5 км от с. Красная Заря. Все курганы расположены на возвышенности, господствующей над правым берегом р. Качи.

² По мнению канд. филол. наук А. И. Грищенко (МПГУ), эти буквы являются частью личного имени.

Курган № 1 стоит в 60 м к югу от дороги, проходящей вдоль возвышенности. Его диаметр около 25 м, высота 1,5 м. С северо-западной стороны его пола сильно распахана.

Курган № 2 распахан.

Курган № 3 стоит в 400 м к западу от первого кургана. Его диаметр 50 м, высота 3 м, вершина снесена.

Курган № 4 находится еще западнее на расстоянии в 550 м от предыдущего и в 20 км от дороги. Его диаметр 30 м, высота 2 м, полы кургана опажены.

Курган № 5 находится к северо-западу от четвертого, примерно в 400 м за поворотом дороги на север, с восточной ее стороны. Диаметр кургана 75 м, высота 6 м, верхушка слегка срезана. Наиболее ранние погребения относятся предположительно к эпохе бронзы, последующие (впускные) производили вплоть до средневековых кочевников. Раскопки не проводились (Веймарн, Дьяченко 1976в).

XI. Бывшая экономия Ревилиоти

1. В 1895 г. Ю. А. Кулаковским раскопано здесь 4 кургана. Первый — небольшого размера. На нем мужская каменная баба с отбитой головой, укрепленная в основании обломками разбитых каменных баб. Под нею — потревоженный каменный ящик, из больших плит. Кости погребенного разбросаны. Ниже, в материке, земляная могила. Костяк с подогнутыми ногами, головой на СВ. Вещей нет.

Второй курган, высотой 3,50 м, заключал 6 погребений в центре, в материке, могила, размерами 1,40×1,05×1,10 м, крытая дубовыми брусками. Костяк с поджатыми ногами, протянутыми вдоль туловища руками, головой на СВ. Вещей нет. Погребение Б в западной поле. Каменный ящик из 4 больших плит, перекрытый большой плитой. Щели стенок ящика замазаны глиной. Размеры ящика 1,40×1,10×1,05 м. Стены расписаны линейным орнаментом черной и красной краской. Дно подсыпано мелкими речными гольшами. Костяк на правом боку с поджатыми ногами, головой на ЮВ. Последняя на подголовнике из морской травы. Вещей нет. Погребение В — в центре, выше материка. Могила, покрытая деревом и заваленная камнями. Костяк на спине, головой на В. У правой руки две массивные бронзовые пряжки (фантастический свернувшийся зверь и бронзовый псалий; у левой руки точильный брусок, железные копье и меч; у колен колчан со множеством наконечников стрел — бронзовых трехгранных и костяных круглых. (Погребение скифской поры V в. н. э.).

Погребение Г — в насыпи кургана. Костяк на спине, головой на З. При нем: костяная пластинка, с резьбой; из железа два наконечника стрел, нож и кривая сабля. (Позднее-кочевническое погребение XI–XIII в.).

Погребение Д — в восточной поле кургана на глубине 0,70 м в потревоженной могиле скифо-сарматской поры; найдены: два бронзовых наконечника стрел и обломки бронзовых предметов. Погребение Е — впускное, найдены: два бронзовых наконечника стрел и жел. удила.

Третий курган — высота 3,50 м; сохранил 6 погребений. В центре на материке каменный ящик из четырех плит, перекрытый большой плитой покрытия. Размеры ящика 0,70×0,70×0,70 м. Дно подослано плитами. В ящике два костяка в сидячем положении, друг против друга, на шее одного «несколько костяных пуговиц». В левом углу горшок черной глины, вокруг каменный ящик в расстоянии 1,40 м по материке опоясывало кольцо из отдельных камней, присыпанное камнями.

Погребение Б — в западной поле кургана, каменный ящик. Плита покрытия отсутствовала. На внутренней поверхности стенок следы росписи — полосы

черной и красной краской. На дне ящика два костяка с поджатыми ногами со следами окраски, головами на СВ. Вещей нет.

Погребение В — впускное в западной поле. Костяк головой на З. На шее пряслица, у левого плеча железная секира, глиняная чашка, две бусы (сердоликовая и глиняная), бронзовый бубенчик, фрагменты деревянного предмета с бронзовыми гвоздиками, зеркало, бронзовая фибула и глиняный кувшин. (Погребение II–III н. э.).

Погребение Г — впускное в южной поле. Костяк головой на З, у правого бедра короткий железный меч, в головах большая глиняная чашка с бараными костями (погребение «скифской» поры). Погребение Д — в центре, на высоте 0,70 м над материком. Детский костяк, головой на ЮЗ. В головах глиняный сосуд.

Четвертый курган, высотой 1,05 м, содержал 5 погребений. В центре земляная могила, костяк с подогнутыми ногами, головой на СВ, обсыпан светло-красной краской.

Погребение Б в западной поле каменная гробница из 4 больших плит. Покрытие отсутствовало. Размер ящика 1,35×0,85×0,85 м. Костяк на подстилке из речного песка с поджатыми ногами, головой на В. В засыпе погребения куски бронзовой пластинки и кусочки красной и желтой краски.

Погребение В и Г в засыпе два костяка, голова на З, без вещей (поздние).

Погребение Д — на материке, головой на ЮЗ. Около шеи бронзовое плоское кольцо со следами позолоты и просверленный коралл. В насыпи наконечник бронзовой стрелки и железные псалии. Погребение скифской поры (Дело А. К. 1895, № 90³, ОАК за 1895 1897: 17–19, 117–120).

XII Ак-Тачи

1. На возвышенности, над р. Качей на земле быв. Ревелиоти «в лесу городище». Здесь имеются нагромождения из камней, идущие полосой (быть может, остатки жилищ). В 1895 и 1896 гг. разведки здесь производились Ю. А. Кулаковским, раскопавшим 5 насыпей из камней. Среди последних изредка встречались фрагменты сосудов черной глины и амфор. По соседству с городищем раскопал курган. Погребение потревожено, найдены «черепки грубой глиняной посуды» (Дело А. К. 1895, № 90⁴, ОАК за 1895 1897: 120, Дело А. К. 1896, № 23⁵, ОАК за 1896 1898: 161).

XIII Тжчикой

XIV Русский Аранкой

1. По пути из Бахчисарая в Топчикой П. И. Кеппен видел с левой стороны дороги на возвышенности каменную бабу (Кёппен 1837: 39). В 1895 г. Ю. А. Кулаковский видел ее уже разбитой, лежавшей на небольшом возвышении (Дело А. К. 1895, № 90⁶, ОАК 1895 1897: 18, 118).

Среднее течение р. Качи.

1. Егиз-Оба (... — курган) в 3 км от этого места М. А. Сосногорова (Славич) видела «дольмены, числом до девяти, хорошо сохранившиеся». Она пишет, что «камни их и устройство напоминают дольмены в Гаспре, только они гораздо выше и больше, чем в Гаспре и сооружение этих дольменов произведено

³ РО НА ИИМК РАН Ф. 1. 1895. Д. 90.

⁴ Там же.

⁵ РО НА ИИМК РАН Ф. 1. 1896. Д. 23.

⁶ РО НА ИИМК РАН Ф. 1. 1895. Д. 90.

гораздо тщательнее, камни немного оттесаны». (Путешествие... П. С. Палласа 1881: 83). Поселения этого имени нет, но недалеко от р. Качи есть большой естественный холм Егиз-Оба, местоположение которого совпадает с повествованием П. С. Палласа, описывающего свой путь. Предполагаем, что данная группа — каменных ящиков лежала в направлении к поселению Теберти.

II. Тюле

К с. — з. от поселения по дороге в Тепчикой (влево находится лес Кара-Тай) здесь в урочище Кара-гашлык кучи камней буграми, под ними находили погребения, недалеко отсюда на поверхности остатки каменных жилищ («балаганы»). Памятники в лесу, на возвышенности, против совхоза — Коминтерн, пройдя через Карга-Иол («Кривая дорога») (Осмотр П. П. Бабенчикова 1938 г.)

III. Кош-дермен или Кош-Дегермен («Двойная — Мельница»)

1. Остатки небольшого феодального замка — татарского времени (некоторые считают это остатки монетного двора ханов).

Дополнения:

Предущельное (быв. Кош-Дегермен), Верхореченское с/п.

Курган № 1 «Шейхлер-Оба» находится на расстоянии 1,5 км к югу от Бахчисарая и к востоку от шоссе на дороге Бахчисарай — Синапное. Курган хорошей сохранности, его высота 6 м, диаметр 42 м. Раскопки не проводились. Вероятная датировка — III–I тыс. до н. э. Во время работ, проводившихся горным отрядом археологической экспедиции КФ АН УССР и Бахчисарайского музея-заповедника в 1954 г., курган был нанесен на схематическую карту под названием «Шейхлер-Оба» (Веймарн 1954).

Курган № 2 эпохи бронзы (III–I тыс. до н. э.) находится в 1 км к западу от с. Предущельное. Не исследовался. Предположительно относится к Кеми-Обинской культуре. Во время работ, проводившихся горным отрядом археологической экспедиции КФ АН УССР и Бахчисарайского музея-заповедника в 1954 г., курган был нанесен на схематическую карту района разведок (Там же).

2. В 1933 г. при расширении шоссе на правом берегу реки к юго-востоку от поселения обнаружена линия гончарного трубопровода. Разведочной раскопкой того же года установлено, что трубопровод шел от источника в ущелье Таш-аир («Камень отделяется») в направлении к руинам замка в Кош-дермене. Линия трубопровода залегала на гл. 0,50 м от поверхности. Трубы его вставлены одна в другую, по ходу воды и обильно обмазаны известковым раствором розового цвета («харасан»). Последний типичен для татарского времени. Гончарные трубы из хорошо обожженной красной глины, дл. в среднем 0,45, диам. узкой передней части 0,08 м. По ходу трубопровода имеются осадочные колодцы. Один, из них, раскопанный представляет собой высеченный в камне бассейн, размерами 0,40×0,35×0,20 м. Толщина стенок 0,10 м. Установлен он на высоте из мелких камней. Входная труба в него лежит выше выходной. Колодец перекрыт плитками, щели которых обильно промазаны известковым раствором (Веймарн 1935: 77–80).

Дополнения:

Пещерная стоянка «Качинский навес» (с. Предущельное, Верхореченское с/п) эпохи позднего палеолита расположена на окраине с. Предущельного на правом берегу р. Качи. Она была открыта в 1879 г. К. С. Мережковским. Им же в 1879–1880 гг. были проведены исследования, в ходе которых

были найдены кости предположительно позднепалеолитического человека. В 30-е годы XX в. памятник сильно пострадал при прокладке шоссейной дороги Бахчисарай — Коуш (Шелковичное, ныне не существует), и о его первоначальном состоянии мы можем судить лишь по опубликованному краткому отчету К. С. Мережковского (Мережковский 1880: 116–117; см. также Бонч-Осмоловский 1934: 119, 157).

3. Возле ущелья Таш-аир над проходившим тут шоссе, под навесом огромной скалы (прямо напротив дома, принадлежащего некогда Терлекчи) в 1937–1938 гг. Д. А. Крайновым открыто несколько культурных напластований, погребенных под глыбами обвалившейся скалы. На поверхности фрагменты «средневековой» керамики, ниже в растительном слое — обломки лощеной керамики «таврской» поры, еще ниже, под обвалами, несколько слоев с кремневой индустрией, костями животных и остатками кострищ. На поверхности стен пещеры наскальные рисунки, сделанные красной краской (Крайнов 1937, 1938)

Дополнения:

Раскопки стоянки под руководством Д. А. Крайнова проводились в 1938–1940 гг. За три года было вскрыто свыше 300 кв. м. Большая площадь раскопа позволила почти полностью проследить напластования стоянки, толщина которых колеблется от 0,2 до 4,5 м. В этой толще прослежено девять культурных слоев: от позднего палеолита до позднего средневековья. Коллекция была помещена на хранение в фонды Государственного исторического музея. Открытие и исследование стоянки Таш-Аир I сыграло большую роль для периодизации послепалеолитических культур Крыма и уточнения некоторых вопросов, связанных с происхождением и развитием животноводства в Крыму (Крайнов 1960).

IV. Пычки (м. б. «Пила»)

1. К с-з. от поселения на правом берегу Качи, под северной стеной ущелья, в прорыве Качею гряды гор, находится урочище Качи-Кальен (Качинское укрепление). Древнее имя этого крупного поселения пока не установлено. Оно обычно упоминается в разделе «пещерных городов» (см. Репников 1935: 102–114, с 7 рис., 5 планами и перечнем основной литературы). Даем схему описываемых памятников, рис.

а) на с-з. окраине, над шоссейной дорогой, мощный, до 2,50 м, культурный слой. В срезах дорогой зерновые ямы, вырытые в материке. Здесь в 1932 г. найдено 3 целых пифоса, поступивших в Гос. Бахчисарайский музей. Фрагменты керамики, здесь обнаруженной, относятся к концу первого тысячелетия н. э., до позднего татарского времени XVII–XVIII вв., включительно. (Указ соч.: 102–103).

б) на нижней террасе подъема из долины пещерный храм, вырубленный в отдельном камне, возобновлялся здесь быв. скитом Анастасии — в середине XIX стол., во имя Софии, ныне ликвидирован. В него ведут 2 входа. Над главным вырублен крест в нише. Храм вытянутой в плане формы, с сильно скругленными углами. В основании стен скамьи, вырубленные в целом камне. В них 2 вырубных гробницы, такая же в полу. На стенах храма 2 надгробных надписи, относимые В. В. Латышевым к XVII–XVIII вв. (Латышев 1896: 62 (№№ 53, 54); Латышев 1901: 76). Алтарная часть храма слегка приподнята. В древности отделялась деревянной переборкой-иконостасом. В полу апсиды — углубление для престола — «жертвенник» в нише с. — в. стены. За храмом, в том же камне,

вырублена усыпальница. Последнюю, позднее расширили, вырубив в полу ее тарапан для давки винограда. Около пещерного храма, на поляне — несколько поврежденных однорогих надгробий. В 40 шагах к СЗ в другом обломке скалы вырублена пещера. В нее ведут два входа. Она неправильной в плане формы с сильно скругленными углами, в основании стен ее вырублены неширокие скамьи. На восточной стене под потолком рельефный крест с расширяющимися концами в круге. Первоначальное назначение пещеры — усыпальница. Позднее в северном конце ее в полу вырубил прямоугольный тарапан и углубление «силос» для стока виноградного сока. В непосредственном соседстве с пещерой на поверхности скалы вырублено 5 незасыпанных землей тарапанов (Указ соч.: 103–115 с 2 планами и 1 рис.).

в) К ю-з. от площадки с пещерным храмом на поверхности выступает линия мощной стены, поднимающейся по склону к обрыву Качи-кальенского утеса. Кладка этой передовой боевой стены из тесаных камней, с использованием и обломков дикарей. У верхнего конца линии стены, в углу обрыва, вырублена пещера удлинённой формы (Указ. соч.: 105). В высоком отвесном, сильно выветрившемся обрыве утеса Качи-Кальена 4 громадных естественных грота. Дно последних лежит на уровне основания массива; вершина стрельчатой формы, почти достигает бровки обрыва. Непосредственно под обрывом скалы начинается одернованная осыпь, сбегаящая в долину. На западе она более пологая, повышаясь к востоку, по местам труднодоступна, и вовсе неприступна на востоке. В нижней части обрыва утеса, равно и в отдельных камнях, оторвавшихся от него, вырублено значительное количество пещер, давших повод именовать Качи-Кальен — «Пещерным городом».

г) Крайний на западе естественный грот не имеет пещерных сооружений, не сохранившиеся на стенах его пазы и гнезда — определяют с несомненностью наличие в нем деревянных прискаловых построек (Указ. соч.: 106).

д) Между первым и вторым гротами — 54 незасыпанных землей пещеры. Из них 23 сильно повреждены выветриванием и обвалами. Расположены они в четыре, а по местам даже и в пять ярусов. Соединены между собой площадками — террасами и лесенками, нарубленными в камне. Почти все пещеры этой группы небольших размеров; характерной чертой их является наличие в полу большинства из них «силосов», зачастую связанных с тарапанами. Первые — по преимуществу круглой, цилиндрической формы, но встречаются и прямоугольные. Вторые — в большинстве прямоугольной формы. В пещерах этой группы имеются вырубленные скамьи, а в стенах ниши. Примечательно почти полное отсутствие обычных в других «пещерных городах» — «яслей» для скота и «колец» для его привязывания. Эта особенность, в связи с наличием силосов и тарапанов, подчеркивает назначение пещерной группы. Последняя особенность проходит красной нитью и в прочих пещерных сооружениях Качи-Кальена. Она определяет наличие в древности в округе развитого виноградарства. Сооружения самого городища указывают на массовый характер этого производства (Указ. соч.: 106–107).

е) Во втором естественном гроте, так же как и в первом были в древности прискаловые деревянные сооружения (пазы, гнезда на стенах грота): пещерных сооружений в нем не было. Около грота на площадке сохранился фрагмент стены, сложенной из некрупных камней на известковом растворе (Указ соч.: 107).

ж) В промежутке между вторым и третьим гротом вырублено 14 пещер. В одной из них следы окна, а в другой в камне вырублено подобие «яслей». (Указ соч.: 107).

з) В третьем естественном гроте находится своеобразный комплекс сооружений. Храм, 3 пещеры, соединенных лесенкой и 5 вырубных гробниц. Храм был построен вблизи обрыва, у края грота. В плане представлял небольшую одноапсидную постройку. Северная и восточная стороны его врублены в скалу. Кладка южной и восточной стены ныне отсутствуют. Линия их определяется вырубками — «постелью». Тесаные камни этих рухнувших стен лежат под обрывом. Среди камней карнизы окон. Верхняя часть здания была, несомненно, из дерева. Вдоль северной стены в полу — широкая вырубная гробница. Алтарное полукружие в древности отделялось деревянной переборкой — иконостасом. В полу апсиды место для установки престола, в с-в стене ниша — «жертвенник». На стенах храма многочисленные кресты, нарисованные краской (красная, белая, зеленая) по камню, равно сильно стертые заупокойные надписи. Вокруг храма 5 вырубных гробниц, а внизу 3 пещеры. В полу одной из них вырублен силос, а в стене другой «кольцо» (Указ соч.: 107–109 с планом).

и) Между третьим и четвертым гротом в обрыве вырублено 29 пещер, тождественных с ранее описанными. На одной из площадок переходов, их соединяющих, остатки кладки из крупных камней. Ниже описанной группы пещер, на скате осыпи в огромном отдельном камне вырублено несколько пещер, засыпанных землей, недоступны осмотру. (Указ соч.: 109).

к) Не доходя четвертого грота, осыпь переходит в площадку, ограниченную отвесными обрывами в долину. С доступной западной стороны территорию ее прикрывает боевая стена, с башней и воротами. Стена основанием лежит на вырубках в скале — «постелях». Облицовку составляет крупные неравной величины тесаные блоки, на известковом растворе. Изнутри бутовая кладка, также на известковом растворе. Толщина стен в среднем 1 м. Наибольшая высота по склону 4,50 м, парапета у нее не было. На западной конце стены имелась башня, уцелевшие основания ее затянута землей. На восточном конце стены имеются ворота. По сторонам воротный проем ограничен двумя стояками, вытесанными из целого камня с раздолбленными пазами для бруса засова, запирающего полотнища ворот. Верхняя перекладка ворот не сохранилась. (Указ соч.: 109 с 3 рис. и планом).

л) На территории площади за линией стены на поверхность выдаются кладки стен древних построек. На поляне же находится значительное количество надгробных памятников — двух типов.

Первый из крупных двускатных плит, гладких или разделанных продольными гранями. Второй тип — «домообразные» памятники с нишей в узком конце. Длинные стороны некоторых надгробий орнаментированы рельефным узором из плетений, пятиконечных звезд или розеток. Надписей на них не обнаружено. Вдоль края поляны на осыпи выступают каменные гробницы, впущенные до скалы. Они сложены из грубо отесанных камней, перекрыты плитами. Костяки лежат головой на СЗ. Над гробницами на поверхности надгробия описанных типов на поляне лежат большие обломки скал. Один из них выбран нишей с рельефным крестом. Над нишей пазы, сходящиеся фронтоном, с боков гнезда для юнцов балок. Наличие этих деталей определяет прискаловую деревянную постройку. В данном случае кладбищенскую часовню. В апсиде последней находилась описанная ниша с крестом. Зачисткой нашей на территории укрепления в 1930 г. за стеной обнаружена следующая картина напластований. На скале землистый зольный слой с камнями. В нем фрагменты керамики второй половины первого тысячелетия н. э. Выше мощная зольная прослойка, перекрытая

овечьим пометом. Над нею пласт земли и камня, заключающий фрагменты сосудов желтой и зеленой поливы и куски черепиц. Мощное напластование залегает лишь непосредственно за линией стены. На территории же самого укрепления материковая скала поднимается (Указ соч.: 109–111 с 2 рис. и разрезом наслоений).

м) к ю-в от укрепления, четвертый грот. Это грандиозная естественная пещера со стрельчатым сводом. В глубине ее источник, заключенный быв. скитом в водоем. Вода источника до недавнего времени почиталась окрестным населением (христианским и мусульманским) целебной при родах. На стенах грота следы обвалившихся пещер в три яруса. Помимо того на поверхности стен грота — пазы и гнезда для балок и деревянных переборок. Эти следы определяют, что здесь вблизи родника, имелся комплекс деревянных и пещерных сооружений. В некоторых из последних имелись тарапаны и силосы. (Указ соч.: 111).

н) К ю-в от грота, у основания обрыва вырублено несколько пещер. Они представляют небольшие камеры, плохой сохранности вследствие естественных обвалов скалы (Указ соч.: 111).

о) По обвалившейся тропинке — карнизу можно с риском пройти еще далее на восток, где еще несколько пещер высеченных над пропастью⁷.

2. Над древним поселением Качи-Кальен господствует плато Фыцкан-кая-баш (Хвитская скала)⁸. Татары не знают теперь, что означает это слово — «фыцкан». П. П. Бабенчиков, не без основания видит значение его в старой переделке фамилии местного русского помещика Хвицкого, который владел этим местом в 40-х годах прошлого столетия и восстановил «своим коштом древнюю церковь греческую» у подножия скалы. (Ср. Гроздов 1898: 90). Северо-западный отрог его представляет изолированную обрывами площадку, размерами 1×0,5, густо заросшую кустарником. Возможный доступ на нее с ю-в стороны прикрыт линией сильно разрушенных стен. На большем своем протяжении стена разрушена и лежит раскатом камней. По структуре стена представляется циклопической, сложенной насухо. Снаружи в качестве облицовки заложены более крупные камни. От основной стены параллельно обрыву по горизонталям отходят раскаты камня. Характер кладки стены позволяет со значительным вероятием полагать, что в данном месте имелось укрепленное сельбище «таврской поры» (Указ соч.: 111–113).

⁷ По сей день археологические данные, полученные в результате шурфовок 1930 г., остаются единственной основой для суждений о хронологии и функциональном назначении Качи-Кальона (рис. 2–5). Еще в середине XIX века отмечалось, что скорость разрушения этого пещерного комплекса является катастрофической, и только его подробное описание, сделанное Репниковым, позволяет современным исследователям составить представление о том, каким он был сто лет назад. Время функционирования комплекса VIII–XVIII вв., его назначение остается спорным (Веймарн, Чореф 1976; Могаричев 1997: 80–82).

⁸ Ныне Фыцки. Впервые разведки на территории поселения Фыцки произвел В. П. Бабенчиков в 1933 году. В 1967 году разведки здесь проводились Бахчисарайским музеем под руководством Е. В. Веймарна. Поселение возникает, по-видимому, в VI веке, а уже в VIII–IX вв. оно приходит в упадок. При работах по закладке карьера в 1967 г. на краю мыса были обнаружены погребения в плитовых могилах и антропоморфные надгробия из известняка, украшенные крестами (Веймарн, Чореф 1976: 18–20).

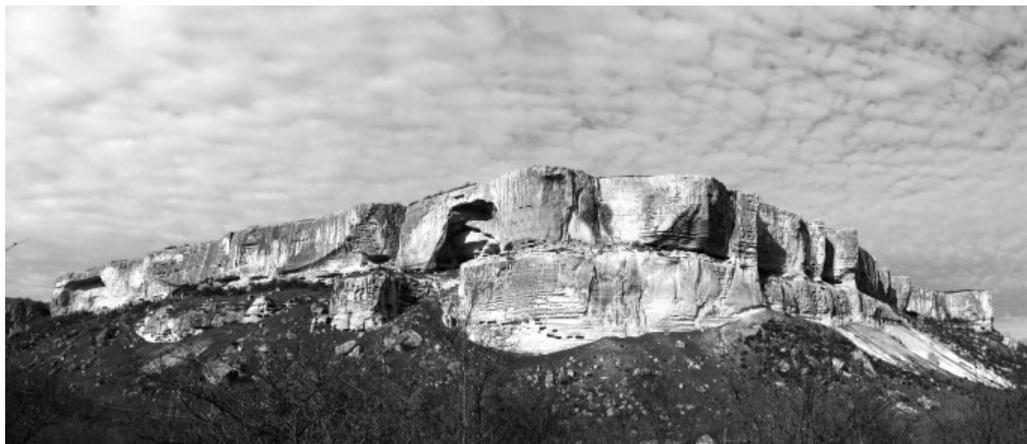

Рис. 2. «Пещерный город» Качи-Кальон, панорама. Фото Н. А. Абрамовой

3. Непосредственно против Качи-Кальона, на левом берегу реки высокий мыс, называемый татарами Бурун-кая («Мыс скалы») на картах он обозначен Калай-бурун. П. П. Бабенчиков при беглом осмотре видел на плато развал камней как бы от разрушенной стены, прикрывшей доступ на плато мыса. Жители поселка Пычки передавали ему о наличии вырубленных пещер в обрывах Бурун-кая. (Записная книжка П. П. Бабенчикова).

Рис. 3. Качи-Кальон, Церковь Св. Софии, 1933 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

Рис. 4. Качи-Кальон, средневековое кладбище перед 4-м гротом, 1933 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

Рис. 5. Качи-Кальон, остатки оборонительной стены. Зачистки Н. И. Репникова, 1933 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

Дополнения

Бурун-кая (с. Баштановка (быв. Пычки), Верхореченское с/п).

Укрепление находится на запад от села Баштановка (быв. Пычки), на вершине большого утеса, который круто обрывается вниз с трех сторон. В 1968 году археологические исследования на территории плато Бурун-кая были проведены разведочным отрядом Крымского института археологии АН УССР под руководством И. А. Баранова. Утес перегорожен двумя поясами оборонительных стен. Стены сложены из крупных глыб известняка насухо. Пространство между оборонительными стенами было застроено жилыми и хозяйственными постройками. Шурф, заложенный с внутренней части восточной оборонительной стены, дал амфоры V–VI вв. и лепную керамику. Укрепление датируется V–VII вв. (Баранов 1968).

4. К западу от поселения Пычки, на левом берегу р. Качи при прокладке в 1919 г. узкоколейной ж. д. на Бешуй по рассказам жителей нашли у устья Алимовой балки «камни с надписями». Сообщение П. П. Бабенчикова в 1938 г., со слов председельсовета Пычков).

5. В наверхы Алимовой балки, называвшейся ранее Качи-дже, лежит большой камень, исписанный тамгами, возле самой прекрасно сохранившейся вьючной тропы из долины Качи на Сююр-Таш и на Сюйрень. (Осмотр П. П. Бабенчикова 1938 г.).

Дополнения:

Таврское убежище (с. Баштановка (быв. Пычки), Верхореченское с/п).

Памятник находится в 1,2 км на юго-запад от с. Баштановка, на левом берегу р. Кача. Датируется VI–IV вв. до н. э. В 1955–1956 гг. на территории убежища проведены разведки сотрудником Крымского филиала Института археологии АН УССР А. А. Щепинским. Убежище расположено на скальном мысу, размеры 75×100 м. Культурный слой незначительный (Лобода, Дьяченко 1976а).

Могильник из каменных ящиков (с. Баштановка (быв. Пычки), Верхореченское с/п).

В 1,5 км к юго-западу от с. Баштановка находится таврский могильник, относящийся к раннему железному веку и датируемый VI–IV вв. до н. э. В 1955–1956 гг. А. А. Щепинский раскопал восемь каменных ящиков. В них кроме костей были найдены бронзовые булавки, проколки, оселки и др. Коллекция находок хранится в Бахчисарайском музее-заповеднике (Лобода, Дьяченко 1976).

Алимовский навес⁹ (с. Баштановка (быв. Пычки), Верхореченское с/п).

Находится в 1 км к юго-западу от с. Баштановка. В августе 1952 г. И. И. Громовым в Алимовой балке была открыта стоянка эпохи неолита — Алимовский навес. В 1952 г. памятник исследовался А. А. Формозовым, в 1955–1956 гг. — А. Д. Столяром. Материалы из раскопок 1952 г. хранятся в Бахчисарайском музее, а за 1955–1956 гг. в Государственном Эрмитаже (Хоменко, Токарева 1974).

⁹ В краеведческой литературе также встречается название Алимов навес (Герцен, Махнёва-Чернец 2004: 110).

6. К с-з от быв. мечети за поселением, выше дороги, высокая площадка. При земляных работах на ней наталкивались на «древние» погребения (Сообщение П. П. Бабенчикова, 1938 г.).

7. Южнее поселения в откосах дороги в Керменчики у источника Бурун-Кая («Мыс Скала»), при выемках глины обнаружен могильник. В срезах земли видны человеческие кости, намечаются обрезы могил. Могильник, по-видимому, очень большой, порос лесом. (Осмотр П. П. Бабенчикова в 1938 г.).

8. Южнее поселения, на повороте дороги с шоссе в горы, в откосе холма, при земляных работах был обнаружен земляной склеп с дромосом, заклад плита. (Сообщено С. И. Забниным в 1928 г.).

Дополнения:

Баштановский могильник (с. Баштановка (быв. Пычки), Верхореченское с/п).

Могильник был открыт в 1935 г. Д. А. Крайновым. В 1947–1948 гг. П. П. Бабенчиков зачистил три склепа, ограбленных в древности, а в 1955 г. еще два склепа были изучены Н. А. Богдановой. Могильник датируется VI–VIII вв. Этническая принадлежность погребенных остается спорной. Площадь могильника составляет около 2 га. Склепы с дромосами использовались многократно, как правило, представителями одной семьи. Погребальный инвентарь включает керамические изделия, изделия из стекла, из металла (височные кольца, браслеты, фибулы, поясные наборы и др.), из кости, оружие, орудия труда, предметы культа. Материалы из погребений хранятся в Бахчисарайском музее-заповеднике. По характеру погребальных сооружений и погребального инвентаря могильник относится к типу Суук-Су (Крайнов 1960: 7; Якобсон 1970: 14; Столяр 1955).

Стоянка Кая-Арасы (с. Машино (быв. Татаркой), Верхореченское с/п).

Стоянка эпохи позднего неолита (IV тыс. до н. э.) — раннего энеолита (первая половина III тыс. до н. э.) была открыта в 1955 г. А. А. Формозовым. Она расположена в 2,5 км к северо-западу от с. Машино (быв. Татаркой), на левом склоне балки Кая-Арасы, неподалеку от грунтовой дороги Машино — Бахчисарай. В 1956 г. стоянка была исследована отрядом во главе с А. А. Щепинским, в ходе этих работ было изучено 26 кв. м площади стоянки. Была выявлена стратиграфия памятника, уточнена планировка, собрана богатая коллекция кремневых орудий, керамики и костей животных. Коллекция находок и отчеты об исследованиях 1956 г. хранятся в Бахчисарайском музее-заповеднике. Археологические работы проводились под общим руководством А. А. Формозова, который параллельно занимался изучением стоянки Староселье. Стоянка Кая-Арасы — первый в Крыму памятник эпохи неолита и энеолита, находящийся за пределами яйлы. Прослежена более четкая, чем на стоянках яйлы, стратиграфия неолитического поселения. Получены данные о занятиях населения IV — начала III тыс. до н. э. Материалы стоянки Кая-Арасы были частично изданы в А. А. Формозовым (Формозов 1962). В 2012 г. С. А. Телиженко и А. П. Весельский продолжили исследование памятника (Формозов 1962: 89–149; Щепинский 1968: 121–133; Телиженко, Весельский 2014: 178–190).

Кыз-Кермен (с. Машино (быв. Татаркой), Верхореченское с/п).

Городище Кыз-Кермен относится к группе «пещерных городов», хотя пещерным его можно назвать лишь условно: на памятнике известно только три пещеры. Кыз-Кермен находится в 7 км на юго-восток от Бахчисарая, неподалеку

от с. Машино (бывшая д. Татаркой) на скалистом обрывистом мысу, вытянутом с севера на юг, общая площадь которого около 70 га (рис. 6). В 1961–1962 гг. на городище проводились археологические исследования под руководством А. Л. Якобсона. В ходе этих работ было изучено несколько жилых построек и тарапаны, одновременные поселению. На основе керамического материала Анатолий Леопольдович датировал время существования поселения VIII–IX вв. Все материалы хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника. В 1980–1990-е гг. исследованиями Кыз-Кермена руководил А. В. Белый. Пожалуй, наибольший интерес из исследованных объектов на городище представляет собой крепостная стена. Она построена в самом узком месте мыса и пересекает его с востока на запад. Ее длина около 130 м. Крепостная стена сложена из обработанных известняковых блоков без признаков связующего раствора. С тыльной стороны двухпанцирная кладка стены усилена мощным каменным валом, позволяющим ей противостоять действию тарана. На рубеже VIII–IX вв., вероятно, из-за землетрясения произошло обрушение кладки стены, что повлекло за собой ее реконструкцию. В ходе реконструкции в забутовке между панцирями стены было совершено ритуальное захоронение ребенка 9–12 лет. В погребении найден сероглиняный горшок с удлиненным сливом. Жилая территория крепости включает семь усадебных комплексов и незастроенную территорию, где могло укрыться в случае опасности население округи. Предположительно, число постоянного населения городища было около 100 человек. Крепостная стена построена на месте более ранней IV–III вв. до н. э., от которой уцелел небольшой участок лицевого панциря, сложенного насухо из тесаного камня. В I в. до н. э. — I в. н. э. на Кыз-Кермене возникает позднескифское укрепление. Восстанавливается оборонительная стена, от которой сохранились остатки башни. Синхронное этому укреплению поселение располагалось на плато севернее городища (Белый, Назаров 1992: 132–142; Белый 1993: 49–58; 2001: 189–228; Белый и др. 1999; Якобсон 1970: 14, 103–110, 152–154).

Рис. 6. Кыз-Кермен, общий вид. Фото Н. А. Абрамовой

V. Шурю

1. В поселении в новой ограде находятся руины храма, окруженные надгробными памятниками. Храм одноапсидный, вытянутой в плане формы из сборных тесаных камней на два ската, по деревянным балкам, лежащих на фронтонах стены. Вход Пол.....

Освещался он узкими окнами в виде бойниц. Алтарь в древности отделялся деревянным иконостасом. В восточной стене ниша апсиды с окном, рис. 173. Впереди нее престол, сохранилась гранная колонка, поддерживающая престольную доску. В северной стене алтаря стрельчатая ниша — «жертвенник». На камнях наружных и внутренних стен храма многочисленные graffiti и надписи. На южной наружной стене, на большом тщательно сглаженном «зубаткой» блоке — под карнизом — 4 строчная надпись: «Возобновлен храм божий архангелов Михаила и Гавриила лета 7102 месяца Апреля» (1594 г.). (Латышев 1896: 64, 128 (№ 57); Латышев 1897: 155).

Рядом с приведенным текстом на камне имеется перечеркнутая в древности надпись, ускользнувшая от внимания издателя. Возобновленный храм упоминается в сношениях Москвы с Крымом, — он состоял как бы под «опекой» посольского приказа (срав. Струков 1876; Рус. Вестник 1876 кн. IX, стр. 127 грамота Бориса Годунова; А. Л. Бертье-Делагард подробно о «ружных» церквях в Крыму (см. Бертье-Делагард. 1910: 56–59). Время постройки первоначального здания неизвестно. А. И. Маркевич предполагает, что первоначальный храм существовал уже в 1328 году. (Маркевич 1899: 104–105), базируясь на том, что в основании кладки южной стены имеется часть надгробия с крестом и надписью рис. 175. «Почила раба божия Калана месяца августа 25 лета 6836» (1328 г.). (Латышев 1896: 65, 128. № 58). Данная аргументация мало убедительна. Фрагмент надгробия использован как строительный материал, мог быть взят с любого места. Нет оснований полагать, что его взяли именно с окружающего восстанавливаемый храм кладбища. Надгробия последнего более поздних чем XIV в. форм, имеют дату XVII в. На южной внутренней стене храма, довольно большая запись, выполненная в разное время, разными почерками. Это своеобразные «на память» посетителей XV и начала XVIII (Латышев 1896: 64. № 59; 1897: 155, 156. № 59; 1901: 76. № 59; также Латышев 1910: 1–2. № 1–5).

Вокруг руин храма много надгробий, — встречаются очень большие и весьма интересные по внешнему виду. На боковых сторонах их имеются рельефные изображения топора и пастушеского посоха. В. В. Латышев, издал 8 надписей этого кладбища: с именем Афети 7130 (1622 г.) (Латышев 1896: 66, 289. № 60) и 7 надгробий с датами 1630, 1668 и 1735 (Латышев 1910: 2–4. № 6–12).

Дополнения:

Средневековое кладбище (с. Кудрино (быв. Шурю), Верхореченское с/п).

В 1954 г. повторное описание комплекса (кладбище и церковь, рис. 7–10) было сделано Горным отрядом археологической экспедиции КФ АН УССР и Бахчисарайского Музея пещерных городов. Кладбище продолжало оставаться действующим до конца 1990-х гг. Из-за этого многие средневековые надгробия были утеряны (Веймарн 1954; сообщение зрителя кладбища Дмитрия Белко).

Рис. 7. Церковь Св. Архангела Михаила и Гавриила в с. Шюрю (Кудрино). 1913 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

Рис. 8. Кладбище в с. Шюрю (Кудрино) с видом на Тепе-Кермен. 1913 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

Рис. 9. Средневековое кладбище в с. Шурю (Кудрино). 1913 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

Рис. 10. Вид на церковь и кладбище в с. Кудрино. Современный вид. Фото Н. А. Абрамовой

2. В клм. от поселения к югу в урочище Ай-Констант развалины храма. Среди тесаных камней встречены украшенные красивыми узорами (См. Маркевич 1899: 105, с 4 рис. орнаментов на камнях). Вокруг развалин очень интересные надгробные однорогие памятники. М. И. Скубетов в 1916 г. насчитывал здесь до 40 памятников В. В. Латышев издал две найденные здесь надгробные надписи; 1. На однорогом уступчатом памятнике с большими розетками и нишей: «Алексея, сына Белай (?), лета 6900 (1392 г.) и 2. на фрагменте ранней стелы не поддающейся чтению с именем Димитрия (Латышев 1918: 34–35).

3. К северу от поселения, вблизи Тепе-Кермена, против фонтана на земле быв. Кефели, следы развалин храма и кладбища с надгробными плитами (Маркевич 1899: 105). По-видимому, об этом кладбище говорил П. И. Кёппен, отмечая его на проезде мимо балки Сар-бей, «греческое кладбище, как можно заключить по большим каменным плитам» (Кёппен 1837: 302).

VI. Бия-Сала (Белая деревня).

1. В поселении упраздненный храм Иоанна Предтечи, восстановленный в 1848 г. из развалин. П. И. Кёппен видел его до ремонта и дал схематический план здания с пятигранной апсидой. Внутри храма он видел остатки фресковых росписей, а над входом с внутренней стороны, невзирая на то, что свод обвалился, надпись, которую списал и которой дал посильный перевод (Кёппен 1837: 16, 40–42). При ремонте надпись утрачена. В. В. Латышев, повторив копию, переводит ее так: «Воздвигнут от оснований и расписан всечестный и божественный храм честного и славного пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна рукою моею, смиренного Константия, архиерея и предстоятеля Готфии, старанием, помощью и иждевением господина Бината сына Темирке, в память его и родителей его, лета семь тысяч девяносто шестого в месяце ноябре». (1587) (Латышев 1896: 67–69. № 62; 1897: 156; Латышев 1898: 230–231). Вокруг храма были надгробные памятники (Кёппен 1837: 22–23. прим. 32 и 36).

Дополнения:

Средневековая церковь (с. Верхоречье (быв. Бия-Сала), Верхореческое с/п).

Церковь (апсида) с кладбищем располагаются на северо-западной окраине села (рис. 11). Предполагается, что первоначальное здание церкви и первая роспись ее алтаря относятся к концу XIV — началу XV в. Первое упоминание о церкви Иоанна Предтечи было в грамоте царя Бориса Годунова в 1598 г. В ней перечислялись церкви юго-западного Крыма, которым жаловалось денежное вспоможение, среди них была и церковь Иоанна Предтечи. Фреска этого храма с сюжетом «Поклонение жертве» является уникальной для Крыма и Северного Причерноморья. В 1966 г. стены церкви были разобраны на строительный материал, осталась только апсида храма с фреской, которая была снята и перенесена на гипсовый каркас для хранения в запасниках ИА АН УССР. В 2001 г. каркас с фреской был передан на хранение в Бахчисарайский музей-заповедник, но до этого была утрачена значительная часть фрески. Сейчас она требует срочной реставрации. Кладбище при приходской церкви возникает, вероятно, синхронно с ней. В наше время кладбище продолжает функционировать (Бертье-Делагард 1899: 9; Домбровский 1966: 51–55; 1976: 71–79; Бертье-Делагард 1910: 57–58; Маркевич 1899: 104; Веймарн 1954; Неживой 2001).

Рис. 11. Апсида церкви Иоанна Предтечи в с. Верхоречье. Фото Н. А. Абрамовой

2. К востоку от поселения, на бугре следы развалин храма с надгробными памятниками вокруг и по всему склону. (Красочное описание у Е. А. Маркова (Марков 1911: 444–445). А. Л. Бертъе-Делагард видел здесь интересную стелу, «с высеченными на ней тремя крестами, под восточным узором в виде арки луковицей». Под крестами две строки очень мелких греческих букв не разобранных, а внизу отчетливая дата 6871 (1363) (Латышев 1897: 156). Узоры крестов этой стелы «в армяно-восточном вкусе» (Бертъе-Делагард 1899: 3–10). В 1884 г. с этого кладбища на выставку на VI арх. съезд в Одессу доставлено было несколько «деформированных» черепов. На них сохранились еще остатки кожи, волос, тканей, а также металлические украшения, именно: бронзовые сережки и большие бронзовые булавки с цепочками, состоящими из колечек и различных (круглых и продолговатых) блях».

Д. Н. Анучин не считает черепа деформированными в полном объеме, типа ранних. Они подвергались лишь кольцевой перевязки, с ясно выраженным уплощением затылка, вытянувшим «непосредственно от долгого ношения младенца в колыбели, к которой (т. е. доске), может быть привязывалась голова с помощью бинтов». Почти все выставленные черепа, судя по их типу и украшениям, были женские, по своей первоначальной форме (не деформированной) они были субдоликефальные или ортокефальные, с довольно большим тонким носом и большими глазницами. Волоса их (судя по остаткам из двух-трех) были черными». Д. Н. Анучин датировал их XVI–XVII веками (Анучин 1887: 29–30).

После съезда В. М. Сизов произвел рекогносцировочные раскопки на кладбище, вскрыв два погребения: могила 1. Надгробие двускатной крыши. Могила на глубине свыше 1 метра сложена из каменных плит. Костяк головой на З; руки скрещены на груди. «Заметны остатки тканей» одежды. На пальце правой руки медный перстень с сердоликом. Могила 2. Надгробие, прямоугольная

плита с рельефным изображением в виде «гребня». Положение погребенного такое же, как и в могиле, номер 1. «Одежда из шелка, с вышитыми из узорного позумента крестами, хорошо сохранились. У нижней челюсти сохранилась борода, черного цвета, мелкими кудрями. У правого плеча связка стеблей напоминает о букете цветов». Исследователь датирует вскрытое им погребение «быть может, незадолго от переселения греков из этих мест», то есть 1778 год (Сизов 1885: 97–98; Анучин 1885: 93).

Дополнения:

Средневековое кладбище (с. Верхоречье (быв. Бия-Сала) Верхореченское с/п).

Кладбище (Канджанка) расположено на северо-восточной окраине села (рис. 12–14). О. И. Домбровский считал, что это кладбище нужно датировать IX–XV вв. (Домбровский 1976: 71–79; Веймарн 1954).

3. На соседней с описанным кладбищем горе, по словам А. И. Маркевича, «развалины другой греческой церкви» (Маркевич 1899: 104).

4. В округе поселения в урочище «Монастырёк» Т. Ф. Гелах 1926 году на ровной площадке, где «нет никаких наружных признаков постройки» обнаружил в земле фрагменты штукатурки (Дело ГАИМК, 1926, № 196¹⁰).

Рис. 12. Средневековое кладбище в с. Бия-Сала (Верхоречье). 1913 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

¹⁰ РО НА ИИМК РАН Ф. 2. 1926. № 217.

Рис. 13. Средневековое кладбище в с. Бия-Сала (Верхоречье), северная сторона. 1913 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

Рис. 14. Средневековое кладбище в с. Верхоречье. Общий вид. Фото Н. А. Абрамовой

Дополнения:

Раннесредневековый могильник (с. Верхоречье (быв. Бия-Сала), Верхореченское с/п).

На правом берегу р. Кача, в 1 км к западу от села по обе стороны от шоссе Бахчисарай — Синапное, расположен раннесредневековый могильник VIII–IX вв. Общая площадь его около 3 га. В 1947 г. при подрезке шоссе Я. А. Дубинским было обнаружено несколько грунтовых склепов, ограбленных в древности. Остатки погребального инвентаря были датированы VI–VII вв. В 1998 г. И. И. Неневолей и А. А. Волошиновым был раскопан склеп, ограбленный в древности. В нем были найдены останки не менее пяти человек. По инвентарю это погребение было датировано второй половиной VIII — первой половиной IX вв. В позднейшее время в южной части могильника был построен христианский храм и возник плитовый могильник при нем. С 1990-х гг. могильник подвержен несанкционированным раскопкам (Волошинов 2005: 252–257; Якобсон 1970: 14).

Верховье р. Качи и ее притоки

I. Мачи-Сала ().

1. В лесу, на земле бывшего приюта имени Фабра — развалины храма (Маркевич 1899: 104).

2. По дороге из Бия-Сала в Улу-Сала в половине расстояния, между этими поселениями в лесу, высоко старое христианское кладбище (Записная книжка П. П. Бабенчикова).

II. Улу-Сала (Большая деревня).

1. Вблизи поселения, влево от дороги в Коуш гора Чингинелик (), на ней в урочище Чингине-малины (Цыганская слободка), два кладбища: нижнее — татарское, а выше — христианское, называемое Урум-мезарлык (греческое кладбище). Это место зовут теперь Бастан-Тепе, с развалинами храма. Сохранились фундаменты, размерами 9,6 на 3,25 м с полукруглой апсидой. Вокруг свыше 200 хорошо сохранившихся памятников разнообразных форм, одни в виде гробов, другие — в виде однорогих прямоугольных плит, некоторые ступенчатые, с изображением разных эмблем (молоток, наковальня, двухлезвенный топор, пастушеский посох и др.). На лицевой стороне одной плиты высечена розетка, а над нею наковальня и молоток; в передней части плиты вырублена ниша, справа от нее — четырехконечный крест, а слева — квадратное углубление, быть может для надписи. На одной из плит, на передней ее части надпись: «Упокоился раб божий Фёдор чтец. Лета 7065» (1577) (Латышев 1918: 37–38.). О развалинах и надгробиях этого кладбища говорил П. П. Кёппен (Кёппен 1837: 19, 23–24. с 3 рис).

Дополнения:

Средневековое кладбище «Урум-Мезарлык» (с. Синапное (бывш. Улу-Сала, Зеленое), Верхореченское с/п).

Село Улу-Сала до 1778 г. было населено греками, оставившими после себя значительное по площади и количеству погребений кладбище. В 1954 г. на его территории работали сотрудники Горного отряда археологической экспедиции КФ АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея под руководством Е. В. Веймарна, которые произвели незначительные зачистки апсиды

церкви. Эти материалы хранятся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника. Часть кладбища была разрушена при строительстве в 1975–1976 гг. шоссейной дороги в с. Шелковичное (ныне не существует) (Веймарн 1954).

2. В лесу близ поселения, по словам А. И. Маркевича, имеются «остатки трех храмов с кладбищами при них». (Картотека Маркевича к «археологической карте Крыма». Архив ИИМК).

3. Около поселения А. Л. Бертъе-Делагард в 1895 году «близ едва приметных развалин церкви, на кладбище, видел плиту с остатками креста и букв» (Латышев 1897: 156).

4. В поселении в 1901 году при обработке огорода найден клад из 742 серебряных монет преимущественно крымских ханов (преобладали Менгли-Гирея), в числе их генуэзско-татарские города Кафы и турецкие. (ОАК за 1901 1903: 134–135¹¹).

III Коуш

IV Стиля

1. При въезде в поселение развалины церкви Преображения с большим кладбищем, от которого в садах сохранился ряд надгробий. Над входом в церковь П. И. Кёппен видел надпись с именем иеромонаха Гервасия из Сумелийского монастыря около Трапезунда, путешествовавшего в 1754, 176., 1765 гг. (Кёппен 1837: 16; Латышев 1896: 37). В 1896 г. Ю. А. Кулаковский, осмотревший руины, отметив их большое разрушение, установил, что плита с надписью вывезена в один из дворов поселения. Помимо надписи с именем Гервасия на плите обнаружена и другая, неподдающаяся чтению греческая надпись, равно монограмма (Латышев 1896: 123–124). В 1898 году А. Л. Бертъе-Делагард снял фотографию с части плиты с надписью (Латышев 1898: 227–228), поставив вопрос о переводе плиты в музей ТУАК, куда она и поступила. По поводу личности Гервасия см. Крымский сборник (Кёппен 1837: 16–17; Латышев 1896: 36–37; 1898: 226–227; Спиридонов 1928: 99–102).

2. При впадении р. Хуры к ю-в от Коуша на возвышенности Кермен-Кая (Крепостная скала) сохранились основания стен укрепления и двух круглых башен, сложенных на извести. На южном склоне вне укрепления древние могилы (Кёппен 1837: 297–299 с планом).

3. У места впадения речки Марта-Су на возвышенной площадке километрах в 8–9 от Бешуи, Г. Э. Караулов видел группу из 11 каменных ящиков (Караулов 1872: 100).

4. По словам Е. А. Маркова в глухих лесных дебрях по реке Марта-Су есть кладбище с надгробиями (типа «биясальских») сильно вросшими в землю. Среди лесных зарослей здесь «встречаются целые сады груш и других плодовых деревьев» (Марков 1911: 447–448).

5. В верховьях реки Марта-Су, на трехверстной карте имеется отметка «др. рис. монастыря» (ряд XXXIV, лист 13).

6. Г. Э. Караулов видел группы из 9 каменных ящиков «в густом лесу недалеко от долины, где течет река Кача». Указания не дает возможности локализовать местоположение группы: «Памятники расположены на площадке довольно высокой и труднодоступной горы». Здесь раскопаны Г. Э. Карауловым 2 каменных ящика, с сохранившимися плитами покрытия, и 2 без них. Весьма странно, что костей, равно предметов украшения им не найдено (Караулов 1872: 99–100).

¹¹ НА РО ИИМК РАН Ф. 1. 1901. Д. 83.

Дополнения:

Могильник из каменных ящиков (с. Лесниково (быв. Стиля), Верхореченское с/п).

Группа из двух таврских ящиков располагается на месте ныне несуществующего с. Лесниково (быв. д. Стиля), датируются они VI–V вв. до н. э. Могильник открыт в 1954 г. разведочными работами Горного отряда КФ АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея, проводившимися под руководством Е. В. Веймарна. В 1979 г. памятник был осмотрен и исследован А. В. Белым (Белый 1994: 5–8; Веймарн 1954).

Тепе-Кермен — (Холм крепости).

Одинокая гора, 535 м над уровнем моря, рис. 209. Плато лежит на уровне 225 м над дном окружающих долин, сбегает в них мергелистыми осыпями. Подъем на городище с с-в. стороны, там, где и ныне проходят тропы на него, рис. 210. Восточный и южный склоны безлесны, прочие поросли им. Обрывы плато по местам раздолблены пещерами. Последние идут поясами и группами по бровке скалы и ее подножью, имеются они сравнительно в небольшом количестве и на самом плато, равно по ходу подъема и в отдельных оторвавшихся камнях. Расположение пещер поясами и группами, вызвало в прошлом ошибочное суждение об «этажах» и «огромном количестве» этих сооружений, постепенно превратившихся в книгах в десятки тысяч. Ф. Дюбуа де Монпере уподоблял Тепе-Кермен «голубятне», насчитывал в одном лишь южном обрыве его — 10 ярусов пещер (Dubois, т. VI, стр. 305). Г. Э. Караулов определял число их до 15 ярусов (Караулов 1872: 63). С легкой руки М. А. Сосногоровой, повысившей число ярусов до 18 (Сосногорова 1889, стр.), это указание прочно укоренилось в популярной литературе. Если П. И. Сумароков и В. Х. Кондараки насчитывали на Т-К до 150 пещер (Сумароков 1805: ч. II, 42; Кондараки 1875: ч. 1, 67), то Г. Э. Караулов превратил их в «бесчисленное множество» (указ соч.: 61 и 66), переросшее в итоге, не без участия баснословий проводников в десятки тысяч (Безчинский 1902: 128; Семёнов-Тян-Шанский 1910: 705). Детальный повторный подсчет и описание пещерных сооружений, осуществленное Крымским ОЕЛП в 1912 г., установило, что число их не превышает 250 (Боровко 1913: 10). По своим формам, технике, и назначению пещеры Т-К тождественны с таковыми же в прочих пещерных городах. В подавляющем большинстве это стояла для скота и подсобные хозяйственные сооружения. Жилье большая редкость. (Достаточно подробное описание, кроки планов и рис. даны Н. А. Боровко (Боровко 1913: 11–16, 29–37, 40–42 и 53–72). Что касается пещерных сооружений на территории самого плато, то таковые являлись погребями и подвалами бывших здесь построек.

I. Плато.

1. На поверхности приметны следы кладок стен зданий полузасыпанными подвальными помещениями под ними, вырубленными в скале. П. И. Кёппен отметил здесь «следы построек, а в одном месте сложенные четвероугольником, (Кёппен 1837: 353) как бы для стен, огромные камни, иные длиной почти до сажени» (Кёппен 1837: 303) К. Э. Караулов и М. А. Сосногорова/Славич указывали, что на высшей точке плато имеются развалины большого храма «окруженные многочисленными строениями», при этом отмечая наличие «прочих кладок» из «тесанных камней» (Сосногорова 1889: 133–134).

2. На ю.-з. оконечности плато, заканчивающейся площадкой, много круглых углублений. С площадки под обрыв вырублен сход, шириной до 1,40 м приводящий в пещеру. Вход выработан дверным проемом с пазами и косяками для деревянной коробки, лесенкой в несколько ступеней приводит в пещеру.

Слева над входом прорублено малое круглое окно, а на притолках двери вырублены две коротких сильно выветрившихся еврейских надписи (Боровко 1913: рис. 25). П. К. Коконцев читает одну из них «Мардохай сын Буты», относя «в палеографическом отношении, хотя и с большой осторожностью и гадательно» к VII–IX в. (Там же, стр. 73). А. Я. Гидалевич соглашаясь с чтением «Мардохей бен Бута» видит на правом косяке дату 5288 год по еврейскому летоисчислению, т. е. 1528 г. (Гидалевич 19142: 204–205). Д. Магид, соглашаясь с чтением имени в целеустремлении доказать принадлежность Тепе-Керменских еврейских надписей «эллинизированным иудеям-христианам» якобы проникшим «в Крым в I в. н. э.» — отказывается видеть дату в надписи на дверном косяке (К надписям в Тепе-Кермене, там же 1914, вып. 3–4, стр. 491).

3. На левой стороне плато, недалеко от подъема на него с с-в, под навесом скалы 4 вырубных гробницы. Здесь же, по-видимому, усыпальница.

4. На площадке южного крутого уступа скалы, вырубные гробницы.

5. В 1913 году на плато С. И. Забным найдена верхняя часть надгробия с шестистрочной греческой надписью, читаемую В. В. Латышевым так: «Моление раба Божия Николая мо(наха)... написано месяца Марта 14-го, лета 30, дня 5-го» (Латышев 1918: 44–46).

6. В 1896 г. Ю. А. Кулаковский видел в пещерном храме обломок камня «очевидно как-то туда принесенный» с четырехстрочной надписью «Почил раб Божий Никола месяца Октября 15-го». (Латышев 1896: 128).

II Обрывы плато.

1. На северо-востоке обрыва плато пещерный храм, трапециевидной в плане формы, рис. 211. Это один из наиболее популярных памятников в литературе этого рода, неоднократно неточно изображавшейся. (Сумароков 1805: табл. 4, 4; Кёппен 1837: 303; атлас III таблица V, — фиг 1 и 2, списано т. VI, стр. 312–313; табл. 51 невышедшей в свет части атласа труда А. С. Уварова; Филимонов 1859: табл. VIII, 43), автор относит иконостас данного храма к древнейшему периоду к IV в. христианства; (Караулов 1872: табл. 2, 18–69; Струков 1876: 32–33; Попов 1888: рис. 25 и 26; Боровко 1913: 18–22, 49–51).

Храм имел два входа (один разрушен), дверные проемы с пазами для деревянных коробок. С порога лесенки в 2 ступеньки вели внутрь пещеры. Последняя тщательно выбрана в толще скалы. Потолок слегка покатый к задней стене. Алтарь представляет отгороженное преградой, высеченной в целом камне, квадратное помещение, рис. 212. В него ведут 2 входа — «царские врата» и боковой проход в с-в стене. Плиты преграды по сторонам «царских врат» с лицевой стороны украшены большими рельефными крестами, рис. 213. На преграду опиралось 6 слегка округленных столбов, увенчанных капителями, из которых уцелело лишь 3. Жертвенник помещался в нише стены к северу от окна, освещавшего алтарь. Справа от жертвенника на стене П. В. Никольский видел следы фресковой росписи — изображение Христа (Никольский 1927: 78). В ю-в углу алтаря в основании стены завалинка — сидение. У южной стены пещерного храма впритык со стеной была вырублена крещальня. Квадратный ящик ее, возвышающийся над уровнем пола, вырублен

в целом камне. Внутри он крестообразной формы, рис. 214. Вдоль основания стен храма, вырублен неширокий выступ — скамья. На северном конце завалинки задней стены 2 вырубных гробницы с заплечиками. Над крайней к северу из них на стене вырезана 8-ми строчная греческая надпись, буквы затерты красной краской. В. В. Латышев читает ее так: «Выкопана могила сия по собственному моему желанию, мною Полит... ом. Расширение (сделано) от раба Божия, благочестивейшего Мануила» (См. протоколы 256, заседания Одес. Общ. 17.12.1890; Латышев 1896: № 51, 60–61, 127–128). В. В. Латышев по палеографическим признакам относит время надписи к IX–X вв. Столь ранняя датировка по общему характеру пещерного храма, нам представляется невероятной). Над южным концом той же скамьи вырублена большая ниша (быть может, гробница). Аналогичная ниша в северной стене, и меньшая в южной. На последней вырезана монограмма Θεος¹² (Латышев 1896: № 52, 61). По сторонам алтаря в наружной стене прорублено по окну, а в полу пещерного храма 3 вырубных гробницы с заплечиками. На скалистой площадке перед храмом несколько полусасыпанных землей вырубных гробниц, а ниже в обрыве усыпальница заполненная костями. В ближайшем соседстве с описанным комплексом 8 небольших пещер хозяйственного назначения. В некоторых из них завалинки, «ясли» и углубления в полу.

2. На с-з обрыве плато, недалеко от подъема на него с севера пещерный храм. Помещение его вырублено в камне весьма тщательно. Дверь в северной стене имеет на косяках пазы, определяющие наличие деревянной дверной коробки. С внутренней стороны входа в стене, на высоте 0,009 м от пола по небольшому гнезду-нише (??). Слева от входа на стене вырезаны два concentрических круга, внутри последних расположены крестообразно четыре спицы. В нижней половине круга 4 буквы еврейского алфавита (см. Боровко 1913: рис. 20). А. Я. Гидалевич читал эту надпись «Бахши», отмечал наличие крымчакской фамилии Бакши (Гидалевич 1914: 2. 204). Большие несообразности по поводу данной надписи высказал Д. Магид, отнесший ее к «римскому периоду» I в. н. э., усматривая в самом изображении, являющимся ничем иным, как игрой с циркулем — «древнехристианскую эмблему, изображающую рыб в круге» (см. К надписям в Тепе-Кермене. Еврейская старина, 1914, вып. 3–4, стр. 490). В основании западной стены в толще камня вырублена завалинка-скамья. В полу 2 вырубных гробницы с заплечиками. Алтарное полукружие отделялось от храма, деревянной переборкой иконостаса, пазы для которого вырублены в камне стены. Апсида на чистый восток. В полу ее квадратное углубление — основание для престола. В правом углу на стене алтаря вырезана четырехстрочная, сильно попорченная греческая надпись (Боровко 1913: рис. 19).

В западном конце южной стены вырублена глубокая ниша с аркосолием. На дне ниши вырубная гробница с заплечиками. В восточном конце той же южной стены, прорублена дверь с аркой в смежную пещеру, последняя почти квадратной в плане формы со слегка округленными углами, старательно вырублена в толще скалы. Краткое описание и неверные планы этого пещерного храма даны А. Н. Поповым и Н. А. Боровко (Попов 1888: рис. 27 а и б; Боровко 1913: рис. 18, 22–24).

¹² По мнению канд. филол. наук А. И. Грищенко (МПГУ), эта монограмма (см. Латышев 1896: № 52, 61) означает «θεὸς ζῶν χριστός» — «Бог живой Христос».

3. На ю-з обрыва плато, выдающемся большим уступом, несколько пещер. Среди них крупная пещера неправильной формы, рис. 215. В последнюю ведут 3 входа, один из них на косяках имеет пазы для деревянной дверной коробки, два других — грубыми проломами. Внутри пещеры, возле среднего входа в изгибе стены, род завалинки-скамьи. Против этого входа в западной стене, на высоте 1 м от пола, вырублена ниша (быть может гробница). В этой же стене имеется нишеобразная выемка от пола до потолка размерами 1,75×1,40 м. Подобная же ниша, но меньших размеров, в противоположной наружной стене. Далее находится квадратное углубление (быть может, алтарь). В полу последнего круглое углубление диам. 0,35 м, при глубине 0,20 м. Н. А. Боровко писал по поводу этой пещеры весьма неопределенно, что ее «выделяющуюся своими размерами и выработкой из числа всех остальных некоторые принимают за пещерный храм. В таком назначении ее, нет ничего невозможного, но очень сомнительно, чтобы это была христианская церковь» (Боровко 1913: 28).

Дополнения:

«Пещерный город» Тепе-Кермен (рис. 15, 16) находится в 5 км на юго-восток от г. Бахчисарая, между с. Машино и с. Кудрино, Верхореченское с/п. В 1969–1972 гг. Государственным историческим музеем на территории городища Тепе-Кермен проводились первые археологические исследования и разведки под руководством Д. Л. Талиса. Согласно полученным данным, поселение на вершине Тепе-Кермена возникло в V–VI вв. (Талис 1969: 138). Время же строительства крепости на плато доподлинно неизвестно, потому что территория городища крайне слабо изучена. По ряду косвенных признаков можно предположить, что создание оборонительных сооружений происходит, как и на территории Эски-Кермена, во второй половине V — начале VI в. или конце VI — начале VII в. при непосредственном участии византийской администрации Херсона (Талис 1977: 98; Айбабин 1991: 45; Талис 1969: 131). Уже со второй половины VII в. на плато этого «пещерного города» располагалась резиденция архонта одного из климатов области Дори, то есть данная крепость была административным центром. После X в. крепость активно развивается, увеличивается число ее жителей. Вероятно, территория городища слабо изучена, но можно говорить о существовании плотной городской застройки. Здания были двухэтажными, но небольшими по метражу ввиду ограниченности территории крепости. Обнаруженные остатки кладки оборонительных стен и пещерные сооружения охранно-оборонительного характера схожи с подобными комплексами на Эски-Кермене и Мангупе и говорят об общих принципах в организации обороны и близком времени возникновения (Талис 1969: 131, 138). Судя по многочисленному керамическому материалу и толщине культурного слоя XII–XIV вв. в этот период крепость достигает наибольшего расцвета (Талис 1977: 103). В пределах Тепе-Кермена обнаружен мощный слой горения, который датируется по имеющемуся материалу XII–XIV вв. Исходя из этого, можно предположить, что Тепе-Кермен подвергся нападению и разграблению во время карательного похода Ногая 1299 г. Некоторые исследователи связывают гибель городища с этим событием, другие же с походом Тамерлана 1395 г. (Мыц 1991: 73; Герцен 2004: 101). Д. Л. Талис предположил, что Тепе-Кермен подвергся разрушению вследствие сильного землетрясения 1341 г., которое, возможно, и стало причиной того, что жители оставили крепость (Талис и др. 1973: 335). В 1980 г. В. Л. Мыцем был открыт раннесредневековый могильник, расположенный на северо-западном склоне

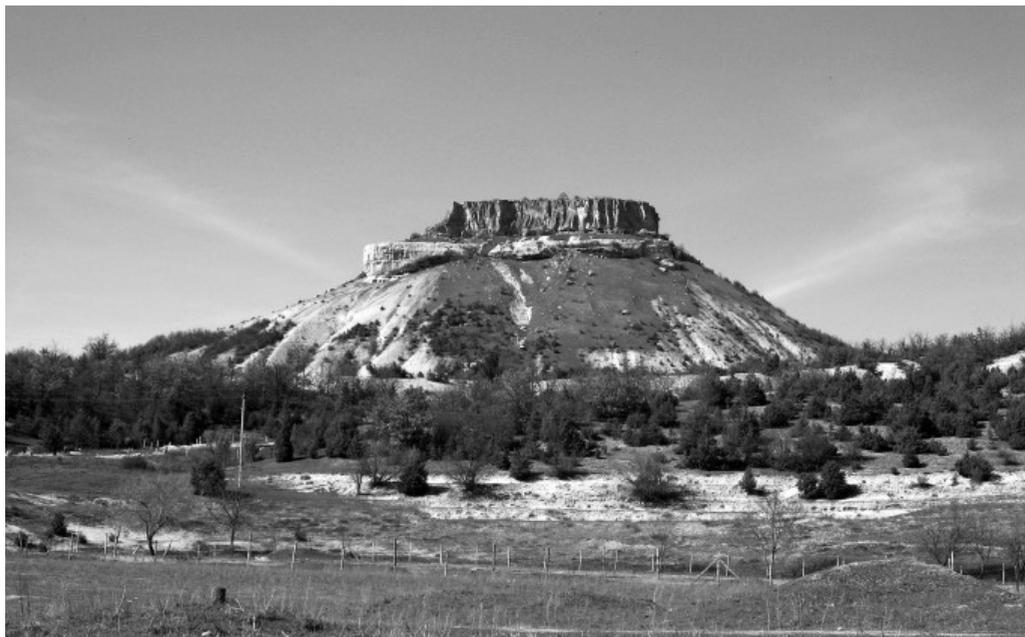

Рис. 15. Тепе-Кермен, вид с юга. Фото Н. А. Абрамовой

Рис. 16. Тепе-Кермен, церковь с баптистерием. 1913 г. Фото из Фотоархива ИИМК РАН

городища Тепе-Кермен. По аналогии с Эски-Керменским могильником он датирован VI–IX вв. Могильник подвергся разграблению в XVIII–XIX вв. и в 1997–1998 гг. В июле-августе 1999 г. на территории могильника под руководством В. А. Петровского были проведены охранно-археологические раскопки (Петровский 1999). В 2005 г. экспедицией КФ ИА НАНУ (руководитель В. Ю. Юрочкин) были возобновлены исследования на территории городища, открыто основание участка оборонительной стены, зачищено несколько пещерных помещений, раскопан ряд погребальных сооружений (Иванов 2010: 62).

Список литературы из рукописи Н. И. Репникова

- Анучин Д. Н. 1885. Замечания по поводу этого реферата // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества X, 93.
- Анучин Д. Н. 1887. О древних искусственно деформированных черепках, найденных в пределах России. М.: Русская типо-литография.
- Безчинский А. 1902. Путеводитель по Крыму. М.
- Бертье-Делагард А. Л. 1899. Керменчик (Крымская глушь). Одесса.
- Бертье-Делагард А. Л. 1910. К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие // ЗООИД XXVIII: 56–59.
- Боровко Н. А. 1913. Тепе-Кермен. Симферополь.
- Веймарн Е. В. 1935. Остатки древнего водопровода близ урочища Мустафа-бей в долине р. Качи // ИГАИМК 117, 77–80.
- Гелах Т. Ф. 1926. Раскопки в Крыму. Отчет (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926. Д. 217).
- Гидалевич А. Я. 1914. Пещерный город Тепе-Кермен и его древнее еврейское кладбище // Еврейская старина 7, 198–205.
- Гроздов А. 1898. Записка о восстановлении древних святых мест по горам Крымским // ИТУАК 5, 90.
- Караулов Г. Э. 1871. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД VIII, 39–108.
- Кёппен П. И. 1837. Крымский сборник о древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.
- Кондараки В. Х. 1875. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. СПб.
- Крайнов Д. А. 1937. Краткий отчет о работе Крымской экспедиции в 1937 г. (НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. 1937. Д. 211).
- Крайнов Д. А. 1938. Отчет о работе экспедиции по обследованию пещерной стоянки Замиль-Коба и Таш-Аир в Бахчисарайском районе, разведки по р. Бельбек и Каче (НА РО ИИМК РАН. Ф. 35. 1938. Д. 206).
- Латышев В. В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.
- Латышев В. В. 1897. Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД XX: 149–162.
- Латышев В. В. 1898. Заметки к христианским надписям из Крыма (Продолжение статьи XX тома) // ЗООИД XXI: 225–254.
- Латышев В. В. 1901. Заметки к христианским надписям из Крыма (Продолжение) // ЗООИД XXIII, 74–78.
- Латышев В. В. 1910. Новые надписи из деревни Шурю // ИТУАК 44: 1–5.
- Латышев В. В. 1918. Новые христианские надписи из Крыма // ИТУАК 54: 33–46.
- Маркевич А. И. 1899. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасу-базара // ИТУАК 29: 101–109.
- Марков Е. А. 1911. Очерки Крыма. СПб., М.: Т-во М. О. Вольф.
- Никольский П. В. 1927. Бахчисарай и его окрестности. Симферополь.
- О находках старинных монет в дер. Улу-Сала Ялтинского уезда Таврической губернии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Д. 83).

- О раскопках* профессора Ю. А. Кулаковского в Керчи, Анапе и Таврической губернии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 90).
- О раскопках* в Крыму профессора Ю. А. Кулаковского (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Д. 23).
Отчет ИАК за 1895. СПб., 1897.
Отчет ИАК за 1896. СПб., 1898.
Отчет ИАК за 1901. СПб., 1903.
- Попов А. К. 1888. Вторая учебная экскурсия Симферопольской гимназии. Симферополь.
- Протокол* заседания ТУАК 26-го апреля 1910 г. // ИТУАК 45, 107.
- Протокол* заседания ТУАК 21-го февраля 1911 г. // ИТУАК 47, 15.
- Протокол* заседания ТУАК 26-го февраля 1914 г. // ИТУАК 51, 306.
- Протокол* заседания ТУАК 8-го декабря 1916 г. // ИТУАК 56, 288 и 374.
- Путешествие* по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П. С. Палласа (перевод с немецкого. Первая половина) 1881 // ЗООИД XII, 62–210.
- Репников Н. И. 1935. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК 117, 102–114.
- Семёнов-Тян-Шанский В. П. 1910. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб.
- Сизов В. И. 1885. О раскопке кладбища в д. Бия-Сала, близ Бахчисарая // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества X, 96–98.
- Сосногорова М. А. 1889. Путеводитель по Крыму. М.
- Спиридонов Д. С. 1928. Заметки из истории эллинизма в Крыму. Гервасий Сумелийский // ИТОИАЭ 2(59), 93–102.
- Струков Д. М. 1876. Древние памятники христианства в Тавриде. М.: Университетская типография.
- Сумароков П. И. 1805. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб.
- Филимонов Г. Д. 1859. Вопрос о первоначальной форме иконостасов в русских церквях. М.

Список литературы, использованной в комментариях к тексту рукописи Н. И. Репникова

- Айбабин А. И. 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. МАИЭТ II, 43–1.
- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар.
- Айбабин А. И. 2012. Крымская Готия в конце VIII–XI веков // Айбабин А. И. (ред.). I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна, 5–6.
- Баранов И. А. 1968. Отчет об археологической разведке по Второй гряде Крымских гор на местах предположительных карьеров нумулитового известняка (Научный архив ИА Крыма РАН. Без шифра).
- Белый А. В. 1994. Таврский могильник в с. Лесниково // Могаричёв Ю. М. (ред.). Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 5–8.
- Белый А. В., Назаров В. В. 1992. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // Могаричев Ю. М. (ред.). Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь: Таврия, 132–142.
- Белый А. В. 1993. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // Могаричев Ю. М. (ред.). История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь: Таврия, 49–58.
- Белый А. В., Душевский В. П., Мажуко А. С. 1999. Девичья крепость. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Белый А. В. 2001. Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // Могаричев Ю. М., Храпунов И. Н. (ред.). Бахчисарайский историко-археологический сборник. № 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 189–228.

- Бертье-Делагард А. Л.* 1899. Керменчик (Крымская глушь). Одесса.
- Бертье-Делагард А. Л.* 1910. Мнимое тысячелетие, или к истории христианства в Крыму // ЗООИД XXVIII: 1–108.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 1934. Итоги изучения крымского палеолита // Труды Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы 5, 114–183.
- Веймарн Е. В.* 1954. Предварительный отчет об археологических работах, проведенных Горным отрядом археологической экспедиции КФ АН УССР и Бахчисарайского Музея Пещерных городов в 1954 г. (Научный архив ИА Крыма РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 6).
- Веймарн Е. В.* 1960. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН УССР 10, 113–116.
- Веймарн Е. В., Дьяченко Н. Д.* 1976а. Курган. Научный паспорт № 1, 3. 2012–2. 12. 2 от 26 мая 1976 года (БИКАМЗ. Отдел сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия. Без шифра).
- Веймарн Е. В., Дьяченко Н. Д.* 1976б. Курган. Научный паспорт № 1, 3. 2013–2. 12. 2 от 26 мая 1976 года (БИКАМЗ. Отдел сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия. Без шифра).
- Веймарн Е. В., Дьяченко Н. Д.* 1976в. Группа из пяти курганов. Научный паспорт № 1, 3. 2014–2. 12. 2 от 26 мая 1976 года (БИКАМЗ. Отдел сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия. Без шифра).
- Веймарн Е. В., Чореф М. Я.* 1976. «Корабль» на Каче. Симферополь: Таврия.
- Волошинов А. А.* 2005. Раннесредневековый склеп на могильнике у с. Верхоречье // МАИЭТ XI: 252–257.
- Высотская Т. Н.* 1968. Поздескифские городища и селища юго-западного Крыма // СА 1, 185–193.
- Высотская Т. Н.* 1972. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наукова думка.
- Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А.* 2004. «Пещерные города» Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс.
- Домбровский О. И.* 1966. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка.
- Домбровский О. И.* 1976. Церковь Бия-Салы. В кн.: Веймарн Е. В., Чореф М. Я. «Корабль» на Каче. Симферополь: Таврия, 71–79.
- Иванов А. В.* 2010. Население «пещерного города» Тепе-Кермен по антропологическим данным // Проблемы истории, филологии и культуры 2, 61–75.
- Крайнов Д. А.* 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М.: Изд-во АН СССР (МИА 91).
- Лобода И. И., Дьяченко Н. Д.* 1976а. Таврское убежище. Научный паспорт № 1, 2. 714–2. 12. 2 от 11 мая 1976 года (БИКАМЗ. Отдел сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия. Без шифра).
- Лобода И. И., Дьяченко Н. Д.* 1976б. Могильник из каменных ящиков. Научный паспорт № 1, 3. 733–2. 12. 2 от 27 июня 1976 года (БИКАМЗ. Отдел сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия. Без шифра).
- Маркевич А. И.* 1899. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара // ИТУАК 29: 101–109.
- Мережковский К. С.* 1880. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия ИРГО 16 (2), 106–146.
- Могаричев Ю. В.* 1997. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия.
- Мыц В. Л.* 1991. Укрепления Таврики X–XV вв. К.: Наукова думка.
- Неживой А.* 2001. Перекатифреска // Крымское время, 27.06.2001.
- Петровский В. А.* 1999. Отчет о раскопках раннесредневекового грунтового могильника на северо-западном склоне городища Тепе-Кермен в Бахчисарайском районе близ с. Кудрино (БИКАМЗ. Научный архив. Ф. 2. Оп. 14. Д. 182).
- Столяр А. Д.* 1955. Отчет о раскопках в Алимовом навесе в 1955 г. Раздел работы Н. А. Богдановой (Научный архив ИА Крыма РАН. Без шифра).

- Талис Д. Л. 1969. О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // Левашева В. П. (ред.). Экспедиции ГИМ. М.: ГИМ, 131–140.
- Талис Д. Л. 1974. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Абрамова М. П. (ред.). Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 89–113.
- Талис Д. Л. 1977. Городище Тепе-Кермен // КСИА 148, 98–104.
- Талис Д. Л., Маркелова С. П., Рудаков В. Е. 1972. Работы на Второй гряде Крымских гор // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 335.
- Телиженко С. А., Весельский А. П. 2014. Исследования на многослойном памятнике Кая Арасы // Самарский научный вестник 3(8): 178–190.
- Формозов А. А. 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (материалы к изучению неолита Юга СССР). Л.: Изд-во АН СССР (МИА 102).
- Хоменко В. Н., Токарева Р. Н. 1974. Алимовский навес. Научный паспорт № 1, 2.669–2.12.2 от 3 сентября 1974 года (БИКАМЗ. Отдел сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия. Без шифра).
- Чореф М. Я. 1970. Отчет об археологических охранных работах, проведенных на территории Бахчисарайского района в 1970 г. (Научный архив БИКАМЗ. Без шифра).
- Чореф М. Я. 1972. Отчет об археологических работах, проведенных в Бахчисарайском районе в 1972 г. (Научный архив БИКАМЗ. Без шифра).
- Чореф М. Я. 2012. Терракоты из Айвового // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 4, 13–21.
- Чореф М. Я., Пашенко С. И. 1976. Городище Керменчик Научный паспорт № 1. 3. 2031–2. 12. 2 от 15 мая 1976 года. (БИКАМЗ. Отдел сохранения, использования и реставрации объектов культурного наследия. Без шифра).
- Щепинский А. А. 1968. О неолите и энеолите Крыма // СА 1: 121–33.
- Якобсон А. Л. 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л.: Наука (МИА 168).

Список переименованных сел, названия которых встречаются в публикуемой части рукописи Н. И. Репникова и комментариях

Перечисленные ниже села были переименованы Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 года Д. № 619/3 «О переименовании сельских советов и населенных пунктов Крымской области» и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 года «О переименовании населенных пунктов Крымской области» (Административно-территориальные преобразования в Крыму. Справочник. 1998. Симферополь: Таврия-Плюс).

Агтачи (Актачи) — Фурмановка, Долинненское с/п Бахчисарайского района¹³.
Ак-Шейх — Новая Заря, Тенистовское с/п.
Аранчи — Суворово, Тенистовское с/п.
Бешуй (Бешев) — Дровянка, ныне не существует.
Голумбей (Гёлюмбей) — Некрасовка, Тенистовское с/п.
Бия-Сала — Верхоречье, Верхореченское с/п.
Коллонтай (Калымтай) — Тенистое, Тенистовское с/п.
Коуш — Шелковичное, не существует.
Кош-дермен или Кош-Дегермен — Предущельное, Верхореченское с/п.
Керменчик — Высокое, Куйбышевское с/п.
Мамашай — Орловка, Севастопольский горсовет.

¹³ Села Бахчисарайского района приведены без указания района, села Севастопольского горсовета — с указанием.

Мачи-Сала — не существует, вошло в границы с. Верхоречье, Верхореченское с/п.
Отешель (Отеш-Эли) — Кочергино, Каштановское с/п.
Пычки — Баштановка, Верхореченское с/п.
Русский Аранкой — Новенькое, Долинненское с/п.
Стиля — Лесниково, ныне не существует.
Сююр-Таш — Белокаменное, Железнодороженское с/п.
Сюйрень — Сюйрен — Сирень, Железнодороженское с/п.
Тас-Теле — Таз-Тепе, ныне не существует, вошло в состав с. Тенистое.
Татаркой — Машино, Верхореченское с/п.
Теберти — Тургеневка, Железнодороженское с/п.
Тжчикой (Топчикой) — Долинное, Долинненское с/п.
Тюле (Толе) — Дачное, Железнодороженское с/п.
Улу-Сала — Зеленое — Синапное, Верхореченское с/п.
Чоткара — Малодворное, упразднено, вошло в состав с. Новая Заря (Новая Заря, Тенистовский с/п Бахчисарайского района).
Шурхайлово — ныне не существует.
Шюрю — Кудрино, Верхореченское с/п.
Эски-Эли — Вишневое, Севастопольский горсовет.
Эфенди-кой — Айвовое, Тенистовское с/п.

Список сокращений

Названия учреждений

- БИКАМЗ — Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник.
- ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.
- ВККИЗ — Восточно-Крымский культурно-исторический заповедник.
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств.
- ЗГУ — Запорожский государственный университет.
- ЗНУ — Запорізький національний університет.
- ИАК — Императорская археологическая комиссия.
- ИАК РАН — Институт археологии Крыма Российской академии наук.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры (РАН).
- ИРГО — Императорское Русское географическое общество.
- КНИБ АН СССР — Крымская научно-исследовательская база АН СССР.
- КОАЭ — Крымская охранная археологическая экспедиция.
- КФ ИА НАНУ — Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- ЛИЖСА — Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера).
- МГУ — Московский государственный университет.
- МППГК — Музей пещерных городов Крыма.
- НАНУ — Национальная академия наук Украины.
- ОАИ — Отдел истории и археологии.
- ОАО — Одесское археологическое общество.
- ОАСА — Отдел античной и средневековой археологии (Крыма).
- ОПИ — Отдел полевых исследований.
- РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.
- РАН — Российская академия наук.
- РО НА ИАК РАН — Рукописный отдел научного архива Института археологии Крыма Российской академии наук.
- РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.
- ФО НА ИИМК РАН — Фотоотдел научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.
- СИА КНИБ — Сектор истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы АН СССР.
- СКЭ — Северо-Крымская экспедиция.
- СМ СССР — Совет министров СССР.
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
- ТСЭ — Тавро-Скифская экспедиция.
- ТУАК — Таврическая ученая архивная комиссия.
- ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские.
- ЦМК — Центральный музей Крыма.

Названия периодических и продолжающихся изданий

- АВ — Археологические вести. СПб.
 АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь.
 АИК — Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
 АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев.
 АМА — Античный мир и археология. Саратов.
 АО — Археологические открытия. М.
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
 БИ — Боспорские исследования. Керчь, Симферополь.
 БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.
 БФ — Боспорский феномен. Материалы Международной научной конференции.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ДБ — Древности Боспора. М.
 ДСПК — Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества. М.
 ИАК — История и археология Крыма. Симферополь.
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
 ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества. Симферополь.
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии. Симферополь.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН). М.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
 МАИЭТ — Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь.
 МАК — Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
 МДАСУ — Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 ОИАК — Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
 ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
 РА — Российская археология. М.
 РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников. М.
 ССПК — Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
 ТОАМ — Труды Отдела истории, искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
 УІЖ — Український історичний журнал. Київ.
 ХС — Херсонесский сборник. Севастополь.
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
 SP — StratumPlus. Кишинев.

Сведения об авторах

Абрамова Наталья Анатольевна, соискатель при отделе античной археологии ИИМК РАН

Виноградов Юрий Алексеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии ИИМК РАН

Вишняцкий Леонид Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела палеолита ИИМК РАН

Горнчаровский Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий отделом античной археологии ИИМК РАН

Застрожнова Евгения Григорьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Кашуба Майя Тарасовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Центральной Азии ИИМК РАН

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, и. о. директора Института археологии Крыма РАН

Платонова Надежда Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН

Севастьянов Александр Валериевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и библиотечно-информационной деятельности Крымского университета культуры, искусств и туризма

Тоцев Геннадий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины исторического факультета Запорожского национального университета

Шаров Олег Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии ИИМК РАН

Юрочкин Владислав Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН

Научное издание

**Неизвестные страницы археологии Крыма:
от неандертальцев до генуэзцев**

Корректор *М. А. Молчанова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 16.11.2017. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 25,35
Тираж 300 экз. Заказ № 1122

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86
По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

